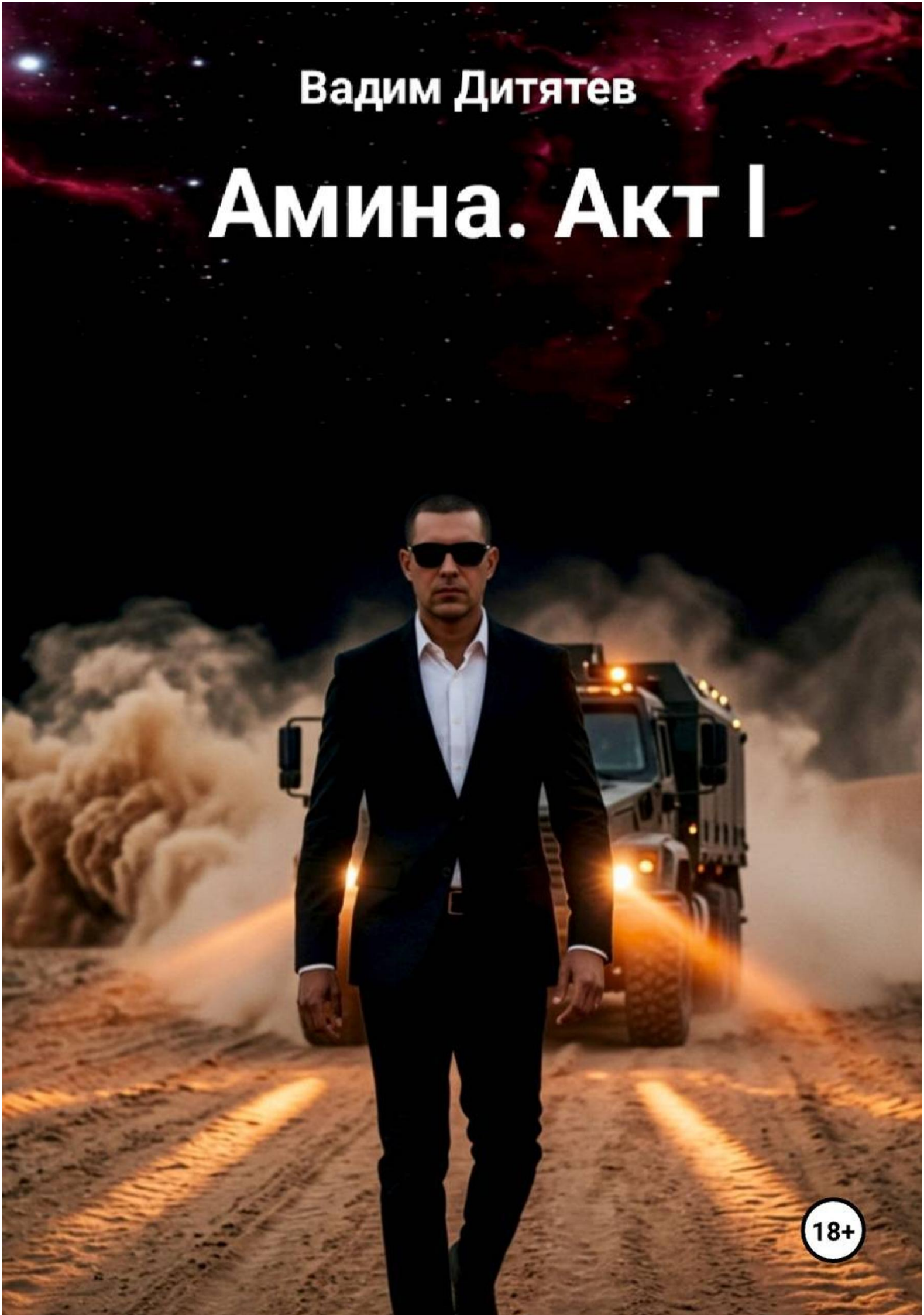
Вадим Дитятев

Амина. Акт I

18+

Вадим Дитятев

Амина. Акт I

«Автор»
2026

Дитятев В.

Амина. Акт 1 / В. Дитятев — «Автор», 2026

В мире, где наука и технологии стремятся всё объяснить, а власть - всё подчинить, провинция Аррубин начинает свой путь к опасной грани. Давление метрополии растёт, амбиции местных лидеров крепнут, а в тени уже давно принимаются ключевые решения. На одной из планет просыпается древняя аномалия и вместе с ней на горизонте обозначается потенциальная угроза, извне. Пока крупные игроки пытаются все удержать под контролем, один человек пытается просто найти себя...

© Дитятев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Среди людей. 5
Глава 2. Курс на Амину. 10
Глава 3. Портрет командора. 15
Глава 4. Дом, который требует защиты. 18
Глава 5 Новые рубежи 22
Глава 6 Когда молчание не пугает 32
Глава 7 Вечер в Лире 37
Глава 8 Когда сталь становится шёлком 41
Глава 9 Метеостанция 8 45
Глава 10 Розовый кабриолет 64
Глава 11 Песчаный странник 67
Глава 12 Кого пустыня отпускает 77
Глава 13 Комплекс «Аджи-НИЗ» 82
Глава 14 Шум на Южном шоссе 122
Глава 15 «Эхо-1» 125
Глава 16 После бури 151
Глава 17 Связь и напряжение 159
Глава 18 Жизнь Кадара 166
Глава 19 Разговор в пустыне 171
Глава 20 Решения в тишине 174
Глава 21 Тени в бокале 186
Глава 22 Губернатор Джедар 206
Глава 23 Вечер Майи 215
Глава 24 Ранен полицейский 217
Глава 25 Защита от шторма 220
Конец ознакомительного фрагмента. 227

Вадим Дитятев
Амина. Акт I

Глава 1. Среди людей.

— Это ваше последнее слово, уважаемый мистер Вайснер? — спросил лысый мужчина. Его тёмные зрачки казались бездонными, гладко выбритый череп отливал в тусклом свете, а чёрный смокинг сидел так, будто был частью его кожи. Правой рукой, затянутой в чёрную кожаную перчатку, он держал пистолет с глушителем, целясь точно в грудь собеседника.

— Да. Я не скажу, где копия моего дневника. Вы меня всё равно ликвидируете, мистер Протэк, — спокойно ответил седой мужчина преклонного возраста. Он сидел в кресле непринуждённо, положив руки на подлокотники, и смотрел прямо в глаза своему палачу — властно, без страха.

— Я вами действительно восхищён, мистер Вайснер, — на лице Протэка мелькнула тень усмешки. — Последний, личный вопрос, не относящийся к делу. В чём смысл жизни, почтенный мистер Вайснер?

— Ни в чём, — старик улыбнулся, будто вспомнил что-то забавное.— Вот как? — в голосе Протэка проскользнуло удивление.

— Люди склонны фантазировать, приписывая себе нечто большее, чем они есть на самом деле. Наивные человеческие предрассудки, не более, — размеренно произнёс Вайснер.

— Благодарю за искренность. Мне пора сделать то, что я должен, — сказал Протэк.

— Значит, делайте то, что должны, — кивнул старик, не меняя выражения лица.

— Прощайте, мистер Вайснер, — хладнокровно промолвил Протэк и нажал на спусковой крючок.Пуля мгновенно поразила Вайснера в сердце. Он остался сидеть в кресле, словно замер, не издав ни единого звука. Лицо его не исказилось ни болью, ни удивлением — только лёгкая улыбка, будто он наконец-то услышал тот самый ответ, который искал всю жизнь.

Протэк на секунду окинул взглядом тело старика, сквозь дым от выстрела. Затем играючи снял глушитель, убрал его в специальный кармашек на ремне брюк, спрятал пистолет в кобуру под левой мышкой, надел тёмные очки и бесшумно покинул квартиру.

Оказавшись на лестничной клетке, он застыл, прислушиваясь. Из-за дверей квартир доносились обрывки телепередач, приглушённые разговоры, бытовые звуки — обычный шум жилого дома, равнодушный к только что свершившейся трагедии.

Среди них Протэк различил едва уловимый шорох — кто-то поднимался по лестнице двумя пролётами ниже, двигаясь с особой осторожностью. Не теряя ни секунды, он бесшумно направился вверх.

Два детектива — молодой мужчина и женщина — с пистолетами в руках тихо вошли в квартиру. Быстрый осмотр комнат привёл их в большую гостиную, где в кресле застыло тело профессора Вайснера. На белой сорочке в районе сердца расплылось кровавое пятно. Глаза профессора были закрыты, голова слегка склонилась набок. В воздухе висел резкий запах пороха.

— Мы чуть-чуть не успели, — с досадой произнёс мужчина.

— Он не мог далеко уйти. Давай вниз, — сдержанно сказала женщина, пряча оружие в кобуру.

Она выскользнула из комнаты, и они бегом бросились по лестнице.Выскочив из подъезда на тротуар, детективы оглядели бульвар. По улице неспешно шли люди, ехали автомобили.

Внимание привлекла фигура лысого мужчины в чёрном костюме — он садился в роскошный тонированный седан шоколадного цвета на противоположной стороне улицы.Детективы

переглянулись, прыгнули в чёрный «Адсекор», припаркованный у подъезда. Машина сорвалась с места со свистом, развернулась через две жёлтые сплошные линии, не обращая внимания на возмущённые гудки, и устремилась на запад по бульвару вслед за «Калумом».

— Диспетчер, говорит детектив Винд Норд, «Фрост-9», код 7, повторяю, код 7, — возбуждённо проговорил Норд по рации, сидя на пассажирском сиденье.

Детектив Джетра Линн уверенно вела автомобиль, виртуозно обгоняя поток.

— Код 7: мужчина без явных признаков жизни, огнестрельное ранение, седьмая авеню, сорок пять. Приём. Ведём преследование предполагаемого преступника. Приём. Подозреваемый двигается на «Калуме» коричневого цвета, без номеров, в направлении Сильвер-стрит, — Норд добавил описание внешности.

— Принято, «Фрост-9». Высылаю свободные экипажи. Время прибытия — десять минут, — ответил холодный женский голос диспетчера.

— Почему так долго? — сердито вскрикнула Линн, резко уходя в очередной манёвр. — Чёрт его знает, всегда две минуты, — буркнул Норд. Он достал из вещевого отделения красную мигалку в форме капли на магнитной подложке, открыл окно и закрепил её на крыше.На передней облицовке «Адсекора» заиграли стробоскопы, на крыше заморгала мигалка, раздался пронзительный вой сирены. Автомобили начали расступаться, освобождая дорогу.

Шоколадный «Калум» стоял на перекрёстке в среднем ряду, ожидая разрешающего сигнала светофора. «Адсекор» приближался сзади, пока без сирены и маячков.

Наконец они нагнали свою цель. Загорелся зелёный, и «Калум» продолжил движение прямо по бульвару.Снова вспыхнули огни и завыла сирена.— Водитель коричневого «Калума», сделайте остановку справа, на обочине, — раздался голос Норда из громкоговорителя, и сирена утихла.Загорелся правый поворотник, и преследуемый автомобиль начал смещаться вправо.

— Вот так, — довольно произнёс Норд, поймав взгляд напарницы.

В этот момент «Калум» со свистом шин резко развернулся в противоположную сторону, оказавшись почти лицом к лицу с детективами, только чуть левее. Сквозь опускающееся тонированное водительское окно показалось дуло дробовика. Грянул выстрел. Машина тут же сорвалась с места, проскочив мимо.

Автомобиль детективов принял на себя ещё как минимум два выстрела.Детективы успели пригнуться. Дробь разлетелась широким веером, оставив пробоины на капоте, разбив левую фару и слегка повредив ветровое стекло. По тротуару заметались испуганные прохожие, раздались крики, сигналы автомобилей.

Линн мгновенно продолжила погоню. Сирена и мигалки снова заработали. Она виртуозно, почти с места, развернула машину и погнала своего слегка побитого, но верного «железного коня» вслед за ускользающим преступником. Норд окинул взглядом улицу, убедился, что нет случайных раненых, и снова взялся за рацию, вызывая подкрепление.

Автомобили неслись по Синему бульвару на бешеной скорости — преследуемый и преследующий. На одном из перекрёстков к погоне присоединился свободный патрульный автомобиль — белый, с синими и оранжевыми светоотражающими полосами и целой гирляндой огней на крыше, переливающейся синим, оранжевым, жёлтым и красным.

Линн выводила машину из заносов на каждом повороте, стискивая зубы и проклиная преступника. Норд координировал действия с патрульным экипажем и диспетчером. «Калум» нырнул в один из переулков, едва не сбив двух пешеходов. Три автомобиля мчались по узкому проёму между многоэтажками, сметая мусорные пакеты и коробки. Из окон высовывались зеваки, с интересом провожая погоню взглядами. «Калум» выскочил на пустырь, снеся забор из металлической сетки, и направился в сторону загородного шоссе, поднимая облака пыли.

Вскоре погоня переместилась на четырёхполосное шоссе, разделённое жёлто-оранжевой двойной сплошной линией. Полицейские автомобили держались на безопасной дистанции, стараясь минимизировать риски для других участников движения.

Норд нервно закурил, выпуская дым в приоткрытое окно, и снова обрушился на диспетчера:— Код 7, код 7! Диспетчер, где дорожная полиция, где вертолёт? Почему мы до сих пор вдвоём преследуем очень опасного преступника?

— Винд, я тебе, кажется, уже говорила, чтобы ты не курил в моей машине, чёрт возьми! — прошипела Джетра, подключая передатчик к системе управления автомобилем.

— Давай остановимся, я покурю на улице, а потом мы снова вернёмся к преследованию. Этот гад наверняка нас подождёт, — язвил Винд, закуривая следующую сигарету.

— Я тебя вышвырну из машины прямо на ходу! — крикнула Джетра. — Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! Брось с ней трепаться!

— Диспетчер, ты живой человек вообще? Меня с напарником чуть не пристрелили, а у тебя в голосе ничего не поменялось! Мы уже полчаса без прикрытия нагоняем его! — наиграно возмущался Винд.

Диспетчер холодно предупредила его о нарушении субординации и засорении эфира.

— Ты профан, Винд, даже диспетчер дала тебе отворот, — дразнила Джетра, но в её глазах мелькнула улыбка.

— Ты ошибаешься. Просто я женат и не могу вот так взять и обаять её — как и тебя, хотя могу с лёгкостью, — Винд вальяжно развалился в кресле, нагло улыбаясь.

— Меня? — засмеялась Джетра. — Ты безнадёжен, Винд. Я недосягаема для тебя. Хоть ты и детектив, даже не думай обо мне. Если бы не твоя жена, я бы тебя выкинула из машины на ходу ещё полчаса назад.

— Спасибо, что не сделаешь Синтию вдовой. Я тебе премного благодарен! Не оставишь её одну наедине с долгами на пять сотен тысяч кенов в этом жестоком и бесчеловечном мире. Хотя, с другой стороны, дай подумать, ты будешь с ней жить вместо меня и выплачивать кредиты, — иронизировал Винд, подмигивая напарнице.

— Нет уж, разбирайтесь с долгами сами. И заводите детей с Синтией сами. Я умываю руки, — смеясь, ответила Джетра.

— За что я люблю тебя, детектив Линн, так это за то, что ты любишь меня, — рассмеялся Винд, заметив удивлённый взгляд напарницы, которая от наглости напарника подняла черные брови. — Вот этот парень тоже заботливо показывает, куда он свернёт, — он показал на мигающий правый поворотник «Калума».

— Да он ещё и издевается, — стиснула зубы Линн, глядя на поворотник и дорожный знак, указывающий на съезд на Восточное шоссе через два километра.

— «Смайл-16», приготовьтесь, мы едем на Восточное шоссе, — сообщил по рации Винд патрульному автомобилю.

Преследуемый автомобиль действительно ушёл вправо, сворачивая на двухполосное Восточное шоссе. Полицейские машины последовали за ним.Винд доложил обстановку диспетчеру и получил долгожданную новость: пять экипажей поддержки уже следуют за ними, их разделяет всего шесть минут. Вертолёт также выслан на помощь.

— А теперь игрушки окончены, — строго сказала Джетра и ускорила автомобиль, почти поравнявшись с левым задним крылом «Калума», заняв встречную полосу, которая была пустой.

— Водитель, приказываю немедленно остановиться! Огонь на поражение! — она говорила в громкоговоритель.

В этот момент Винд выбросил окурок в окно, вынул табельное оружие, снял с предохранителя, выстрелил в воздух и направил пистолет на автомобиль. «Калум» резко ударил по тормозам. Патрульная машина, шедшая сзади преступника, не успела сбросить скорость. На мгновение «Адсекор» оказался слева впереди. От удара патрульный автомобиль получил повреждения, несмотря на металлическую защиту спереди, потерял управление, начал вилять и постепенно отставать.

«Калум» сильно тряхнуло, багажник вмялся до самого заднего стекла, но машина практически не потеряла управление. Напротив, когда Джетра начала сбавлять скорость, «Калум» начал ускоряться и бить в правое заднее крыло её машины. От удара «Адсекор» развернуло, и он едва не перевернулся на крышу. Джетра была пристёгнута ремнём безопасности и не получила повреждений. Винд, который не был пристёгнут, ударился головой о переднюю стойку и на короткое время потерял сознание. Оглядев напарника, Джетра нажала на педаль акселератора, крутанула руль, и подбитый «Адсекор» продолжил преследование.Винд пришёл в себя. Изображение в глазах постепенно прояснилось. Он огляделся, осознав, что снова сидит в пассажирском кресле.

— Ты как? — заботливо спросила Джетра, продолжая набирать скорость. Машина преступника оставалась в зоне видимости, хоть и на приличном расстоянии.

— Да вроде нормально, — Норд приложил правую руку к виску и почувствовал липкую кровь. — Я ведь и вправду думал…

— Что? — вопросительно посмотрела на него Джетра, одновременно связываясь с диспетчером.

— Игрушки и вправду закончились, — уже другим тоном ответил Винд, глядя на окровавленную руку.

— Диспетчер, говорит детектив Линн. Детектив Норт Винд ранен. «Смайл-16», возможно, тоже. Где чёртово подкрепление? — яростно закричала Линн, разрываясь между дорогой, напарником и отставшим патрултным автомобилем.

Последовал холодный, безэмоциональный голос диспетчера:— Подкрепление уже в пути. Доложите подробнее обстановку.

— «Фрост-9» продолжает преследование. Детектив Норд получил повреждения — сотрясение мозга, пришёл в себя. «Смайл-16»: код девять-один, код шесть-пять, — чётко доложила Джетра, подавляя эмоции и возвращаясь к работе с помощью привычной медитативной практики.

Винд снова закурил, нашёл свой пистолет где-то под ногами, принял задумчивый вид. О чём он думал, было неясно. Он молчал и смотрел вперёд.

Расстояние между машинами сокращалось. Джетра выжимала из «Адсекора» всё, на что он был способен. Спустя некоторое время они снова нагнали «Калум». Из водительского окна показалась рука с пистолетом.

— Пригнись! — успел крикнуть Винд и пригнулся сам.

Над его головой, в ветровом стекле появились пять сквозных отверстий. Пули застряли в подголовнике кожаного сиденья. Джетра не стала пригибаться, доверяя своему чутью и сохраняя контроль над машиной. Винд открыл огонь по тресновшему заднему стеклу, целясь в левую часть, где сидел водитель, затем переключился на заднее левое колесо. С пятого выстрела он пробил его, и «Калум» начало носить из стороны в сторону.

Дорога уходила вправо, петляя через горное ущелье, и выходила к мосту. Линн сбавила скорость. «Калум», теряя управление, скользил влево, к металлическому отбойнику, за которым зияла пропасть. Не сбавляя скорости, машина снесла ограждение и исчезла из виду.

Детективы выскочили из машины и бросились к обрыву. Внизу, на берегу реки, тёмной лентой растянувшейся по ущелью, груда металла, бывшая когда-то «Калумом», еще перекатывалась, а затем с оглушительным ударом врезалась в огромный валун. Останки ускользающего автомобиля загорелись.

Детективы молча смотрели вниз, каждый думая о своём. Винд присел на гравий, закурил и продолжал смотреть на догорающие обломки. Линн связалась с диспетчером и доложила о случившемся.

Подъехал повреждённый патрульный автомобиль. Из него вышел постовой с позывным «Смайл-16».

— Цел? — поинтересовался Винд, оглядываясь на постового.

— Я — то цел, а тот парень, видимо, не очень, — постовой кивнул в сторону ущелья.

— Как твоя голова? — Джетра подошла к Винду с аптечкой.

— Нормально, — ответил он, хотя рассечённая кожа на виске причиняла ощутимую боль и продолжала кровоточить.

Линн заботливо промокнула рану марлевым тампоном, склонившись над ним. Винд морщился, но молчал. Он смотрел на её лицо, словно на цветущий цветок тёплой весной. Её губы сжимались, когда она промакивала рану, стараясь причинить ему как можно меньше боли. Винд слышал её дыхание, и его сердце забилось быстрее. «Как же ты прекрасна, моя подруга, люблю тебя по дружески», — думал он про себя. Постовой не сводил глаз с Джетры, любуясь её грациозными движениями и манящей фигурой.

Над ущельем раздался нарастающий гул. Чёрный вертолёт с белыми, ядовито-жёлтыми и синими полосами стремительно приблизился и завис в воздухе.

Длинные чёрные волосы Джетры развевались на ветру от лопастей. Винд смотрел на неё — она была неотразима.

Вскоре подъехали пять патрульных автомобилей в форменной раскраске. Прибыл комиссар с оперативной группой, который подтвердил смерть профессора.

Глава 2. Курс на Амину.

«Валькирия» шла сквозь пелену. Корабль уходил в багрово-фиолетовую вуаль, она обволакивала корпус, окрашивая переборки в странные, сумеречные тона. В отсеках свет стал мягче, приглушённее, и даже гул двигателей звучал иначе — не как стальной рык, а как низкий, размеренный голос.

Кира Вэнс стояла у главного иллюминатора, не отрывая взгляда от этой живой завесы. На её лице плясали странные, сумеречные тени: багровый, фиолетовый, тёплый, холодный — будто туманность уже примеряла её к этому сектору, проверяла, подойдёт ли. Кира не отстранялась. Позволяла.

Для неё рубино-фиолетовая туманность была границей. По одну сторону Рания: города, где небо всегда было голубым. Где проспекты были прямыми, как стрелы, а в парках скульптуры стояли так ровно, будто сами звёзды помогали их устанавливать.

Она вспомнила тот день в штабе. Высокие потолки, мрамор, отполированный до зеркального блеска. Тихий, почти интимный свет настольных ламп. И голос, который она узнала бы из тысячи — спокойный, низкий, с едва уловимой хрипотцой, оставшейся после того самого боя у пояса Иллис, где Сэд Нюрин потеряла половину своего флота, но вывела всех выживших.

— Командор Вэнс, — сказала адмирал Сэд Нюрин, не глядя на бумаги. Она вообще редко смотрела на бумаги, когда говорила с Кирой. Она смотрела ей в глаза. — Вы направляетесь в созвездие Амарра. Дальние рубежи. Ваша задача — стабилизировать сектор, выстроить патрули, подготовить инфраструктуру к возможным осложнениям.

Кира тогда не спросила «почему меня». Она знала почему. Потому что Сэд сама её учила: «Хороший командир не тот, кто выигрывает в идеальных условиях. Хороший командир — тот, кто находит порядок там, где космос решил поиграть в хаос».

— Это не ссылка, Кира, — тихо добавила Сэд, когда Кира уже собиралась выйти. Она подошла ближе, не как адмирал к подчинённой, а как наставник к лучшей ученице. — Мы знаем, что там назревает напряжение. Пока оно тихое. Но оно есть. И когда оно станет громким, нам нужно будет знать, что на той стороне есть кто-то, кто не сломается. Кто-то, на кого можно опереться. Я ставлю вас туда. Не кабинетные стратеги. Я. Потому что если кто и сможет удержать этот сектор, пока политики будут договариваться, так это вы.

Сэд чуть улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у младших офицеров подгибались колени, а у старых ветеранов теплело в груди.

— И не смотри на меня так, будто я тебе приговор зачитала. Это честь. Самая тяжёлая, самая настоящая честь, какая только бывает.

Кира кивнула. Без обещаний. Просто приняла приказ, как принимают щит — тяжёлый, но нужный.

— Я не подведу, — просто сказала она.

Сэд кивнула в ответ. И в этом кивке было всё: и доверие, и гордость, и тихая просьба: «Просто вернись. Даже если придётся тащить корабль на себе».

Кира не знала планов правительства. Не знала, какие протоколы уже могли быть подписаны в тихих кабинетах, какие договоры висят на волоске, какие тени собираются у границ. Да и не должна была знать. Её дело было проще и тяжелее одновременно: стоять на рубеже и держать линию. А остальное — пусть решают те, кто сидит дальше от звёзд.

На голопанели перед ней медленно разворачивалась карта созвездия Амарра. Две звезды-солнца, сплетённые в тихом танце, отбрасывали тёплый и холодный свет на цепочку планет, словно сами выбирали, кого греть, а кого оставлять в тени. Карта медленно вращалась, и пла-

неты на ней мерцали — каждая посвоему: Амина тёплым, ровным светом, Зарра — спокойным, почти недвижным, Аджи — рваным, тревожным. Будто крошечные сердца, и у каждого свой ритм.

Звёзды. Лира — тёплая звезда, «песня». Её свет золотистый, мягкий, будто вибрирует, отзывается в тишине корабля. По ней сверяют курс, когда туманность глушит маяки. На Амине говорят: «Лира сегодня поёт ровно — хороший знак». Мора — холодная звезда, «граница». Её лучи серебристоголубые, резкие, будто чертят невидимые линии между системами. Мора ставит тени там, где нужно быть осторожнее.

— Амина, — прошептала Кира, и это слово прозвучало не как пункт маршрута, а как обещание.

Амина. Планета, где она никогда не жила, но которую уже считала домом. Не потому что там было красиво, а потому что там не нужно было всё время быть на виду. Там можно было просто быть Кирой Вэнс. И когданибудь, когда все отчёты будут подписаны, а патрули — расставлены, она купит себе хорошую квартиру. Не имение с парком и охраной, не башню, откуда видно весь город. Она вполне могла свободно себе позволить всё это, но она предпочитала квартиру в старом районе, где из окна был бы виден обязательно парк или сквер, где бы радовали своим ароматом тысячи цветов, а прекрасное пение птиц успокаивало слух...

Дальше по орбите лежала Зарра — пустынная планета, похожая на Аджи, но менее суровая. Если Аджи была бурей, которая проверяла тебя на прочность, то Зарра была тишиной, которая проверяла твою волю. Её пески не резали, как ножи, а обволакивали, словно шептали: «Останься. Здесь спокойно. Зачем тебе кудато лететь?» Это была планеталовушка для уставших. Кира знала: если когданибудь её силы начнут таять, Зарра будет ждать, чтобы предложить ей передышку. Но передышка в этом секторе могла стоить слишком дорого.

За Заррой — Нура, планетаоазис, покрытая изумрудными лесами и глубокими синими озёрами. Её называли «лёгкими созвездия».

Ещё дальше — Аджи, оранжеворыжая, неукротимая. Кира знала, что на Аджи нельзя спешить. Там нужно слушать, как поёт песок, и доверять только тем, кто умеет молчать.

Рядом с Аджи висел Сахр — серый, угловатый, будто сколотый из одного куска скалы. Его гравитация была капризной, непредсказуемой. Сахр будто решал сам, кого подпустить, а кого швырнуть прочь.

Потом орбита уходила в холод.

Карта показала Карз — планетусплошные горы, покрытую такими же гигантскими хребтами из голубого льда. Между ледяными пиками лежали долины, засыпанные алмазной пылью. В определённые сезоны, когда оба солнца вставали под нужным углом, Карз вспыхивал, как драгоценность. Но жить там спокойно было невозможно: ветра очень сильные. Не для комфортного пребывания.

На самой окраине, там, где свет почти сдавался перед тьмой, лежала Криона — ледяная громада, отливающая фиолетовым и бледноголубым. Её полюса были утыканы гигантскими ледяными шпилями, похожими на застывшие волны. На ней было очень много снега, и геологи её ласково называли «Снежной», хотя эта планета не обещала быть ласковой.

— И её спутник, — тихо сказала Кира, будто разговаривая с картой.

Фальх. «Трещина». Мёртвый мир, покрытый сетью глубоких разломов. Чёрный лёд, который не таял даже в редкие моменты, когда лучи солнц касались его краёв. Фальх был тихим, холодным стражем, который смотрел на Криону с вечной преданностью.

Созвездие было необычным. Не таким, как выверенные узоры Рании, где каждая линия имела смысл и назначение. Амарра была другой — дикой, неровной, упрямой. Но от этого она казалась Кире даже красивее. Красота, которая не просит восхищения, а требует понимания.

В этот момент раздался сигнал связи. На экране появился капитан патрульного крейсера Протектората Рания — седой, с лицом, изборождённым шрамами и годами вахт. Он отдал воинское приветствие — не формально, а так, как отдают тем, кого понастоящему уважают.

— «Валькирия», это патруль «Северный рубеж». Подтверждаем коридор. Держите дистанцию двадцать тысяч, мы вас не потревожим. И… — капитан чуть помедлил, и в его голосе прозвучало чтото личное, не по уставу, — счастливого пути, командор Вэнс. Знаю, сектор непростой. Но если кто и сможет его удержать, так это вы.

Кира почувствовала, как внутри чтото тихо щёлкнуло — не гордость, а благодарность. За то, что её не просто пропускают, а доверяют.

— Благодарю, «Северный рубеж», — спокойно ответила она. — Мы пройдём чисто. И если понадобится помощь — дайте знать.

Капитан кивнул, и экран погас.

Кира вернулась к столу, но не села. Стояла, глядя на карту, и думала не о планетах — о человеке.

Юрий Джедар.

Она знала его. Не близко — но достаточно, чтобы уважать. Они встретились три года назад, на брифинге в штабе флота на Рании. Джедар приехал с докладом о состоянии сектора — сухой, точный, без единого лишнего слова. Кира тогда была ещё капитаном первого ранга, сидела в конце зала и слушала, как этот высокий, основательный человек, будто выточенный из тёмного базальта, рассказывает о провинции так, будто говорит о собственном доме. Без пафоса. Без жалоб. Без просьб. Просто — вот что есть, вот что нужно, вот что я делаю.

После заседания они столкнулись у кофейного автомата. Джедар посмотрел на неё — тёмносерыми, внимательными глазами, которые считывали не звание, а человека — и сказал:

— Вы Вэнс. Та, которую Сэд хвалит в каждом втором отчёте.

Кира чуть приподняла бровь.

— Адмирал хвалит многих, генерал.

— Нет, — ответил Джедар спокойно. — Сэд хвалит многих. Но в вашем случае она пишет «можно опереться». Я запоминаю такие формулировки.

Короткий кивок — и он ушёл. Не фамильярно, не холодно — просто. Как человек, которому не нужно ничего лишнего.

Сейчас, глядя на мерцающую Амину на карте, Кира думала: Джедар — единственный человек на той стороне туманности, встреча с которым не пугала её. Не потому что он простой — он сложный, это видно. А потому что он честный. Сэд не стала бы ставить её в сектор, где губернатор — слабак или хитрец. Сэд ставит туда, где можно работать. А с Джедаром можно работать.

«Можно опереться». Джедар запомнил. Кира тоже запомнила.

Она села в кресло и снова открыла планшет. На экране была открыта первая глава книги «Среди людей» — та самая, любимая, про Винда Норда и Джетру Линн. И пока что единственная глава.

Она перечитывала эту главу, наверное, раз двадцатый. Ждала продолжения, которое пока не выходило. И каждый раз цеплялась за одно и то же место.

Протэк стоит перед стариком с пистолетом. Спрашивает — не как убийца, а как человек, которому в самом деле любопытно: «В чём смысл жизни?» А Вайснер, профессор, который через секунду умрёт, улыбается. Будто вспомнил чтото забавное. И говорит: «Ни в чём. Люди склонны фантазировать, приписывая себе нечто большее, чем они есть на самом деле. Наивные человеческие предрассудки, не более».

И потом пуля. И он остаётся сидеть в кресле с этой улыбкой. Как будто ответ его не испугал, а обрадовал. Как будто он всю жизнь искал именно это: честность. Никакого утешения, никакого «всё будет хорошо». Просто ни в чём. И от этого спокойно.

Кира закрыла планшет и откинулась в кресле.

Она не могла объяснить, почему именно этот кусок цеплял её сильнее всего. Может, потому что она каждый день видела людей, которые прятались за смыслами — за званиями, за приказами, за формулировками из устава. Которые говорили «мы выполняем задачу», когда на самом деле просто боялись признать, что не знают, зачем. А Вайснер — старик с пулевым ранением в груди — сказал это вслух. И умер не с криком, а с улыбкой. Не потому что сдался. А потому что перестал врать себе. А может, о чём-то ещё знал...

Кира не соглашалась с ним. Она не верила, что всё бессмысленно. Но ей нравилось, что кто-то посмел сказать это так. Без оглядки на читателя, без подбодрения, без «но ты держись». Просто ни в чём. И вот в этой честности, в этой фразе, было больше опоры, чем в тысячах красивых фраз о долге и свете.

Потому что если мир не обещает тебе смысла, а ты всё равно держишь курс, — значит, курс — это и есть твой ответ. Не тот, который тебе дали. Тот, который ты выбрал сам.

— Ни в чём, — тихо повторила Кира, глядя в иллюминатор на багровую пелену. — Может быть. Но я всё равно иду.

Она улыбнулась той самой тёплой улыбкой, от которой таяли даже самые стойкие. Не потому что слова профессора были добрыми. А потому что они были честными. И эта честность вдруг делала пустоту чуть менее пугающей.

Ей нравилось думать, что эти строки кто-то вывел не ради наград и не ради славы, а просто чтобы сказать правду. Что где-то там человек берёт и пишет: «Ни в чём. Но ты не один в этом ни в чём». И пусть она не знала, кто это, ей хватало самой этой мысли. Хватало знания, что кто-то помнит: когда вокруг только тьма, самое важное — не перестать держать штурвал. Даже если никто не обещает тебе, что впереди обязательно будет свет.

— Может быть, — прошептала она, — ожидание — это тоже своего рода подвиг. Может быть, самое важное — не перестать ждать, даже когда кажется, что ничего не случится.

Палец завис над кнопкой «Ответить». Всего один комментарий — что-нибудь короткое и простое: «Спасибо за эту главу». Или даже так: «Хороший слог. Особенно сцена с напарниками».

Но Кира не нажала. Потому что знала: если она сейчас ответит, это станет чем-то бóльшим, чем просто комментарий под постом. Это станет разговором. А к разговору с незнакомцем, который пишет так, будто знает её лучше, чем она сама, она не была готова. Не сейчас. Может быть, не завтра. Может быть, вообще никогда.

Вместо этого она закрыла файл, но не удалила его. Оставила в папке «Избранное» — рядом с рабочими отчётами, звёздными картами и старым письмом от Сэд, которое хранила не из сентиментальности, а потому что в нём было одно слово: «вернись».

Кира встала, поправила воротник формы, проверила, ровно ли сидит значок командора. В отражении металлической панели на секунду мелькнуло её собственное лицо, усталое, но спокойное. И в этом спокойствии не было равнодушия. В нём была готовность.

Она вышла в коридор. Гул корабля стал громче, привычнее, роднее.

В коридоре её уже ждала Мира — и в этом ожидании не было суеты, только собранность. У неё была лёгкая, экономная стать человека, который привык к невесомости и резким сменам гравитации: каждое движение — точно выверенное, будто она заранее просчитывает, сколько энергии уйдёт на шаг. Рост средний, но осанка делала её чуть выше: плечи развёрнуты, спина прямая, но не напряжённая — в ней чувствовалась внутренняя устойчивость, нужная, чтобы не дрогнуть, когда корабль трясёт.

Лицо спокойное, открытое, без резких углов — черты не броские, но запоминающиеся именно этой собранностью. Взгляд чуть прищуренный, будто она всегда держит в голове ещё один слой данных поверх того, что видит прямо сейчас. Тёмные волосы собраны в аккуратный низкий хвост — ничего лишнего, чтобы не мешало, когда приходится низко наклоняться к

панелям или резко поворачиваться. У виска выбилась одна тонкая прядь — и Мира не торопилась её убирать, будто даже эта маленькая деталь помогала ей оставаться чуть ближе к реальности.

Форма сидела чуть свободнее, чем у Киры. не из небрежности, а чтобы ничто не сковывало в момент резкого манёвра. Тёмно-серый цвет с тонкими тёмно-синими вставками по рукавам и вдоль боковых швов — не декор, а функциональные линии, по которым проще считывать положение тела в полумраке отсека. На левом рукаве — тонкая нашивка с простой линией: не карта, не созвездие, а просто прямая, уходящая вперёд. Кто-то видел в ней траекторию, кто-то стрелку компаса. Для Миры это была линия, которая не даёт забыть, куда они движутся.

В руках она держала планшет, но держала его так, будто это не устройство, а продолжение её собственных рук — пальцы легко скользили по сенсорной панели даже без касания, привычно нащупывая нужные слои данных. На правом запястье поблескивал тонкий металлический браслет — старый калибровочный маркер с транзитной станции, её маленький якорь: когда пальцы касались холодного металла, она на секунду заземлялась и снова видела всю картину целиком.

— Мы держим курс на Амину, — сказала Кира, и в её голосе не было ни дрожи, ни пафоса, только спокойная уверенность. — И пока мы летим, я хочу, чтобы каждый на этом корабле знал созвездие наизусть. Не как строчки в отчёте, а как свой собственный дом. А может, уже завтра мы начнём тренировки: пусть каждый сможет провести «Валькирию» между Сахром и Аджи с закрытыми глазами. Пусть каждый почувствует, как дышит Карз и как молчит Фальх.

— Принято, — Мира чуть склонила голову, не отступая ни на шаг, будто сама была частью курса корабля. — Уже передала по внутренней сети. Реакция интересная: вахтенные молчат, но я видела, как техник Юрлов открыл звёздный атлас. И рулевой Ханна подошла к иллюминатору — первый раз за весь полёт.

Кира чуть улыбнулась. Не широко — уголком. Но Мира увидела и поняла: это значит «хорошо».

Глава 3. Портрет командора.

Если бы кто-то спросил у экипажа «Валькирии», какая она, Кира Вэнс, ответы прозвучали бы по-разному — и все были бы правдой. Но если сложить их вместе, получался портрет, который невозможно забыть.

Техник из машинного отделения, вечно пропахший озоном и смазкой, ворчал, не отрываясь от панели:

— Она ходит так, будто палуба — это её личная дорожка, и если тут хоть один болт сидит криво, она это почувствует пяткой. Длинные ноги, осанка… я бы на её месте уже сто раз споткнулся о какой-нибудь кабель, а она идёт — ровно, спокойно, ни шагу лишнего. И знаешь, что самое странное? Когда она стоит рядом, ты вдруг начинаешь делать всё на полмиллиметра точнее. Просто потому, что она смотрит.

Пилот, парень с вечной улыбкой, хмыкнул:

— Кира? Она как шторм, который ты видишь ещё за три орбиты. Ты знаешь, что он придёт, и ты готовишься. Но пока он не ударил, она просто стоит и говорит: «Держи курс». И ты держишь. Потому что если она говорит «держи», значит, есть за что держаться. А ещё… она красивая. Но не так, что хочется просто глазеть. А так, что понимаешь: эта красота — тоже оружие. Она знает, как на неё смотрят. И пользуется этим, чтобы никто не смел сомневаться в её приказах.

Кто-то из новичков однажды спросил у навигатора:

— Почему у командора эти стрелки на глазах? Это мода такая?

Навигатор только хмыкнула, не отрываясь от карты:

— Это не мода. Это прицел. Кира смотрит и сразу видит, где трещина, где сбой, где человек вот-вот сломается. Ей не нужно сканировать систему, чтобы понять: что-то не так.

А про шрам у виска вообще никто не спрашивал. Его почти не видно — тонкая светлая линия, как царапина от звёздного ветра. Но те, кто служил с ней на «Северном рубеже», знали эту историю. Перегрузки в секторе JQ-6 зашкалили. Системы кричали. Люди кричали. А Кира держала штурвал, пока не прошла волна. Держала так, что металл стонал, а она — нет. Шрам остался как напоминание: космос не прощает ошибок, но и не ломает тех, кто держит курс.

Внешность её была такой, что взгляд на ней не задерживался — и именно поэтому её запоминали. Стройная, но не хрупкая: в её фигуре чувствовалась грация и скрытая сила, не показная, а настоящая. Длинные ноги, привыкшие к резким манёврам корабля и к долгим переходам по коридорам. Чёрные волосы до бёдер — густые, тяжёлые — она всегда туго стягивала в низкий узел, ни одна прядь не смела вырваться вперёд. Только иногда, в тишине каюты, когда все системы работали как часы, она позволяла себе распустить их, и тогда они рассыпались по плечам, как тёмная вода.

Её кожа была слегка смуглой, не от загара, а от природы, будто уже впитавшей тепло двух солнц Амины. Чёрные брови, чёткие, как росчерк пера, подчёркивали лицо, делали его строгим, собранным. Но главным были глаза — выразительные, серые, как небо перед бурей. И эти стрелки — тонкие, аккуратные, чуть удлинённые к вискам. Они не были прихотью. Это была её граница, её броня: «Я вижу всё. И я не позволю себе ничего упустить».

Она носила форму безупречно, но без показной строгости: не как доспех, а как инструмент. Значок командора сидел ровно, не потому что она его поправляла, а потому что иначе он сидеть не мог. В её движениях не было лишней резкости, но не было и расслабленности: каждый жест был рассчитан, как шаг по обледеневшей палубе.

А Мира, навигатор, её правая рука, сказала тише, почти про себя:

— Она недоступна, да. Но не потому, что не хочет быть рядом. А потому, что если она станет «просто Кирой» для каждого, кто сегодня устал, завтра некому будет быть «командором Вэнс» для всех.

Мира чуть наклонила голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тишине между ними. Потом повернулась к молодому стажёру, который только вчера прибыл с Рании:

— Знаешь, что самое страшное для нового техника на «Валькирии»? — тихо спросила она. Парень нервно поправил воротник.

— Что заметит?

— Всё. Вчера у Юрлова дрожали пальцы после третьей смены. Он думал, никто не видит. А Кира увидела. Не стала устраивать разбор полётов, не отправила к психологу. Просто подошла к его панели, посмотрела на график, потом на него — и сказала: «Юрлов, ты сейчас не сможешь удержать стабилизаторы, если начнётся шторм. Иди поспи. Я поставлю вместо тебя Ханну, она сегодня бодрее». И ушла.

— И что? — выдохнул стажёр.

— А то, что после этого Юрлов готов был разобрать двигатель голыми руками. Потому что она не унизила его. Она просто сказала правду и прикрыла. Вот так она и держит корабль. Не приказами. А тем, что знает, кто на что способен.

Но самое главное в её недоступности было не в холоде. Холода в ней не было. В ней была дистанция — как между командиром и командой, между тем, кто принимает удар, и теми, кто его отражает. Она редко смеялась на виду, редко рассказывала о себе, никогда не жаловалась. Но если кто-то из экипажа попадал в беду — не служебную, а настоящую, личную, — Кира узнавала об этом первой. И решала. Тихо, без отчётов, без лишних слов. Просто убирала камень, о который человек спотыкался. И делала это так, что человек даже не всегда понимал, что камень был убран её рукой.

Именно поэтому на «Валькирии» её уважали не за звание. Её уважали за то, что она никогда не просила невозможного и никогда не принимала оправданий. За то, что была умной настолько, что могла просчитать манёвр на три шага вперёд, и отважной настолько, что, если надо, сама встала бы у панели в горящем отсеке.

Когда последний отчёт был подписан, а вахта сдана, Кира наконец-то осталась одна в своей каюте.

На столе стояла маленькая керамическая кружка — старая, с чуть сколотым краем. В ней дымился пряный чай. Не какой-то элитный сорт, а обычный, из корабельного пайка, но заваренный так, как она любила: крепко, с щепоткой корицы.

Она сделала глоток, закрыла глаза на секунду, позволяя теплу разойтись по телу. Потом открыла планшет. На экране снова была та самая глава из «Среди людей».

Не для того, чтобы выучить наизусть, а чтобы на пять минут перестать быть командором Вэнс. Чтобы снова стать просто Кирой, которая верит, что где-то там, в сети, сидит человек под ником «Блуждающий» и пишет не ради славы, а потому, что ему тоже иногда нужно сказать правду в пустоту.

Кира провела пальцем по строке: «Ни в чём. Но ты не один в этом „ни в чём"».
Улыбнулась, едва заметно.

Потом закрыла планшет, поставила кружку на стол и встала. Форма снова сидела безупречно, значок командора был ровно на месте, волосы туго стянуты.

Через минуту она выйдет в коридор, и снова станет штормом, который виден за три орбиты. Но сейчас, в этой тишине, она была просто женщиной, которая пьёт чай и держится за одну честную фразу.

Глава 4. Дом, который требует защиты.

Туманность постепенно редела. Багрово-фиолетовая пелена, которая столько дней обнимала корабль, стала рваться на лоскуты, открывая прорехи, сквозь которые лился тёплый свет.

— Командор, — голос Миры прозвучал ровно, но в нём дрожала едва уловимая радость, — мы выходим из пелены. Амина прямо по курсу.

Кира не торопилась к иллюминатору. Сначала она проверила ещё раз данные на панели: скорость, гравитационные возмущения, положение патрулей. Только когда всё сошлось в одну ровную линию, она встала и подошла к стеклу.

Амина была не ослепительной планетой. Она не сверкала, как драгоценность, и не пугала, как Аджи. Она просто была. Тёплая, спокойная, настоящая. Её океаны переливались синевой, континенты были изрезаны долинами и заливами, а над экватором висела тонкая золотая полоса — след от двух солнц, которые сейчас стояли почти рядом.

Это был не парадный вид. Это был вид дома.

Кира стояла у стекла, и впервые за долгое время её плечи чуть опустились — не от усталости, а от облегчения. Здесь можно было выдохнуть. Здесь можно было позволить себе быть не только щитом, но и человеком.

«Валькирия» плавно входила в верхние слои атмосферы. Гравитация Амины мягко потянула корабль вниз, словно планета сама хотела его обнять. За иллюминаторами вспыхнули полосы атмосферного свечения — не холодные, как в пустоте, а тёплые, янтарные.

Когда корабль наконец коснулся посадочной платформы, гул двигателей стих, и наступила тишина — та самая, которую Кира так ценила. Тишина, в которой можно было услышать, как бьётся сердце.

— Приготовить протокол стыковки, — спокойно сказала она, но в голосе уже не было той стальной грани, что звучала в туманности. — И… пусть на камбузе приготовят горячий чай. С мятой.

Мира улыбнулась — той улыбкой, которую Кира позволяла себе видеть.

— Есть приготовить чай, командор.

Кира вышла из рубки, прошла по коридору, мимо уставших, но счастливых техников, мимо пилотов, которые уже строили планы на увольнительную. В шлюзе её встретил офицер наземного контроля — молодой, взволнованный, старающийся держаться строго.

— Добро пожаловать на Амину, командор Вэнс, — чётко произнёс он. — Сектор стабилен. Патрули на местах. Ожидают ваших распоряжений.

Кира кивнула, принимая не просто приветствие, а ответственность.

— Спасибо, лейтенант. Сейчас мне не нужны распоряжения. Сейчас мне нужен просто воздух.

И когда она ступила на поверхность Амины, впервые за долгое время она позволила себе глубоко вдохнуть. Воздух пах солью, травой и чем-то ещё — тем самым, что пахнет новый дом, но в котором ощущается что-то родное.

Сначала она просто постояла на платформе, глядя, как садится одно из солнц, окрашивая горизонт в мягкие, тёплые тона. Ветер чуть тронул её волосы, выбившиеся из тугого узла, и она не стала их поправлять.

Она знала этот пейзаж не по красивым проспектам столицы, а пока только по картам, где тёплые цвета сменялись охрой, а потом — мёртвым белым. Амина умела притворяться уютной: зелёные долины, синие заливы, города, будто выточенные из светлого камня. Но стоило сместиться всего на несколько градусов к юго-востоку — и зелень обрывалась, как срезанный

ножом ковёр. Там начиналась Зирра — самая большая пустыня планеты, огромная, равнодушная, похожая на застывшую волну песка.

Кира помнила сводки: в сезон восточных ветров Зирра могла за сутки поглотить целую метеостанцию. Её пески не были тихими, как на Зарре. Они пели — низким, утробным голосом, который чувствовался даже в костях. И именно там, на границе зелёных долин и жёлтой пустоты, стояли самые важные форпосты сектора. Не парадные, не для отчётов, а настоящие: бетонные коробки, обросшие антеннами и щитами, где люди неделями не видели ничего, кроме песка и звёзд.

Именно поэтому Кира не спешила. Пусть её встречают как командора, пусть подносят отчёты и карты. Но она знала: настоящая Амина — не там, где всё гладко. Настоящая Амина — там, где линия фронта проходит по краю пустыни, где тишина обманчива, а песок помнит каждый шаг.

Рядом, чуть в стороне, стоял пилот Никос Бург, не слишком близко, чтобы не мешать, но достаточно рядом, чтобы она знала: он здесь. Он тоже смотрел на закат, но не пытался ничего сказать. Просто стоял и дышал тем же воздухом.

— Красиво, — наконец тихо сказал он, не поворачиваясь к ней. — Как будто сама планета говорит: «Ты дома. Ты справилась».

Кира чуть улыбнулась, не отвечая словами, а просто кивком. Этого было достаточно.

У края посадочной платформы уже выстроился весь экипаж — одиннадцать человек. Они стояли не по уставу, а как люди, которые только что вместе прошли сквозь багровую пелену и теперь могут позволить себе чуть больше, чем положено по регламенту: кто-то потирал плечо, кто-то смеялся над чьей-то шуткой, кто-то просто стоял с закрытыми глазами, подставляя лицо ветру.

Начальник смены космодрома — плотный, седой, с лицом, изрезанным морщинами от постоянных ветров, подошёл к Кире и отдал воинское приветствие.

— Командор Вэнс, разрешите принять корабль?

Кира коротко кивнула.

— Принимайте, капитан.

Он улыбнулся — не широкой, дежурной улыбкой, а той, что появляется у людей, когда они понимают: тяжёлый этап позади.

— Добро пожаловать домой, командор. Мы позаботимся о ней.

Кира на секунду задержала взгляд на корпусе «Валькирии» — на её швах, на потёртостях, на тех самых отметках, которые появлялись после каждого манёвра в турбулентности. Это был не просто корабль. Это был её дом на месяцы пути.

— Спасибо, — тихо сказала она начальнику смены. — Берегите её.

Потом она повернулась к экипажу. Одиннадцать человек — её щит и её опора.

— У вас неделя отгула, отдохните, вы это заслужили.— сказала Кира, и в её голосе не было ни приказа, ни снисхождения. Только уважение.

Техник Лер, вечно хмурый, но самый надёжный в команде, шагнул вперёд и отдал приветствие — чуть небрежно, по-домашнему.

— Слушаюсь, командор! — и тут же, понизив голос, добавил: — И спасибо. За то, что не дали нам рассыпаться по дороге.

Остальные подхватили: кто-то кивнул, кто-то улыбнулся, кто-то просто посмотрел ей в глаза, и в этом взгляде было больше, чем в любом рапорте.

Кира ответила тем же, коротким кивком, без пафоса.

— До встречи, — сказала она. — Когда вернётесь, у нас будет много работы.

Экипаж развернулся и пошёл к комфортабельному микроавтобусу, который уже ждал у боковой рампы. Двери мягко закрылись, машина плавно тронулась, и за ней, соблюдая дистан-

цию, пристроилась полицейская машина сопровождения, не для охраны, а для того, чтобы расчистить путь в потоке.

Начальник смены снова подошёл к Кире.

— Вас ждёт транспорт, командор. Прошу.

В стороне, у главного входа космопорта стоял лимузин — длинный, чёрный, с глухой тонировкой, в которой отражался только закат. На капоте два флажка: Амины и Аррубина, трепещущиеся на ветру. Рядом, чуть впереди, стоял патрульный автомобиль — белый, с яркими полосами, которые в закатном свете казались почти светящимися.

Кира села на заднее сиденье лимузина. Салон был сдержанным: тёмно-серая обивка, деревянные вставки тёплого оттенка, лёгкий запах кожи и чего-то цитрусового. Она провела ладонью по прохладному подлокотнику, привычная, почти бессознательная проверка на реальность. Всё на месте. Всё настоящее.

Чуть закатав рукав, она коснулась пальцами тонкого серебряного браслета на запястье — того самого, что тётя Лина надела ей на руку, когда- двно, перед первым полётом. Металл был тёплым от её кожи. Лёгкое, почти незаметное движение и внутри щёлкнуло что-то важное: она снова в строю.

На панели тускло светились индикаторы, но она не стала ничего нажимать. Просто откинулась на спинку и на секунду закрыла глаза.

Начальник смены наклонился к окну.

— Всего хорошего, командор. Пусть дорога будет лёгкой.

— Спасибо, капитан, — тихо ответила Кира.

Лимузин мягко тронулся. Патрульная машина чуть впереди, мигалки пока молчали, будто город уже знал, кого везёт.

Они отъехали от громадного космопорта, довольно стильного сооружения, где металл и стекло сплетались в изящные, почти невесомые арки. С высоты он напоминал гигантскую птицу, застывшую в полёте: тонкие опоры, прозрачные галереи, светящиеся линии, бегущие по рёбрам конструкций. В нём было столько воздуха и света, что он казался не зданием, а частью неба. Но Кира почти не смотрела на него. Она посмотрела в окно, как «Валькирия» медленно уменьшается, превращаясь в тёмный силуэт на фоне неба, с багровыми оттенками. Она видела не архитектуру, а прощальный блеск иллюминаторов «Валькирии», который таял в сумерках.

Колонна выехала на шоссе. Дорога пошла через степь, широкую, открытую всем ветрам. Трава здесь уже пожелтела, выгорев под двумя солнцами, и теперь степь казалась огромной золотой скатертью, раскинутой до самого горизонта. Ветер гнал по ней волны, и казалось, что земля дышит.

Машина шла ровно, но время от времени её чуть потряхивало на стыках плит, привычный, убаюкивающий ритм дороги. Кира смотрела в окно, и впервые за долгое время её мысли ушли не вперёд, к отчётам и картам, а назад. К Рании, ее родной планете.

Рания была совсем другой. Там не было таких бескрайних степей. Там были узкие улочки, вымощенные камнем, который нагревался за день и отдавал тепло всю ночь. Там пахло морем и свежей выпечкой, а над крышами домов кружили чайки. Её дом. Тот самый, где она выросла, где до сих пор живёт её тётя Лина, которая всегда встречала её словами: «Ну, наконец-то! Я уж думала, ты забыла, как выглядит нормальная кровать».

Но Рания теперь была далеко. За туманностями, за орбитами, где расстояния измерялись парсеками. И Кира вдруг остро почувствовала эту дистанцию, но не в километрах и парсеках, а в ощущениях. Там она была когда то в юности просто Кирой, девчонкой с набережной, ставшей со временем командором Вэнс, и у не неё теперь новый дом — вся эта планета, от степей до самой границы пустыни. От золотистой Амины и до белой Крионы.

Степь постепенно сменилась пригородами. Аккуратные дома с террасами, сады, где ещё догорали последние цветы сезона, небольшие парки с фонтанами, струи которых переливались

в свете фонарей. Где-то рядом звонко хлопнула калитка, и тут же послышался детский смех — короткий, счастливый, оборвавшийся на полуслове. Потом начались улицы Лиры, широкие, но не безликие, с фасадами, где современный стеклобетон соседствовал с камнем, выточенным под античные образцы: лёгкие колонны, барельефы с морскими мотивами, арки, увитые лианами.

Город был большим, не идеальным, но настоящим. И это ей нравилось.

Они проехали через центральную площадь, где фонтан был сделан в виде волны, застывшей в полёте. Вода в нём переливалась всеми оттенками синего и зелёного, будто отражала весь океан Амины. Дальше — деловой квартал: строгие здания с зеркальными фасадами, между которыми были оставлены проёмы, чтобы небо оставалось видимым.

Наконец, колонна свернула к административному комплексу — массивному, к громоздкому зданию из тёмного базальта, с плоскими крышами и тонированными окнами, будто все специально сделано так, чтобы солнце не слепило тех, кто ведёт переговоры.

Лимузин остановился у бокового входа. Патрульная машина замерла рядом, маячки погасли. Дорожный полицейский, Антон Котов, посидел ещё несколько секунд, проверяя обстановку, потом коротко доложил в рацию:

— «Сто первый», мы на месте. Сопровождение завершено.

Кира открыла дверь сама. Холодный воздух города коснулся её лица, и она на секунду задержала дыхание, привыкая к этому новому запаху, теперь не космодрома, не степи, а именно города: горячего камня, озона и чего-то официального.

— Спасибо за дорогу, — тихо сказала она, обращаясь скорее к городу, чем к водителям.

Антон Котов, который как раз вышел из патрульной машины, чуть наклонил голову.

— Всегда к вашим услугам, командор, — ответил он, и в его голосе не было лести, только уважение.

Кира улыбнулась, той самой тёплой улыбкой, от которой таяли даже самые стойкие.

— Хорошей смены, лейтенант, — сказала она и направилась к входу, где её уже ждали.

Антон кивнул ей вслед, сел в патрульную машину и уехал тихо. Лимузин тоже тронулся, мягко откатываясь к служебной стоянке.

Кира осталась одна перед крыльцом парадного входа.

Широкие ступени из белого камня вели к двойным дверям. Фасад из тёмного базальта нависал сверху, массивный, строгий, без единого украшения. Только темные окна, в которых отражались последние лучи заката, и золотая печать провинции над входом — круг с двумя звёздами в центре.

Здесь не пахло солью и травой, как на космодроме. Здесь пахло горячим камнем, озоном от городских очистителей и чем-то официальным, тем запахом, который бывает в зданиях, где решаются судьбы.

Кира поднялась по ступеням, не торопясь, но и не медля. Каждый шаг звучал твёрдо, эхо уходило вглубь и терялось где-то за дверями. Она расправила плечи, поправила значок командора, не потому что он сбился, а чтобы напомнить себе, кто она сейчас. Не уставший командор, вернувшийся из рейса. А командор Кира Вэнс, принимающая сектор под защиту.

Впереди ждала работа. И она наконец-то была на месте.

Глава 5 Новые рубежи

Совещание назначили на Серебряные часы — это время, когда холодная звезда Мора чертит резкие линии, а туманность искрится холодным светом. В Серебряные часы не говорят лишнего: любые слова звучат жёстче, и ждут не дипломатии, а решений. Кира уже знала об этом и потому шла ровно, без суеты. Серебряные часы давали странный свет: он не лился, а будто оседал ровными, холодными слоями, как пыльца на поверхности воды.

В коридоре штаба этот свет собирался в желобах между плитами и тянулся вдоль стен тонкими серебряными нитями, будто кто-то провёл пальцем по тёмному камню и оставил след, который не стёрся. От него лица казались чуть бледнее, тени чуть глубже, а движения чуть медленнее, словно само здание дышало в такт холодной звезде.

Кира поднялась по широким ступеням, и каждый её шаг звучал ровно, не громко, не тихо, а именно так, как звучит шаг человека, который знает, куда идёт. Она шла, и здание принимало её своими узкими окнами, своими строгими стенами, своей тишиной, которая стояла внутри, как вода в глубоком колодце. В её походке не было вызова, только собранность командира, привыкшего держать грань.

У входа её ждал Эрьян Кадар.

Он стоял чуть в стороне, не слишком близко, не слишком официально. Высокий, с той самой прямой, будто выверенной осанкой, в тёмно-сером костюме, безупречно сидевшем на его поджарой, собранной фигуре: тело бойца и стратега, не теряющего ни грамма лишней расслабленности. Короткая, идеально уложенная стрижка подчёркивала острые скулы и волевой подбородок. Ни один волосок не выбивался, в этой идеальной укладке читался его главный принцип: контроль даже в мелочах. Он был красив тем спокойным, уверенным благородством, которое не кричит о себе, но говорит без слов.

Увидев Киру, он шагнул вперёд и на секунду что-то дрогнуло в его взгляде. Не растерянность, не неловкость. Просто мгновенное, острое осознание: перед ним женщина, от которой невозможно отвести глаз. Она шла к нему ровно, уверенно, и от неё исходила та спокойная сила, которая не кричит о себе, но заполняет собой всё пространство. Соблазнительная, но без единого жеста, без единого намёка. Просто потому, что такая. Потому, что в каждом её движении была уверенность женщины, которая знает себе цену и не собирается её доказывать.

Но Эрьян был мужчиной, который научился полностью управлять своими порывами. И сейчас он смотрел на неё иначе, чем когда-то на Рании. Тогда он хотел её завоевать. Кира приняла это с достоинством, но без иллюзий. Не оставила шансов, не дала надежд. Сказала мягко, но так, что добавлять было нечего: «Эрьян, вы прекрасный человек. Но я не та, кто вам нужен. И вы не тот, кто нужен мне…»

Он принял это.

Сейчас он хотел просто отдать ей должное: как мастер признаёт работу другого мастера.

— Командор Вэнс, — он слегка наклонил голову, и в голосе прозвучало искреннее тепло. — Это честь для меня. Рад приветствовать вас на Амине.

Кира ответила не холодно, но с дистанцией. Так, как и должна отвечать женщина, которая однажды мягко, но окончательно закрыла эту дверь.

— Благодарю, Эрьян. Радость взаимная.

И в этой фразе не было ни намёка, ни обещания. Только вежливость человека, который помнит прошлое, но не собирается его повторять. Эрьян понял это мгновенно. Ничего не изменилось. Только теперь и он сам не пытался ничего изменить. Он просто шёл рядом, чуть позади, как и полагалось челоеку, ведущему гостя.

Когда он на мгновение задержал взгляд на том, как она двигается, на долю секунды в его осанке проступила та самая пружинистая лёгкость, привычка быть готовым к любому повороту. Но тут же снова встала на место привычная собранность. На запястье чуть блеснули прочные тактические часы, которые были не ради напыщенности, а потому что они безотказны, работали в любых условиях. Он не смотрел на них, но знал: время не ждёт, но и решения не терпят суеты.

Он на мгновение задержал взгляд на том, как она двигается. Плечи, спина, лёгкий поворот головы. Совершенство. Он чуть улыбнулся про себя, незаметно, и подумал: «Карина, дорогая, прости. Но не смотреть сейчас — это значит быть слепым. А я не слепой…»

Коридор штаба был широким, с высокими сводами, где эхо шагов звучало не как шум, а как ритм. Стены были сложены из тех же тёмных плит, что и фасад, но тут местами их пересекали тонкие янтарные прожилки. Над арками висели бронзовые медальоны с гербами секторов, тускло отсвечивая в приглушённом свете.

— Здесь каждый коридор — как нерв, — тихо сказал Эрьян, будто читая её мысли. — Если где-то что-то дрогнет или кто-то, штаб это почувствует.

Кира чуть кивнула, не сводя взгляда вперёд. Ей нравилось, что он не пытается заполнить тишину пустыми любезностями.

У тяжёлых двустворчатых дверей, украшенных гравировкой созвездия Амарра, они ненадолго задержались. Эрьян чуть склонил голову:

— После вас, командор.

Она вошла первой — и сразу почувствовала, как меняется воздух. Не холоднее, не теплее, скорее плотнее, будто в комнате собралось столько ответственности, что она сама по себе меняла физические свойства пространства.

Зал заседаний встретил её тишиной, той плотной, деловой тишиной, которая бывает только там, где люди ждут чего-то важного. Большой, вытянутый кабинет с высоким потолком, но без излишеств. На стенах не портреты руководства Намиссании, а карты и схемы, подсвеченные тонкими линиями. В центре длинный стол из тёмного дерева, по бокам экраны с приглушённой подсветкой. Окно занимало почти всю дальнюю стену: сквозь него была видна часть пустыни, в которой располагался вдали космопорт, где мерцали навигационные огни. Воздух в кабинете был другой не холоднее, но суше, с лёгким привкусом озона от работающих экранов и едва уловимой нотой тёмного кофе. В одном углу, на дальнем столе стояла кружка простая, керамическая, с неровным краем, и Кира подумала, что это, наверное, кружка Джедара: такую не покупают, а берут с полки, к которой рука тянется первой.

Когда Кира вошла, в помещении, будто на секунду сместился центр тяжести: кто-то невольно выпрямился, кто-то перестал крутить ручку, кто-то задержал дыхание. Это был не страх — это был профессиональный рефлекс: в комнату зашёл человек, который привык принимать решения в тиши. Все взгляды сошлись на ней, но не из любопытства, а из привычки оценивать. Каждый человек в этом зале когда-то научился читать людей быстрее, чем отчёты. И сейчас каждый пытался прочитать её.

Кира окинула зал одним быстрым взглядом и за эту секунду увидела всё: кто, где стоит или сидит, кто как смотрит, кто напрягся, кто расслаблен. Привычка, которая спасала ей жизнь чаще, чем броня. Она почти сразу, инстинктивно, увидела главное — фигуру у стола.

Губернатор провинции Юрий Джедар поднялся первым. Настоящий, не штабной, а боевой генерал Намиссании. Высокий, основательный, он стоял так, будто сам был частью архитектуры этого зала, надёжной, незыблемой опорой. В нём не было показной статности Эрьяна, но была другая, более весомая порода: порода человека, который не просто носит звание, а оправдывает его каждым своим движением. В его осанке не было парадной выправки, только привычка держать равновесие там, где гравитация и ответственность тянут вниз.

Его осанка говорила о годах в боевых кораблях, сражениях, о настоящем деле, а не о парадных смотрах. Лицо было изборождено прожитыми морщинами, но не как шрамами, а как строчками из отчётов, которые никто не спросил, но которые можно прочитать, если присмотреться. Каждая из них казалась отдельной главой, когда-то, в истории метрополии, и теперь, частью провинции. Благородная седина, короткая стрижка, и эта безупречная гладкость выбритого лица — в этих мелочах Кира сразу распознала человека, для которого дисциплина начинается с себя. Для него небритая щека была такой же потерей, как капитуляция.

Тёмно-серые глаза Джедара смотрели внимательно, спокойно, без лишней суровости. Казалось, он считывает не только её слова, но и паузы между ними, оценивая не позу, а суть. В них не было показной суровости; скорее, это был взгляд человека, который видел достаточно, чтобы не удивляться, но недостаточно, чтобы перестать заботиться. В этом взгляде не было высокомерия, только огромный, спокойный опыт.

Строгий тёмно-зелёный мундир сидел на нём без излишеств. На груди единственный орден за ущелье Тамар: не украшение, а напоминание о цене, которую он знает. Всё в нём, от начищенных до матового блеска туфель до простых, надёжных часов, говорило об одном: этот человек, который ценит суть больше формы. Даже часы были не для статуса, а для дела, простые, надёжные, с чётким циферблатом, где не было ничего лишнего.

— Командор Вэнс, — его голос, глубокий и чуть хрипловатый, заполнил кабинет не громкостью, а весом. — Добро пожаловать в Сан-Аррубин. Мы рады видеть вас в рядах военного флота провинции.

Кира отдала воинское приветствие — коротко, без лишней театральности.

— Благодарю, генерал. Я готова приступить к координации.

Джедар чуть наклонил голову — не столько в знак приветствия, сколько в знак того, что он услышал главное: она здесь не ради церемоний. Он не просто указал на кресло во главе стола, рядом с собой, он чуть отодвинул его сам, ровно настолько, чтобы она села без суеты. И в этом движении было больше, чем в любом приветствии: «Ты здесь не гость. Ты здесь опора».

Кира присела. Спина прямая, руки на подлокотниках, взгляд на губернатора. Она слушала так, как слушают те, кто знает: от этих слов зависит жизнь людей.

— Прежде чем мы перейдём к делу, позвольте представить тех, с кем вам предстоит работать, — спокойно произнёс Джедар, обводя взглядом комнату. — Все здесь не просто имена в отчётах. Каждый из них — это часть того, что держит этот сектор под контролем.

Он чуть повернулся вправо.

— Эрьян Кадар, мой первый заместитель, административные и политические вопросы.

Эрьян коротко кивнул, сдержанно, без улыбки, но в его взгляде было уважение — не как к новой подчинённой, а как к равной.

— Майор Алекс Веррон, второй заместитель, по военным вопросам, начальник обороны Зарры. У него под рукой почти вся наша тяжёлая артиллерия и верфи. Если нужно удержать позицию любой ценой, он знает, как это сделать, и не будет обещать невозможного.

Алекс Веррон чуть наклонил голову, и в этом жесте не было ни капли показной вежливости, только уважение к моменту и к человеку, который сейчас принимает ответственность.

В тёмно-зелёной полевой форме, без лишних нашивок и украшений, он выглядел так, будто зашёл сюда прямо с верфи. Его костюм не был парадным, но был безупречным в своей практичности: воротник застёгнут ровно настолько, чтобы дышать свободно, но не выглядеть расслабленным.

Выгоревшие, на солнцах Зарры, волосы, лёгкая небрежность в укладке, морщинки у глаз от ветра и прищура — всё это рисовало портрет человека, который провёл годы там, где солнце выжигает лица, а гул доков заменяет музыку.

Тёплая улыбка вспыхнула и погасла, но оставила после себя ощущение надёжности. В нём не чувствовалось угрозы, но чувствовалась сила, та самая, что приходит не от званий, а от ответственности за сотни людей и десятки кораблей.

И когда он снова посмотрел на Киру, в его взгляде читалось простое, честное понимание: «Мы здесь не для церемоний. Мы здесь, чтобы держать рубеж».

— Майя Коста, полковник, руководитель регионального управления службы безопасности. Она знает, где лежит каждый контейнер, когда прибудет следующий транспорт и почему третья смена на Аджи снова просит дополнительные пайки. Без неё сектор бы рассыпался на отдельные планеты, которые не могут договориться даже о частоте связи.

Кира поймала её взгляд и на долю секунды потеряла нить мысли.

Майя Коста улыбнулась коротко, точно, без попытки нравиться. Но в этой улыбке было что-то, от чего люди сами хотели ей доверять.

Её красота сбивала с толку — резкая, выразительная, с высокими скулами и тёмными глазами, в которых не было ни мягкости, ни снисхождения, только эта способность считывать паузы между словами. «Опасная» — вот единственное слово, которое успело мелькнуть в голове Киры, прежде чем она вспомнила, что перед ней полковник службы безопасности, а не героиня театральной сцены.

Чёрные волосы были туго стянуты в узел, ничего лишнего, ничего, что могло бы помешать. Даже форма казалась продолжением этой собранности: ни одной складки, которую хотелось бы разгладить, ни одного шеврона, который болтался бы не на месте.

В каждом её движении чувствовалась выверенность, будто она заранее просчитала траекторию, и теперь просто шла по ней. И в этой точности было больше силы, чем в любом приказе.

— Мы справимся, — повторила Майя, и в её голосе не было пафоса, только вес человека, который привык отвечать за чужие жизни. — Если будем держаться вместе.

Зал будто чуть приглушил свой гул, не потому что все разом замолчали, а потому, что напряжение стало плотным, осязаемым, и в нём сами собой стирались лишние звуки.

В этой тишине взгляды Киры и Майи пересеклись. Ровно на три секунды. Ни улыбки, ни жеста, только прямой, спокойный контакт. И за эти три секунды обе с достоинством отметили, как они похожи.

Не чертами лица и не цветом глаз, а тем внутренним ритмом, который не сбивается ни от громких слов, ни от тяжёлых решений. У обеих та же собранность, та же способность держать лицо, когда внутри всё сжимается от ответственности. Их красота была разной, но служила одной цели: не привлекать, а удерживать внимание ровно столько, сколько нужно, чтобы сказать главное.

Кира подумала: «Она не из тех, кто обещает, чтобы успокоить. Она из тех, кто берёт ответственность и делает так, чтобы никто не сгорел зря. Мы с ней из одного теста, только она строит оборону изнутри, а я снаружи. Если мы не синхронизируемся, этот зал рухнет быстрее, чем мы успеем отдать приказы».

А Майя отметила про себя: «Командор Вэнс. „Валькирия“. Молодая, но уже стала легендой намисского флота. Она привыкла, что сила должна быть громкой. Но здесь не нужна громкость, здесь нужна точность. И я вижу, что она это понимает. Иначе не стояла бы так ровно под этим взглядом. С такой можно стоять спина к спине…

Но она из Намиссании. И это нельзя просто отбросить, как старую форму. Для метрополии Аррубин — это узел логистики, статистика потерь, строчка в отчёте, и конечно же, прибыль. В первую очередь прибыль. А для меня — это пекарня на углу, где мне оставляют свежий круассан, и ручей, который шепчет по камням. Что у неё на самом деле в приоритете? Следить, чтобы мы здесь не шалили, или помогать, чтобы мы выстояли? Я хочу верить, что второе. И пока она держится вот так ровно, без пафоса, я буду ей верить. Посмотрим, какова

она в работе. Но я всё равно буду смотреть. Просто, чтобы быть уверенной, что мы говорим на одном языке: языке ответственности, а не отчётов».

Майя чуть наклонила голову, не поклон, не уступка, а знак: «Я с тобой».

Кира ответила коротким кивком, не больше.

— И, конечно, Вэйн Моралес, глава КИРН. Его люди ведут мониторинг аномалий и следят за тем, что происходит там, где космос перестаёт быть дружелюбным.

Вэйн не стал кланяться или кивать — он просто посмотрел Кире в глаза ровно и спокойно, как человек, который не тратит слова на формальности.

Высокий, поджарый, с жилистым телосложением человека, который никогда не переставал работать руками, даже когда поднялся до кресла главы корпорации. В его фигуре не было ни грамма офисной рыхлости, он двигался так, будто тело до сих пор помнило марш-броски и ночи на полигоне. Плечи ровные, чуть жёсткие, как у человека, привыкшего носить снаряжение.

Лицо угловатое, с чётко очерченной линией челюсти и высокими скулами — те самые черты, которые в молодости казались резкими, а к сорока шести годам обрели выточенную, почти геометрическую чёткость. Под скулами и на щеках короткая, аккуратно подстриженная щетина: не от небрежности, а от привычки бриться только тогда, когда на это есть время, а времени всегда было у него в обрез. Тёмно-русые волосы, чуть тронутые сединой на висках, стрижка простая, почти военная, без единого элемента стиля. И всё же в этой строгости был свой стиль.

Глаза светло-серые, почти стальные, с ледяным, немигающим фокусом. В них не было ни тепла, ни вражды, только постоянная, тихая работа, будто за зрачками крутился механизм, который никогда не останавливается. Когда Вэйн Моралес смотрел на человека, собеседник чувствовал: он не просто слышит слова, он видит то, что за ними.

На нём был чёрный костюм, строгий, без показной элегантности, чёрная рубашка без галстука, воротник расстёгнут на одну пуговицу, и это был, кажется, предел его свободы. На правой руке тонкий перстень с гербом КИРН, который он никогда не снимал. Никаких ярких цветов, никаких декоративных деталей.

От него не исходило угрозы, от него исходил вес. Рядом с Вэйном человек инстинктивно выбирал слова тщательнее, не потому, что боялся, а потому что чувствовал: этот человек не тратит время на пустое. Его мужская красота была не «опасной», как у Майи Коста, а другой, тяжёлой, сдержанной, как гранитная стена, которую невозможно сдвинуть, но у которой можно встать спина к спине.

— А теперь — к делу, — Джедар чуть повернулся к карте на стене. Созвездие Амарра, изображенное тонкими светящимися линиями. Планеты висели, как бусины на нитях орбит. — Здесь не Рания. У нас свои ритмы, свои привычки, свои… сложности.

— Амина — наш центр. Сердце провинции. Но сердце не значит всё тело. Зарра — наша оборона. Там основное производство, там дислокация армии, там майор Веррон держит строй. Аджи — наши проблемы, с которыми пытается справляться майор Вин Торн. Пустыня, которая не любит гостей и не терпит хозяев. Сахр — большая часть нашей экономики, хоть и выглядит как камень, который забыли выбросить. И Криона — на самых задворках. Там, где свет уже не обещает тепла.

Он сделал паузу, давая Кире время осознать масштаб. Кира не кивала, не записывала. Просто впитывала.

— А ещё, — Джедар чуть понизил голос, и в зале стало тише, — у нас есть рубежи. И на этих рубежах в последние месяцы стало… тесно.

Он посмотрел на Эрьяна.

— Эрьян, расскажите командору о текущей ситуации в провинции. Без отчётов. Просто, как есть.

Эрьян шагнул вперёд, не спеша, уверенно. Он не стал брать планшет или открывать файлы. Он говорил из головы, а это означало, что он знает эти данные не понаслышке.

— На юго-восточном рубеже, в квадранте между орбитой Зарры и поясом Аджи, наши патрули периодически фиксируют присутствие посторонних кораблей. За последние три месяца семь случаев. Сначала мы списывали на мусорщики и нелегальных грузоперевозчиков. Но после третьего случая провели спектральный анализ следов двигателей. Результаты не совпали ни с одним известным типом гражданских судов.

Он сделал паузу, обвёл взглядом стол и продолжил ровно:

— Характеристики соответствуют военным разведывательным модулям. Предположительно — Иркс или Рий. Возможно оба. Класс судов — лёгкие, малозаметные, без опознавательных знаков. Они не входят в контролируемое пространство глубоко, держатся на границе зоны обнаружения. Как будто проверяют: насколько далеко мы видим, как быстро реагируем, сколько кораблей можем поднять в ответ.

Тишина в зале стала другой, не деловой, а тяжёлой.

Вэйн не шевельнулся, но его пальцы, те самые, с тонким шрамом на тыльной стороне ладони, чуть сжались, а потом расслабились. Майя перестала улыбаться: её лицо не изменилось, просто из него ушло тепло, как закрывается ставня, за которым погасли огни. Алекс чуть опустил взгляд на свой планшет, он не читал, а просто дал глазам точку, на которой можно было сосредоточиться, пока мозг переваривал цифры. Джедар не двинулся ни на миллиметр, но его правая рука, лежавшая на столе, чуть развернулась ладонью вверх, жест, который он, вероятно, не осознавал: «дайте мне это, я подержу».

— Мы зафиксировали закономерность, — продолжил Эрьян. — Заходы происходят примерно каждые две недели. Всегда с разных точек. Всегда на минимальной скорости, с пассивными датчиками. Они не сканируют, они слушают. Собирают информацию о наших частотах, о времени реакции патрулей, о плотности покрытия.

Кира чуть подалась вперёд.

— Намиссания в курсе?

— В курсе, — кивнул Эрьян. — Мы направили три рапорта за последние два месяца. С просьбой усилить нашу звёздную группировку дополнительными кораблями. И с предложением пополнить армию личным составом.

— И?

— Намиссания не реагирует. — Он сказал это ровно, без обиды, без горечи. Просто факт. — Более того, открыто атаковать их суда запрещено. Мотивировка: Иркс и Рий — деловые партнёры Намиссании. Открытый конфликт может повлечь непоправимые политические последствия.

Кира чуть прищурилась,не от гнева, а от сосредоточенности.

— То есть, — медленно произнесла она, — они ходят по нашему порогу, слушают наши частоты, засекают наши патрули, а мы связаны по рукам?

— Именно, — тихо сказал Джедар. — Именно так.

— Но это может быть разведка перед боем, — сказала Кира. Не спросила, но сказала. — Пусть этот бой будет отложен на годы или десятки лет. Но они прощупывают нас. И если мы не покажем, что готовы, они прощупают глубже.

— Мы понимаем это, — Джедар посмотрел ей в глаза, и в его взгляде была не усталость, а та спокойная решимость, которая появляется у людей, которые слишком долго ждут подкрепления и уже научились обходиться без него. — Но мы — провинция. Мы подчиняемся решению центра. И пока центр не скажет «огонь», мы держим палец на спуске, но не нажимаем.

Вэйн не смотрел на Киру так, будто оценивал её форму или погоны. Он смотрел, как смотрят на сложный узел в чертеже, туда, где сходятся все линии.

В голове у Вэйна складывалась короткая, сухая схема: «Командор Вэнс. Флотская дисциплина — значит, привыкла к чёткой иерархии и жёстким срокам. „Валькирия“ — прозвище не про изящество, а про ударную силу: она заходит первой и не ждёт, пока её попросят. Но сейчас она не бьёт, она слушает. Значит, понимает, что здесь флотские методы не сработают в одиночку. Она ищет точку синхронизации. Это хорошо. Это профессионально.

Но она из Намиссании. Значит, у неё есть свой отчётный горизонт. Нужно будет сразу обозначить: здесь нет «временных задач». Здесь всё — навсегда. Если она это примет, мы сможем работать. Если нет, мы всё равно будем работать, но по разным сторонам одной стены».

Он чуть сдвинул запястье, чтобы глянуть на часы, не потому, что торопился, а чтобы вернуть себе ритм. И снова посмотрел на Киру. Не с вызовом, а как на деталь, которая должна встать на своё место.

До этого момента, не проронив ни слова, чуть подался вперёд.

— Командор, — его голос был ровным, сухим, как технический отчёт. — КИРН ведёт собственный мониторинг активности в квадранте. Наши данные совпадают с данными патрулей. Но у нас есть дополнительная информация: характер манёвров указывает не на военную подготовку, а на картографирование. Они рисуют нашу оборону. Вероятно, не для удара, для плана. Для того, чтобы знать, куда ударить, если придётся. Разница в сроках. Военный удар готовится быстро. Картографирование — это надолго. У нас есть время. Но это время нужно грамотно использовать.

Кира посмотрела на Моралеса. Оценила. Человек, который не драматизирует и не успокаивает, он просто кладёт данные на стол. Такие люди ей нравились.

— Сколько у нас кораблей в оперативной готовности? — спросила она.

Эрьян чуть помедлил, будто мысленно пересчитывая звенья.

— Двенадцать патрульных крейсеров класса «Сокол», два патрульных фрегата, два ударных крейсера, в том числе «Валькирия», — он сделал небольшую паузу, — и двенадцать корветов на Зарре, в резерве. Итого: двадцать восемь единиц на весь сектор.

— Этого мало, — сказала Кира. Не жалобно, а холодная констатация.

— Этого мало, — согласился Джедар.

Повисла тишина. Не тяжёлая, рабочая. Тишина, в которой люди думают.

Кира посмотрела на карту. Потом на губернатора.

— Кстати, командор, не стоит забывать про первый ударный крейсер, это «Монолит» корпорации КИРН, — с лёгкой улыбкой добавил Эрьян, прерывая тишину.

Кира на мгновение задержала дыхание.

— Командор Ардэн Кройц? — спросила она.

— Да, он самый, — спокойно кивнул Эрьян.

Для Киры упоминание Кройца было хорошей новостью. Она была наслышана о нём: легенда, человек, который выводил звено сквозь песчаные бури, не теряя ни одного пилота, десятки вооруженных столкновений, в свое время, между Рией и Ирксом.

— Есть и другие командоры, которые верно несут службу, — продолжил Джедар. — Например, командор Евгений Муран.

Кира едва заметно кивнула — да, имя было знакомо. Не легенда флота Намиссании, конечно, но отважный человек, который участвовал в сражениях против Рии несколько лет назад.

Не громкие победы, но стабильная работа, умение держать строй, когда вокруг всё рушится. Такие командиры не попадают в сводки, но именно на них держится флот.

— Если понадобится прикрыть сектор с фланга, Муран будет там, где нужно, — добавил Эрьян. — И не станет ждать лишних приказов. Он год назад переведён на Аррубин. Талантливый, надёжный. Сейчас он командует патрульным фрегатом «Стрела» — не ударный крейсер конечно, но проверенный в стычках на границе.

— Хорошо, это меняет положение дел — коротко сказала Кира, мысленно ставя ещё одну точку на своей внутренней карте. — Значит, у нас есть не только «Валькирия» и «Монолит», но и «Стрела». Это уже не просто патрули — это сеть.

Джедар чуть приподнял бровь, не от удивления, а от тихого одобрения.

— Именно. Мы держим сектор не одним кораблём, а всеми вместе.

В этот момент Вэйн чуть подался вперёд, словно хотел подчеркнуть важность следующего слова.

— И насчёт Кройца, — произнёс он спокойно, почти буднично, будто речь шла не о легенде, а о старом надёжном инструменте. — Да, он из КИРН, не из вооруженных сил Аррубина. Но в данном случае это не имеет никакого значения. КИРН и Аррубин — едины. Одна цель, одни задачи. Если понадобится координация с «Монолитом», он будет там, где нужно. Когда нужно.

Джедар молча кивнул, коротко, но весомо. Этот кивок был больше любого пафосного заявления: он подтверждал, что в этом секторе нет места ведомственным барьерам, когда на кону безопасность людей.

Где-то в глубине здания гудел генератор низкий, ровный, почти неслышный, но если прислушаться, он был везде: в полу, в стенах, в воздухе. Этот гул был похож на дыхание, не живого существа, а самой крепости, которая тоже знала, что тишина перед бурей — это не покой, а пауза.

Алекс Веррон смотрел на Киру ровно столько, сколько позволяла вежливость и ещё на секунду дольше. Не как на командора, не как на гостью из метрополии, а как на женщину, в которой собранность не убивала женственность, а делала её только заметнее.

Он сознательно позволил себе эту мысль, всего на миг, пока все говорили, а гул зала стал ровным фоном. Просто дать себе секунду, чтобы увидеть не погоны, не задачу, а её саму: как она чуть наклоняет голову, когда слушает; как в её осанке есть эта спокойная сила, которая не требует подтверждения; в глазах не усталость, а собранная готовность.

«Красивая», — подумал он тихо, почти про себя, и тут же мягко одёрнул эту мысль, как откидывают лёгкую занавеску, чтобы она не мешала видеть главного. — «Но не моя красота. Её красота — это её броня, её работа, её право на уважение. И я буду уважать её ровно так: делом, точностью, тем, что не подведу, когда это потребуется».

— Я не планирую отсиживаться на Амине, — сказала Кира. Она не повысила голос, не встала, не ударила по столу. Просто чуть подалась вперёд, ровно настолько, что спинка кресла скрипнула, и в этом крошечном звуке был весь ответ: дерево, металл, и женщина, которая не собирается вжиматься в спинку. Все в зале услышали этот скрип и поняли. И продолжила: — Я лично буду участвовать в патрулировании границ провинции. Заодно в доставке попутных грузов между планетами, пусть «Валькирия» работает, а не пылится на платформе. Мне нужно видеть рубежи своими глазами. Не по отчётам, не по данным сканеров.

Джедар чуть приподнял бровь, не от удивления, а от тихого одобрения.

— Командор, это не обязательно. Ваша задача — это координация, — сказал Эрьян.

— Моя задача — удержание сектора, — спокойно возразила Кира. — А координация без понимания того, что происходит на границе — это кабинетная стратегия. Я не смогу поддерживать порядок, сидя в кресле.

Джедар посмотрел на неё долго, внимательно. Потом чуть улыбнулся, уголком рта, еле заметно.

Где-то далеко, за окном, диспетчерский маяк вспыхнул и погас — короткий, точный импульс, будто тоже ставил точку.

— Согласен, — сказал он. И в этом одном слове было больше, чем в длинной речи: он не просто разрешил, он признал.

Майя Коста чуть наклонилась к Веррону и тихо произнесла:

— Лично будет патрулировать. Хорошо. Хотя бы есть один командир, который не боится неба.

Веррон чуть усмехнулся.

— Она не боится неба. Она с ним на «ты».

Эрьян, стоявший чуть позади, едва заметно кивнул. Его взгляд на Киру был внимательным, но не навязчивым, как у человека, который привык замечать детали и не делать поспешных выводов. Да, она была красива, но не той красотой, которую хочется обсуждать в курилке. Она была собрана, как натянутая струна, и от этого казалась почти недосягаемой. И Эрьян знал, что эта недосягаемость — не поза. Это броня, которую она носит не для того, чтобы отгородиться, а чтобы держать линию.

Она сидела за столом, чуть наклонившись вперёд, слушая Джедара. В том, как она слушала, было что-то завораживающее. Полная концентрация, ни одного лишнего движения. Тёмные волосы поймали свет из узкого окна, и на секунду блеснули медью.

Эрьян видел это. Он видел и то, как остальные невольно подтянулись, когда Кира заговорила. Она была из тех людей, рядом с которыми хочется говорить чётко, по делу, без воды.

Но он отвёл взгляд, потому что знал: в научно-исследовательском центре Амины, Карина сейчас склонилась над какой-нибудь сложной схемой или камне, образцом грунта, уверенная, собранная, с той самой лёгкой улыбкой, которая появляется, когда она находит решение. Она не сидела дома и не ждала. Она делала своё дело, большое, важное, на своём уровне. И он любил её не за то, что она «ждала», а за то, что она шла рядом.

«Если бы Карина была здесь, — подумал он, — она бы посмотрела на эту карту, потом на Киру, потом на меня и сказала бы: „Ну что, ребятишки, давайте уже решать, а не вздыхать.“ И все бы сразу зашевелились.»

Он чуть улыбнулся этой мысли и снова стал собранным, точным, системным.

— У нас три болевые точки, — спокойно сказал Эрьян, будто продолжая мысль Киры. — Юго-восток: чужие корабли. Зарра: логистика и верфи. Аджи: аномалии, сама планета — это сплошная аномалия. Мы держим всё, но не так плотно, как хотелось бы.

Кира на секунду задержала взгляд на карте.

— Сначала юго-восток. Если они рисуют нашу оборону, я хочу, чтобы они видели, что мы их видим. Пусть «Валькирия» выйдет на патрулирование по внешнему краю. И пусть каждый наш манёвр будет не просто обороной, а сообщением, сигналом.

Джедар снова чуть кивнул, принимая её выбор, как первый настоящий приказ от неё самой.

— Принято, — сказал он. — Эрьян, согласуйте с командором график и точки выхода.

— Есть, — коротко ответил Эрьян, делая пометку в планшете.

— И ещё, командор, — голос Вэйна прозвучал ровно, как всегда. — На Аджи в аномальных окнах мы фиксируем странные всплески. Не просто шум. Почти как… эхо. Возможно, это не связано. А возможно — это связано больше, чем кажется. Когда будете на юго-востоке, держите связь с орбитальной станцией Аджи 2, там очередная наша опора — майор Сати Мартенс.

Кира чуть наклонила голову, принимая и этот намёк, как ещё одну точку на карте, которую нужно проверить и посетить.

Заседание продолжалось ещё около часа. Обсуждали маршруты патрулей, график поставок на Зарру, состояние оборонительных систем на Карзе, текущую обстановку на Аджи, вопросы логистики между Аминой и Крионой. Кира слушала, задавала короткие вопросы, делала пометки, не на планшете, а в голове, потому, что голова надёжнее.

— Я не подведу, — просто сказала она, когда заседание подошло к концу. И это были не громкие слова. Была констатация, тихая, весомая, как камень, который кладут в основание стены.

Эрьян, отступив на шаг, позволил себе короткий взгляд на неё, уже не как на женщину, а как на командира, который только что принял на себя тяжесть целого сектора. И подумал: да, она недосягаема. Но именно поэтому это не помешает работе. Она не будет обещать невозможного. Она будет делать то, что необходимо.

Кира вышла из зала, не оглядываясь. Её шаги по коридору звучали так же ровно, как и при входе. Но теперь в этом ритме было что-то новое, не просто уверенность, а принятая ответственность.

Она кивнула дежурному офицеру — молодому парню, который вытянулся по струнке, когда она прошла мимо, и чуть расслабился, только когда она свернула к лифту.

У окна она остановилась. Положила ладонь на стекло — оно было чуть тёплым, подогретым изнутри, и эта теплота казалась странной после холода Серебряных часов. За стеклом, там высоко в небе красно — фиолетовая туманность переливалась в холодном свете Моры — медленно, тяжело, будто дышала во сне.

Кира убрала руку от стекла и посмотрела на свою ладонь, потом на стекло: на нем остался тёплый след, медленно исчезающий.

Она кивнула для себя. Она не любила клятв и обещаний, которые могут разбиться о первую перегрузку или бой. Но сейчас ей было важно зафиксировать этот момент: она здесь, она видит картину, и она будет держать грань. А теперь к этой грани добавилась надёжная опора — «Монолит» с Кройцем, «Стрела» с Мураном, и эта команда рядом. И это меняло положение дел.

Глава 6 Когда молчание не пугает

Заседание закончилось в седьмом часу вечера. Лира уже зажгла свои уличные фонари, не яркие, а тёплые, янтарные, будто город не хотел никого ослеплять, а просто обозначал путь.

Майя Коста смотрела в окно, в холле. Северный рубеж. Командор Вэнс. Патрулирование.

— Майя, — рядом послышался голос Алекса Веррона.

Она не вздрогнула, но внутри что-то шевельнулось. Ее резко отвлекли от раздумий.

Алекс стоял у двери, прислонившись плечом к косяку. Полевая куртка расстёгнута, волосы чуть растрёпаны, будто он провёл рукой сверху, по привычке. Улыбка, та самая, добрая, широкая, от которой морщинки у глаз становились глубже.

— Ужин? — спросил он просто. Без предварительных речей, без заходов. Как предложил бы чашку кофе.

Майя посмотрела на него, оценивающе. Но оценивала не Алекса, а его предложение. Веррон был единственным человеком в этом штабе, с которым можно было говорить прямо, не думая о том, как он это интерпретирует. По крайней мере, так ей казалось.

— Есть одно место, — добавил Алекс, не дожидаясь ответа. — На улице Холмовой. Тихое, без навязчивых официантов, которые склоняются так низко, что видны их мысли. Там готовят каштановый суп. Ты ведь любишь каштаны. Я бы хотел перед отбытием на Зарру вкусно перекусить, желательно в хорошей компании, особенно такой очаровательной особы.

Майя подняла бровь. Алекс был прям и даже в какой-то степени нагл. Он перешёл на «ты», и его это не смущало, что он обращается к старшему по званию.

— Откуда ты знаешь, что я люблю каштаны?

— Я не знаю. Но каштан растёт у тебя во дворе. Если бы ты его не любила, давно бы переселилась.

Она была застигнута врасплох. Она специально выбрала квартиру в тихом районе города, чтобы не привлекать внимания и быть в тени. И да, там действительно росли каштаны, в тихом, маленьком дворике. Он знал, конечно, это не тайна государственной важности, но он знал. Или просто сказал не зная и угадал? Майя не подала вида. Она чуть усмехнулась. Логика была дурацкая, но работала.

— Ладно, — сказала она. — Каштановый суп.

Место оказалось именно таким, как он описал: маленький ресторан на углу, с тёмным деревом, низким потолком и окнами, выходящими на тихую улицу, где фонари не светили в глаза. Пахло хлебом, розмарином и чем-то сладким, чего Майя не могла определить, но ей был приятен этот запах.

Алекс открыл дверь перед ней. Не с размахом, не как официант, просто придержал рукой и чуть отступил в сторону. Майя вошла, отметив этот жест так же, как отмечала бы сдвиг в патрульном маршруте: без эмоций, только фиксация.

Их столик был у окна — Алекс выбрал его сам, кивнув хозяину, которого, судя по короткому обмену взглядами, знал. Хозяин — пожилой мужчина с лицом, похожим на печёное яблоко, улыбнулся и ушёл, не доставая меню.

Алекс отодвинул стул для Майи. Не церемонно, просто отодвинул, одной рукой, и чуть наклонил голову, будто это было само собой разумеется. Он сделал это так, как делают, когда в цеху помогают товарищу снять тяжёлый кожух: просто шагнул, чуть наклонил корпус, подтолкнул стул одной рукой. И в этом «само собой разумеется» было больше уважения, чем в любом парадном поклоне. Майя села. И подумала: «Он это делает не для меня. Он это делает потому, что привык. Или потому, что хочет, чтобы я думала, что привык».

— Воды? — спросил Алекс, уже наливая в её стакан из кувшина, который стоял на столе. Не дожидаясь ответа. Просто налил, поставил кувшин на место и улыбнулся.

Майя взяла стакан, сделала глоток. Вода была холодная, с мятой и от этого, вода казалась ещё более свежей, чем должна была быть.

Он ухаживает, — подумала она. Не с тревогой, не с раздражением, а с профессиональным интересом. Как аналитик, который замечает сдвиг в данных: не важно, что это значит сейчас, важно, что это может означать потом.

Алекс Веррон ухаживал. Не громко, не напоказ, мелочами. Когда хозяин принёс хлеб, Алекс протянул ей тарелку, прежде чем взять себе. Когда принесли суп, он чуть повернул тарелку так, чтобы ручка смотрела в её сторону. Ни одного жеста, который можно было бы назвать «намёком». Но в сумме — это картина, которую Майя видела ясно: человек, который хочет быть приятным.

Зачем? — подумала она. И тут же ответила себе: Потому, что ему нужно что-то. Или потому, что он просто такой. Или потому, что хочет, чтобы я думала, что он такой.

Майя Коста не была женщиной, которую легко обмануть. Но она была той женщиной, которая умела позволить себя «не обманывать», если видела в этом пользу. Если Веррон хочет играть в галантного кавалера — пусть играет. Чем больше он улыбается, тем больше он расслабляется. Чем больше расслабляется, тем больше говорит. А когда человек говорит — он выдаёт себя. Не словами: интонациями, паузами, темами, которые выбирает и которых избегает.

Пусть ухаживает, — решила Майя. Пусть думает, что я не замечаю. Мне это ничего не стоит. А ему может стоить.

И она чуть-чуть, на самую малость, расслабила плечи. Не для него, для себя. Чтобы он увидел, что произвел на нее эффект. Чтобы продолжил.

Каштановый суп был густым, тёплым, и в его запахе было что-то до боли знакомое: не из детства, а из тех дней, когда ты возвращаешься домой после долгого дежурства, и единственное, чего хочется — чтобы кто-то просто налил тебе тарелку чего-то простого. Майя вдохнула этот запах и вдруг поняла, что не вспоминала его годами. А теперь он вернулся — тёплый, уютный, и от этого становилось чуть легче дышать.

— Она тебе понравилась, — сказал Алекс. Не как вопрос, как констатация.

Майя сделала глоток супа. Каштановый, густой, тёплый — он оказался хорошим.

— Понравилась — не то слово, — ответила она. — Она меня… заинтересовала.

— Разница?

— Понравилась — это когда ты хочешь, чтобы человек остался. Заинтересовала — это когда ты хочешь понять, кто он. И потом решить.

Алекс кивнул, макая хлеб в суп. Он ел просто, без изысков, отламывал куски, макал, ел. Руки двигались уверенно, но без грубости. Руки рабочего, который умеет быть аккуратным. На костяшках лёгкие следы старой мозоли, на запястье тонкая царапина, будто он зацепился за край обшивки. Он ел без церемоний, и в этом тоже была своя честность: он не пытался казаться кем-то другим.

— И? — спросил он. — Поняли?

— Пока нет, — Майя посмотрела в окно. Фонарь на углу вздыхал и покачивался на ветру, будто был старым сторожем, который ворчит, но всё равно стоит на посту. Его свет ложился на мокрый асфальт неровными полосами, и эти полосы двигались, как волны — туда-сюда, туда-сюда.

— Она слишком ровная. Слишком аккуратная. Говорит мало, слушает много. Это может означать, что она осторожна. А может — что уже всё решила.

— Или что она просто умеет держать себя, — тихо сказал Алекс. — Как ты.

Майя посмотрела на него. Он улыбался. Не хитро, не лукаво, простая улыбался. Будто сказал очевидное.

— Я не сравниваю себя с ней, — ответила Майя ровно.

— Нет, — согласился Алекс. — Ты не просто сравниваешь. Ты сравниваешь, но не признаёшься в этом себе. Это разные вещи.

Повисла пауза. Не тяжёлая, тёплая, как суп в тарелке. Майя отметила: он не боится молчать. Это редкость. Большинство людей заполняют паузы словами, потому что тишина их пугает. Веррон не пугался. Он просто сидел, ел хлеб и ждал.

— Она будет патрулировать, — сказала Майя, возвращаясь к делу. — Лично для меня — это хорошо. Но это и риск.

— Почему риск?

— Потому, что командор тяжёлого крейсера, который лично ходит в патруль, — это либо командор, который хочет знать, либо командор, который хочет показать. Если первое — нам повезло. Если второе — она будет искать повод, чтобы проявить себя. А поводы в нашем секторе бывают… дорогими.

Алекс наклонил голову — на этот раз серьёзно, без улыбки.

— Я думаю, она хочет знать, — сказал он. — Я видел её глаза, когда Эрьян говорил о разведчиках Иркса. Она не испугалась. Она не обрадовалась. Она… считала. Как ты считаешь. Как я считаю корабли на верфи — не потому, что хочу, а потому, что должен.

— Ты сравниваешь её со мной, — заметила Майя.

— Нет, — Алекс снова улыбнулся. — Я сравниваю её с собой. Ты тут вообще ни при чём.

Майя чуть прищурилась. Он сказал это легко, почти небрежно — но за небрежностью был ход. Он сместил фокус: не «она как ты», а «она как я». А Майя «тут ни при чём». Это было либо честно, либо тонко. И Майя пока не могла определить, что из двух.

— Допустим, — сказала она. — Тогда скажи: что бы ты сделал, если бы она пришла на Зарру и начала командовать?

— Я бы показал ей верфи, — ответил Алекс без колебаний. — Без парада, без совещаний. Просто повёл бы по докам. Пусть увидит, как гудят стены, почувствует, как пахнет сварка, как мастер за тридцать лет выучил каждый шов на корпусе. Пусть почувствует, что Зарра — это не просто точка на карте, а живой организм. А потом спросил бы: «Как вы хотите это защитить?» Не «от чего», а «как». Разница большая.

Майя молчала. И думала: он говорит правильно. Не красиво, а правильно. Это редкость. Большинство людей говорят красиво, но неправильно. Веррон — наоборот.

— Ты бы не стал с ней спорить? — спросила она.

— Нет. Я бы дал ей увидеть, а потом дал решать. Спорить с командиром, который только что увидел верфи своими глазами, — это спорить с человеком, у которого уже есть факты. А спорить с фактами — пустая трата времени. Потом мы бы зашли в первую попавшуюся столовую, и я бы накормил её нашим простым армейским обедом: первое, второе, салат, компот — в простой обстановке, простая еда в простой посуде. А потом лично довёз бы до её корабля на самом простом армейском джипе, когда едешь по грунтовой дороге и чувствуешь своим позвоночником, сидя на жёстком сиденье все неровности, без всяких удобств и комфорта, как любят это делать военачальники в Намиссании.

— Я смотрю, ты мечтатель, Алекс, — Майя посмотрела на него, покачав головой.

Алекс налил ей ещё воды. Майя заметила, что он налил ей раньше, чем себе, но так естественно, что это не выглядело каким-то жестом. Выглядело дыханием.

Он играет, — подумала она. — Но играет хорошо. И мне это почти нравится. Почти.

— А ты? — спросил Алекс. — Ты бы стала с ней спорить? Или показала бы всё в лучшем виде, чем оно есть на самом деле?

— Я бы стала с ней работать, — ответила Майя. — Спорить — это когда есть позиции. Работать — это когда есть цель. Если цель общая — позиции можно выстроить. Если цель разная — спор бесполезен.

— И какая цель у тебя? — вдруг спросил Алекс, в его взгляде не было ничего необычного, будто спонтанный вопрос в продолжении темы. Или так и было.

Майя посмотрела на него. Долго. Так, как смотрят, когда решают, можно ли сказать правду.

— Чтобы Аррубин держался, — сказала она тихо. — Не как провинция. Не как колония. А как… дом. Который стоит сам.

Алекс не кивнул. Не улыбнулся. Просто посмотрел на неё и в его глазах, карих, тёмных, на секунду мелькнуло что-то, что не было ни одобрением, ни сюрпризом. Это было узнавание. Будто он услышал то, что уже знал, но от другого человека и от этого оно стало реальнее.

— Дом, — повторил он. — Это хорошее слово.

Потом он снова улыбнулся. И снова отодвинул кувшин так, чтобы Майе самой было удобнее дотянуться. И снова это выглядело так, будто он ничего не сделал особенного.

Он знает, что делает, — подумала Майя. Он знает, что я вижу. И продолжает. Это либо уверенность, либо расчёт. И пока я не могу сказать: что из двух.

Она сделала ещё глоток воды. Мята холодила губы.

Пусть продолжает, — решила она. Чем больше он улыбается, тем больше я вижу. А когда нужно будет, я буду уже знать, куда нажать.

И это было правдой. Но правдой было и другое — то, что Майя себе не признала: ей было спокойно. Не потому, что Веррон ухаживал. А потому, что он молчал, когда следовало, говорил, когда нужно, и не пытался быть тем, кем не был. И в этом спокойствии было что-то, что она не позволяла себе чувствовать на работе. Что-то, что пахло каштановым супом и мятной водой, и что напоминало ей не о безопасности, а о жизни.

— Десерт? — спросил Алекс.

— Нет, — ответила Майя. — Мне пора.

— Конечно, — кивнул он. И встал первым, чтобы отодвинуть стул.

Майя поднялась, надела пиджак. Алекс помог, не навязчиво, просто придержал край, чтобы она не зацепилась рукавом. Мелочь. Пустяк. Но Майя заметила. Она всегда замечала.

Они вышли на улицу. Прохладный воздух ударил по щекам, но не грубо, а как глоток ледяной воды, который возвращает тебя в реальность. Пахло дождём и хвоей — тем самым запахом, который бывает только в горах после ливня, когда земля выдыхает всё напряжение дня. Капли тихо стучали по крышам, и этот стук был похож на ровный пульс города: раз-два, раз-два. Фонарь качался, и тени ложились на мокрый асфальт, как фигуры на доске.

— Спасибо за суп, — сказала Майя.

— Спасибо за компанию, — ответил Алекс. И улыбнулся — той самой доброй улыбкой, которой хотелось доверять.

— Алекс, хорошей тебе дороги до Зарры. До встречи, — попрощалась Майя, и в этой интонации что-то было.

— До встречи, — ответил он, тепло улыбнувшись.

Майя кивнула. Развернулась. Пошла к своей машине, старому внедорожнику, который стоял чуть дальше по улице, тёмный и неприметный.

Алекс смотрел ей вслед. Долго. Пока она не села в машину и пока та не тронулась.

Его ждала правительственная машина. Он сел в неё, впереди дорога до космодрома, без сопровождения, потом пара дней на корабле до Зарры. В салоне было тихо и слишком стерильно. Алекс смотрел в окно, на мелькающие фонари, и думал о Майе. Не о том, как она красива — хотя она была красива, — а о том, как она слушает. Не кивает, не поддакивает, а слушает так, будто каждое слово — деталь, которую нужно поставить на место. Обворожительная

и соблазнительная, но недоступная. Ещё больше его занимала Кира Вэнс. Тоже была хороша. К тому же лучший командор Намиссании. Несмотря на свой возраст, уже побывала в реальных боевых действиях и стала легендой. О том, как две такие разные женщины: одна как гранит, другая как пламя, могут стоять на одной стороне. И о том, что, возможно, именно это и нужно Аррубину: чтобы рядом с холодным расчётом был кто-то, кто помнит про каштановый суп.

А потом он чуть усмехнулся и тихо сказал сам себе:

— Хорошо, что они все искренне думают, что я ведусь на их красоту и что я прямой, и простой.

И улыбнулся. Это была его хитрость. Он хотел, чтобы все были на виду. Он доверял команде губернатора, но так ему было ещё спокойнее. Пусть думают, что читают его, — пусть верят, что его улыбка шире, чем его ум. Чем больше они уверены, что видят его насквозь, тем меньше они смотрят туда, куда он не хочет, чтобы смотрели. Простой парень с Зарры, который открывает двери и наливает воду. Добрая улыбка, тёплый хлеб, честные глаза. И за всем этим человек, который шёл первым, когда то, на передовой, и знает, сколько кораблей выйдет из доков, не по отчёту, а по гулу стен.

А Майя ехала по тёмным улицам Лиры и думала. Не о Кире Вэнс, не о рубежах, не о разведчиках Иркса.

О каштановом супе. О мятной воде. О руках, которые отодвигали стул так, будто это было дыхание.

И о том, что Алекс Веррон — единственный человек в этом городе, чья улыбка заставляла её забывать, на секунду, что она полковник.

На одну секунду. Не больше, но и не меньше.

Глава 7 Вечер в Лире

По окончании заседания, Майя Коста ушла первой, бесшумно, как тень, которой стало скучно в светлом зале. Моралес задержался, обменялся парой слов с Верроном, кивнул Кире коротко, без улыбки и вышел. Веррон пожал Кире руку крепко, по-боевому.

— Рад, что вы с нами, командор, — сказал он. — На Зарре, если понадобится, вы всегда желанный гость.

— Учту, майор, — ответила Кира.

Эрьян стоял возле губернатора, Джедар попросил:

— Эрьян, дайте нам минуту.

Эрьян кивнул, без обиды, без вопросов и вышел, мягко прикрыв дверь.

В коридоре он остановился у колонны, достал планшет и сделал вид, что проверяет сообщения. На самом деле он ни о чём не думал, просто ждал. И в этом ожидании, пришла она.

Не мысль, образ. Рания, три года назад. Правительственный прием в Намиссании. Мраморный зал, холодный свет, музыка, которая звучала так тихо, будто боялась помешать разговорам. Он увидел её через весь зал: стройную, в тёмном платье, с волосами, собранными так туго, что казалось, ни одна прядь не смеет нарушить эту геометрию. Она стояла одна, с бокалом, не пила, просто держала, и в этом жесте была вся Кира Вэнс: присутствовать, но не участвовать. Быть, но не растворяться.

Он подошёл. Заговорил. Она отвечала вежливо, ровно, без холода, но и без тепла. Он пригласил её на ужин. Она отказалась, мягко, с улыбкой, которая не оставляла зазора. Он настоял, не грубо, а с той спокойной уверенностью, которая обычно работала. Она посмотрела ему в глаза и сказала: «Эрьян, вы прекрасный человек. Но я — не та, кто вам нужен. И вы — не тот, кто нужен мне».

Он принял это. Тогда, с лёгким уколом, который зажил быстро. Сейчас же он это воспринял без единого укола.

Дверь открылась. Кира вышла и по её лицу он понял: что-то изменилось. В ее настроении. Она выглядела чуть мягче, будто сбросила на секунду что-то тяжёлое. Или кто-то помог ей сбросить.

Но прежде, чем она сделала шаг вперёд, она на секунду замерла у витражного окна, в холле. То самое окно, у которого она стояла, пытаясь удержать равновесие. Она не смотрела на город, она смотрела на своё отражение в стекле. Она приложила ладонь к холодному стеклу. Пальцы коснулись гладкой поверхности, и холод проник под кожу.

Таким нехитрым способом, Кира возвращала свое восприятие в текущий момент.

— Командор, — вежливо обратился Эрьян. — Могу я проводить вас до квартиры? Губернатор просил передать ключи. И… если вы не против, по дороге мы заедем в один маленький ресторанчик. Вы ведь ещё не пробовали аминскую кухню.

Кира опустила руку, медленно, будто сбрасывая воду. Повернулась к нему. Её лицо снова было маской спокойствия, той самой крепостью, в которую не пускают случайных людей. Но в глазах мелькнуло что-то ещё, не любопытство, а разрешение.

— Не против, — сказала она. — я действительно хотела бы попробовать что-нибудь аминское.

Они вышли к лимузину. Вечерний город встретил их тёплым светом фонарей, запахом чего-то сладкого из ближайшего сада и далёким шумом прибоя.

Ресторан, куда привёз их водитель, не был «маленьким и уютным». Это был «Альтаир» — место, где обедали те, кто формировал экономику Аррубина, где тишина стоила дороже золота, а внимание персонала было таким незаметным, что казалось, будто блюда материали-

зуются сами по себе. Он располагался в старом квартале, но его фасад был не из тёплого песчаника, а из полированного чёрного камня, который поглощал свет и отражал его обратно тонкими, острыми гранями. Над входом не висела скромная деревянная вывеска — только тонкая гравировка на стекле: «Альтаир». Никаких лишних слов.

Внутри всё дышало сдержанной роскошью. Пол из белого мрамора с прожилками цвета старого серебра. Стены из фактурного каменя, подсвеченный так, что он казался живым. В воздухе витал тонкий аромат сандала и чего-то цитрусового, но не навязчивого, а едва уловимого, как намёк. Столы стояли на таком расстоянии друг от друга, что даже голос не мог пересечь границу чужой приватности.

Их провели к столику у окна. Эрьян отодвинул стул для Киры, не как ухажёр, а как человек, для которого хорошие манеры — это часть профессионального этикета. Она села, коротко поблагодарив, и её движение было таким же безупречным, как и всё остальное: ровно, без суеты, без лишней грации. Она не пыталась произвести впечатление, она сама была впечатлением.

Свет от окна падал ей на лицо, и кожа казалась тёплой, почти медовой. Она читала меню, чуть наклонив голову, и выбившаяся прядь лежала вдоль щеки. Эрьян отвёл взгляд. Взял своё меню и сделал вид, что читает.

— Рекомендую попробовать салат из местных овощей с трюфельным маслом, — сказал он ровным голосом. — И морепродукты, они здесь особенные. Их доставляют с утреннего улова, и шеф лично следит за подачей.

— Тогда салат и морепродукты, — кивнула Кира. — И чай. С мятой, если есть.

— Два чая, — подтвердил Эрьян официанту.

Пока ждали заказ, между ними стояла тишина, не напряжённая, а та самая, что бывает между людьми, привыкшими отвечать за свои решения. За окном медленно погасал закат, и небо над Лирой перетекало из золотого в тёплый серый, с тонкими розовыми прожилками у горизонта.

— Как тебе здесь? — спросил Эрьян. Он сразу перешёл на «ты», пытаясь разрядить обстановку. — После Рании непривычно?

— Нет, — Кира чуть помедлила. — Привычно. Только по-другому. На Рании всё было… выверено до миллиметра. Здесь живо.

— Живо — это хорошо или плохо?

— Для меня хорошо. Я не люблю, когда всё слишком гладко -это часто маскирует застой.

Эрьян чуть улыбнулся. В этой улыбке не было флирта. Была солидарность.

— Понимаю. На Рании ты привыкла к идеальному порядку. Здесь порядок другой. Он держится не на регламенте, а на людях.

— И на том, что ты держишь всё это вместе, — спокойно добавила Кира.

Эрьян на секунду замер. Он не любил комплиментов. Но этот был точным.

— Не держу, — поправил он. — Выстраиваю систему, которая держится сама. Моя задача состоит в том, чтобы, если я завтра вдруг исчезну, ничего не сломалось.

— Это и есть держать, — возразила Кира, — Просто ты делаешь это так, что никто не видит твоих рук.

Она сказала это просто, без подтекста, без улыбки. Но именно эта простота и была той силой, которая его пробивала. Она не рассыпалась в любезностях, не пыталась быть «удобной». Она говорила ровно то, что думала. И это было самым ценным подарком.

Принесли еду. Салат был произведением искусства: идеально нарезанные овощи, лёгкий аромат трюфеля и та самая кислинка, которая будоражит рецепторы. Морепродукты на льду, но лёд здесь был не простым, он был элементом подачи: прозрачным, идеально круглым, как драгоценный камень, подчёркивающий свежесть. Чай подали в тонких фарфоровых чашках,

которые казались почти невесомыми. Он был тёплым, с мятной свежестью и тонкой цитрусовой ноткой, которая оставалась на губах ещё долго после глотка.

Кира ела не спеша, с видимым удовольствием, но её движения оставались экономными, точными. Она держала приборы так, будто это были инструменты управления кораблём: без лишней силы, но с полным контролем.

«Карина так же ест, — подумал Эрьян. — Так же спокойно, так же по-настоящему. Только Карина при этом рассказывает что-то смешное, а Кира молчит. Обе настоящие. Совершенно разные, но настоящие».

— Вкусно? — спросил он.

— Вкусно, — ответила Кира. — Ты не соврал. Это лучше, чем синтетика.

— Я не вру, — просто сказал Эрьян. — Это часть моей работы. Если я вру — система ломается.

Кира посмотрела на него и впервые за весь вечер в её взгляде мелькнуло что-то кроме вежливости. Признание. Тихое, скупое, но настоящее.

— Знаешь, — сказала она, — ты действительно изменился. Не внешне. Внутри. На Рании ты был… хорошим парнем. Сейчас ты человек, которому можно доверять.

Эрьян чуть наклонил голову. Для него это было больше, чем комплимент. Это было признание того, что его система работает.

— Спасибо, командор, — тихо сказал он.

Они допили чай. За окном зажглись первые звёзды, не такие яркие, как в пустоте, но живые, тёплые, будто отражённые от поверхности океана.

— Пора, — сказала Кира, и Эрьян не стал возражать.

Лимузин довёз их до элитного района, тихого, утопающего в зелени, где дома стояли не плотно, а с достоинством, оставляя друг другу место для света. Фонари горели тёплым жёлтым, в садах пели маленькие птицы.

Машина остановилась у одного из домов — пятиэтажного, из светлого камня, с широкими балконами, увитыми чем-то цветущим. Рядом располагался небольшой сад с фонарями, чуть дальше фонтан, струи которого переливались в свете Моры, как жидкое серебро.

Когда Кира вышла из машины, ночной воздух коснулся её лица, не холодный, свежий, с лёгкой солёной ноткой. В саду тихо шелестели листья, и этот шелест был похож на шёпот старого дома, который рад новому жильцу. Фонтан переливался в свете холодной звезды, и капли, падая, издавали крошечные, почти неслышные звуки — будто кто-то тихо смеялся в темноте.

Кира вышла первой. Эрьян вышел следом, и она заметила, что у него в руках оказалась её дорожная сумка.

— И это всё? — спросил он, чуть наклонив голову. — Командор звёздного флота прилетает на новую планету с одной сумкой?

Кира чуть приподняла уголки губ. Это была не улыбка, а скорее признание иронии ситуации.

— Да. Завтра прогуляюсь по бутикам и присмотрю себе что-нибудь, — скромно, но с достоинством, ответила Кира.

Эрьян рассмеялся, негромко, по-доброму.

— Вот, — он протянул сумку. — Дальше, я так понимаю, вы справитесь сами.

— Благодарю, — Кира взяла сумку и ключи. — Спасибо, Эрьян. За ужин, за дорогу и приятную компанию.

— Всегда к вашим услугам, командор, — он отступил на шаг и чуть наклонил голову.

Кира развернулась и пошла к парадной — ровной, размеренной походкой. Ветер тронул выбившуюся прядь, и она не стала её поправлять. Свет Моры лёг на волосы, на плечи, на линию шеи и Эрьян стоял и смотрел, потому, что в этот момент не смотреть, было невозможно.

«Да, она прекрасна. Так и осталась несгибаемой мечтой, легендой…» — подумал он.

Кира скрылась за дверью. Эрьян выдохнул, тихо, медленно и сел в лимузин.

Водитель, тот самый, постарше, с молчаливым лицом, сидел за рулём и наблюдал за ними в зеркало.

— А ты засмотрелся на командора, я вижу, — сказал Эрьян с иронией.

Водитель чуть покраснел и кашлянул.

— Так точно, господин Кадар. Засмотрелся. Неловко признаться, но… это же сама Кира Вэнс. Она как… как маяк. На неё смотришь и понимаешь, что горизонт есть.

Эрьян тихо рассмеялся.

— Да. Это сама Кира Вэнс. Поехали.

Лимузин мягко тронулся, и ночной город принял его в свои тёплые, освещённые объятия. Эрьян достал телефон и написал короткое сообщение:

«Лечу домой. И захвачу что-нибудь сладкое, ты же любишь эти маленькие пирожные с ванильным кремом».

Через минуту пришёл ответ:

«Ура! Я как раз закончила анализ данных по тектоническим сдвигам, мне срочно нужно сахарное вознаграждение. Приедешь, расскажу, как я нашла аномалию, которую все пропустили».

Он улыбнулся тихой, настоящей улыбкой, которая появлялась только рядом с Кариной, попросил водителя заехать в кондитерскую.

Кира поднялась на третий этаж. Квартира встретила её тишиной и запахом свежих цветов: кто-то позаботился, и на столе в прихожей стояла ваза с белыми лилиями. Не огромный букет, а просто несколько стеблей, чистых, с тонким ароматом, который заполнял пространство, не перехватывая дыхание.

Она прошла по комнатам. Спальня была просторной, с широким окном, за которым виднелись сады и огни фонтана. Кухня маленькая, но функциональная, с мраморной столешницей, холодной и гладкой, как палуба крейсера. Гостиная — с диваном, книжной полкой, пока пустой, видом на залив, где в свете Моры покачивались лодки, отбрасывая на воду тонкие, дрожащие линии света.

Кира поставила дорожную сумку у стены, села на подоконник и долго смотрела на ночной город. Где-то там Эрьян Кадар ехал домой, к женщине, которую любил. Где-то в базальтовом здании Юрий Джедар сидел в кабинете и, наверное, разговаривал со Стеллой по защищённому каналу. Где-то Алекс Веррон держал свой путь на Зарру.

А она сидела на подоконнике, распустила волосы, и они рассыпались по плечам, как тёмная вода. И впервые за долгое время она не думала о долге, о секторе, о чужих кораблях на границе. Она думала о том, что завтра утром откроет окно, и воздух будет так же пахнуть солью, травой и чем-то ещё, тем самым, чем пахнет дом.

Она коснулась пальцами стекла снова, как тогда в холле, только теперь не проверяя, а просто чувствуя холод. Это был её способ сказать: «Я здесь. И я справляюсь».

Она достала планшет. Открыла первую и единственную главу «Блуждающего». Прочитала первые строки и тихо улыбнулась.

«Ни в чём, — подумала она. — Может быть и так. Но я всё равно здесь».

За окном мерцали две звёзды созвездия Амарра: дикие, неровные, упрямые.

Глава 8 Когда сталь становится шёлком

Вечер в их доме на утёсе был не из тех, что устраивают для гостей. Здесь не звенели бокалы, не звучала громкая музыка, не мелькали вспышки камер. Дом стоял на краю мыса, и ветер, прилетавший с океана, не пытался ворваться внутрь — он будто уважительно замедлялся у высоких стеклянных дверей и только шептал что-то в щели.

Эрьян стоял у бара и наливал два бокала красного. Не коллекционного, не ради статуса или шика, а того самого, которое они нашли в маленькой винодельне на окраине Зирры, когда ездили туда инкогнито, просто чтобы побыть вдвоём. Он делал это медленно, почти ритуально: не спеша, без суеты, так, как делал всё, что имело значение.

Звук льющегося вина был мягким, журчащим, как маленький ручей, который никуда не торопится. Бокал на половину наполнился, и Эрьян остановился, не продолжил, он знал: вино должно дышать. Как и разговор. Как и тишина.

Руки двигались уверенно, те самые руки с мозолями от тренировок, которые не сочетались с безупречным костюмом, но именно это сочетание делало его настоящим.

Карина сидела на широком диване у камина. На ней было простое платье из мягкой и красивой ткани, не вечернее, не для приёма, а такое, в котором можно сидеть, поджав ноги, и смотреть, как огонь рисует тени на стене. Она читала что-то на планшете, но время от времени поднимала глаза, не на Эрьяна, а на вид за окном: на то, как море сливается с небом, и границу между ними невозможно разглядеть.

Высокая, статная, с живым, чуть насмешливым взглядом, в котором всегда пряталась улыбка, она была из тех женщин, которые не пытаются заполнять пространство, они просто заполняют его, потому что так устроены. Её светлые волосы были распущены и падали на плечи мягкими волнами, и в свете камина в них мелькали золотые блики.

В доме пахло деревом, морской солью и чем-то неуловимо тёплым, что нельзя было купить или сделать на заказ — запахом жизни, в котором двое людей давно перестали быть гостями друг для друга. Где-то в углу тихо тикали старинные часы, не громко, но ровно, будто отсчитывали не время, а моменты счастья, чтобы не потерять ни один.

Он подошёл, протянул ей бокал, сел рядом, но не слишком близко, ровно на том расстоянии, которое нужно, чтобы чувствовать тепло, но не нарушать тишину.

— Сегодня было тяжело? — тихо спросил он.

Карина чуть оторвалась от планшета, взяла бокал, сделала маленький глоток.

— Немного. Анализ тектонических сдвигов по Аджи выдал интерпретацию. Данные на юге, за сектором три не сходятся с моделью. Либо модель неверна, либо мы чего-то не понимаем. А я не люблю не понимать.

— Ты разберёшься, — просто сказал Эрьян. Не как утешение, как факт. Он знал её достаточно, чтобы не предлагать помощь там, где она не нужна. Карина разбиралась сама. Ей не нужен был спаситель, ей нужен был тот, кто верит в неё, не задавая вопросов.

Она посмотрела на него, и в этом взгляде было столько благодарности, что ему стало тепло даже без огня.

— Спасибо, что не говоришь: «Давай я позвоню кому-нибудь».

— Потому, что ты сама разберёшься, — улыбнулся Эрьян. — А я просто буду рядом. На случай, если понадобится щит. Или меч. Или просто тот, кто нальёт тебе вина и скажет, что ты права.

Она рассмеялась, тем самым смехом, который всегда делал комнату светлее. Не громко, не заливисто, а так, будто мир вокруг чуть замедлился, чтобы дать этому звуку место.

Они помолчали. За окном темнело, и море становилось почти чёрным, а в доме зажигались тёплые лампы, не ярко, а так, чтобы мягко очерчивать контуры: изгиб дивана, линию её плеча, его руку на подлокотнике. Тени ложились на стены плавно, будто рисовали их с уважением.

Море за окном не молчало. Оно разговаривало: то шуршало галькой, будто перебирало чётки, то тяжело вздыхало, набегая на скалы, то вдруг замолкало на секунду, будто прислушивалось к тому, что происходит в доме. Эрьян привык к этому голосу, он стал фоном его спокойствия, как шум вентиляции на станции, только живым, тёплым, настоящим.

Эрьян смотрел на неё. Не оценивающе, не аналитически, просто смотрел, как смотрят на единственное, что по-настоящему важно и дорого. Она читала, чуть наклонив голову, и выбившаяся прядь лежала вдоль щеки. Пламя камина отражалось в её глазах, и от этого они казались ещё глубже, ещё теплее.

Он подумал: вот эта секунда. Вот этот момент, когда всё вокруг замерло, и она просто сидит рядом, живая, настоящая, его. Не потому, что он её завоевал. А потому, что она выбрала его — одного, из всего мира, из всех вариантов, из всех возможных жизней, она выбрала эту. С ним.

Он поставил бокал на столик. И вдруг встал на одно колено, прямо перед ней, на пушистом ковре, где они обычно валялись по утрам, смеясь и откладывая начало дня ещё на полчаса.

Это было не театрально. Не с цветами, не с музыкой. Просто он опустился на колено, посмотрел ей прямо в глаза и впервые в жизни в его взгляде не было этой стальной уверенности. В нём была надежда. Чистая, незащищённая, настоящая.

В руке у него не было бархатной коробочки из ювелирного салона. Из внутреннего кармана пиджака он достал тонкую цепочку, которую носил на шее, — и снял с неё перстень. Старый, из архивов его семьи, передававшийся по мужской линии. Не массивный, не показной — узкое золотое кольцо с тонкой гравировкой, которую можно было разглядеть только если поднести к свету. Но именно в свете камина гравировка проступила: два переплетённых узора, как два потока, которые сливаются в один.

Карина замерла. Планшет выскользнул из её рук и мягко лёг на диван. Она смотрела на него: на этого мужчину, который мог одним словом остановить целую систему, который не принимал оправданий, который держал себя так, что рядом с ним люди невольно выпрямлялись, и сейчас стоял перед ней на одном колене и доверял ей самое хрупкое, что у него было: своё «пожалуйста».

— Я не буду обещать, что всё будет легко, — тихо сказал он. Голос, который обычно звучал ровно, как стальная струна, сейчас чуть дрогнул, едва заметно, так, что только она могла услышать. — Я не могу обещать, что у нас не будет кризисов, скандалов, или дней, когда я буду приходить домой настолько уставшим, что даже не смогу рассказать, что случилось. Но я обещаю, что каждый раз, когда ты будешь сомневаться, я буду рядом, чтобы напомнить: ты — самое важное, что у меня есть. Пусть ты делаешь меня не сильнее — ты делаешь меня настоящим. Выходи за меня.

Тишина. Не та, что бывает в переговорных залах, когда все ждут решения. А другая: мягкая, тёплая, в которой одно слово может изменить всё.

Карина протянула руку, взяла перстень, не чтобы надеть, а чтобы почувствовать его вес. Металл был тёплым от его кожи.

— Знаешь, что меня в тебе пугает? — тихо спросила она. — Не твоя власть. Не то, сколько людей тебя слушают. А то, что ты умеешь быть таким… беззащитным. Только со мной.

Эрьян чуть улыбнулся, той самой редкой полуулыбкой, которая попадала точно в цель.

— Это не беззащитность, — мягко сказал он. — Это доверие.

Она надела перстень на свой палец. Он сел рядом, притянул её к себе, и она положила голову ему туда, где билось его сердце, ровно и сильно, как пульс планеты.

— Да, — прошептала она. — Да, я выйду за тебя.

Он выдохнул так тихо, что она едва услышала. И обнял её крепче, чем когда-либо, будто боялся, что если ослабит хватку, этот момент исчезнет. Но не грубо, бережно, как держат то, что дороже всего на свете.

Они сидели молча, и огонь в камине потрескивал ровно, будто отбивая ритм их дыхания. За окном море дышало медленно, тяжело, набегая на скалы и отступая, набегая и отступая. Где-то далеко, на горизонте, мерцали огни рыбацких лодок, маленькие, тёплые, будто звёзды, которые решили искупаться.

— Через шесть месяцев, — сказала Карина, поднимая голову. — Хочу, чтобы это было не в зале приёмов, не под камерами, не для прессы. Хочу здесь. На этом берегу. Чтобы были только те, кто нам по-настоящему дорог. И чтобы ветер был таким же, как сегодня.

Эрьян кивнул. Для него это было не просто «да, дорогая, как скажешь». Это был план. И он уже мысленно расставлял приоритеты: перенести три встречи, отменить одну поездку, договориться с капитаном маяка, чтобы в тот день огни горели ярче обычного.

— Шесть месяцев, — повторил он, словно закрепляя это слово в реальности. — И пусть весь мир подождёт.

Карина рассмеялась и ткнула его пальцем в плечо.

— Вот это — точно фраза из твоего рабочего словаря. «Пусть подождёт». Ты ведь уже всё расставил в голове, да? Кого пригласить, как рассадить, что подавать, куда ставить освещение?

Эрьян чуть приподнял бровь, ту самую, которую он поднимал на совещаниях, когда кто-то говорил очевидное.

— Нет.

— Врёшь.

— Я не вру. Это часть моей работы. Если я вру, система ломается.

— А свадьба — это система?

— Свадьба — это операция. А любую операцию нужно планировать.

Карина засмеялась громче, свободнее, откинув голову назад, и этот смех заполнил весь дом, каждый угол, каждую тень. Эрьян смотрел на неё и думал: вот ради чего стоит работать по шестнадцать часов в сутки. Ради этого смеха. Ради того, чтобы она вот так откидывала голову и не боялась быть счастливой.

— Хорошо, командир, — сказала она, вытирая уголок глаза. — План — буран. Но с одним условием.

— Каким?

— Ты не будешь командовать в день свадьбы. Ты будешь просто женихом. Просто мужчиной, который стоит рядом со мной и боится, что я передумаю.

— Я не боюсь, — тихо сказал Эрьян.

— Врёшь снова, — она улыбнулась, и в этой улыбке была вся её суть: тёплая, живая, чуть насмешливая и абсолютно его.

— Ладно, — он наклонил голову, признавая. — Может быть, чуть-чуть.

Она положила ладонь ему на щёку легко, невесомо, будто тронула перо. Его кожа была чуть шершавой, вечерняя щетина, которую он не успел сбрить, потому что сегодня ему было не до протокола. Она провела большим пальцем по линии челюсти, по той самой линии, которую знала наизусть, и он закрыл глаза на секунду, потому что это было единственное в его жизни, ради чего он мог позволить себе закрыть глаза.

Ночь окончательно накрыла мир. В доме стало тихо и более уютно. Эта тишина была наполнена: их дыханием, треском дров, шёпотом моря и тем самым чувством, когда два сильных человека наконец-то нашли место, где можно просто быть. Не большой начальник. Не «первый заместитель» и не «руководитель группы». Просто он и она. Эрьян и Карина. Два потока, которые слились в один.

За окном мерцали звёзды созвездия Амарра — дикие, неровные, упрямые. А на её пальце, в свете камина, тихо поблёскивал перстень, который ждал этого момента дольше, чем кто-либо из них мог представить.

Глава 9 Метеостанция 8

Утро на «Аджи-1» выдалось тихим. За панорамными окнами штаба пустыня лежала ровная, рыжая, залитая мягким светом Лиры, той самой тёплой звезды, которая в эти часы поднималась над горизонтом и окрашивала лиловое небо в золотистые тона. Ветер снаружи едва ощутимо шуршал песком по наружным обшивкам станции, привычный, фоновый, как далёкий шум моря, к которому привыкаешь на второй день.

В штабе было тепло и сухо. Вентиляция работала ровно, без перебоев, «Аджи-1» вообще работала как часы, и в этом была своя закономерность: планета позволяла станции существовать. Не мешала. Как будто признавала за людьми право на этот маленький клочок комфорта среди бескрайней, равнодушной пустоты. Может из любопытства. Может из чего-то, для чего у людей не было названия.

Кайл Джавад сидел в углу, пил кофе из своей неизменной кружки, потёртой, стёртым на половину логотипом, какого-то, давно забытого турнира по тактическому пилотажу. Лениво пролистывал журнал техобслуживания. Кофе на «Аджи-1» был, на удивление, неплох: Рико Сурин где-то раздобыл настоящий зерновой, а не растворимую бурду из снабженческих пайков, и теперь варил его по утрам в старой турке, которую берёг пуще любого оборудования. Запах стоял в коридоре такой, что мимо невозможно было пройти, не замедлив шаг.

— Кайл, ты опять кофе расплескал, — сказала Иса Хамад, не отрывая глаз от экрана. Её пальцы тихо и ровно стучали по клавиатуре — она вела утренний мониторинг, сводила данные с датчиков по всему сектору D3. Голос у неё был ровный, спокойный, чуть с хрипотцой от недосыпа, но без раздражения. — Я только протёрла пульт.

— Это не я, — Кайл невозмутимо отпил из кружки. — Это гравитация.

— Гравитация здесь стандартная, — парировала Иса. — Лгун!

— Значит, кофе сам, — Кайл отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

Иса чуть фыркнула коротко, почти беззвучно, но Кайл услышал и усмехнулся. Между ними была эта лёгкая, привычная перепалка — не ссора, а ритм двух людей, которые работают вместе давно и давно перестали друг друга замечать как людей, а замечают только как часть пейзажа. И всё же замечают.

Кайл скользнул взглядом по её фигуре: в этой песочной форме она всегда выглядела так, будто сама была частью системы — собранной, точной, без лишних движений. Высокий хвост, из которого выбилась одна упрямая прядь, только подчёркивал эту собранность: будто Иса позволила себе, ровно одну, маленькую небрежность и на этом остановилась. На левой ключице, там, где форма чуть сползала с плеча, мелькнула тонкая стрелка-татуировка, крошечный ориентир, который он почему-то всегда замечал.

— Ты опять проверяешь D3 по кругу? — спросил он, уже без шуток.

— Пока не сойдётся, — спокойно ответила она, не поднимая глаз. — А если не сойдётся, проверю ещё раз.

Торн стоял у главного экрана, руки скрещены на груди, и смотрел на карту сектора D3, где располагалась метеостанция 8.

Иса, листая журнал, на секунду задержала взгляд на командире.

Торн умел быть заметным, не привлекая внимания. Высокий, собранный, он стоял так, будто весь штаб держался на его неподвижности. Лицо было будто высечено из камня: скупые черты, прямой нос, линия челюсти, ни намёка на мягкость. Серо-зелёные глаза скользили по карте не спеша, но цепко, словно он считывал не координаты, а намерения самой пустыни.

Полевая военная форма, песочного цвета, сидела на нём, как вторая кожа. Строгий мундир, без лишних деталей, только тонкая полоса ветерана на рукаве — это единственная уступка

прошлому. На запястье, тяжёлые тактические часы с циферблатом, повёрнутым внутрь: Торн не смотрел на время, он его ощущал.

Он молчал, и в этом молчании не было напряжения, просто привычка: Торн всегда изучал карту перед совещанием, будто хотел выучить каждый изгиб рельефа, каждую тень от скал, прежде чем говорить. Ему нравилось знать больше, чем он собирался сказать.

У пульта, чуть в стороне от остальных, стояли две научные сотрудницы КИРН, прикомандированных к станции для работы с Хели Восс: Тия Сенеб и Илайя Мендес. Обе числились за КИРН — частной корпорацией, которая сотрудничала с правительством Аррубина и работала на Аджи по своему профилю: сбор и анализ данных, магнитные замеры, калибровка приборов. Обычная научная работа. Рутина.

Тия невысокая, тёмно-каштановые волосы собраны в простой хвост, мягкое лицо, которое легко терялось в толпе. Она не привлекала внимания и в этом была её суть: женщина, которую ты сто раз видел, но не запомнил. Тёплый, низкий голос, спокойный взгляд, будто она слушала не слова, а паузы между ними. Всё, что,было на ней, функционально: песочная форма: куртка, штаны, удобные ботинки, тонкий браслет-обруч на запястье, который выглядел как бижутерия. Перчатки в кармане.

Тия стояла чуть в стороне, руки в карманах, и машинально касалась браслета большим пальцем, коротко, привычно, как касаются часов, проверяя, на месте ли. Жест, который она не замечала за собой, но который выдавал её: человек, привыкший контролировать мелочи, потому, что от мелочей зависит всё.

Рядом с ней стояла Илайя. Совсем другая. Высокая, стройная, подтянутая, с лёгкой спортивной статью, фигура, которая говорила: «Я могу за себя постоять». Огненно-рыжая копна густых волос, собранных в хвост, — единственное на всём «Аджи-1», что контрастировало с оранжевым песком за окном. Крупные, но гармоничные черты лица: широкие брови, большие зеленовато-голубые глаза, крупноватые губы, прямой нос. Лицо открытое, располагающее, без надменности. Когда она смотрела, казалось, что видит насквозь, но не осуждает. На шее простой кулон на тонкой цепочке, не украшение, а личный маячок. На правом запястье старые командирские часы с потёртым ремешком. Голос ее тёплый, низковатый, с лёгкой хрипотцой: к нему прислушиваешься, не потому, что громкий, а потому, что звучит.

Илайя улыбалась, слушая перепалку Кайла и Исы. Это была естественная, тёплая улыбка из тех, что появляется сама, когда вокруг тебя люди, которые тебе нравятся. Она стояла, чуть наклонив голову, просто привычка слушать под углом, будто звук имеет форму и его удобнее ловить чуть сбоку. В её руке кружка с чаем. Не кофе, а именно мятный чай, который она заваривала себе каждое утро, и от которого в коридоре пахло летом, настоящим, зелёным, которого на Аджи не бывало.

— Ну что, — Кайл допил кофе и поставил кружку на край пульта, что там с восьмой? Опять ретранслятор сдох?

— Не сдох, — ответила Иса, не отрывая глаз от экрана. — Просто замолчал. Сигнал пропал четыре дня назад. Последний пакет данных пришёл нормальный: температура, давление, ветер. А потом ничего. Ни помех, ни аварийного сигнала. Просто тишина.

— Может, антенну песком занесло, — предположил Кайл. — В прошлый раз третью два дня чистили.

— Может, — согласилась Иса. — А может, и нет. Поэтому и отправляем людей смотреть.

Торн повернулся к ним, и в штабе стало чуть тише, не потому, что он потребовал тишины, а потому, что его молчание закончилось, а когда Торн начинал говорить, лишние звуки уходили сами.

— Приказ с Амины, — сказал он. — КИРН направляет вас на метеостанцию 8, квадрат D3J5. Шестьсот километров, юго-запад. Связь с которой терялась несколько дней назад. Работаете столько, сколько потребуется. Помимо технического обслуживания антен и диагно-

стики систем, вы должны провести разведку прилегающей местности по средствам дрона. В ваше распоряжение одна из машин «Аджи Шторм-Х». План эвакуации стандартный: при тревоге — авиаподдержка через пятнадцать-двадцать минут. Если погода нелётная, то выдвижение наземного конвоя навстречу. При внезапной потери связи — автоматический вылет через двадцать четыре часа. По дороге до места, как обычно, стандартное сканирование местности. Вопросы?

Тия посмотрела на экран, где мигала точка метеостанции, и её губы чуть дрогнули. Она машинально коснулась браслета, коротко, почти незаметно и отвела взгляд.

— Ненавижу эту корпорацию, — сказала она тихо, но ее все услышали. — Они за людей нас не считают. В ее голосе звучала безысходность и усталость.

— Тише, Тия, — осекла ее Илая.

Кайл чуть шевельнулся, не резко, а так, как человек, которому неловко. Он работал на Амину, вооруженные силы, а КИРН в данном случае была для него «клиентом», тем, кто ставит задачи своим людям, но не объясняет зачем. Он давно привык к этому неравенству, и привычка эта была похожа на смирение, только с гордым лицом. Он промолчал, только отпил из кружки, но кофе уже остыл, и он поморщился.

Тишина повисла в штабе. Не тяжёлая, скорее неловкая, как бывает, когда кто-то сказал вслух то, что все думают, но обсуждать не принято. Щёлкнул автоматический клапан вентиляции под потолком, привычный, ровный звук, который в этой тишине прозвучал чуть громче, чем обычно.

Торн не отреагировал на реплику он знал, что это не его дело, кто и что направил. Его дело, чтобы они вернулись, живыми. Конечно, внутри было сочувствие и соледарность. Он посмотрел на Тию, потом на Илайю, и его серо-зелёные глаза на секунду задержались на каждой, будто проверяя: готовы? Не к дороге, к тому, что ждёт их в конце.

Иса чуть прищурилась, но промолчала. Только пальцы на клавиатуре замерли на секунду, а потом снова застучали, ровно и привычно. Она не вмешивалась в чужие разговоры, но она слышала всё. И запоминала.

И тут сзади, из коридора, появился Рон. Его голос прилетел раньше, чем он сам — весёлый, чуть гулкий в металлическом коридоре:

— Ну что, народ, кто-нибудь видел мои перчатки? Кажется, я их снова потерял.

Он вошёл в штаб, встал между Тией и Илайей, обнял обеих за плечи и широко улыбнулся, той самой мальчишеской улыбкой, с чуть выступающими передними зубами, от которой невозможно было не улыбнуться в ответ. Очки-авиаторы сползли на макушку, воротник расстёгнут, рукава закатаны. От него пахло чем-то лёгким — не духами, а просто чистотой, свежей формой и тем особым воздухом, который бывает вокруг людей, которым нравится жить.

— Девочки, я с вами! — объявил он весело.

Его голос прозвучал в тишине штаба, как звонкий камешек, брошенный в тёмный колодец: звук был неуместным, но он хотя бы доказывал, что здесь всё ещё есть жизнь, и что не всё в этом мире — обязательства, приказы и молчание.

Они одновременно, не сговариваясь, сбросили его руки, коротко, синхронно, без злости, но так твёрдо, что Рон едва успел отступить на шаг. Улыбка не исчезла, она стала чуть шире.

— Я пошутил, — сказал он, поднимая руки.

— Мы заметили, — ответила Тия, и в её низком голосе мелькнуло что-то, похожее на сдержанный смешок. Она чуть повернулась к Илайе, и между ними прошёл взгляд, короткий, почти невидимый, из тех, что говорят больше слов.

Илайя улыбнулась, коротко, но искренне, и чуть покачала головой, будто говоря: «Рон, ты безнадёжен». И в этом жесте не было игры.

Рон пожевал жвачку, окинул обеих взглядом, не оценивающе, а по-доброму, с тем лёгким, флиртующим вниманием, которое было его естественным состоянием, как дыхание.

— Серьёзно, если что, я рядом. Только скажите.

— Скажем, — ответила Тия ровно. — Если будет, что сказать.

Торн посмотрел на Рона.

— Девушки отправятся самостоятельно на разведывательной машине «Аджи Шторм-Х». Если потребуется, заберёшь их ты или Тео. Всё ясно?

— Кристально, командир, — кивнул Рон, и беззаботность в его голосе вдруг чуть притухла. — Если потребуется, конечно заберу. Как всегда.

Торн кивнул.

— Машина ждёт в ангаре. Сейчас парни вам её выгонят.

Кайл встал, допивая остатки остывшего кофе, и потянулся широко, лениво, по-домашнему.

— Ну, ни пуха, — сказал он просто, глядя на Тию и Илайю. — Дорога длинная, так что… берегите себя и не гоните по барханам.

— Это тебе не гонять, — сказала Иса, и в её голосе мелькнула редкая, едва заметная нотка юмора. — Ты у нас по гаражам гоняешь, а они по работе.

Кайл развёл руками.

— Кто-то же должен проверять, как ходят машины.

— Машины ходят нормально, — бросил Рико из-за двери, где он уже ждал у ангара. — Это ты проверяешь, как ходит кофе к пульту.

В штабе кто-то коротко рассмеялся — может, Кайл, может, Иса. Звук был тихим, привычным, тёплым. Таким, какой бывает только в местах, где люди давно живут вместе и давно устали удивлять друг друга, но не устали нравиться.

Тия и Илайя переглянулись. Коротко, одно мгновение. И в этом взгляде ни страха, ни волнения. Деваться некуда, приказ корпорации, без обсуждений. Потому, что таков протокол.

— Готова? — тихо спросила Тия, и голос её был таким же мягким и тёплым, как всегда.

— Готова, — ответила Илайя и допила свой мятный чай.

Торн кивнул — коротко, по-военному.

— Хорошо, девочки, выдвигайтесь, — его голос стал на долю мягче, — мы проводим вас.

Вангаре пахло горячим металлом, смазкой и чуть-чуть — озоном, как всегда бывает рядом с мощной техникой. Свет здесь был ярче, чем в коридорах станции: длинные лампы на потолке безжалостно высвечивали каждую царапину, каждый шов, каждую каплю конденсата на стенах. Но «Аджи Шторм-Х» под этим светом выглядел не потрёпанным, а собранным — как зверь, который знает, что скоро ему придётся бежать.

Машина стояла в центре, будто сама заняла лучшее место. Она и правда выглядела так, будто её вырезали из одного куска металла: тяжёлый, литой, бронированный корпус, обтекаемая кабина и кунг сливались в единый силуэт — будто кто-то взял форму военного транспорта и убрал всё лишнее.

Длинный капот, по бокам короткие, широкие крылья с оптикой: камеры, дальномеры, сканеры местности: всё утоплено в обводы, ничего не торчало. Фары не круглые, а щелевидные, врезанные в переднюю панель, будто прищуренные глаза. Лобовое стекло узкое, бронированное, с тонкой плёнкой, которая не пропускала пыль.

Кунг был длинным, чуть выше кабины, с рядами телескопических антенн на крыше — тонкие, многосекционные, они складывались и поднимались с тихим шорохом, будто усы огромного насекомого. Их было больше, чем у любого транспорта на станции: «Шторм-Х» был разведчиком, и локаторы были его главным оружием. На бортах — номер серой краской: 011. Цвет — тёмно-зелёный, хвойный, тот самый, который на Аджи выглядел чужеродно и одновременно родственно, будто станция посылала кусок себя в пустыню.

Рико уже стоял у машины, протирая ветошью последнюю панель. Он делал это не потому, что машина была грязной, а потому, что ему так было спокойнее — будто, вытирая пыль,

он возвращал машине голос. Когда Тия и Илайя подошли, он бросил ветошь на капот и чуть кивнул.

— Готова, — сказал он спокойно, без лишней бравады. — Энергоконтур, трансмиссия, резервный контур — всё проверил. Антенны — все шестнадцать. Оптика — чистая, но через каждые двадцать километров всё будет в песке, так что протирайте на каждой остановке.

— Спасибо, Рико, — сказала Илайя, и в её голосе прозвучала та самая тёплая, низковатая нотка, которая заставляла людей расслабляться рядом с ней. — Ты всегда всё делаешь на совесть.

Рико чуть усмехнулся, его тёмно-карие глаза блеснули, но он только пожал плечами, будто это не заслуга, а просто работа.

— Конечно, — ответил он. — Две штурмовые винтовки и ящик патронов в кузове. Закреплены, не болтаются. Пристёгивайтесь, дорога будет длинной.

— Спасибо, — повторила Тия, но теперь её голос стал чуть мягче, теплее, чем обычно. Она улыбнулась, не широко, а так, как улыбаются человеку, на которого можно положиться. — Это многое значит.

— Удачи, девушки, — добавил Рико, и в его обычно ровном голосе мелькнуло что-то тёплое — то, что он не показывал часто. — Пусть песок будет мелким, а дорога прямой.

Тия кивнула. Илайя улыбнулась коротко, но искренне.

У выхода из ангара стояли Кайл, Торн, Иса… и Рон. Рон, как всегда, был чуть впереди остальных, будто хотел первым поймать момент, первым сказать что-то, что сделает этот момент чуть легче.

Кайл первым протянул руку крепко, по-мужски.

— Возвращайтесь, — сказал он просто. — И не гоните по барханам, ладно? Машина хорошая, но песок, он не прощает спешки.

Торн пожал обеим руки, коротко, без лишних слов. Его серо-зелёные глаза на секунду задержались на каждой, будто проверяя: готовы?

Иса молча кивнула, и в этом кивке было всё: «Я буду следить за данными. Если что-то пойдёт не так, я увижу первой».

Тия и Илайя отдали воинское приветствие, чётко, по-уставному, и Торн ответил тем же.

Рон стоял у грузовика, руки в карманах, очки на носу, и смотрел, как Тия и Илайя открывают двери кабины. В его взгляде не было ни давления, ни намёка, только искреннее, мальчишеское желание быть полезным. Он пожевал жвачку, будто подбирая слова, чтобы они прозвучали правильно, не слишком серьёзно и не слишком легко.

— Я буду на связи, девочки, — сказал он, и голос его был тёплым, но без флирта, без игры, просто как обещание. — Только скажите, я заберу вас обратно, всё будет хорошо. Если что, вызывайте, я здесь, через пятнадцать минут буду над вами. Держите канал открытым, ладно?

Илайя улыбнулась ему лёгкой, непринуждённой улыбкой, будто только, что обернулась на знакомого, которому рада.

— Спасибо, Рон, — сказала она мягко. — Это уже половина спокойствия.

Он кивнул, будто запоминая эту улыбку, и чуть приподнял очки, поправляя их, хотя они и так сидели ровно.

— Да ладно, — пробормотал он, будто стесняясь благодарности. — Я просто… ну, я тут. Всегда тут.

Тия на секунду задержала на нём взгляд, чуть дольше, чем нужно, будто видела в нём не просто весёлого парня, а человека, который держит всех на плаву.

— Спасибо, — сказала она просто. Иногда этого достаточно.

Рон улыбнулся широко, искренне, без тени самодовольства.

— Вот и отлично, — выдохнул он. — Значит едем. Значит, справимся.

«Шторм-Х» плавно тронулся, покидая ангар, два раза коротко посигналив, не громко, не вызывающе, а так, будто прощался с домом. Машина направилась на юго-запад, в квадрат D3J5, шестьсот километров по пустыне, перевалам, ущельям, древним руслам, когда-то существовавших рек.

*****

Дорога была накатанная, здесь песок был плотным, утрамбованным, и «Шторм-Х» катился по нему почти бесшумно, только подвеска тихо вздыхала, сглаживая мелкие неровности. По бокам тянулись невысокие дюны, похожие на застывшие волны, а вдалеке, на горизонте, уже темнели первые скалы, цепь горных хребтов.

Солнце поднималось всё выше, и его свет становился жёстче, белее. Тени от дюн ложились на дорогу чёрными полосами, и казалось, что машина едет по гигантской решётке, будто кто-то специально расчертил пустыню, чтобы люди не забывали: здесь есть границы.

Постепенно равнина начала уходить вниз, и дорога превратилась в узкий коридор между скалами. Здесь ветер менялся, он уже не гнал песок вперёд, а крутил его в тесных каменных карманах, заставляя кружиться на месте, как воду в воронке. Песок летел косо, царапая броню, и на тёмно-зелёном металле оставались тонкие светлые полосы, будто пустыня ставила на машине свои метки, проверяя, чья она.

Тия вела ровно, не торопясь, позволяя тяжёлой машине самой выбирать ритм. Подвеска работала почти бесшумно, сглаживая удары, но всё равно в кабине чувствовалась тяжесть пути, будто сама планета не хотела, чтобы они уезжали далеко от станции.

Илайя сидела рядом, не отрываясь от сканеров. Экраны мерцали, ловя малейшие изменения магнитного фона, температуры, давления.

— Пока всё штатно, — тихо сказала она, будто не хотела нарушать тишину пустыни. — Ветер ровный, песок мелкий. Никаких аномалий.

Тия чуть кивнула, не отводя глаз от дороги.

— Хорошо, — ответила она ровно. — Пусть так и будет.

Пустыня вокруг них жила своей жизнью. Скалы, похожие на застывших чудовищ, смотрели им вслед. Песок шептал что-то на непонятном языке. А небо, лиловое и равнодушное, казалось, знало, что произойдёт дальше, но не спешило делиться этой тайной.

«Шторм-Х» продолжал свой путь, тяжёлый, литой, собранный из одного куска металла, будто сам был частью этой планеты, но выбрал сторону людей. И пока он ехал, пока его антенны ловили сигналы, собирая информацию об окружающей обстановке, а энергоконтур выжимал из себя последние силы, Тия и Илайя держались за свою задачу, как за якорь в этом безумном, живом мире Аджи.

*****

Часа через четыре после выезда рельеф начал меняться, не резко, а постепенно, будто кто-то медленно выкручивал контраст на экране. Равнина, по которой «Шторм-Х» шёл ровно и почти бесшумно, сменилась цепью горных хребтов, узкое ущелье, потом снова пустыня. Снова довольно быстро движение. Позже дорога незаметно пошла вверх, сузилась, втиснувшись между двумя невысокими грядами. Песок здесь стал грубее, крупнее, словно пустыня сменила пудру на наждачку. Он уже не висел в воздухе, а лежал на дороге плотным, шершавым слоем, и шины «Шторма» продавливали его с тихим, монотонным хрустом, будто машина шла по сахару.

Свет тоже менялся. Лира, поднимаясь всё выше, начинала светить не золотом, а медью, тёплой, густой, с красноватым подтоном, от которого скалы вокруг казались не серыми, а бурыми, будто вымазанными ржавчиной. Это не было красиво и не было уродливо — это было чуждо. Так светит солнце в месте, которое не привыкло к гостям.

— Краснеет, — заметила Илайя, глядя на небо через узкое лобовое стекло. — Сначала было золотое, а теперь как медь.

— Это рельеф, — ответила Тия, не отрывая глаз от дороги. — Скалы отражают. Здесь порода богаче железом, чем в низине. Сканер наверняка подтверждает?

Илайя глянула на экран.

— Подтверждает. Содержание оксида железа в грунте — семь с половиной процентов. Для низины было два.

— Ну вот, — Тия чуть кивнула. — Красим ландшафт.

Машина шла дальше, и вид окружающей среды вокруг становился всё более замкнутым. Гряды по бокам поднялись, их склоны стали круче, и небо над дорогой сузилось до полосы — рыжей, как старая медь, с редкими белыми прожилками облаков. Ветер здесь уже не дул свободно, а просачивался между скалами, как вода по щелям, и шёл от него ровный, низкий гул, не страшный, но настойчивый, будто кто-то постоянно выдыхал в спину.

Илайя время от времени переключала режимы сканирования. Экраны «Шторма» работали в фоновом режиме: магнитный фон, температура, влажность, давление, топография — всё фиксировалось автоматически, без её участия, но она проверяла вручную, по привычке. За четыреста километров пути ничего интересного. Ровные, скучные, нормальные цифры. Обычная, стандартная обстановка на Аджи, обычная пустыня, обычная работа.

— Русло, — сказала Тия, чуть сбрасывая скорость.

Впереди, поперёк дороги, лежала широкая ложбина, неглубокая, метров пять-шесть, с пологими берегами, покрытыми мелким щебнем. На дне сухой, потрескавшийся грунт, и по нему — редкие камни, округлые, гладкие, будто кто-то долго катал их по воде. Но воды здесь не было, возможно, очень давно. И всё же это было несомненно русло: форма, наклон, характер берегов, всё говорило о том, что когда-то здесь текла вода. Может быть не река, может просто поток после редкого ливня, но вода здесь, несомненно, когда то была.

— Отметь, — сказала Тия.

Илайя кивнула, и на экране появилась новая точка с координатами.

— Второе русло за последний час, — заметила она. — Оба сухие. Но форма чёткая, вода была, и не один раз.

— Записывай, — Тия чуть прибавила скорость, выруливая с русла обратно на дорогу. — Картография есть картография. КИРН любит детали, ЦНИЦА тоже.

— КИРН любит, чтобы мы любили детали, — поправила Илайя, и в её голосе мелькнула мягкая ирония. — Сами они любят отчёты.

Тия чуть усмехнулась — коротко, почти беззвучно.

— Отчёты — это их язык. Мы — их руки.

— Вот именно, — Илайя чуть откинулась в кресле. — Руки, которые не знают, что делает голова.

Тия промолчала. Не потому, что нечего было сказать, а потому, что в этих словах была доля правды, которую она предпочитала не обсуждать вслух. КИРН давал задачи, но не давал ответов. Так было всегда. Ты знаешь, что нужно собрать, но не знаешь, зачем. Ты знаешь, куда ехать, но не знаешь, что найдёшь. Ты веришь, что наверху умные люди с планом, но проверить не можешь.

Они верили. Обе. Но вера — это не знание.

Впереди показался перевал. К седьмому часу пути дорога вела снова в горы. Сначала полого, по широким террасам, вырезанным в скальных породах, будто кто-то, когда-то, провёл здесь дорогу и аккуратно срезал лишний камень. Но потом террасы кончились, и начался подъём, крутой, узкий, с поворотами, которые ширились на грани возможного для тяжёлой машины.

«Шторм-Х» шёл тяжело. Контур ревел не жалобно, а густо, упрямо, будто сам металл машины упирался в камень и не собирался сдаваться. Тия вела осторожно, принимая каждый

поворот с запасом, чтобы литые крылья не цепляли скалу. Колёса цеплялись за выступы, подвеска стонала, и в кабине всё ощущалось: каждый камень, каждый уклон, каждый рывок.

Скалы здесь были другие: не рыжие и не бурые, а серые, почти чёрные, будто выжженные изнутри. Они нависали над дорогой, смыкаясь сверху, и свет Лиры пробивался сквозь узкие щели между ними, ложась на дорогу неровными, дрожащими полосами. В этих полосах плясали пылинки, и казалось, что воздух здесь не просто плотный, он тяжелее обычного, будто кто-то добавил в него вес.

На скалах, в трещинах и расщелинах, росли деревья. Тия видела их краем глаза и каждый раз чуть задерживала взгляд — привычка, профессиональная, впитанная до рефлекса. Деревья были невысокие — метра три, не больше, с узловатыми, искривлёнными стволами, серыми, почти чёрными, будто обугленными. Листва была жёсткой, пыльноц, бесцветной: не зелёная и не коричневая, а какого-то неопределённого, серо-жёлтого оттенка, словно цвет давно выгорел и осталось только его воспоминание. Ветки торчали в стороны, цепляясь за трещины корнями, и вся картина выглядела так, будто деревья не росли, а цеплялись за жизнь из последних сил, упрямо, безрадостно, но цепко. И всё же живые.

— Деревья, — сказала Илайя, и в её голосе не было удивления, только тихая констатация. Она видела их и раньше, но сейчас они выглядели иначе, не как те, редкие в пустыне. Это был факт, который нужно зафиксировать и осмыслить.

— Серая листва, — отметила Тия. — Хлорофилл?

— Не похоже, — Илайя сверилась с данными сканера. — Растительный покров фиксирую, но спектр нетипичный. Не стандартный. Возможно, адаптация к местной атмосфере. Или к свету. Лира и Мора дают смешанный спектр, видимо, растения подстраиваются.

— Записывай, — сказала Тия. И добавила тише: — Красивые, в своём роде. Упрямые.

Илайя чуть повернулась к ней, не резко, а так, будто хотела увидеть, серьёзно ли Тия. Тия не улыбалась, но что-то в её взгляде смягчилось на мгновение, не нежность, а признание: да, я вижу. Да, мне не всё равно.

— Упрямые, — согласилась Илайя. — Как мы.

Тия ничего не ответила. Только чуть качнула головой, может, в знак согласия, может, просто убирая мысль. Дорога требовала внимания, и внимание было нужно ей полностью.

Показался спуск. Перевал кончился так же, как начался, постепенно. Вершина прошла незаметно: просто в какой-то момент дорога перестала подниматься и начала спускаться, и «Шторм-Х» пошёл вниз, медленно, осторожно, Тия держала скорость на минимуме, позволяя тяжёлой машине вписываться в повороты без рывков. Спуск был круче подъёма, и каждое колесо проверяло сцепление на каждом метре.

Внизу, за последним поворотом, открылась долина, широкая, сухая, окружённая скальными гребнями с двух сторон.

Метеостанция восемь стояла в распадке между двумя скальными гребнями, которые защищали её от прямого ветра, но не от песка, он просачивался везде, как вода, забивая щели, обволакивая антенны, оседая на крыше ровным, мягким слоем. Станция была гораздо меньше «Аджи-1»: два модуля — жилой и технический, соединённые переходом, и вышка с основными датчиками, которая уходила вверх, в небо, на двадцать метров. Модули приземистые, из того же тёмного металла, что и «Шторм-Х», будто их отлили в одной мастерской. Цвет серый, но не от краски, а от пыли, которая покрывала всё здесь ровным, матовым слоем, лишая поверхности блеска.

Станция стояла на возвышенности, невысоком каменистом плато, которое поднималось над окружающей долиной метров на тридцать. Справа, внизу, за пологим склоном, был хребет, впереди: уходила в бесконечность пустыня, бескрайняя, рыжая, с длинными барханами, которые тянулись параллельными рядами, как волны, застывшие в мгновение перед тем, как разбиться о берег. Слева, дальше, от станции так же хребты. Горы, одна за другой, слоями,

будто кто-то разложил их по глубине: ближние тёмные, чёткие, с различимыми трещинами и выступами; дальние более блеклые, темные, растворяющиеся в дымке горизонта. А рядом, в полукилометре от станции пролегало русло. Широкое, сухое, с гладкими камнями на дне и пологими берегами. Безводное, но несомненно — форма, наклон, характер говорили: вода здесь была. Когда-то. Очень давно.

Ветер здесь был постоянным, не сильным, не слабым, а ровным, средним, будто планета поставила его на нужную громкость и забыла выключить. Он гнал песок по склону мелкими струйками, шуршал по металлу станции, по антеннам, по крыше, и от этого звука складывалось ощущение, что место это не пустое, а ждущее. Не опасное, нет, по крайней, пока. Но и не гостеприимное. Аджи не встречала их и не гнала, она будто бы позволила им добраться. Разрешила пока тут побыть. Но так, как разрешает постоять на пороге хозяин, который ещё не решил, пустить или закрыть дверь.

«Шторм-Х» подъехал к станции, на бетонную площадку, небольшую, с трещинами, в которые забился песок. Контур заглох, и в наступившей тишине сразу стало слышно, как ветер поёт в антеннах вышки, тонко, ровно, на одной ноте, будто настройка камертона, которая никогда не заканчивается.

Тия и Илайя вышли. Песок тут же облепил ботинки, забился в складки одежды, лёг тонкой серой вуалью на плечи. Тия машинально стёрла его с рукава, но он тут же вернулся, будто его и не убирали.

— Ну, — сказала Тия, поправляя хвост. — Пошли работать.

Первым делом был протокол. Тия открыла кунг сзади и вытащила два кофра: один с метеокомплектом, который значился в накладных, второй с оборудованием, которое ни в каких накладных не значилось. Она поставила оба рядом, ничем не выделяя один перед другим.

Илайя тем временем запустила бортовой терминал «Шторма» и переключила машину в режим ожидания, контур заглушился полностью, но системы продолжали работать: сканеры, антенны, локаторы — всё, что делало «Шторм-Х» разведчиком, осталось активным. Машина не спала, а слушала.

Потом Илайя открыла нижний люк кунга и выкатила оттуда дрон «Глаз 3», небольшой, в развернутом состоянии размах крыльев в пару метров, плоский, покрытый радиопоглощающим материалом. На земле он выглядел невзрачно: серый, пыльный, похожий на большой каменный лист. Но в воздухе он преображался: тихий, почти бесшумный, почти невидимый на радарах, не отличался от птицы. Если бы здесь были птицы.

— Запускаю, — сказала Илайя, и дрон взлетел — коротко, мягко, без рывка. Он поднялся над станцией, сделал круг, набирая высоту, и ушёл на юго-восток, в пустыню.

— Радиус? — спросила Тия.

— Пятьсот, пятьсот километров— ответила Илайя. — Возврат по сигналу или через четырнадца часов. Он будет облетать местность, фиксировать рельеф, магнитный фон, температурные аномалии. Всё запишется на бортовой накопитель, передача данных только при возврате.

— Хорошо, — кивнула Тия. — Пока он работает — мы тоже работаем.

Она достала из кофра планшет и открыла зашифрованный файл. Не тот, который видела Иса на «Аджи-1», и не тот, который значился в официальном задании. Другой. С протоколом, который в КИРН назывался «Протокол-С» — скрытый, для полевых агентов, работающих под прикрытием. Тия ввела код, приложила палец к сканеру, и файл открылся.

— «Протокол-С», операция «Песчаный след», — прочитала она тихо, и голос её был уже не тёплым и не мягким, а ровным, деловым, тем голосом, который люди слышат, когда говорят о работе, от которой зависит многое. — Задача: сбор данных с метеостанции восемь, квадрат D3J5. Цель: фиксация магнитных аномалий и вибрационных паттернов в нижних ярусах станции, так же забрать протоколы и весь материал на электронных и бумажных носителях. Прио-

ритет — данные с ярусов минус один и ниже. Срок: трое суток. Эвакуация по плану «Шторм» или по внешнему сигналу.

Илайя слушала, стоя рядом, и её лицо было спокойным, но внимательным, она не просто слушала, она впитывала, привыкая к каждому слову, будто примеряя на себя.

— Передача данных с «Аджи Шторм Х» и «Глаз» через ретранслятор, — продолжила Тия. — Канал «Тихий». Срок доставки на Амину двенадцать часов. Копии информации с метеостанции на электронный накопитель и все документы на бумажном носителе – строго — лично в руки.

— Кому? — спросила Илайя, хотя знала.

— Вэйну, — ответила Тия. — Напрямую. Не через аналитический отдел, не через Самиру. Лично Вэйну.

Илайя чуть кивнула. Это означало: данные с высоким приоритетом. Когда в КИРН что-то идёт напрямую Вэйну, а не через аналитиков, это значит, что операция не рутинная. Это значит, что наверху кто-то ждёт ответа, который не может ждать.

— Вэйн не объяснил, зачем, — констатировала Илайя.

— Вэйн никогда не объясняет, — ответила Тия. — Он даёт задачу, даёт ресурсы и даёт срок. Остальное — за нами.

— И нам остаётся верить, что он знает, что делает.

Тия помолчала. Потом:

— Я работаю с ним четыре года, Илайя. За это время он ни разу не отправил по пусту. Ни разу не дал задачу, которая не имела смысла. Либо на откровенный риск, не предупреждая об этом. Я не говорю, что он хороший. Я говорю, что он точный.

— Точный, — повторила Илайя, и в её голосе прозвучала нота, которую Тия слышала раньше: уважение, смешанное с осторожностью. — Точный — это хорошо. Но я бы предпочла ещё и честный.

— Может, он честный, — тихо сказала Тия. — Просто его честность не та, к которой мы привыкли. Его честность — это не «я скажу тебе правду». Его честность — это «я сделаю так, чтобы ты вернулась». И пока он делает именно это — я работаю.

Илайя посмотрела на неё долго, внимательно, тем взглядом, от которого казалось, что она видит насквозь, но не осуждает. Потом чуть кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда работаем.

*****

Они выгрузили снаряжение, перенесли в жилой модуль и заперли дверь. Потом Тия достала из кунга две штурмовые винтовки — короткие, компактные, с коллиматорным прицелом и протянула одну Илайе.

— Прогуляемся, — сказала она. — Посмотрим на станцию снаружи.

Они вышли и пошли не спеша, не таясь, но и не расслабляясь. Винтовки висели на ремне, не держали в руках, но и не за спиной — на том уровне, с которого их можно было поднять за секунду. Привычка, отработанная до автоматизма.

Ветер встретил их сразу ровный, постоянный, шуршащий. Он нёс песок, мелкий, как пудра, и тот ложился на одежду, на оружие, на волосы, ровным, невидимым слоем, который не мешал, но напоминал: вы не дома.

Они отошли от станции на триста метров, достаточно, чтобы увидеть её целиком, от вышки до фундамента. Станция отсюда выглядела маленькой, но упрямой: два серых модуля, вышка и антенны, вписанные в распадок между скалами, как загнанный зверь, который выбрал позицию и решил держаться. Песок лежал на крыше, забивался в щели, оседал на антеннах, и казалось, ещё пара дней и пустыня поглотит станцию, спрячет её, будто её и не было.

Но не поглощала. Пока не поглощала.

Тия остановилась и посмотрела на станцию, долгим, внимательным взглядом, тем, которым она смотрела на всё: не оценивая красоту, а считывая детали. Расположение модулей, угол вышки, направление антенн, расстояние до скальных гребней. Всё фиксировалось в ее памяти, всё учитывалось.

— Маленькая, — сказала Тия.

— Но стоит, — ответила Илайя. — Уже сколько лет и стоит.

— Аджи позволяет, — тихо сказала Тия. — Пока позволяет.

Илайя подняла взгляд к горам. Скальные гребни поднимались над станцией, тёмные, тяжёлые, с выступами, похожими на плечи, и в этом ракурсе они казались не породой, а фигурами: застывшими, молчаливыми, наблюдавшими. Не угрожающе. Но и не дружелюбно. Так смотрит существо, которое видело многое и которому всё равно, уйдёшь ты или останешься.

— Красиво, — сказала Илайя, и это было не комплиментом, а фактом. — По-своему. По-аджийски.

— По-аджийски — это когда красиво и неуютно одновременно, — сказала Тия, и в её голосе мелькнула тень улыбки.

Илайя рассмеялась тихо, коротко, и смех её, тёплый и низковатый, прозвучал в этом пустом, гудящем от ветра пространстве как-то инородно, но и правильно, будто именно этого звука не хватало ландшафту.

Они стояли рядом, две фигуры на каменистом склоне, винтовки на ремне, ветер в волосах, песок на плечах и молчали. Не потому, что нечего было сказать, а потому, что иногда молчание между близкими людьми значит больше, чем разговор.

Потом Илайя сказала:

— Знаешь, что меня удивляет?

— Что?

— Вэйн. Он ведь мог послать сюда Норка. Или Маркоса. Или вообще — «Сектор». Профессионалов, которые делают только это. Но он послал нас. Двух «научных сотрудниц».

— Потому, что мы — не выглядим как КИРН, — ответила Тия. — Мы выглядим как две женщины, которые приехали обслуживать станцию, делать замеры. Если кто-то будет интересоваться, то у нас есть накладные, пропуска, задание. Всё чисто. Норк — это тень в бронекостюме. Его невозможно не заметить. А нас — невозможно запомнить.

— Особенно тебя, — сказала Илайя с мягкой усмешкой.

Тия посмотрела на неё и впервые за весь день улыбнулась по-настоящему. Не той тёплой, располагающей улыбкой, которую она носила как маску, а настоящей, короткой, кривоватой, чуть неловкой, как будто она не привыкла улыбаться.

— Я стараюсь, — сказала она.

Илайя толкнула её плечом коротко, по-дружески, без слов.

— Ты хорошо стараешься, — сказала она. — Лучшая «научная сотрудница», которую я знаю.

Они постояли ещё минуту. Ветер шуршал песком, вышка станции поскрипывала, и где-то вдалеке, за хребтами, медленно и тяжело гасла Лира, опускаясь за горизонт. Свет стал ещё краснее, не тревожным, а глубоким, как цвет старого вина, и тени от скал вытянулись, потемнели, потянулись к станции, словно пальцы, пробующие, насколько она крепка.

— Пойдём, — сказала Тия. — Внутри посмотрим. Данные не ждут.

— Данные никогда не ждут, — согласилась Илайя. — Это мы ждём, пока данные решат, что с нами делать.

Они развернулись и пошли обратно к станции — медленно, не оглядываясь, но и не торопясь. За ними «Шторм-Х» стоял с включёнными сканерами, антенны тихо шуршали, локатор медленно вращался вокруг своей оси и в его фоновом гуле слышался ровный, монотонный

пульс данных, ничего особенного, ничего аномального, просто очередное картографирование пустыни, которая, возможно, была не такой пустой, как казалось.

*****

Метеостанция восемь встретила их тишиной. Не той спокойной тишиной, какая бывает в пустом доме, куда ты возвращаешься после долгого дня, а другой, напряжённой, будто станция задержала дыхание и ждала, когда они сделают первый шаг.

Тия вошла первой, ее привычка: сначала та, кто считает двери, потом та, кто считает людей. Она шагнула через порог жилого модуля, и сразу почувствовала, как меняется воздух: снаружи ветер, песок, сухой колючий холод пустыни, а здесь застойное тепло, затхлое, но не неприятное. Пахло пылью, нагретым металлом и чем-то ещё, едва уловимо, на грани восприятия, будто старой бумагой и озоном. Запах места, где давно не было людей, но всё работало, всё ждало.

Илайя прошла следом, с контейнером оборудования, которое по документам было обычным метеокомплектом, а по факту комплексом для фиксации магнитных аномалий с повышенной чувствительностью. Ни одна этикетка на нём не говорила правды. Она поставила контейнер на пол, огляделась и потёрла нос, пыль стояла в воздухе ровным слоем, и при каждом движении она поднималась мелким облачком, медленно оседая обратно.

— Давненько тут никто не убирался, — сказала Илайя, и в её голосе не было ни жалоб, ни раздражения, простая констатация. Она провела пальцем по ближайшей консоли, и палец остался серым. — Хотя, судя по всему, уборка тут и не предусмотрена.

— Это не курорт, — ответила Тия, уже открывая щиток проверки периметра. — Это рабочая точка. Приезжают, работают, уезжают. Никто тут не живёт.

— Кроме нас, — тихо сказала Илайя.

— Кроме нас, — согласилась Тия, и в её голосе мелькнула тень усмешки. — На три дня заехали, зачит живём.

Жилой модуль был маленьким, но функциональным: две койки, раскладной стол, шкафчик с сухпайками и водой, фильтр-очиститель воздуха, который гудел ровно и монотонно, как старое сердце. Освещение было тусклым, желтоватым от ламп, которые, казалось, не столько светили, сколько обозначали, что свет здесь ещё существует. Стены — металл, серый, с едва заметной рябью сварных швов. На одной стене полка, а на ней кружка. Одна. Кто-то из прежних смен оставил и забыл, или не забыл, а просто не вернулся за ней. Кружка была керамическая, светлая, с отколотым краем и от неё, почему-то, веяло такой тоской, что Илайя, увидев её, на секунду замерла.

— Чья-то кружка, — сказала она тихо.

— Бывшая, — ответила Тия, не оборачиваясь. — Как и всё здесь.

Илайя подошла, взяла кружку, повернула в руках. На дне был коричневый круг от кофе или чая, давно высохший, вросший в керамику. Она поставила её обратно на полку, аккуратно, будто вещь имела значение.

— Пошла работать, — сказала она себе.

Они работали быстро и молча, слаженно, без лишних слов, без разногласий. Тия проверила периметр: четыре датчика внешнего контура: все работали, все давали ровный сигнал. Два резервных канала связи, стабильно. Замки на люках, закрыты, заперты, щёлкнули под её пальцами с привычным, сухим лязгом. Она прошла по станции дважды, не потому, что сомневалась, а потому, что привычка: первый раз глазами, второй раз телом, проверяя, как открываются двери, как скрипит пол, где что стоит, если вдруг придётся двигаться в темноте.

Илайя тем временем развернула оборудование в техническом модуле, помещении чуть больше жилого, но более тесном, забитом стойками с приборами, кабелями и экранами. Она запустила калибровку: магнитометр — первый, вибродатчик — второй, спектральный анали-

затор — третий. Каждый прибор загорался своим цветом: зелёный, синий, янтарный и в тёмном помещении это выглядело так, будто кто-то зажёг маленькие маяки в тёмной комнате.

Калибровка шла пятнадцать минут. Илайя сидела перед экранами, скрестив ноги, и смотрела, как цифры выравниваются, как линии графов становятся ровными, как шум уходит, и остаётся только чистый, ясный сигнал. Она любила этот момент, когда из хаоса данных рождается порядок. Когда ты понимаешь: всё работает, всё чисто, всё готово. Можно начинать.

— Калибровка завершена, — сказала она, и голос её прозвучал в пустом модуле чуть гулко. — Все каналы зелёные. Магнитный фон в норме. Вибрации — ноль. Температура стабильная.

— Верхний ярус чистый, — отозвалась Тия из коридора. Она стояла у пульта связи, стирая песок с рукава — привычным, машинальным жестом, который уже стал частью её образа. — Датчики работают, связь стабильная, налажена. Возможно, связи не было из за требующийся колибровки, дополнительной, в ручную. Сейчас свяжемся с базой.

Она нажала кнопку передатчика, и в тишине станции раздался ровный гул — сигнал шёл, пробиваясь сквозь атмосферу Аджи, через пустыни, горы, через шестьсот километров песка и камня, к антеннам «Аджи-1».

— «Аджи-1», говорит «Закат 1». Приём.

Пара секунд тишины, тех самых, в которых слышен только ровный шум эфира, похожий на дыхание. Потом знакомый голос, ровный, с хрипотцой от недосыпа, но живой:

— «Закат 1», слышу вас хорошо. Приём.

Иса. Тия узнала её сразу — по тембру, по ритму речи, по тому, как она говорила «приём», будто ставила точку в конце каждого предложения.

— Докладываем: прибыли на место, станция в норме. Оборудование запущено, калибровка завершена. Магнитный фон стабильный, аномалий не зафиксировано. Связь устойчивая. Приступаем к работе по графику.

— Принято, «Закат 1», — ответила Иса, и в её голосе прозвучала короткая пауза, будто она записывала, не отрывая глаз от экрана. — Данные пошли. Ретрансляция активна. Если что-то изменится, сообщайте незамедлительно.

— Вас поняла, — ответила Тия. — Конец связи.

Она отпустила кнопку, и станция снова погрузилась в тишину. Только фильтр-очиститель гудел ровно и монотонно, да где-то в стене тихо постукивало, может трубы, может ветер, или что-то ещё.

Илайя появилась в дверях технического модуля, прислонилась к косяку и скрестила руки.

— Иса не спрашивала, как дорога, — заметила она.

— Иса не задаёт лишних вопросов, — ответила Тия. — Она и так видит всё по данным: маршрут, скорость, время. Машина докладывает за нас.

— Иногда я думаю, что Иса — это и есть «Аджи-1», — сказала Илайя, и в её голосе мелькнула мягкая, тёплая нотка. — Она просто… Как часть станции. Как антенна или фильтр, только человеческая.

— Самая полезная часть, — сказала Тия, и это было не преувеличением. — Без неё станция — груда металла. С ней — дом.

— Дом, — повторила Илайя, и слово прозвучало в этом пустом, пыльном модуле чуть тише, чем должно было. — Да. Дом.

Тия посмотрела на неё коротко, краем глаза, тем взглядом, который видит всё, но не комментирует. Она знала, что Илайя иногда вот так, замолкала на полуслове, будто спотыкалась о какую-то невидимую мысль, которая приходила и уходила, как ветер. Тия не спрашивала. Она знала, что если Илайя захочет, скажет сама. А если не захочет, значит, не нужно.

— Нижний ярус? — спросила Илайя, возвращаясь к делу.

— Завтра, — ответила Тия.

Они переглянулись. Без слов: сегодня верх, чтобы не привлекать внимания. Завтра уже низ — настоящая работа. Таков был протокол: сначала — видимость нормальной работы, потом — то, ради чего они приехали.

Они поработали ещё пару часов. Илайя вела журнал: записывала показания магнитометра, температуры, давления, влажности — данные обычные, ровные, скучные цифры, которые не говорили ни о чём, но которые нужны были, потому что без них журнал выглядел бы пустым, а пустой журнал — это подозрение. Тия проверила датчики на вышке, поднявшись по узкой лестнице, вышла на крышу, где ветер тут же рванул её за хвост, забился в воротник, обсыпан песком. Она постояла минуту, глядя на пустыню с высоты двадцати метров — рыжая, бескрайняя, с барханами, которые лежали, как волны, застывшие перед разбивкой. Красиво. Мертво. Чуждо.

Она спустилась, проверила крепления, протёр линзы датчиков, и вернулась в модуль, где Илайя уже заканчивала запись.

— Датчики чистые, — доложила Тия. — Песок есть, но в пределах нормы. Через день-два можно протереть снова.

— Записала, — кивнула Илайя. — Ещё?

— Ещё — проверка периметра перед сном. Стандарт.

Перед сном Тия сделала то, чего не делал ни один обычный научный сотрудник: она прошла по станции и проверила каждый сантиметр стен, постукивая, прислушиваясь. Костяшками пальцев по металлу, медленно, ровно, с тем же терпением, с каким она делала всё остальное. Тук. Тук. Тук. Каждое прикосновение — вопрос: есть ли за этой стеной что-то? Полое? Пустое? Чужое?

Илайя наблюдала, не комментируя. Она сидела на койке, подтянув ноги, и смотрела, как Тия ходит по модулям — от стены к стене, от угла к углу, методично, как человек, который не верит стенам на слово. Обе знали, зачем это нужно: если под станцией есть полости, звук покажет, где они начинаются. Глухой звон — металл, за которым металл. Пустой, гулкий отзвук — металл, за которым пустота.

Тия прошла жилой модуль — чисто. Переходник — чисто. Технический модуль — и тут она остановилась.

В дальнем углу, у стены, где стояли стойки с резервным оборудованием, звук менялся. Не резко, не сильно — чуть глуше, будто под пальцами была не цельная плита, а слой, за которым было что-то другое. Не пустота, но и не монолит. Будто под полом есть промежуток — тонкий, незаметный, но достаточный, чтобы звук потерял чёткость.

Тия не изменилась в лице. Она постучала ещё раз — тише, прислушиваясь. Потом — ещё раз, чуть левее. Там — глухо, но ровно. А в том углу — глухо и с небольшим резонансом, будто под металлом есть воздух.

Она ничего не сказала Илайе.

*****

К ночи ветер стих. Не полностью, он никогда не стихал на Аджи до конца, но притих, будто повернул голову в другую сторону, и песок, который весь день летел косо, ровной серой вуалью, осел, и воздух стал прозрачным, чистым, и в этой прозрачности звуки обрели объём.

Они вышли из станции, когда последнее красное пятно Лиры погасло за хребтами, и небо потемнело, приобретя тот глубокий, багровый оттенок, который бывает только на Аджи, не чёрный, не синий, а именно лиловый, цвета старого вина, налитого в тёмный бокал.

— Ветер стих, — заметила Илайя, и её голос в наступившей тишине прозвучал неожиданно звонко, будто она говорила в пустой комнате с высокими потолками.

— Не стих, — поправила Тия. — Отступил. К утру вернётся.

— Ты оптимистка, — сказала Илайя.

— Я реалистка, — ответила Тия. — Оптимисты удивляются, когда ветер возвращается. Реалисты — нет.

— А пессимисты?

— А пессимисты не выходят из станции.

Илайя рассмеялась тихо, тепло, и смех её, низковатый и хрипловатый, прозвучал в ночной тишине так, будто кто-то тронул струну. Не громко, не резко, а мягко, как звук, который приятно слышать.

Они обошли станцию и вышли на подветренную сторону, где скальный гребень прикрывал от остатков ветра. Здесь, в узком кармане между камнем и стеной станции, было почти тихо, песок не долетал, ветер не достигал, и воздух стоял тёплый, нагретый за день, отдававший камнем и сухой землёй.

— Костёр? — предложила Илайя.

— А по чему бы и нет? Костёр, — согласилась Тия, и впервые за весь день в её голосе прозвучала не деловая ровность, а что-то другое, расслабленность, тонкая, как первая трещина в стене, которую она носила вокруг себя.

Они собрали ветки. Это было нетрудно: полусухие деревья, которые росли на склонах гребней, давали сухие, ломкие ветки: серые, лёгкие, почти невесомые, пахнувшие пылью и чем-то горьковатым, напоминающим полынь. Илайя набрала их в охапку, а Тия нашла несколько крупных камней и выложила их кольцом, невысоким, но достаточным, чтобы огонь не был виден снаружи. Костёр, спрятанный за станцией, за скальным гребнем, за каменным кольцом, невидимый со всех сторон, как тайна, которую двое людей хранят от равнодушной пустыни.

Огонь занялся не сразу, ветки были сухими, но не маслянистыми, и Тии пришлось повозиться с зажигалкой, прежде чем первый язычок пламени лизнул кору. Потом уже быстро: огонь пошёл вверх, и через минуту костёр уже гудел тихо, ровно, по-домашнему. Запах горящих веток поплыл в воздухе: горьковатый, дымный, но не тяжёлый, а лёгкий, как запах ладана в пустом храме. Он смешался с запахом нагретого камня и сухой земли, и получился тот особый, ни на что не похожий аромат ночного костра в пустыне — дым, камень, пыль и тепло.

Тия достала из кофра, который они привезли с собой, два контейнера. В одном сухпайки, стандартные, аррубинские, в герметичной упаковке: мясной паштет, галеты, сушёные фрукты, ореховая паста в тюбике. Не изыск, но после дороги даже вкусно. В другом чай. Не растворимый из пайков, а настоящий: Рико, провожая их, молча сунул Илайе в руку бумажный пакет, и сказал только: «Это вам, в дорогу». В пакете был листовой чай, чёрный, с ароматом чего-то цветочного, незнакомого, но тёплого.

— Рико, — сказала Илайя, разворачивая пакет и нюхая. — Он думал, что мы не выживем без его чая.

— Он прав, — ответила Тия, доставая из мешка небольшой котелок. — Без его чая мы уж точно не выживем.

Илайя усмехнулась и пошла за водой к «Шторм-Х», в кунге стояла канистра с питьевой водой. Она вернулась с полным котелком, поставила его на камни у огня, и они стали ждать, пока вода закипит.

Вокруг костра было тепло. Не жарко, а тепло, мягко, как будто кто-то положил тёплую ладонь на плечо. Огонь давал немного света: ровного, янтарного, и в его свете лица обеих казались мягче, моложе, без тех масок, которые они носили днём. Тия без своей деловитости, Илайя без своей скрытности. Просто две женщины у костра.

— Кипит, — сказала Илайя и сняла котелок с огня. Она бросила в воду щепоть чая, и воздух сразу наполнился запахом: глубоким, тёплым, с нотами чего-то сладковатого и чуть горьковатого одновременно. Запах, от которого расслабляются плечи и замедляются мысли.

— Наливай, — сказала Тия, и протянула руки. Илайя налила в обе кружки, которые привезли с собой.

Они пили чай медленно, мелкими глотками, и он все равно обжигал язык, но это было было даже приятно, давало понять: ты жив, ты чувствуешь, ты здесь. Сухпайки разогрелись на камнях у огня, и паштет, прежде твёрдый и безвкусный, стал мягче, и запах его, тёплый, мясной, смешался с запахом чая и дыма, и получился ужин простой, но вкусный, потому, что голод и усталость — лучшие приправы.

— Ореховая паста, — сказала Илайя, выдавливая её на галету. — Мой любимый пункт в сухпайке. Когда я первый раз попробовала, думала: что это? А теперь всегда жду.

— У тебя всё так, — сказала Тия, откусывая галету. — Сначала не нравится, потом ждёшь.

— Это про меня? — Илайя подняла бровь.

— Это про всех, — Тия чуть усмехнулась. — Про чай Рико, про ореховую пасту, про Аджи. Сначала — что это? Потом — жду.

— Аджи ты не ждёшь, — сказала Илайя.

— Аджи я уважаю, — поправила Тия. — Ждать и уважать — разные вещи.

Они замолчали, и в тишине стали слышны звуки, которые днём терялись в шуме ветра. Треск костра был мелким, ровным, как шёпот дерева, которое умирает медленно и красиво. Далёкий, низкий гул, но не ветра, а чего-то другого, будто скалы вокруг издавали звук, неслышимый днём, но явный ночью. И тишина не пустая, а живая, наполненная этими мелкими, тихими звуками, которые складывались в единый, ровный фон, похожий на дыхание.

Илайя подняла голову и посмотрела на небо.

— Тия, смотри— сказала она тихо.

Тия подняла взгляд.

Небо над Аджи было… не таким, как ожидаешь. Не чёрным, не усыпанным яркими звёздами, как на планетах с прозрачной атмосферой. Лиловое, глубокое, как всегда, оно клубилось туманом, не облаками, а именно туманом, тонким, высоким, полупрозрачным, будто кто-то натянул над планетой вуаль. И сквозь эту вуаль виднелись звёзды. Не яркие, не резкие, а мягкие, размытые, будто их нарисовали акварелью на мокрой бумаге. Их было немного, может десяток, может, чуть больше, и они не мерцали, а тихо светились, тёплым, приглушённым светом, как угли в остывающем костре.

— Звёзды, — сказала Тия, и в её голосе прозвучало что-то, чего Илайя не слышала раньше: не удивление, не радость, а узнавание. Будто она видела то, чего давно не видела, и теперь, увидев, вспомнила.

— Я думала, тут их не видно, — сказала Илайя. — С орбиты же ничего не видно, сплошная пелена. Я думала, и с поверхности так же.

— С поверхности — по-другому, — ответила Тия, не отрывая глаз от неба. — Атмосфера плотная, но не везде одинаковая. Иногда, когда ветер стихает и туман поднимается видно. Немного правда, но видно.

— А какие это звёзды? — спросила Илайя. — Наши? Из Амарры?

— Может, наши, — тихо сказала Тия. — Лира — тёплая, золотая. Если увидеть — узнаешь. А может чужие. Из-за туманности. Тех, которых мы никогда не узнаем.

Илайя смотрела на небо, и в её глазах, больших, зеленовато-голубых, отражались эти далёкие, размытые огни. Она молчала, и в её молчании была не грусть, скорее тоска. Тихая, тёплая, как та самая ореховая паста: сначала непонятная, потом своя.

— Я скучаю по настоящему небу, — сказала она вдруг, и голос её был чуть тише обычного. — Там, где звёзды яркие, много, где можно лечь на спину и смотреть, и они как россыпь, как… как будто кто-то рассыпал соль по чёрной скатерти. Здесь они как воспоминание о звёздах. А я хочу настоящие.

Тия молчала. Она смотрела на небо, и её лицо в свете костра было спокойным, но что-то в её взгляде дрогнуло, едва заметно, как тень от облака, прошедшего по воде.

— Я тоже, — сказала она наконец. Очень тихо. — Я тоже скучаю.

Они помолчали. Костёр трещал, чай остывал в кружках, и где-то вдалеке, за хребтами, тихо и ровно гудел ветер не приближаясь, не отдаляясь, а просто существуя, как фон, как присутствие, как дыхание планеты, которая не спала.

— А ты скучаешь по дому? — спросила Илайя, и вопрос прозвучал просто, без нажима, без ожидания.

Тия чуть повернула кружку в руках медленно, будто слушая, как керамика остывает о ладони.

— Я скучаю по идее дома, — ответила она. — Не по месту. Места — они везде места. А по идее: придти, и чтобы кто-то ждал. Не с докладом, не с заданием, а с ужином. И чтобы спросили: «Как день?» и чтобы можно было ответить честно.

— Ты умеешь отвечать честно, — сказала Илайя.

— Только когда спрашивают правильно, — Тия чуть усмехнулась. — А правильно — это не «как дела», а «как ты».

— Как ты, Тия? — спросила Илайя, и в её голосе не было ни иронии, ни жалости, только тепло, простое и ровное, как свет от костра.

Тия помолчала. Долго. Так долго, что Илайя уже подумала: не ответит. Но Тия ответила:

— Устала. Не от работы, от одиночества. Я… — она запнулась, и это было так непривычно — Тия, которая никогда не запиналась, которая говорила ровно и чётко, как прибор, вдруг замолчала, подбирая слова. — Я хочу семью. Хочу мужа, который будет ждать. Хочу детей. Хочу просыпаться не от гудка станции, а от того, что кто-то маленький лезет к тебе под бок и говорит: «Мама, вставай». Хочу… нормальной жизни. Обычной. Скучной. С утренним кофе и с грязной посудой и с разговорами о том, что купить в магазине. Я устала быть «Песком», Илайя. Я хочу быть Тией. Просто Тией.

Илайя смотрела на неё, не как на агента, не на «научную сотрудницу КИРН, а на женщину, которая сидела у костра, обхватив кружку ладонями, и впервые за всё время, что Илайя её знала, не пряталась за маской. Лицо Тии в свете огня было мягким, уязвимым, и от этого — красивым. Не той незаметной, функциональной красотой, которую она носила как камуфляж, а другой, живой, человеческой, от которой хочется сесть рядом и не уходить.

— Ты будешь, — сказала Илайя тихо. — Ты будешь Тией. Просто не сейчас.

— А когда? — спросила Тия, и в этом «когда» было столько всего, что Илайя не нашла, что ответить сразу.

— Когда-нибудь, — сказала она наконец. — Когда всё закончится. Когда не будет протоколов и заданий и каналов «Тихий». Когда ты вернёшься… и останешься.

— А если не вернусь? — тихо спросила Тия. — Если так и буду ездить от станции к станции, от Амины, к Аджи, от Аджи к Крионе, от задания к заданию, и каждый раз — «ещё одно, последнее» — а их не последнее, их ещё сто, и каждый раз я говорю себе: «это последнее», и знаю, что вру?

— Тогда я скажу тебе, — Илайя чуть наклонилась к ней, и её рыжие волосы, распущенные для ночи, упали на плечо, тёплым, медным касанием, что ты врёшь себе не потому, что не хочешь возвращаться, а потому, что боишься. Боишься, что дома не окажется. Что никто не ждёт. Но ты не знаешь — не знаешь, Тия, пока не проверишь.

Тия смотрела на неё долго, пристально, и в её глазах, обычно спокойных и непроницаемых, что-то дрогнуло. Не слёзы, Тия не плакала. Но что-то близкое. Что-то, что она держала внутри так долго, что оно уже не было эмоцией, а стало частью её, как второе дыхание, которое ты не замечаешь, пока не задохнёшься.

— Может, ты права, — сказала она. — Может, я боюсь.

— Конечно, права, — мягко сказала Илайя. — Я всегда права. Спроси кого угодно.

Тия рассмеялась коротко, сдавленно, и смех её прозвучал как что-то хрупкое, что можно разбить неосторожным словом. Илайя засмеялась тоже. Они сидели у костра, две женщины в пустыне, и смеялись, и смех их был тихий и тёплый, и он поднимался к небу, к тем размытым, далёким звёздам, и, может быть, долетал, а может, и нет.

Когда смех стих, Илайя сказала:

— А я… я не знаю, где мой дом. Не в том смысле, что у меня его нет — он есть. Но я не уверена, что хочу вернуться именно туда. Я хочу куда-то. К человеку. К настоящему. Знаешь, как бывает: ты живёшь, работаешь, и всё нормально, но чего-то не хватает. Не вещи, не места, а человека. Рядом. Не того, кто даст задание, а того, кто даст чашку чая и скажет: «Сядь. Отдохни. Я тут».

— Это не так много, — сказала Тия.

— Это всё, — ответила Илайя. — И я хочу это найти. Если суждено — найду. Если нет — что ж, значит, нет. Но я не хочу искать всю жизнь и не найти. Я хочу найти и остаться. Пусть даже здесь, на Аррубине. Если встречу здесь… настоящую любовь, может и здесь останусь. Почему нет? Хотя бы Аджи, здесь небо лиловое, чай хороший, и Рон смешной.

— Рон смешной, — согласилась Тия, и в её голосе мелькнула тень улыбки. Хотя за него замуж не выйдет.

— Я не за Рона, — Илайя махнула рукой. — Я за идею. Идею того, что можно найти человека не там, где ищешь, а там, где не ждёшь. На Аджи, например. Или на Амине. Или вообще между планетами, на каком-нибудь скучном транспортнике, где ты летишь и думаешь о работе, и вдруг садится рядом кто-то, и говорит: «Извините, здесь свободно?» — и всё. И ты понимаешь, что нет. Не свободно. Уже нет.

Тия посмотрела на неё и улыбнулась. По-настоящему, той самой кривоватой, чуть неловкой улыбкой, которая появлялась у неё так редко, что каждый раз была событием.

— Ты романтик, — сказала она.

— Я реалистка, — ответила Илайя. — Просто романтика — это тоже реально.

— Это звучит, как девиз, — сказала Тия.

— Это и есть девиз, — Илайя подняла кружку. — За романтику. За детей, которые лезут под бок. За небо, которое видно. И за то, чтобы всё это когда-нибудь настало.

Тия подняла свою кружку.

— За когда-нибудь, — сказала она.

Они чокнулись кружками тихо, керамика о керамику, и звук был глухой, мягкий, как короткое «тук» — и допили чай.

*****

Потом они долго сидели молча. Приятная тишина, тепло, уют. Костёр догорал, угли тлели ровным, янтарным светом, и от них шёл последний, мягкий жар, который удерживал ночь на расстоянии.

Илайя смотрела на звёзды, те немногие, что пробивались сквозь лиловую дымку. Они не мерцали, не дрожали, просто светили, тихо и ровно, будто и сами устали и не хотели привлекать внимания. Одна чуть ярче остальных, тёплого, золотистого оттенка, висела низко над горизонтом, над гребнем скал.

— Лира? — спросила Илайя.

— Может быть, — ответила Тия. — Или просто звезда. Тут не разберёшь.

— Я хочу думать, что Лира, — сказала Илайя. — Хочу думать, что наш нынешний дом смотрит на нас. Даже отсюда. Даже сквозь эту пелену.

— Пусть будет Лира, — тихо согласилась Тия.

Ветер за скалами усилился, не резко, а постепенно, как человек, который просыпается и ворочается в кровати, ещё не встав, но уже давая знать, что скоро встанет. Песок снова пошёл

по земле мелкими, шуршащими струйками, и в этом шуршании было что-то почти спокойное, будто планета разговаривала сама с собой, не обращая на них внимания.

Тия прислушалась коротко, привычно. Просто ветер. Просто песок. Ничего больше.

— Тихо, — сказала она.

— Тихо, — подтвердила Илайя. — Хоть бы так и осталось.

— Аджи решит, — ответила Тия. — Не мы.

Илайя кивнула. Она знала. Они обе знали.

— Пора, — сказала Тия. — Закругляемся.

Они собрали всё: контейнеры, кружки, котелок. Затушили костёр тщательно, до последнего угля, засыпав песком, чтобы не осталось ни следа. Только каменное кольцо, которое можно было принять за случайное. И пятно тёплой земли, которое к утру остынет и забудет, что здесь кто-то сидел и мечтал.

Они вернулись на станцию, заперли дверь, и в жилом модуле снова стало тепло и тихо. Фильтр-очиститель гудел ровно, лампы горели тусклым, желтоватым светом, и от всего этого, от света, от гула, от запаха металла и пыли веяло чем-то привычным, почти домашним.

Илайя легла на свою койку, подтянула одеяло к подбородку и закрыла глаза. Но не спала. Она думала о небе, о звёздах, о том, что где-то далеко, за туманностью, за пустотой есть мир, где небо чёрное и чистое, и звёзды яркие, как россыпь. И где кто-то, может быть, смотрит вверх и думает: «А что, если там, за этой туманностью, есть кто-то, кто тоже смотрит вверх?»

Тия лежала на своей койке, руки за головой, и смотрела в потолок. Не спала. Она думала о детях, которых у неё не было. О муже, которого не было. О доме, который не ждал.

Станция стояла в тишине. Ветер снаружи шуршал песком, ровно и монотонно.

Они уснули не одновременно, по очереди. Сначала Илайя: её дыхание стало ровным, глубоким, и тело расслабилось, как расслабляются люди, которым рядом с кем-то безопасно. Потом Тия. Она лежала ещё долго, слушая, как дышит Илайя, как гудит фильтр, как шуршит песок. И в этих звуках, в их ровности, в их постоянстве было что-то похожее на покой. Не настоящий, не полный, но вполне достаточный, чтобы закрыть глаза.

Метеостанция восемь стояла в распадке между двумя скальными гребнями, и тьма лежала вокруг неё, как одеяло. Песок оседал. Ветер шуршал. Звёзды, те немногие, что пробивались сквозь лиловую дымку, светили тихо и ровно, будто охраняли двух женщин, которые спали и видели сны — каждая свой, но оба о доме.

Глава 10 Розовый кабриолет

Солнце ещё не успело вскарабкаться на самый верх неба, но уже щедро заливало Лиру золотистым светом. В этом свете даже строгие фасады домов казались не каменными стражами, а декорациями к доброй сказке, будто город сам подсказывал: сегодня можно позволить себе быть счастливым.

Карина Ворн стояла у огромного окна своей квартиры в элитном районе Лиры. Просторное помещение дышало воздухом и светом: высокие потолки, мебель, в которой чувствовалась спокойная, уверенная роскошь, не кричащая, а будто бы выросшая из самой жизни. Эрьян уехал очень рано, ещё когда город только просыпался, и теперь в квартире было тихо. Эта тишина не давила, она была той редкой тишиной, которая не требует объяснений. Тишиной, в которой можно услышать собственные мысли… и тихое, почти неслышное эхо того позавчерашнего вечера: его голос, его слова, тот момент, когда мир сузился до одной точки, до его колени и её руки.

Она надела строгий, но элегантный деловой костюм — дорогая ткань идеально сидела по фигуре, подчёркивая её статность, но не сковывая движений. К костюму любимые тонкие браслеты, звенящие едва слышно при каждом шаге, и изящные серьги, в которых играли солнечные блики. Причёска собранная, но с лёгкой небрежностью: пара прядей свободно обрамляли лицо, и в этом была вся Карина Ворн: безупречная, но живая. В её облике было редкое сочетание: она выглядела так, будто вот-вот войдёт в зал заседаний перед сотней скептиков и те через пять минут начнут кивать, соглашаясь с каждым её словом. Но сегодня в её осанке было ещё что-то, едва уловимая мягкость, словно она шла не только к цели, но и навстречу себе новой.

На кухне она выпила чашку кофе, стоя у окна и глядя на просыпающийся город. Потом привычно открыла планшет, нашла свежий пост «Блуждающего». Прочитала, задержалась на одной строчке, улыбнулась чему-то своему. Слова этого незнакомца странным образом совпадали с тем, что она чувствовала сегодня: лёгкость, предвкушение, странное ощущение, что мир стал чуть ярче.

«Странно, но мне от этого легче», — прошептала она вслух. Закрыла планшет. Пора.

В прихожей Карина задержалась у зеркала,не для того, чтобы поправить причёску, а чтобы поймать тот самый момент, когда день ещё не успел нагрузить её решениями и тревогами. В отражении мелькнула её улыбка — лёгкая, будто она сама себе подмигнула: «Ну, поехали». И в этом отражении была вся она: высокая, собранная, но не напряжённая. И ещё в ней было что-то новое, едва заметное: будто внутри зажёгся маленький, тёплый свет, который не гаснет даже в самых тёмных каньонах Аджи.

Спустившись вниз, она увидела свой розовый кабриолет — яркий, дерзкий, немного не вписывающийся в картину строгих городских улиц, и от этого ещё более любимый. Он стоял у тротуара, будто вырванный из другой эпохи и аккуратно вставленный в строгий ритм Лиры. Его цвет был таким глубоким, что казался почти самостоятельным явлением природы, как закат, который решили сделать транспортом.

Плавные изгибы кузова напоминали застывшую волну, ту самую, которая только собирается подняться. Хромированные линии бежали по бокам, как тонкие нити света, и в них дрожали отражения утренних фасадов, деревьев, неба.

Внутри всё дышало спокойствием: тёплая кожа, чуть пахнущая временем и уходом, деревянные вставки, гладкие и тёплые на ощупь. Подойдя ближе, Карина снова увидела своё отражение в полированном боку и улыбнулась. В этом отражении она была не просто женщиной в деловом костюме, а кем-то, кто знает, куда едет, и кому по пути нравится сама дорога. Сегодня

в этом отражении было ещё кое-что: тень того счастливого вечера, отголосок его голоса, тепло того кольца, которое она оставила на столе, не потому что боялась потерять, а потому что хотела, чтобы оно ждало её дома, как обещание.

— Ну что, старина, — прошептала она, касаясь прохладного металла, — поехали разбираться с тайнами Аджи.

И, сев за руль, опустила крышу. Ветер тут же ворвался в салон, растрепал светлые пряди, заставил на секунду зажмуриться от удовольствия. Кабриолет плавно тронулся с места, унося Карину вперёд.

Дорога до офиса «Центального научно-исследовательского центра Амины» (ЦНИЦА) стала для неё чем-то вроде ритуала счастья. Широкие проспекты Лиры плавно переходили в прибрежное шоссе. Справа тянулся океан, переливаясь под солнцем тысячами оттенков синего, а слева аккуратные ряды домов, утопающих в зелени. Но сегодня всё выглядело иначе: не просто «красиво», а будто специально создано для неё.

Ветер трепал её волосы, и Карина улыбалась, чувствуя, как с каждым километром в груди разгорается привычный азарт — тот самый, который всегда появлялся перед началом большой работы. Но поверх этого азарта теперь легло новое чувство — тихое, глубокое, почти невесомое. Чувство, которое шептало: «Ты теперь не одна. Даже когда ты едешь по этой дороге одна, ты не одна».

Солнечный свет ложился на её плечи тёплыми полосами, играл в серьгах, скользил по гладкой ткани костюма, подчёркивая линии силуэта. В эти минуты её красота была не в идеальных чертах, а в том, как она принимала этот день — смело, с благодарностью, с предвкушением. Как будто сама дорога шептала ей: «Ты справишься. И это будет прекрасно».

Проезжая мимо старого парка, она заметила, как солнечные лучи пробиваются сквозь листву и рассыпаются золотыми искрами. На секунду ей показалось, что это не просто свет, а маленькие поздравления от города. И она тихо рассмеялась, не громко, а так, чтобы этот смех остался внутри, согрел её ещё сильнее.

Океан справа дышал ровно, мощно, как будто задавал ритм её мыслям. Шум волн смешивался с ветром, с урчанием двигателя, с лёгким звоном её браслетов, когда она касалась руля. Это была её симфония утра: не музыка, а жизнь, звучащая на своей собственной частоте.

Этот филиал ЦНИЦА не был главной штаб-квартирой. Он не поражал масштабом и не внушал трепет. Но в нём была своя сила: здесь кипела исследовательская жизнь, здесь данные превращались в открытия.

Её кабинет был светлым, заставленным мониторами, с большой картой Аджи на стене, изломанной, суровой, будто нарисованной резкими штрихами. Сев за стол, Карина сразу погрузилась в работу. На экранах разворачивались данные с орбитальной станции «Аджи-2» — сухие цифры, графики, тепловые карты. Она геолог, и её взгляд мгновенно выхватывал аномалии там, где обычный человек видел лишь линии и точки. Сегодня данные за периметром сектора D3 выглядели несовсем стандартно. Особенно на востоке. Какие то отклонения в параметрах, не типичные.

Впереди предстояло сопоставить с данными, полученными с пяти метеостанций, на самой планете, за последние сутки. Скучаная рутина, но для Карины. Она чуть откинулась на спинку кресла, посмотрела на карту Аджи. Планета, которая не хочет быть понятой. Но Карина не любила сдаваться. Она любила разгадывать.

— Ну что, Аджи, — тихо сказала она, будто планета могла её услышать. — Давай посмотрим, что ты прячешь в своих каньонах.

И снова склонившись над экранами, начала выписывать первые гипотезы — чёткие, логичные, но уже пронизанные тем самым азартом, который обещал: этот день будет важным.

Пальцы бежали по клавиатуре быстро, уверенно, как будто знали, что делают. И где-то глубоко внутри, под слоем профессиональной собранности, жило чувство, которое она редко

себе позволяла называть вслух: счастье. Простое, рабочее, настоящее. Счастье женщины, которая знает, что делает своё дело хорошо, и знает, что вечером её будут ждать дома, не для отчётов и не для совещаний, а просто чтобы налить ей то самое вино, сесть рядом и послушать, как она рассказывает про Аджи и про то, как упрямая планета наконец-то начала раскрывать свои секреты.

Глава 11 Песчаный странник

Аджи не была гостеприимной планетой. Она не притворялась дружелюбной, не обещала лёгкой жизни. Она просто стояла — древняя, сухая, упрямая, будто сама её кора помнила времена, когда здесь было иначе. И теперь она напоминала об этом каждому, кто пытался на ней задержаться. И это было честно.

Техник Кайл Джавад шагнул за шлюз станции «Аджи-1», и мир сразу стал другим. Не просто чужим, а будто сделанным из иного материала. Воздух ударил по лицу не мягкостью, а зернистостью: в нём висела тончайшая пыль, настолько мелкая, что она не оседала, а жила, кружась в невидимых потоках. Кайл невольно задержал дыхание, но пыль всё равно проникла в ноздри, осела на языке горьковатым привкусом камня и железа. Дышать здесь можно было свободно, воздух не был ядовитым, просто сухим, до першения в горле, до лёгкого жжения в ноздрях. Но эта сухость въедалась в кожу, в одежду, в технику, и избавиться от неё можно было только за шлюзом, и то не надолго.

Кайл шагнул вперёд ровно, без суеты, но в этом шаге чувствовалась собранность, будто тело знало: рывок может понадобиться в любую секунду, если вдруг потребуется.

Его форма песочного оттенка, тёплый бежево-песочный цвет. Окрас для службы, где песок превалирует.

Крой не обтягивал, но и не висел мешком: он был рассчитан на движение. Плечевой пояс чуть смещался вперёд, создавая тот самый наклон корпуса «готов к шагу». На локтях и коленях — защитные вставки; на ключевых точках — съёмные бронепластины каплевидной формы: они лучше закрывали стыки и не мешали двигаться. Пластины держались на липучках и быстросъёмных замках — можно было менять под задачу, не теряя времени.

На шее у Кайла — тонкая цепочка с маленьким жетоном, который он никогда не снимал. На запястьях потёртые браслеты-фиксаторы для инструментов; в металл намертво въелся песок. Он привычно поправил цепочку, движение, которое он даже не замечал.

Тонкая красная линия на плече и узкая метка на визоре шлема выдавали в нём сержанта. Не броско, не ярко, ровно настолько, чтобы свой увидел, а чужой не сразу разглядел. Шлем он не стал одевать и держал под мышкой.

Ветер здесь не был ветром в привычном смысле. Он не дул, он двигался, перекатывался, как тяжёлая волна. Сейчас он был едва ощутимым, лениво перебирал сухие ветви кустарников, заставляя их скрипеть, словно старые кости. Но в этом тихом скрипе уже слышалось обещание: ветер умел становиться другим. Он умел расти, наливаться силой, превращаться в шторм, который не просто сбивает с ног, а будто хотел стереть тебя с поверхности мира.

Кайл посмотрел на горизонт. Прямо перед ним, вдалеке, через двести километров, тянулся горный хребет — острые, темные ломаные линии, будто застывшие удары грома. Между горами темнели провалы пещер, чёрные, бездонные, и казалось, что из них тянет не просто холодом, а чем-то древним, тяжёлым, будто само время там текло иначе. Его дорога шла прямо от Аджи 1, через семьдесят километров была развилка. Именно вчера, Тия Сенеб и Илайя Мендес, два научных сотрудника, двигадись по этой дороге, и ушли правее, на «западное направление». Ему же предстояло на развилке взять еще правее, так же позже пересечь хребет, но в другом ущелье, и примерно через пятьдесят километров будет стоять метеостанция три— конечная точка сегодняшнего маршрута. Там где-то за ней, дальше были каньоны, которые терялись в собственной тени, и даже солнце, яркое и безжалостное, не могло выжечь из них мрак. Об этот свидетельствовала разведка с воздуха.

Сейчас Кайл стоял спокойно, без напряжения в плечах, но собранно, так, как стоял всегда, когда оценивал обстановку: не как герой, готовый броситься вперёд, а как человек, кото-

рый знает, что здесь бой — это не драка, а терпение и точность. Кайлу Джаваду было тридцать четыре. Три года и семь месяцев он провёл на Аджи — этого достаточно, чтобы перестать удивляться, но недостаточно, чтобы перестать уважать. Он был сержантом вооруженных сил Аррубина, служил техником, часто работал по поручениям исследовательской группы ЦНИЦА, и за эти годы изучил этот маленький клочок планеты — сектор D3 не по картам, а по ощущениям: по тому, как меняется ветер, как скрипят камни, как ложится пыль на металл.

Кайл был среднего роста, плотный, собранный, не перекачанный, а вылепленный работой. Смуглая, обветренная кожа, резкие скулы, упрямый подбородок. На левой щеке тонкий старый шрам: память о срочном ремонте шлюза, о минуте, когда металл мог сорваться в любой момент, а он не отступил. Коротко стриженные волосы, на висках уже пробивалась ранняя седина, тонкая, как пепельная пыль. Глаза тёмно-карие, почти чёрные, с тёплым янтарным отблеском, который становился заметнее при свете станции. Во взгляде всегда читалось внимание: он не смотрел «в пространство», он считывал детали: трещину на стене, странную тень, едва заметное дрожание антенны.

Небо над Аджи жило своей жизнью. Сейчас оно было почти прозрачным, бледно-красным, обманчиво спокойным. Но Кайл знал: это спокойствие — лишь пауза. Стоит ветру набрать силу, как на горизонте соберутся тяжёлые, свинцовые тучи. Они будут ползти, как живые, и в их глубине зародятся молнии, резкие, белые, слепящие, будто кто-то рвёт небо на части. Гром здесь звучал не раскатом, а ударом, который отдавался в груди, заставляя сердце на мгновение замирать. И при этом дожди практически никогда не приходили. Тучи грозили, сверкали, гремели, но оставляли поверхность сухой. Осадки были здесь редкостью, почти легендой, и каждый раз, когда редкие капли всё же падали на камни и песок, это воспринималось как что-то почти священное — будто сама планета решила на миг приоткрыть свою тайну.

Температура была умеренной, пригодной для жизни, но не дарила уюта. Это было тепло без доброты, нейтральное, равнодушное, словно планета просто позволяла тебе существовать, но не собиралась делать это существование приятным.

И над всем этим, высоко в небе, на орбите вращалась «Аджи-2» — огромная станция в форме волчка. Она висела над практически над «Аджи-1», вращаясь синхронно, будто две части одного механизма. Если бы атмосфера была менее плотной и более прозрачной, то снизу бы казалось, что орбитальная станция почти касается вершин самых высоких гор, хотя на самом деле между ней и поверхностью лежали километры, сотни километров пространства. С «Аджи-2» пытались изучать этот мир, отслеживать его капризы, строить карты, предсказывать штормы. Но плотная атмосфера Аджи искажала данные, прятала свою поверхность под пеленой пыли и плотних облаков. Даже с орбиты нельзя было получить точную картинку. За двести лет люди изучили лишь не более одного процента поверхности всей планеты — и каждый новый участок открывал столько загадок. Ответов становилось меньше, только появилось больше вопросов.

В районе дислокации «Аджи-2» было единственное место в атмосфере, где можно было совершить безопасный спуск на планету. Будто Аджи сама так решила, впустить человека в свои владения, но только в роли скромного гостя, и только через одну дверь. Связь между двумя станциями держалась на канале прямой связи, сообщение осуществлялось кораблями «Сапсан» и «Стриж», которые курсировали между орбитой и поверхностью, когда позволяла погода. В плохие дни канал дрожал, обрывался, и тогда «Аджи-1» оставалась одна, наедине с планетой, которую понимала куда лучше, чем орбитальные сенсоры.

Намиссания не выделяла больших средств на изучение Аджи. Пустыни и скалы не приносили прибыли, не сулили ресурсов, которые можно было бы добывать и выгодно продавать. Планета оставалась на периферии интересов, тихой и упрямой, словно ждала, когда кто-нибудь

наконец услышит её шёпот. А пока её изучали мелкими шагами, по крупицам собирая знания, будто расшифровывали древний, забытый язык.

Небо над Аджи не было голубым, оно никогда не бывало таким в системе созвездия Амарра. Его окрашивала багрово-фиолетовая туманность, висевшая в межзвёздной пустоте, словно гигантский шрам на теле космоса. Свет здесь бывал временами и бледным, и красным, тягучим, будто процеженным сквозь тонкую ткань из ржавчины и сумерек. Словно космическое пространство Аррубина дышало. Днём было достаточно светло, бывало тусклее, но можно было легко различать контуры гор и трещины в скалах, но тот свет этот не грел и не радовал, иногда он ложился на пустыню тяжёлым, плотным слоем, придавая песку оттенок запекшейся крови, а камням — мрачный, почти чёрный отлив.

Задание Кайла было простым и оттого особенно важным: добраться до метеостанции, провести техобслуживание, заменить несколько модулей, снять архивы данных и передать их в ЦНИЦА. Путь на машине около двухсот пятидесяти километров. Не так уж много по меркам планеты, но каждый километр здесь стоил отдельного внимания.

Рядом с Кайлом стоял его товарищ.

«Песчаный странник» — трёхосный бронированный грузовик, кабина совмещенная с кунгом, чуть наклонившийся на рессорах, будто и правда устал от вечных дорог, но ни на секунду не собирался сдаваться. Тёмно-зелёный цвет давно перестал быть ровным: он выцвел, поблёк, местами обнажив рыжие и серые пятна — следы песка, ветра и времени. На борту серой краской был выведен списочный номер «03», на двери — простое, без затей, «Аджи», выведенное оранжевой краской, будто кто-то хотел, чтобы даже в самой глухой буре это слово можно было разглядеть.

С виду грузовик был предельно утилитарным: длинный капот плавно переходил в массивную кабину, затянутую толстыми бронестёклами с микросеткой, чтобы пыль не налипала, а запотевание не мешало видеть дорогу. А сразу за кабиной возвышался крупный прямоугольный кунг, в который можно было пройти из кабины. Как из кабины пилота в основной отсек, если бы ты находился в корабле. Три оси, шесть колёс: крупные, с массивными дисками и шинами с глубокими протекторами, рисунок которых будто специально создавался, чтобы цепляться за любой песок, любую россыпь камней. Арки простые, без декоративных накладок, зато с запасом пространства: грязь, камни, песок летели, машина держала удары. Узкие щели плазменных светильников вместо привычных фар давали резкий, холодный свет, который резал темноту пустыни, не рассеиваясь в пыли. По бокам кузова тянулись рёбра теплоотводов, похожие на костяные пластины древнего зверя. А на крыше покачивались телескопические антенны связи: тонкие, вытянутые, живые, словно усики гигантского насекомого, прислушивающегося к ветру. Они выдвигались на разную высоту, ловя сигнал сквозь пелену пыли, и в их тонких основаниях мерцали крошечные индикаторы, зелёные, когда связь стабильна, тускло-красные, когда она дрожала.

Кайл провёл ладонью по ребру борта, ощущая под пальцами шероховатость металла и въевшуюся в него пыль. «Странник» не был для него просто машиной — он был напарником, который не задаёт лишних вопросов и не спорит. Он просто ехал. И в этом было что-то надёжное, почти успокаивающее. Кайл кивнул ему, как кивают перед дорогой старому другу, и забрался в кабину. Он знал эту машину до последнего болта, и она отвечала ему тем же: не подводила в бурю, не глохла на крутых подъёмах, не сдавалась там, где сдавались другие. Иногда ему казалось, что «Странник» понимает Аджи лучше людей, будто чувствует: где песок рыхлый, а где под ним камень, где ветер вот-вот сменит направление. Он относился к грузовику не как к технике, а как к напарнику, и дважды проверял каждую деталь не из паранойи, а из уважения — эта машина уже не раз спасала ему жизнь.

Кайл закрыл водительскую дверь, отсекая от себя шум ветра, и запустил энергоконтур. Он отозвался низким, утробным гулом, который Кайл чувствовал скорее спиной, чем ушами.

Панель приборов ожила, высветив десятки показателей: давление в шинах, температуру узлов, уровень заряда, плотность пыли в воздухе, прогноз по ветру. Всё было в норме — насколько это слово вообще имело смысл на Аджи. В кабине пахло нагретым металлом, старой кожей сиденья и канифолью — запах, который Кайл знал так же хорошо, как привкус пыли на языке. Он щёлкнул тумблером охлаждения, и из-под панели раздался привычный, чёткий щелчок реле. Значит, всё на месте.

Кайл выдохнул, коснулся тангенты и произнёс ровно, без лишних эмоций: низкий, спокойный, рубленый. Голос человека, который не повышает его даже, когда вокруг ревёт ветер.

— «Стриж-1», это «03». Маршрут подтверждаю. Выдвигаюсь в квадрат D3J4.

В наушниках что-то хрустнуло, потом донёсся отдалённый гул турбин, не ветра, а двигателей, прогретых и ждущих. И голос, который Кайл узнал сразу: чуть хрипловатый, быстрый, с этой непоколебимой лёгкостью, будто человек не в истребителе сидит, а в кафе заказывает кофе.

— Принял, «03». Я в ангаре, наготове. Что-то пойдёт не так — кричи, я уже лечу.

Это был Рон Шварц. Старший пилот, «Стриж», открытый ангар, готовность номер один. Кайл знал, что Рон не просто так сидит в кабине, он действительно готов: двигатели прогреты, шлем еще не на голове, руки пока не на штурвале. В открытом ангаре, где ветер шевелит пыль и гудит в металлических фермах, «Стриж» стоит, чуть дрогнув на подвеске, как птица, которая не спит, а ждёт.

— Понял, — коротко ответил Кайл. — Надеюсь, не понадобится.

— Надеяться — хорошо, — отозвался Рон, и Кайл готов был поклясться, что тот улыбается. — А готовиться — лучше. Удачи, Кайл.

Кайл чуть кивнул в пустоту кабины и закрыл канал. Проезжая мимо открытого ангара, он краем глаза зацепил силуэт «Стрижа» — узкий, острый, как лезвие, со сложенными плоскостями. Ветер гулял по ангару, шевеля пыль на полу, но «Стриж» стоял неподвижно, будто не замечал ни ветра, ни пыли. Одна антенна на крыше ангара качнулась, и Кайл отвёл взгляд. Дальше была пустыня.

Грузовик медленно выехал со стоянки, оставляя за собой шлейф пыли, который тут же подхватывал ветер и уносил прочь, словно стирая сам факт его отъезда. Дорога шла по прямой, ровная, открытая, без извилин. Песок здесь был плотным, утрамбованным ветрами до почти каменной твёрдости, и «Странник» шёл уверенно, чуть покачиваясь на неровностях, но не теряя хода. Впереди, вдалеке, тянулся горный хребет — те самые острые, ломаные линии, что Кайл видел со станции. Двести пятьдесят километров до метеостанции. Он вёл машину осторожно, выбирая траекторию так, чтобы не застрять в рыхлом песке, который иногда появлялся там, где его быть не должно. Иногда приходилось ехать по прямой, глядя по сторонам, и тогда пустыня открывалась во всей своей суровой красоте. Но дорога была протоптана со вчерашнего дня и следы «Шторм Х» не полностью занесены.

В кабине было тихо, только гудел контур и шуршали показания датчиков. Кайл любил эту тишину. Где-то позади, в открытом ангаре «Аджи-1», Рон Шварц сидел в «Стриже» и, наверное, уже напевал что-то себе под нос, Кайл слышал это раньше: в эфире, между вызовами, тихий обрывок тяжёлого рока, будто Рон не мог молчать, как не мог не дышать. Иногда этот звук раздражал, иногда забавлял, но всегда означал одно: Рон на месте, Рон готов. Если пустыня всё-таки решит пойти на тебя, уж точно не останешься один на один с ней. Кайл постучал пальцами по панели, не в такт, просто, чтобы почувствовать, что руки на месте, и повёл «Странника» дальше.

Спустя пройденные километры, начали встречаться полусухие деревья с узловатыми стволами, которые жались к земле, будто пытались спрятаться от ветра. Их листва была жёсткой, пыльной, почти серой, и шелестела так тихо, что этот звук сливался с шумом ветра, стано-

вясь его частью. Кустарники цеплялись за трещины в камнях, их корни, толстые и извилистые, напоминали жилы, в которых текла не кровь, а сама упрямая воля к жизни.

Между горами дорога становилась чётче: здесь песок сменялся гравием, утрамбованным колёсами и ветрами до состояния почти каменной плиты. Кайл прибавил скорость, чувствуя, как машина уверенно держит курс. Горы нависали над дорогой, их склоны были изрезаны трещинами и промоинами, в которых гнездились тени. В некоторых местах скалы сходились так близко, что между ними оставалось лишь узкое ущелье, по которому грузовик должен был проехать, едва не касаясь бортами каменных стен.

В этом ущелье ветер менялся: он уже не гулял свободно, а метался между скал, ударяясь о камни и возвращаясь назад, словно не мог решить, в какую сторону ему дуть. Деревья здесь росли гуще, их кроны сплетались над дорогой, образуя неровный свод, сквозь который пробивались красные лучи местных солнц. Свет ложился на кабину пятнами, то вспыхивая, то гаснув, будто кто-то играл с выключателем.

Постепенно ущелье расширилось, и Кайл выехал на обратную сторону хребта. Отсюда открывался вид на долину, где стояла метеостанция.

Она показалась вперёди. Одноэтажное, приземистое, цвета невыделанного бетона, серое, почти сливающееся с каменистой почвой, будто росло из неё. Квадратное, угловатое, без единого лишнего изгиба. Над входом чёрная, потёртая надпись: «Метеостанция 05». Буквы когда-то были ровными, а теперь слегка облупились, и песок забился в их углы, будто Аджи пыталась стереть даже название. Большие тонированные окна, от пола до потолка, тёмные, почти зеркальные, в которых отражалось красноватое небо. Через стекло не было видно ничего: только собственное отражение пустыни, будто здание не хотело показывать, что у него внутри.

А на крыше, сверху были антенны. Не одна, а несколько: основная, похожая на раскрытый цветок с острыми лепестками, медленно поворачивающаяся и сканирующая небо. Рядом локатор, плоский, похожий на наклонённый щит, и несколько более мелких модулей, разбросанных по крыше, как детали механизма, который кто-то собирал в спешке, но с толком. Вокруг здания тянулись ряды солнечных панелей, покрытых пылью, но всё ещё способных вырабатывать энергию. Всё вместе выглядело так, будто здание вросло в землю и держится на ней не силой, а

упрямством, с которым сама Аджи держалась за свои тайны. Кайл смотрел на здание несколько долгих секунд, привыкая к тишине. Станция не приветствовала. Она просто стояла и ждала, когда человек докажет, что пришёл по делу, а не из любопытства.

Он заглушил энергоконтур «Странника». Гул стих не сразу, ещё пару мгновений кабина продолжала вибрировать, будто машина никак не могла поверить, что путь окончен. Кайл подождал, пока дрожь уйдёт, и только потом открыл дверь.

Пустыня встретила его тем же сухим ветром, но здесь, в долине, он был чуть тише, горы гасили его ярость, оставляя только настойчивость. Кайл застегнул воротник, прикрывая шею от пыли, и шагнул к входу. Его ботинки глухо стукнули по бетонной плите, которая когда-то была подъездной площадкой, а теперь растрескалась и поросла жёсткой серой травой.

Подошел к входу в станцию, коснулся панели у двери. Та мигнула тусклым красным. Питание было, но система не спешила узнавать гостя. Кайл достал свой пропуск, приложил к считывателю и тихо выдохнул, когда огонёк сменился на зелёный. Замок щёлкнул, дверь чуть дрогнула и медленно отъехала в сторону, открывая тёмный проём.

Внутри пахло не пылью, а чем-то другим: озоном, старым пластиком и едва уловимой горечью перегретых плат. Тишина здесь была не пустой, а напряжённой, будто станция держала дыхание. Кайл шагнул внутрь, давая глазам привыкнуть к полумраку.

Перед ним тянулся коридор.

Внутри станция делилась на несколько комнат: аппаратная с рядами стоек и тускло мигающими индикаторами, жилой отсек с узкой койкой и шкафчиком, где кто-то из прошлых смен

оставил старую кружку и потрёпанный блокнот, и центральный узел с пультом управления, покрытым тонким слоем пыли. Но Кайл редко спускался ниже первого этажа — его работа была снаружи, там, где техника сталкивалась с Аджи лицом к лицу.

Под зданием уходил вниз еще один ярус, подземный, технический. Туда Кайл не спускался. Он просто знал об их существовании: там располагались резервные генераторы, системы фильтрации и склады запчастей. Эти уровень был спрятан под песком и камнем, будто станция хотела укрыть самое уязвимое от ярости пустыни. Для Кайла это была просто часть инфраструктуры — важная, но чужая: туда ходили другие люди: инженеры и научные сотрудники, которые разбирались в схемах и резервных линиях, серверах, данных, а не в том, как держится антенна при штормовом ветре.

Кайл подошел к центральной панели управления, стер с экрана слой пыли, перевел все системы слежения станции в сервисный режим, питание на крыше перестало подаваться, он знал, что локатор остановился. Можно приступать к работе.

Он вышел обратно на улицу, обошел здание и поднялся по внешней лестнице на крышу, привычно проверяя каждую ступеньку — металл был холодным и шершавым, покрытым тонкой коркой песка.

Сверху здание выглядело ещё более утилитарным: антенны уже не поворачивались, не сканировали небо, локатор, похожий на наклонённый щит, не ловил слабые сигналы сквозь пылевую пелену, тоже не двигался.

По крыше были разбросаны модули — прямоугольные боксы с вентиляционными решётками, потемневшие от времени и песка. Именно здесь, на крыше, Кайл и проводил основную часть работ: менял изношенные модули, чистил контакты от въевшейся пыли, проверял крепления, чтобы их не сорвало первым порывом ветра. Он знал каждый узел наизусть, где металл уже устал, где резьба начала сдавать, где песок успел проникнуть внутрь и превратить надёжное соединение в источник помех.

Кайл открыл крышку, осмотрел внутренности: пыль въелась в платы, контакты потемнели, один из разъёмов едва держался. Он аккуратно отсоединил старый модуль, убрал его в сумку и поставил новый — тот щёлкнул на месте, и индикаторы тут же загорелись ровнее, ярче. Ещё два таких же блока и крыша снова будет держать связь, даже если ветер начнёт рвать и метать.

Закончив, он ещё раз проверил крепления, убедился, что все панели плотно закрыты, а антенны стоят ровно. Потом спустился вниз, обошёл здание по периметру, отмечая в планшете мелкие детали: где песок насыпался слишком густо, где тень от локатора легла иначе, чем в прошлый раз. Это не было частью инструкции, просто привычка человека, который знает: на Аджи любая мелочь может стать предупреждением.

Стало заметно, что ветер уже набирал силу, перекатываясь по долине, уже чувствовалось приближение бури. Появилось чувство, будто за ним кто-то наблюдает. Такое тонкое и уловимое чувство, может интуиция. Никого не было на горизонте, ни в горах, никаких движений, но это чувство не покидало, только усиливалось.

Он вошел внутрь здания, восстановил питание антен и локатора с центральной панели, огляделся и покинул станцию, пошел к машине, которая стояла в метрах пятидесяти и ждала его. Перед отъездом он оглянулся на метеостанцию — серое здание с чёрной надписью, тонированными окнами и антеннами, и локатором, который медленно поворачивался, сканируя местность: горы, небо, окрашенное в багровые и фиолетовые тона. Всё выглядело так же, как и час назад, но теперь в этом пейзаже было что-то новое, не мистика, не странность, а просто осознание: Аджи не была дружелюбной. Она была равнодушной, древней, упрямой, и это равнодушие порой пугало сильнее любой угрозы. Она смотрела на него своими горами, песком. Атомосфера, давящая морально, в очередной раз говорила тебе, ты здесь пищинка и я

даю тебе возможность побыть здесь, вернуться на станцию, но лишь до того момента, пока не передумаю.

Кайл сел в кабину, запустил контур и поехал обратно. Ветер стал сильнее, но это ещё не была буря. Он связался с базой, доложил, что едет обратно, и сообщил, что в поддержке транспорта не нуждается. Голос в эфире звучал так же ровно, как и при выезде: ни дрожи, ни напряжения. Просто человека, который делает свою работу.

После нескольких часов дороги, Кайлу показалась «Аджи-1», во всех своих деталях, и он рассматривал знакомую картину, как в первый раз.

Станция стояла на плато, будто её не построили, а вырастили из света и холода. Не куб и не цилиндр — несколько вытянутых, чуть изогнутых «лепестков», расходящихся от общего центра. Каждый лепесток — отдельный модуль, но вместе они складывались в силуэт, который выглядел, как застывшее движение: будто архитекторы хотели поймать в металле ветер, которого на Аджи практически никогда не заканчивается. Светло-серая, почти белая, с добавлением черного, она спорила с красноватым небом и рыжим песком. Эта станция была заявлением, людей, когда то ступивших на поверхность суровой и неукротимой планеты, людей, здесь оставшихся: «Мы здесь, и мы не сольёмся». Чёрные панорамные окна, от пола до потолка, строгие, как тёмные зеркала, в которых отражалось небо. Иногда казалось, что станция не смотрит на мир, а слушает его.

Антенны — тонкие шпили, тянущиеся вверх, к звёздам. Не украшение, а нерв: по ним станция слушала космос, ловила слабые сигналы, считала далёкие пульсары и ждала, если вдруг кто-то позовёт. А фундамент уходил вниз, под поверхность, верхние ярусы гордо стояли над пустыней, а дальше конструкция уходила под грунт, образуя несколько подземных уровней. Снаружи видна лишь часть, настоящая мощь скрыта внизу. Площадка перед входом — тёплый камень, ступени широкие, удобные, будто рассчитанные на людей, которые возвращаются уставшими. Над входом гордая надпись: «Аджи-1». Не золотые, черные.

В стороне стояла техника. Тёмно-зелёные грузовики и вездеходы, будто их специально красили так, чтобы они выглядели чужеродно на фоне песка. На бортах — номера серой краской: 008, 023, 117. Каждый номер был чётким, немного потёртым, каждая машина со своей историей. На дверях надпись «Аджи» оранжевого цвета, с тонкой белой обводкой, чтобы читалась даже в пыльной буре. «Стрижи» стояли в грузовом терминале, выносливые труженики, такие же зелёные, цвета хвои с серо-голубыми днищами. Они стояли так, будто отдыхали после долгих полётов над каньонами и дюнами. В одном, открытом ангаре «Стриж» Рона стоял на месте, двигатели остывали, кабина уже была пуста, и Кайл знал, что Рон где-то внутри станции, без шлема, уже без этой своей готовности номер один. До следующего раза.

И всё это в не заканчивающимся звуке ветра. Едва различим далёкий, ровный гул собственных систем станции, будто она дышит.

Кайл знал, что ждёт его внутри: тонированная дверь с глухим звуком закроется за спиной, и тишина станет другой не мёртвой, а защищённой. Мягкий янтарный свет, деревянные панели на стенах, фотографии улыбающихся людей на фоне дюн. Запах хлеба, на станции всегда пекли хлеб — первый сигнал, что ты дома. Коридоры с мягкими изгибами, не пугающие, а ведущие. Столовая, где длинные столы из настоящего дерева, отполированные. Лампы дают мягкий золотистый свет, в котором усталость кажется не такой тяжёлой. Командный центр, где экраны показывают каждый маленький кусочек изученного мира: периметр, небо, подземные уровни, энергосеть, погоду. Подземные ярусы: склады, мастерские, энергоузел, архив, где станция хранит не только цифры, но и короткие заметки людей.

Станция не кричала, не требовала внимания. Она говорила делами: светом, теплом, запахом хлеба, ровными коридорами, где всё на своих местах. Она была спокойной, собранной, терпеливой, но требовательной, ведь Аджи не прощала небрежности.

И в этом противостоянии: станция и планета, металл и камень, свет и равнодуши, было что-то честное. Человек не притворялся, что понимал этот мир, а просто старался удержаться на его поверхности, пока ветер шептал свои древние истории, а горы молчали, храня свои тайны. А станция стояла рядом, не только как щит, а как дом, который держит людей, пока они держатся за него.

— Говорит «ноль третий», — подхожу к дому, — спокойным голосом доложил Кайл.

В эфире на секунду повисла тишина, потом щёлкнул канал, и голос Рона прозвучал ровно, по-деловому, будто он всё ещё держал в голове чек-лист перед вылетом:

— Принял, ноль третий. Периметр закрыт, ветер в норме, заход разрешаю. Ты как, без повреждений?

— Без повреждений, — ответил Кайл ровно. — «Странник» не подвёл.

— Он никогда не подводит, — согласился Рон, и в голосе уже проскользнуло что-то личное, тёплое. — Но я всё равно сидел. Двигатели грел. На всякий случай.

Кайл улыбнулся, зная, что это не «на всякий случай». Рон сидел в кабине три часа, не потому что должен, а потому что так делал всегда, когда кто-то из своих шёл в пустыню. Так было и в прошлый раз, и в позапрошлый. «Стриж» не взлетал ни разу, но каждый раз был готов.

— Спасибо, Рон, — сказал Кайл и впервые за весь выезд улыбнулся. — За то, что был наготове.

— Да брось, — голос Рона стал совсем обычным, почти домашним. — Мы же команда. Ты по земле, я по небу. Кто-то должен прикрывать, всегда. Так и добрался без происшествий и в этот раз.

Кайл поставил «Песчаного странника» в ангар, аккуратно выровняв его по меткам на полу. Выключил зажигание, и кабина будто выдохнула вместе с ним: гул контура стих, сменившись привычным шумом вентиляции и далёким перестуком чьих-то шагов по металлу. Он посидел ещё минуту, просто слушая эту тишину, которая здесь не пугала, а была частью порядка. Размял уставшие плечи и вышел.

Воздух в ангаре пах озоном, нагретым маслом и пылью — обычный запах ангара, родной. Кайл стряхнул с рукава серый слой песка, который успел въесться в ткань, и, не торопясь, пошёл к выходу, на улицу.

Снаружи уже сгущались сумерки. Красное небо уже наливалось фиолетовой тяжестью, но это всё ещё была не буря, просто вечер на Аджи. То самое время, когда планета будто чуть опускает голос, становясь не грозной, а просто огромной. Ветер гулял по площадке, перекатывая сухие комки травы, но не пытался сбить с ног, пока лишь напоминал, что он здесь.

Кайл смотрел вперёд, в пустыню, где виднелся хребет, откуда он вернулся только что. Где-то там, дальше, на восьмой метеостанции еще работают Тия и Илайя.

Он продолжал смотреть на хребет. Сейчас не было ни ужаса, ни странного ощущения чужого взгляда. Атмосфера была обычной, стандартной, насколько это слово применимо к Аджи. Но Кайл понял одно: планета не приняла его в союзники. Она просто не забрала его, пока.

И тут из соседнего ангара, где стоял «Стриж», показался Рон. Он шёл, широко шагая, пружинистой, лёгкой походкой человека, который привык держать равновесие даже на качающемся полу: жилистый, худощавый, но с этой особенной силой в плечах, будто в нём умещалось куда больше, чем позволяла его фигура. На макушке очки-авиаторы, воротник лётного комбинезона расстёгнут, рукава закатаны до предплечий, открывая загорелые, жилистые руки с длинными, подвижными пальцами.

Лицо у него было узким, с острыми скулами, с сильной челюстью, которая придавала ему ту самую жёсткость, незаметную с первого взгляда. Его тёмные, почти чёрные глаза были живыми, быстрыми, и стоило ему улыбнуться, как всё лицо будто вспыхивало: крупные передние зубы, чуть выступающие вперёд, делали улыбку не идеальной, но невероятно заразитель-

ной, мальчишеской, несмотря на аккуратные, ухоженные усы, ровно очерчивающие верхнюю губу.

Он напевал себе под нос какую-то старую песню, сначала чистым, сильным голосом, легко перекрывая гул станции, а в конце, на высокой ноте, резко ушёл в гроулинг.

— Ну вот, — довольно протянул Рон, подходя ближе и широко улыбаясь. — А я уж думал, придётся лететь, тебя спасать. Но ты опять всё сам.

— «Странник» не подвёл, — спокойно ответил Кайл, чуть приподняв уголок губ. — И ты, как всегда, прикрывал.

— А как же, — Рон хлопнул его по плечу — крепко, по-дружески, так, что Кайл едва заметно качнулся, но тут же привычно выровнялся. — Я же не могу просто так сидеть. Двигатели грел. На всякий случай.

Кайл посмотрел на него, на эту улыбку, впервые, за весь день по-настоящему расслабился.

— Спасибо, — сказал он просто. — За то, что не сидел, сложа руки.

— Да ладно, — отмахнулся Рон, но в глазах у него было тепло. — Ты бы для меня то же самое сделал. Мы же не просто люди — мы команда.

Они стояли друг напротив друга, улыбаясь, и в этой улыбке не было ничего героического, только облегчение и радость от того, что всё обошлось. Потом Рон протянул руку, и Кайл крепко её пожал, по мужски. В этом было все глубокое уважение друг к другу.

— Пойдём, — кивнул Рон в сторону центральных дверей. — Там Иса сегодня опять хлеб пекла. Говорит, тесто получилось особенно удачным.

— Она пекла хлеб? — удивился Кайл.

— Да шучу, братан! — засмеялся Рон, толкнув аккуратно в бок Кайла.

Они пошли рядом, услыбчивые, не спеша, без суеты, обсуждая, когда же вернуться девченки с дальнейшей метеостанции.

— Твоя миссия закончена на сегодня, а я то в режиме ожидания до сих пор, — сказал Рон.

— Серьезно, ты еще сутки будешь караулить? — сочувствующе спросил Кайл.

— Да расслабься, снова шуту, Тео приглядит за ними, если, что. Он уже в готовности номер два, — ответил Рон.

Перед ними возвышались большие тонированные двери «Аджи-1» — массивные, надёжные, прозрачные изнутри, но снаружи отражающие лиловое небо и рыжие дюны. Две закрылись за ними и отсекли звуки пустыни.

Рон на ходу снова тихо запел, ту же песню, но теперь уже про себя, настроение было хорошим. И Кайл вдруг поймал себя на том, что слегка тоже подтягивает мелодию, совсем тихо, почти не слышно.

Внутри было тепло. Мягкий янтарный свет лился с потолка, сглаживая углы и тени. В воздухе витал густой, уютный запах дерева и свежего хлеба. Где-то далеко слышался спокойный голос, кто-то докладывал о закрытии периметра, кто-то смеялся над какой-то старой шуткой. Станция жила своей размеренной жизнью, и в этом гуле, в этом свете, в этом запахе было самое главное: ты дома.

Кайл глубоко вдохнул и почувствовал, как с плеч сползает не только пыль, но и тяжесть этих пятисот километров. Он не герой, не спаситель, не тот, кто бросает вызов планете. Он простой человек, который делает свою работу. И у которого есть место, куда можно вернуться.

— Я же говорил, испекла хлеб, чувствуешь? — Рон хлопнул его ещё раз по плечу, подмигнул и пошёл вперёд, снова напевая, теперь уже чуть громче, будто хотел разбудить эту тишину и заставить её звучать.

А Кайл шёл следом, оглядываясь по сторонам, на деревянные панели, на фотографии на стенах, на длинные столы в столовой, где уже собирались люди. И понимал: да, Аджи не стала

дружелюбной. Она осталась древней, равнодушной, упрямой. Но здесь, за этими стенами, было то, что сильнее её равнодушия — люди, которые не сдаются, и дом, который держит.

Глава 12 Кого пустыня отпускает

Кайл и Рон шагнули в общий зал, и время будто споткнулось. Панорамные окна, выходящие на пустыню, превратились в экраны кошмара.

Небо, и без того окрашенное в багровые и фиолетовые тона туманности, стало почти чёрным, тяжёлым, как мокрая ткань. По горизонту, словно когти исполинского зверя, тянулись тёмные полосы. Ветер, который ещё несколько минут назад был просто настойчивым, теперь выл, царапая стены станции так, будто хотел добраться до их кожи.

Майор Вин Торн, начальник «Аджи-1», стоял у окна, сжав кулаки так, что побелели костяшки. На скулах лёгкая краснота, будто он только что вернулся с улицы, где ветер бил в лицо, и холод ещё не успел выветриться из костей. Он не шевелился, только чуть хмурил густые брови, и в этой неподвижности чувствовалась не растерянность, а стальная попытка удержать контроль.

У пульта напротив сидела Иса Хамад, лейтенант, заместитель Торна. Её спина была прямой, но в плечах читалось напряжение, не скованность, а готовность сорваться с места. Пальцы бежали по клавиатуре с привычной скоростью, но взгляд, прикованный к экранам, был слишком острым, будто она пыталась разглядеть сквозь помехи саму суть бури. Она не смотрела в окно, она смотрела туда, где шторм оставлял следы в цифрах.

— Прогноз с «Аджи-2» был чистым, — тихо сказала она, почти шёпотом, будто боялась, что звук привлечёт бурю. Её пальцы на секунду замерли над клавишами, а потом снова задвигались — быстрее, резче. — Никаких аномалий. Ни всплесков, ни сдвигов. Ничего.

— Значит, они не увидели, — ответил Торн. Голос у него был ровный, без крика, но в нём чувствовалась тяжесть, как будто каждое слово он вытягивает из себя, чтобы не дать панике растечься по залу. — Или планета не захотела, чтобы её увидели.

Буря налетела не постепенно. Она ударила, как кулак. Песок, поднятый ветром, стал почти жидким, текучим, он хлестал по окнам с такой силой, что стекло едва слышно звенело. Свет снаружи померк, и в зале зажглись аварийные лампы, придавая лицам красноватый оттенок, похожий на кровь.

Все стояли у окна и смотрели, как пустыня превращается в кипящий океан пыли. Кайл чувствовал, как этот ветер пытается проникнуть внутрь, найти щель, ворваться и всё перемешать. В горле пересохло, а в груди что-то сжалось, не паника, но холодный, липкий страх перед тем, чего нельзя увидеть.

Рон покачал головой без улыбки. Он стоял чуть позади Торна, и Кайл заметил, как пилот сжал и разжал кулаки — профессиональная привычка, когда хочется схватить штурвал и увести всех прочь, но уйти некуда.

— Закат 1, Закат 1! Приём! — пыталась связаться Иса с метеостанцией восемь. В ответ — только треск помех, похожий на скрежет зубов.

— Я на птичку, жду сигнала! — крикнул Рон и побежал к коридору, ведущему в ангар. Его ботинки глухо застучали по полу, и этот звук на секунду перекрыл вой ветра.

Торн проводил его взглядом и снова уставился в окно. Он глубоко вдохнул, будто набираясь терпения, и сказал:

— Пока рано паниковать. Буря, связи нет — это нормально. Просто пусть Тео будет готов к вылету, с Роном на пару.

— Есть, — тут же ответила Иса, голос её звучал чётко, но в интонации проскользнула едва уловимая дрожь. — Тео, приём, готовность номер один. Ждём, когда закончится буря. Если связь не восстановится, летишь с Роном!

— Принял, — ответил Тео, голос был спокойный, но с нотками напряжения, как у струны, натянутой до предела. — Жду указаний. Рон уже здесь.

Рико Сурин, сержант, техник станции, стоял у окна. В его неподвижности чувствовалась та самая собранная плотность, не напряжённая, а спокойная, будто он сам стал частью стены, выдерживающей напор стихии. За стеклом бушевала песчаная буря: плотные рыжие вихри кружились, сливаясь в сплошной поток, и казалось, что станция вот-вот растворится в этом ревущем мареве.

Он не прижимался лбом к стеклу и не вглядывался лихорадочно, он сканировал. Его тёмно-карие, почти чёрные глаза ловили не просто движение песка, а ритм бури: где она давит сильнее, где на секунду стихает, чтобы ударить с новой силой. В этом внимательном взгляде не было страха, только холодный расчёт. Он мысленно сопоставлял то, что видел снаружи, с тем, что слышал внутри — с вибрацией пола, с едва уловимым изменением тона вентиляции, с тихим писком датчиков.

Форма сидела свободно, привычно, так, чтобы можно было в любую секунду сорваться с места и уйти в шахты, к панелям, к кабелям. На рукаве тускло поблёскивала нашивка сержанта, на груди бейдж с позывным, а на поясе был набор инструментов, который он носил как продолжение себя. Но сейчас он не тянулся к ним. Сейчас он просто стоял и смотрел, прислушиваясь к станции, как врач прислушивается к пульсу больного.

Буря длилась минут десять. Она не нарастала и не затихала плавно. Она просто была, а потом исчезла, оставив после себя тишину, которая казалась громче любого ветра.

И только тогда они увидели: дорогу, по которой Кайл вернулся, замело тонким, ровным слоем песка. Следы «Песчаного странника» частично исчезли, будто пустыня аккуратно оставила эту линию, показывая, что она решает, что останется, а что исчезнет.

— Она что-то хотела сказать, — прошептала Иса. Её голос дрогнул, и она тут же сжала губы, будто ругая себя за эту слабость.

— Или просто напомнила, кто здесь хозяин, — добавил Торн. Он провёл ладонью по стеклу, стирая невидимую пыль, и его пальцы чуть дрогнули.

Кайл смотрел на бледный след протекторов, чувствовал, как внутри шевелится страх. Не панический, а тихий, ледяной. Аджи не приняла его в союзники. Она просто не забрала его, пока.

Тишина бывает разной. Бывает уютной, когда можно услышать собственное дыхание. А бывает зловещей, когда она давит на уши, заставляя прислушиваться к каждому шороху. Именно такая тишина повисла на «Аджи-1», когда пропал сигнал с дальнего датчика в квадрате D3J5.

Иса продолжала связываться с Тией и Илайей, пока безуспешно. Проверила три резервных канала, сверила таймштампы, дважды пересчитала координаты. Её движения были экономными, почти хирургически точными, но в каждом жесте чувствовалась упрямая надежда, которая с каждым «нет» сжималась всё сильнее. И только когда все варианты технического сбоя были исчерпаны, она подняла глаза — спокойно, но так, что все в комнате замерли:

— Нет сигнала, — сказала она тихо. — И это не пыль.

Торн подошёл к столу, положил ладони на холодную поверхность и наклонился к экрану, будто мог силой воли вернуть эту точку на место. Его плечи чуть опустились вперёд, не от усталости, от готовности принять вес. В воздухе витал лёгкий запах озона, будто буря оставила после себя электрический привкус.

— Возможные причины? — спросил он.

— Пыль, — сразу ответил Рико, который уже поднялся от панели и теперь стоял рядом, протирая руки ветошью. Его голос звучал ровно, без лишней драмы. — Песок мог забить всё, что можно.

— Шторм, — добавила Иса. — Тот, что был только что, мог повредить антенну. Я уже запросила телеметрию с внешних камер, если там есть механические повреждения, мы увидим. Хотя диагностика «Аджи-1» не говорит о каких либо проблемах.

— Аномалия, — тихо сказал Кайл. Он не любил это слово, но оно само сорвалось с языка.

Торн посмотрел на него.

— Не надо мистики, — сказал он. — Нам нужны факты.

Но факты были неутешительными. Датчик стоял в зоне, где не должно быть сильных ветров, где скалы защищали его от песка. И если он молчал, значит, что-то было не так. Тишина в зале стала почти осязаемой, она давила на уши, заставляя прислушиваться к каждому шороху.

— Ждём двадцать минут, — сказал Торн, — сначала всё-таки попробуем восстановить связь.

Они пытались. Перезапускали каналы, отправляли тестовые сигналы, проверяли резервные частоты. И тишина отвечала им молчанием.

В комнате становилось душно. Воздух, который всегда пах пылью и металлом, теперь казался тяжёлым, будто пропитался напряжением каждого из них. Будто в нём растворился сам страх.

И вдруг точка на экране мигнула. Серая стала жёлтой, потом зелёной. Сигнал вернулся.

Иса выдохнула, и этот выдох был похож на всхлип, единственный признак того, что напряжение её тоже сжимало. Пальцы, ещё секунду назад жёстко отбивавшие команды, вдруг дрогнули, и она на мгновение прижала их к груди, будто пытаясь удержать внутри этот резкий всплеск облегчения.

— Что случилось? — спросил Торн, не веря в такую лёгкость.

— Не знаю, — призналась Иса, и в её голосе впервые скользнула тень сомнения. — Просто вернулся. Как будто кто-то щёлкнул выключателем. Или планета решила, что мы достаточно понервничали.

Рико нервно рассмеялся, коротко, без веселья:

— Наверное, песок сдуло ветром. Или аномалия прошла.

Но Кайл не смеялся. Он смотрел на экран и думал о том, что тишина не бывает случайной. Она всегда что-то значит.

— Закат 1, Закат 1! Приём! — напряжённым голосом вызывала Иса метеостанцию.

— Закат 1, на связи, приём, — послышался голос Тии Сенеб.

Весь штаб с облегчением выдохнул. Даже вентиляция, казалось, на секунду загудела чуть тише, будто и станция вздохнула вместе с ними.

— Доложите обстановку, — Иса продолжила со смешанными чувствами: тревога и напряжение отпускали, но где-то внутри всё ещё шевелился холодок — слишком уж легко всё разрешилось.

— Обстановка спокойная, все системы станции в норме, обстановка спокойная. База, что случилось? — вопросительный голос Тии.

— Всё в порядке, у нас тут буря была, связь с вами терялась, — говорила Иса.

— Странно, у нас было тихо все время, погода обычная, бури не было, — удивленно ответила Тия.

— Принято, Закат 1, работайте, удачи. Не забывайте периодически выходить на связь, — сказала Иса.

— Принято, конец связи— спокойно ответила Тия.

Торн сел на край стола и провёл рукой по лицу, стирая не столько усталость, сколько ощущение, что они только что заглянули за край чего-то непонятного и вовремя отступили.

— Отлично, — сказал он. — Держим с ними связь, Рону отбой, Тео готовность номер два. Сменяться через шесть часов.

Все выдохнули. Напряжение, которое сжимало комнату, как тиски, немного ослабло. Но не исчезло. Оно осталось где-то в углах, в тенях, в том самом воздухе, который теперь казался чуть чище, но всё равно чужим.

Кайл вышел из комнаты управления и остановился в коридоре. Он чувствовал себя так, будто только что избежал чего-то, но не знал, чего именно. И это незнание было страшнее любой бури. Он прислонился лбом к холодному металлу стены, пытаясь унять дрожь в пальцах, и на секунду закрыл глаза, будто так легче было удержать реальность на месте.

Вечером, когда буря утихла, а связь с датчиком вернулась, команда собралась в общей комнате. Не для работы, а просто чтобы быть вместе, чувствовать, что они не одни в этом огромном, равнодушном мире.

Торн пришёл последним. Он на секунду задержался в дверях, будто проверяя, всё ли в порядке, и только потом вошёл. В руках у него была его личная кружка — старая, с отбитым краем, которую никто не трогал. Он заварил в ней свой фирменный настой: травы, собранные на станции, немного пряностей, капля мёда — ритуал, который помогал ему вернуть голос после долгого дня. Пар поднимался тонкими завитками, и в его запахе было что-то домашнее, почти забытое, как напоминание, что где-то ещё существует нормальная жизнь.

Рико достал свою старую кружку с отбитой ручкой — подарок от первого командира и сел у обогревателя — камина, электронного правда. Имитация реальной жизни, сейчас была кстати. Пламя трещало и шипело, будто спорило с тишиной.

— Вы слышали про отряд 13-го дивизиона? — спросил Рико, глядя в огонь. Он любил рассказывать легенды, но не для того, чтобы напугать, а чтобы напомнить: Аджи старше и умнее всех их вместе взятых.

Кайл кивнул. Он слышал. Но хотел услышать снова, потому, что в устах Рико эта история становилась не сказкой, а инструкцией по выживанию.

— Это были лучшие из лучших, — продолжал Рико. — Элитные военные исследователи, которых Намиссания прислала на Аджи двести лет назад. Тринадцать человек, и каждый обучен на любой случай: выживание, бой, разведка, медицина, инженерия. Универсальные солдаты, готовые ко всему.

Он помолчал, отпил чай. На стенках кружки остался тонкий налёт, и Рико машинально провёл по нему пальцем, будто стирая прошлое.

— Тринадцать фигур в чёрной униформе, которая казалась почти живой, будто ткань могла двигаться сама по себе. Шлемы с затемнёнными визорами. Броня, покрытая матовым напылением, которое не отражало свет, а поглощало его. Оружие, которое выглядело не как инструмент, а как продолжение руки. Они выглядели как тени, которые научились ходить.

Тишина в комнате стала плотнее. Даже гул систем кондиционирования будто притих.

— Их высадили с корабля в заданном квадрате. Задача была простой: провести первичную разведку, установить базовый лагерь, собрать данные и ждать подкрепления. Корабль ушёл на орбиту и ждал два месяца. Два месяца тишины. Ни сигналов бедствия, ни отчётов, ни даже обычного «мы здесь». Ничего.

Рико поставил кружку на стол.

— Корабль вернулся. Оставил припасы, оборудование, всё необходимое. Следующие экспедиции находили лагерь нетронутым. Ничего не было использовано. Ни банки консерв, ни упаковки воды, ни даже спального мешка. Следов тоже не было. Никаких. Как будто отряд просто растворился в воздухе.

Он понизил голос — и от этого голос стал только страшнее.

— А через год информация об отряде исчезла. Из всех баз данных Намиссании, Амины. Будто кто-то стёр их, как стирают мел с доски. Остались только рассказы, байки, легенды. И страх, который передавался от старожила к новичку.

— Говорят, что Аджи забрала их, — прошептал Рико. — Не убила, не уничтожила, а именно забрала. Как будто планета решила, что они ей нужны.

Кайл сидел и слушал, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Он думал о том, что, если даже элитные бойцы, обученные на любой случай, исчезли без следа, то что может сделать обычный техник? Он сжал кружку обеими руками, пытаясь согреть пальцы, но тепло не доходило до костей.

— Но это же легенда, — сказала Иса, стараясь вернуть разговор в рациональное русло. — Скорее всего, была какая-то аномалия. Магнитная буря, локальный шторм, что-то, что сбило их навигацию и связь. А может, кто-то просто очень хотел, чтобы об этом забыли.

— Может быть, — согласился Торн. Он сделал короткий глоток из своей кружки, будто закрепляя этим жестом свою позицию: «Мы не верим в сказки, но мы уважаем страх». Его серо-зелёные глаза, цвета штормового моря скользнули по лицам команды, проверяя, кто держится, а кому нужна опора. — Но легенды не рождаются на пустом месте.

Кайл посмотрел в окно, где небо было всё таким же багровым, но теперь в нём не было угрозы. Оно просто было. И он подумал, что, возможно, легенды нужны для того, чтобы напоминать: Аджи не просто планета. Она была силой. Древней, упрямоц, равнодушной. И она решала, кого оставить, а кого забрать.

Он допил свой чай, который остыл и стал горьким, и встал.

Когда Кайл вышел наружу, ветер был слабым, почти ласковым. Он не нёс песка, не кричал, а шептал что-то на своём древнем языке. Кайл прислушался и на секунду показалось, что в шёпоте сложился звук. Не слово, ближе к имени. Такому, которого он никогда не слышал, но каким-то образом узнал. Ветер скользнул по его лицу, как осторожное прикосновение, и Кайлу вдруг стало не по себе, будто планета впервые заговорила с ним напрямую.

Где-то позади, в окне, на секунду мелькнула фигура Исы. Она не окликнула Кайла, не позвала обратно, она просто постояла, проверяя, что техник ушёл не в пустоту, а по делу. Посмотрела и вернулась к своим бумагам. Она всегда так делала: не говорила «будь осторожен», но следила, чтобы никто не остался один на один с этой планетой.

А в зале Рико ещё сидел у обогревателя, медленно крутил в пальцах кружку и смотрел на огонь. Когда Иса вернулась, он чуть кивнул ей, без слов, просто чтобы она знала: он тут, он всё слышит, он держит этот угол станции.

— Знаешь, — вдруг тихо сказал он, не поднимая глаз, — я не верю в то, что планета кого-то «забирает». Я верю в то, что мы иногда не замечаем маленькую трещину. Пока она не становится пропастью.

Иса села напротив, поставила свою белую кружку на стол и чуть улыбнулась, не весело, а так, будто ей стало чуть спокойнее от этих слов.

— Тогда давай будем замечать трещины, — сказала она.

— Будем, — кивнул Рико. — Я по железу. Ты по цифрам. А вместе по всему, что может нас подвести.

Глава 13 Комплекс «Аджи-НИЗ»

Утро второго дня на метеостанции восемь началось тихо. Тия проснулась первой, как всегда, за несколько минут до того, как будильник должен был сработать. Лежала несколько секунд, слушала окружающие звуки. Фильтр-очиститель гудел ровно, монотонно. Где-то в стене привычное постукивание. За дверью тишина, не пустая, а ждущая, как вчера.

Илайя спала на спине, одеяло сброшено до пояса, рыжие волосы разметались по подушке тёмно-медным веером. Дышала ровно, глубоко, и на лице никакой маски: ни тёплой открытости, ни собранности. Простое выражение лица спящего человека, уставшего от вчерашнего дня.

Тия встала, бесшумно, по-кошачьи, прошла в операторскую. На центральном пульте проверила обстановку за стенами станции. Никаких дополнительных отметок и оповещений в системе не было. Системы мониторинга окружающей среды, система безопасности станции тоже в порядке. На улице чисто и тихо. Безопасно. Тия открыла изображение бетонной площадки перед станцией. На мониторе появилось изображение «Аджи Шторм Х», который стоял на прежнем месте, локатор по прежнему вращался, антенны выдвинуты — машина продолжает вести мониторинг в автоматическом режиме.

— Подъём, — сказала тихо Тия, тронув Илайю за плечо.

Илайя открыла глаза сразу, без этого промежуточного состояния, когда человек ещё не понимает, где он. Она всегда просыпалась так: резко, сразу, будто щёлкнули тумблером.

— Время? — спросила она.

— Шесть. Давай проверим данные с машины, дрон вернулся.

Приведя быстро себя в порядок, они вышли наружу, с винтовками на изготовку.

Периметр обходили молча, шаг в шаг, без лишних слов. Тия шла первой, сканируя углы, выступы, карнизы над входом: из-за любого мог кто-нибудь или что-нибудь выскочить, сорваться, промелькнуть тенью. Но углы были пусты. Карнизы тоже. Даже трещины в скале выглядели старыми, давно застывшими, без намёка на движение.

Ветер дул как обычно, ровно, без ярости, но и без доброты. Он гнал по земле песок, сухую траву, мелкие веточки, шуршал по металлу и бетону песком, словно пробовал станцию на зуб. И в этом шуме, в этом простом, будничном звуке, было что-то натянутое, как струна: казалось, стоит ветру чуть изменить тон и случится непоправимое.

Небо над горами стояло багровым, почти кровавым полотном, не рассветным розовым, а тяжёлым, густым, будто небосвод наделили цветом запекшейся раны. Этот оттенок не обещал тепла, не сулил нового легкого дня, он будто предупреждал: «смотри, ты же видишь, что здесь не всё в порядке». Но станция молчала, как и горы. Только ветер шептал своё.

— Слева, — вдруг тихо сказала Илайя, не поворачивая головы, — с того выступа сейчас сорвётся камень. Или кто-то выглянет.

Тия не стала спорить. Она просто чуть замедлила шаг, дала взгляду задержаться на кромке скалы. Камень не сорвался. Никто не выглянул. Только тень от гребня лежала на склоне, неподвижная, как приклеенная.

— Показалось, — так же тихо ответила Тия. — Или, такое ощущение, будто горы на нас смотрят.

Илайя хмыкнула коротко, без веселья, но с облегчением, что это было всего лишь: «показалось». На секунду можно чуть расслабиться и сбросить напряжение.

У «Аджи Шторм-Х» они задержались. Тия склонилась к панели датчиков, быстро пробежала глазами показатели: температура, давление, герметичность, внешние сенсоры, всё в зелёной зоне.

Илайя стояла неподалеку, развернувшись так, чтобы держать в поле зрения и машину, и склон, и небо. Ей всё ещё казалось, что кто-то сейчас мелькнёт на вершине, скользнёт между валунами, исчезнет в трещине, но вершина была пуста, только багровый свет ложился на камень, делая его похожим на застывшую кровь.

Дрон, вернувшийся ночью, сидел на посадочной площадке, как усталая птица. Они сняли его, аккуратно, бережно. Он все ночь честно выполнял свою работу, пока они спали, и заслужил уважения. В машине положили на специальное место, подключили к зарядке. Сняли данные, сухие строки телеметрии: высота, маршрут, температура, аномалий нет. Только ровный, скучный отчёт о том, что вокруг тишина.

Из машины взяли по тюку с сухпайками, тяжёлые, плотные, набитые до отказа. Закрыли машину. Та снова тихо щёлкнула замками, взяла периметр в невидимые объятия наблюдения, сенсоры продолжили свою работу.

Обратно шли, постоянно оглядываясь, будто хотели поймать тот самый момент, когда пустота перестанет быть пустой. Горы действительно казались живыми, складывалась такое ощущение у обеих, что горы будто смотрят на них, они чувствовали этот взгляд на себе: тяжёлый и терпеливый, как у древних существ, которые видели уже столько рассветов, что перестали их считать.

Внутри станции, когда на двери щелкнул замок, они наконец, выдохнули. Здесь, за толстыми стенами, ветер звучал тише, багровый свет практически не проникал, сквозь тонированные окна и тишина была другой, не ждущей, а более спокойной, даже немного уютной.

Они аккуратно разобрали тюки, расставили сухпайки по полкам, с заботой, ровными рядами, чтобы следующему, кто сюда доберётся, было приятно. Чтобы он открыл полку и понял: «здесь были люди, и они позаботились о тебе».

— На случай, если кто-то придёт, — сказала Илайя, поправляя последний пакет.

— Или если мы вернёмся, — добавила Тия, и в её голосе прозвучала редкая, почти забытая нотка, не надежды, а простого, будничного «мы ещё будем здесь».

Они рассмеялись коротко, негромко, но искренне. Смех прозвучал в пустом модуле как что-то очень правильное, как звук, которого станции давно не хватало.

Потом заварили кофе: настоящий, густой, с горчинкой, которая бодрит лучше любого стимулятора. Распаковали сухпайки. Завтрак получился хороший: плотный, простой, без изысков.

— Знаешь, — сказала Илайя, глядя в чашку, — утро бывает разным. Бывает так, когда ты просыпаешься и понимаешь: сегодня что-то случится. А бывает, когда всё слишком спокойно. И вот это «слишком», оно пугает даже больше.

Тия кивнула. Она не стала говорить, что тоже чувствует это «слишком». Вместо этого, она просто подвинула Илайе тарелку с ещё одним энергетическим батончиком: «мол, ешь, силы пригодятся».

— Зато мы здесь, — сказала Тия спокойно. — И мы вместе. А значит, если что-то и случится, мы это встретим вдвоём.

Илайя улыбнулась, чуть шире, чуть свободнее. И впервые, за утро в её глазах исчезло это натянутое ожидание беды.

— Ну что, подруга, готова? — голос Тии прозвучал чуть глуше обычного.

— Да, готова! — Илайя ответила твёрдо, но в её «готова» слышалось не столько спокойствие, сколько решимость не дать себе дрогнуть. Она крепче сжала винтовку, будто в этой стали и пластике было что-то живое, надёжное, за что можно держаться.

Они проверили оружие: быстро, привычно, почти на автомате, но сегодня каждый щелчок предохранителя, каждый поворот затвора отдавался чуть громче обычного. Взяли всё

необходимое: датчики, запасные батареи, фонари, аптечку, пару сухпайков, планшет, термос с кофе.

В техническом модуле стоял полумрак. Здесь располагались резервные генераторы, системы фильтрации, склад с запчастями, серверная, и еще несколько помещений, где располагалась вся инфраструктура метеостанции. В одной из комнат, согласно Протоколу-С, был люк. Они нашли его не сразу. За металлическими стеллажами. На стене встроена панель, на ней контрольные данные станции, ничего особенного. Согласно Протокола-С, они ввели код доступа и часть железного, сетчатого пола перед ними, квадрат полтора на полтора метра, приподнялся на несколько сантиметров. С торцов были ручки. Девушки вдвоем откинули в сторону крышку. Ниже металлическая лестница. Девушки переглянулись и аккуратно по очереди начали спуск.

Лестница вела вниз, и с каждым шагом холод пробирался не только под куртку, но и куда-то глубже: в кости, в память. Воздух становился не просто холодным, а древним, будто сама история оседала инеем на ресницах. Илайя втянула его и почувствовала, как прошлое сжимает её плечи тяжёлой, молчаливой рукой.» Он пах не пылью и не ржавчиной, а камнем, который лежал в темноте так долго, что уже не помнил, что такое свет. И этот запах, ровный и безжизненный, делал тишину вокруг не пустой, а густой, словно воздух здесь был слишком плотным, чтобы пропускать лишние звуки.

*****

Ярус минус один встретил их дежурным молочно-белым светом, равномерным, бесстрастным, будто его включили не для людей, а чтобы безжизненное пространство просто не оставалось во тьме. Коридор тянулся вперёд, прямой и обманчиво спокойный. Это спокойствие не успокаивало, оно напрягало, как натянутая струна, которая ещё не дрожит, но уже готова зазвучать.

Первая дверь с табличкой: «Цепь-6. Контур мониторинга». Холод металла пробрался сквозь перчатку, когда Тия положила ладонь на ручку. На секунду она задержала дыхание, будто прислушивалась не к замку, а к самому помещению, к его тишине, которая могла быть просто тишиной… или затишьем. И только потом нажала.

Дверь открылась бесшумно, с тем самым лёгким щелчком, который в абсолютной тишине коридора прозвучал неожиданно громко, как выстрел в пустой комнате. Тия и Илайя вздрогнули одновременно, почти синхронно, будто их тела среагировали раньше разума. Сердце Тии на долю секунды пропустило удар, а потом застучало быстрее, ровно, деловито, как механизм, который вдруг понял, что пора работать на пределе. Илайя сделала короткий, резкий вдох, плавный выдох, сжала пальцы на прикладе, потом, поймав взгляд Тии, чуть расслабила плечи, понимая: они должны держаться тихо, быть собранными, быть готовыми к любому повороту событий.

— Всё в порядке, — тихо сказала Тия, хотя сама не до конца в это верила. — Просто дверь.

— Просто дверь, — повторила Илайя, и это слово, сказанное вслух, действительно чуть-чуть сняло напряжение.

Внутри помещение дышало той же ровной, механической жизнью.

Посреди помещения стояли два стола, два стула, кружка на одном из них. Кружка, керамическая, тёмная, с нарисованным деревом, которое Тия не узнала. В кружке был след от кофе, давний, высохший, вросший в керамику, как отпечаток пальца на стекле.

— Кто-то сидел здесь, — сказала Илайя, глядя на кружку. — Пил кофе. И ушёл.

— Может, в отпуск, — сказала Тия, но её голос звучал неубедительно, и она это знала. Она прошла по помещению, проверяя стойки.

Серверы гудели не громко, но ощутимо, как будто где-то глубоко внутри стен билось искусственное сердце. На панели мигал зелёный индикатор: «КОНТУР АКТИВЕН».

Тия коснулась экрана и он вспыхнул мгновенно, будто ждал именно этого прикосновения. Цифры, графики, потоки данных побежали по дисплею, ровные, монотонные, идеальные. И от этой идеальной ровности становилось не легче, а страшнее,потому, что она была слишком безупречной, слишком правильной, как улыбка, в которой не было ни радости, ни злости, только форма.

Девушки переглянулись, на одно мгновение, без слов. В этом взгляде было всё: и биение сердец, и холодный пот на ладонях, и понимание, что они стоят перед чем-то, таинственным. Что-то работало. Что-то ждало. И никто из них не знал, чего именно.

— Система мониторинга, — голос Илайи звучал ровно, но в нём чувствовалась натянутая струна, она тоже старалась не дать себе сорваться.

— Магнитный контур, вибрационный профиль, температурная сетка. Всё штатно. Всё зелёное.

— Тогда почему наверху решили, что станция замолчала? — спросила Тия, и в этом вопросе было не столько любопытство, сколько попытка зацепиться за логику, удержать реальность на месте.

Илайя не ответила. Потому, что не знала ответа на этот вопрос. И потому, что знала другое: если она сейчас скажет хоть слово, голос ее может дрогнуть, выдать ее неуверенность.

Тия установила три датчика на стены, на разной высоте, чтобы зафиксировать любые изменения в пространстве. Илайя вела свои наблюдения: температура стабильная, влажность низкая, магнитный фон в пределах нормы. Цифры были ровными, скучными, нормальными. Те же цифры, что и наверху. Те же, что и вчера. Будто весь комплекс, сверху донизу, дышал одним дыханием, ровным и постоянным. Но именно это постоянство и пугало: оно было слишком долгим, слишком упрямым, как дыхание спящего зверя, который не собирается просыпаться.

— Пока ничего, — сказала Илайя, закрывая планшет. Голос её прозвучал чуть хрипловато, от напряжения, от попытки держать себя в руках.

— Пока, — согласилась Тия, и слово повисло в воздухе, как незакрытая дверь.

Они вышли в коридор. Тия закрыла дверь за собой, замок снова щёлкнул, так же громко. Следом, дверь справа, через двадцать метров: «Цепь-5. Резервный контур. Доступ по коду».

Тия ввела код из «Протокола-С». Замок щёлкнул, дверь открылась. За ней генераторная: два массивных резервных генератора, тёмные, тяжёлые, с толстыми кабелями, уходящими в стены, как вены в камень. Один работал, гудел ровно, басовито, вибрируя так, что пол едва ощутимо дрожал под ногами. Второй стоял холодным, будто спящим, но готовым приступить к своим обязанностям, по первому требованию. Скорее всего резервный.

На стене панель управления с аналоговыми стрелками: напряжение, ток, частота. Стрелки стояли ровно, не дрожали. Илайя подошла ближе, всмотрелась в показания, потом медленно, будто не веря собственным глазам, провела пальцем по стеклу дисплея.

— Запас энергии, сто процентов, — произнесла она тихо, почти шёпотом, как будто боялась спугнуть эту цифру. — Сто процентов. Этого хватит… может, на сотни лет. Пока система исправна. Пока станция стабильно работает.

Тия молча кивнула. В её голове щёлкнуло что-то важное, как шестерёнка, которая наконец встала на место.

— Не простой энергоконтур, запас не такой большой, — сказала она, и это было не вопросом, а утверждением. — Это не обычные генераторы. Здесь где-то, помимо них, должен быть реактор. Или что-то вроде него. Источник, который не кончается.

— Или который рассчитан на очень долгий срок, — добавила Илайя. — На такой долгий, что «сотни лет» — это даже не предел.

Они снова переглянулись. В этом взгляде теперь было не только напряжение, в нём был холодок понимания: они не просто нашли заброшенную станцию. Они нашли что-то, что было построено не на десятки лет. Что-то, что должно было пережить людей.

— Для чего? — тихо спросила Илайя, будто сама у себя. — Для чего всё это? Кто должен был здесь жить? Или… кто должен был сюда вернуться?

Тия не ответила. Она смотрела на ровные стрелки, на зелёные индикаторы, на кабели, уходящие в стены, и пыталась сложить в голове картину, которая не хотела складываться. Зачем строить станцию, которая может работать сотни лет, полностью автономная? Зачем оставлять всё включённым, будто кто-то обязательно должен прийти? Или будто кто-то не имел права уйти, пока не будет уверен, что система выдержит.

Они прошли дальше, вдоль коридора, к следующим дверям. «Цепь-4. Связь» — коммуникационный узел, с ретранслятором и тремя резервными каналами. Всё работало. Экраны погасшие, в режиме ожидания, с крошечными зелёными огоньками. На экране связи последняя передача: дата, время, статус «НОРМА». После этого — тишина. Долгая, тяжёлая, как пауза между вдохом и выдохом, когда ты уже знаешь, что сейчас случится что-то важное.

Напряжение росло медленно, почти незаметно, как температура в комнате, которую ты не чувствуешь, пока не станет слишком поздно. С каждым шагом вниз, с каждой новой дверью, с каждым ровным, безупречным показателем, оно ложилось на плечи чуть тяжелее, собиралось в груди чуть туже. И самое страшное было в том, что всё работало слишком хорошо, отлаженно. Слишком долго. Слишком правильно.

Они шли по коридору от «Цепи-4» к следующим помещениям. И как ни старались ступать бесшумно, как ни прижимали подошвы к бетону, под ботинками всё равно громко шуршали мелкие камни, песчинки, осколки чего-то твёрдого, будто они шли не по полу, а по битому стеклу. Звук был резким, чужим в этой ровной, молочной тишине, и каждый такой шорох отдавался внутри, как сигнал тревоги: «Мы здесь. Мы выдаём себя».

Тия шла первой, стараясь ставить ноги точно, шаг за шагом, но песок всё равно хрустел. Илайя шла следом, чуть пригнувшись, с винтовкой наготове, и в её движениях появилась та самая собранность, не паника, а готовность к удару. Они оба знали: если здесь кто-то есть, он уже слышит их.

И тут моргнула лампа. Не вся секция, не коридор, а одна-единственная, метрах в пяти позади них. На долю секунды свет моргнул, потом снова горел ровно, спокойно, будто ничего не произошло. Но в это мгновение мир изменился.

Резко, синхронно, почти не думая, они обернулись. Тия развернулась вполоборота, рука уже была на спусковом крючке. Илайя развернулась всем корпусом, ствол винтовки смотрел в пустоту коридора, туда, где только что мигнула лампа.

Они замерли. Секунды тянулись, как резина. Не было ни одного постороннего звука, кроме этого вечного, ровного гула станции: вентиляции, кабелей, скрытых механизмов, работающих где-то глубоко в стенах. И ещё их собственное дыхание. Учащённое, но старающееся быть ровным. И стук сердец. Не своих даже, а друг друга. В этой тишине, когда всё остальное затихло, они чувствовали, как пульс одной отзывается в груди другой, как будто их тела говорили друг с другом без слов: «Ты здесь? Я здесь».

Тия медленно опустила винтовку, но не расслабилась, просто поняла, что стрелять пока не в кого. Илайя чуть опустила ствол, но не убрала палец со спусковой скобы. Они посмотрели друг на друга, глаза в глаза, без улыбки, без лишних эмоций. В этом взгляде было всё: и напряжение, и доверие, и молчаливое обещание: «Я тебя прикрою».

— Просто лампа, — тихо сказала Тия. Голос прозвучал чуть хрипловато, успокаивая себя, что это не от страха, а от того, что она слишком долго задерживала дыхание.

— Просто лампа, — повторила Илайя, и в этом повторении было столько облегчения, что оно почти звякнуло в воздухе. Она сделала короткий, глубокий вдох, будто пыталась насытить лёгкие не воздухом, а уверенностью. — Но… я всё равно не люблю, когда они моргают.

Тия кивнула. Она тоже не любила. Потому, что лампы здесь не должны были моргать. Здесь всё было рассчитано на идеальную, бесперебойную работу. И если что-то вдруг дрогнуло, значит система заметила их. Или что-то другое.

Они двинулись дальше, стараясь теперь ставить ноги ещё аккуратнее, будто боялись снова потревожить тишину. Но песок всё равно шуршал: упрямо, настойчиво, как напоминание, что они здесь чужие.

Следующая дверь «Цепь-3. Жизнеобеспечение». Вентиляция, фильтрация, отопление. Тия толкнула дверь, и та открылась так же бесшумно, как и все остальные, на магнитном замке, без скрипа, без протеста.

Внутри стоял ровный, постоянный гул, не раздражающий, а такой, какой бывает у большого, живого механизма. Как дыхание. Воздух здесь был чуть теплее и суше, чем в коридоре, будто помещение старалось быть гостеприимным. На стене висел термометр: ровно 18 градусов. Постоянно. Без колебаний. Без скачков. Как будто температура здесь была не показателем, а правилом.

Илайя провела ладонью по решётке вентиляции, пальцы чуть дрогнули от вибрации.

— Работает, — сказала она. — И не просто работает. Поддерживает параметры. Точно, как в лаборатории.

Тия молча кивнула, глядя на термометр. Восемнадцать градусов. Ни больше, ни меньше. Сотни лет подряд.

— Это не для людей, — вдруг тихо сказала она, почти себе под нос.

— Что? — переспросила Илайя.

— Это всё… — Тия обвела рукой помещение, вентиляцию, ровные лампы, термометр. — Это не строили, не для людей, а смысле, не для того, чтобы они тут жили или работали. Это все построили, чтобы здесь что-то… сохранялось. Чтобы условия не менялись. Чтобы ничего не испортилось.

Илайя задумалась, потом медленно кивнула.

— Как сейф. Только размером со станцию, — продолжила Илайя.

Тия провела ладонью по холодной стене, металл был ровным, без единой царапины, будто его полировали каждый день.

— И с собственной энергией, — добавила она. — Это не для освещения коридоров. Это для чего-то большего..

— И с собственным климатом, с собственной энергией, — добавила Тия, и её взгляд снова вернулся к мысли, которая не давала покоя. Сто процентов запаса. Сотни лет работы. Где-то здесь реактор. Или что-то, что даёт столько энергии. И это… это не для освещения коридоров. Это для чего-то большего.

Дальше «Цепь-2. Архив». Дверь была заперта. Тия ввела код из «Протокола-С», без особой надежды, скорее по привычке. Замок щёлкнул, но дверь не открылась. На панели загорелся короткий красный сигнал: «Доступ запрещён. Уровень 4».

Тия не смогла бы взомать эту дверь. Надежная, крепкая. Она достала планшет, отметила: «Архив. Доступ закрыт. Код не принят». И пошла дальше, вслед за напарницей.

В конце коридора лестница еще ниже. Такая же литая, без швов, с шероховатым покрытием, которое не скользило. Воздух снизу шёл уже другой, не минеральный, не каменный, а металлический, чуть кисловатый, как запах старой меди или окисленного провода. Он был холодным, но этот холод казался более острым, более… электрическим.

— Ярус минус два, — сказала Тия, глядя вниз, в полутьму, куда не дотягивался дежурный свет.

Илайя кивнула. С тех пор, как они вышли из «Цепи-4», она почти не говорила. И Тия не спрашивала почему. Она знала этот режим: Илайя замолкала, когда чувствовала что-то, что не могла облечь в слова. Не похоже, что она боялась. Что-то тоньше, на грани восприятия.

Ощущение, что место это не было пустым. Даже не в том смысле, что кто-то здесь прячется, а в том, что само пространство имеет вес. Присутствие без присутствующего. Как будто стены знали, что девушки пришли, и ждали, наблюдали за их дальнейшими шагами.

Тия посмотрела на неё коротко, внимательно. Илайя подняла глаза, и в них было то же самое: понимание, что они стоят на пороге чего-то, что изменит всё.

— Готова? — спросила Тия.

— Готова, — ответила Илайя, и в этом слове не было бравады. Только твёрдость. — Пойдём. Раз уж пришли, надо дойти до конца.

И они начали спуск. Лестница уводила их глубже, ступени казались уже, стены ближе, а воздух тяжелее. С каждым шагом вниз напряжение росло не рывком, а медленно, слоями, как нарастает давление в замкнутом пространстве. И самое страшное было не в том, что они могли найти внизу. А в том, что, возможно, это место ждало их. Ждало, чтобы кто-то наконец спустился и увидел всё, что здесь спрятано.

*****

Ярус минус два был другим. Здесь не коридоры, а целое пространство. Лестница вывела их в широкий холл, метров двадцать в ширине, с потолком вдвое выше, чем на минус первом ярусе. Освещение все те же лампы, молочно-белые, светили ровно, не моргая, не мерцая, но здесь их было больше, и свет был ярче, жёстче, без теней, будто кто-то специально сделал так, чтобы темноте негде было спрятаться.

Пол бетонный, тёмный, гладкий, отполированный до матового блеска, как если бы по нему ходили тысячи лет. Или как если бы его отлили и отшлифовали с одной целью, чтобы он был ровным и красивым. На стенах тот же литой металл, но с вертикальными канавками, идущими от пола до потолка, как рёбра в грудной клетке. Между ними панели: тёмные, с гравировкой, с символами, которых Тия и Илайя не знали. Не буквы, не руны, не иероглифы, а знаки, геометрические, строгие: круги, линии, треугольники, вписанные друг в друга. Они не светились, не мерцали, просто были вырезанны в металле с очень высокой точностью.

— Что это? — прошептала Илайя, и её голос прозвучал тише, чем она хотела. Она не заметила, что перешла на шёпот, и Тия это заметила

— Обозначения, — ответила Тия, так же шепотом. — Сектора. Или протоколы. Или… не знаю.

Холл расходился в три коридора — налево, прямо и направо. Над каждым висела табличка:

Слева «Накат-1». Прямо «Накат-2». Справа «Накат-3».

— «Накат», — повторила Илайя. — Как волна. Как что-то, что накатывает.

Тия посмотрела на неё. Илайя смотрела на таблички, и в её больших зеленовато-голубых глазах, в свете молочных ламп, Тия увидела то, что видела редко: неопределённость. Илайя, которая всегда знала, что делать, сейчас была в замешательстве.

— Пойдём по порядку, — сказала Тия. — Накат-1, Накат-2, Накат-3. Системно.

— Системно, — кивнула Илайя, и это слово прозвучало как опора, за которую она ухватилась.

Накат-1 — это коридор, прямой и широкий, метров пятьдесят в длину, с пятью дверями по правой стороне. Левые стены глухие, без дверей, с теми же панелями и знаками. В полу, у стен кабельные каналы, закрытые металлическими решётками, и из них тянуло сквозняком, тёплым и сухим воздухом, с тем же металлическим запахом.

Первая дверь была открыта. За ней помещение, квадратное, метров восемь на восемь. Внутри два стола, четыре стула, консоль с тремя экранами. Экраны погасшие, в режиме ожидания. На столе лежала папка. Тонкая, затёртая, с пожелтевшими листами, журнал смен.

Илайя взяла его аккуратно, за угол, чтобы не повредить. Перелистнула. Записи были краткими и сухими, без пояснений:

«День 12. Контур стабилен. Период — 4,1 с. Персонал — 6. Настроение — рабочее. Жалоб нет.»

«День 23. Контур стабилен. Период — 3,8 с. Персонал — 6. Жалоб нет. Запрос на доп. оборудование — отправлен.»

«День 31. Период — 3,2 с. Персонал — 5. Сандеров — головные боли, эвакуирован. Остальные — норма.»

«День 39. Период — 2,7 с. Персонал — 4. Двое — жалобы на бессонницу. Я — норма. Контур — стабилен.»

«День 47. Ритм участился. Период — 2,3 секунды. Раньше был 4,1. Персонал жалуется на головные боли. Двоих эвакуировал. Остаюсь. — ст. н. Заран»

И всё. Ни подписи, ни даты. Просто имя и должность.

После этого тишина. Сорок семь дней записей и пустота.

— Заран, — тихо сказала Илайя, и имя прозвучало в пустом помещении как звон. — Я не знаю этого имени.

Тия взяла папку, аккуратно, двумя пальцами, и перелистнула страницы, пожелтевшие, хрустящие, с запахом старой бумаги, который здесь, среди металла и камня, звучал инородно, как запах живого в мёртвом. Она прочитала последнюю запись ещё раз, медленно, положила в специальный чёрный, матовый пакет-конверт, из прочного материала.

— Забираем, — сказала Тия, — как предписано протоколом.

Илайя кивнула, убрала пакет в рюкзак и посмотрела на Тию.

— Он писал про «период» и «ритм», — сказала она. — Что за ритм? Ритм 4.1.

— Не знаю, — ответила Тия. — Может, ритм генератора. Может, что-то ещё. Пока даже нет догадок. Забрали, пошли дальше.

Они вышли в коридор. Тия остановилась на секунду, может меньше, чем на вдох и прислушалась. Гул генератора. Звук тока в силовых кабелей, сквозняк. Тишина. Ничего больше. Она кивнула и себе, и Илайе.

Вторая и третья двери «Накат-1» — пустые помещения, с креплениями на стенах, но без оборудования. Кто-то всё снял и вывёз когда-то. На стенах все те же геометрические знаки, и Тия фотографировала каждый, не зная зачем, но зная, что это необходимо.

Четвёртая дверь была заперта, код не подошёл. Пятая открыта, но за ней кладовая: ящики, контейнеры, маркированные цифрами без расшифровки, пустые. Складывалось такое ощущение, что кто-то все вычистил, замел за собой следы.

Они вернулись в холл.

— Накат-2, — сказала Тия.

Накат-2 — это тоже коридор, короче, но шире, с потолком, уходящим вверх так, что лампы казались дальше, а свет мягче, рассеяннее. По обеим сторонам двери, по три с каждой стороны, и все открыты.

Первое помещение — лаборатория. Настоящая, не тронутая, все было на месте: длинные столы с креплениями для приборов, вытяжка, аналитические весы, спектрометр, старый, но не сломанный, с погасшим экраном и зелёным огоньком режима ожидания. На стене висел плакат, потёртый, с диаграммой: круг, вписанный в шестиугольник, со стрелками, идущими от центра к углам. Подписи на том же языке, что и знаки на стенах. Невозможно прочитать, не понять. Но выглядит красиво, строго, точно, как чертёж, в котором каждая линия на своем месте.

— Это не полевая лаборатория, — сказала Илайя, и её голос был ровным, но тихим. — Это стационар. Здесь работали долго. Несколько человек. Несколько лет.

— КИРН? — спросила Тия.

— Не знаю, — Илайя провела пальцами по столу, чисто, не пыльно, будто вытерто недавно. Или будто пыль сюда не долетала. — Может, КИРН. А может, кто-то до КИРН.

Тия замерла. Это была первая фраза, которая сказала вслух то, что обе чувствовали, но не формулировали: это место возможно было старше, чем кажется. Старше, чем КИРН. Возможно старше, чем Аррубин. Может быть эта станция появилась задолго, чем люди на Аджи.

Второе помещение представляло собой кабинет. Один стол, одно кресло, полка с книгами: настоящими, бумажными, в твёрдых переплётах, с корешками, на которых выцветшие буквы. Илайя вытащила одну, аккуратно, за корешок, и открыла. Текст на стандартном, читаемом, языке, но он сугубо технический: «Магнитные контуры: теория и практика фиксации». Автор — незнакомое имя. Год издания: тридцать три года назад.

— Тридцать три года, — сказала Илайя. — Эта книга старше меня.

— Нет, — сказала Тия, улыбнувшись.

— Ну, почти, — Илайя чуть усмехнулась, и усмешка прозвучала в этом тихом, гудящем коридоре, как что-то неуместное, но необходимое.

Третья дверь «Накат-2» — это комната отдыха: два дивана, стол, чайник электрический, старый, с накипью на тэне. Шкафчик с кружками: пять штук, разные, с рисунками, которые кто-то выбирал для себя. В одном шкафчике был чай, в бумажном пакете, открытом, с запахом, который Тия узнала: тот же, что Рико варил на «Аджи-1».

— Они пили тот же чай, — сказала Илайя, и её голос стал совсем тихим.

— Чай, один на всю галактику, — ответила Тия, но её рука, лежавшая на ремне винтовки, чуть сжалась.

Они вышли в коридор. И тут Илайя остановилась.

— Тия, — сказала она, и её голос был ровным, но в нём звучала нота, которую Тия слышала раньше: не страх, а предчувствие. — Ты чувствуешь?

Тия обернулась. Илайя стояла неподвижно, пальцы на прикладе винтовки чуть побелели.

— Что?

— Не знаю. Как будто… мы не одни.

Тия замерла, прислушалась: гул генератора, вентиляции. Лампы горели привычно. Всё штатно, всё ровно. Ни звука, ни шороха, ни шага.

— Здесь нет никого, — сказала она, и её голос был ровным, деловым, как у человека, который верит в данные и не находит аномалий. — Мы единственные живые существа на этом ярусе. И, возможно, на всей станции.

— Я знаю, — ответила Илайя. — Но ощущение…

— Ощущение — это не данные, — сказала Тия.

— Нет, — согласилась Илайя. — Но и не ложь.

Тия посмотрела на неё долгим, внимательным взглядом, тем, которым она смотрела на всё: считывая, проверяя, оценивая. Потом кивнула коротко, без слов.

— Держимся вместе, — сказала она. — Не расходимся.

— Не думала, что ты скажешь это, — Илайя чуть улыбнулась.

— Я тоже, — ответила Тия, и это было правдой.

*****

Они увидели карту.

В конце «Накат-2», перед лестницей вниз, на стене встроена панель. Большая, во всю стену, с подсветкой, которая горела ровным, молочным светом. На панели изображена карта.

Тия остановилась. Илайя встала рядом.

Карта изображала сектора станции, не те два модуля, что стояли на поверхности, а то, что было под ними. И от масштаба у Тии перехватило дыхание.

Семь ярусов. Даже не два, а семь.

Тия видела «Цепь-6» и «Цепь-5» на ярусе минус один, «Накат-1», «Накат-2», «Накат-3» на ярусе минус два. Но дальше, ниже шло ещё пять уровней, каждый с собственными секторами, собственными названиями, собственной структурой.

Ярус минус три: «Грон-1» — «Грон-4», пометка «Аналитика».

Ярус минус четыре: «Сфера-1», «Сфера-2», пометка «Контур».

Ярус минус пять: «Колод-1», «Колод-2», пометка «Резерв».

И дальше ярус минус шесть: «Тихо-1» — один сектор, без пометки.

Ярус минус семь: «Провод» один сектор, без пометки, с обозначением, которое Тия видела раньше: круг, вписанный в шестиугольник, со стрелкой, уходящей вниз, за пределы карты.

Ниже седьмого яруса начинался участок, который не был никак обозначен. Просто пустота. Или то, что не поддавалось обозначению.

— Семь ярусов, — прошептала Илайя. — Тия…

— Вижу, — ответила Тия, и её голос был тихим, но не ровным. В ней потихоньку копился страх. — Семь ярусов. Под метеостанцией. Под обычной метеостанцией.

— Это не метеостанция, — сказала Илайя, и её голос звучал так, будто она произнесла это не впервые, но впервые вслух. — Это никогда не было метеостанцией.

Тия фотографировала карту, сектор за сектором, ярус за ярусом. Руки не дрожали, но дрожь была внутри. Внутри холод, который шёл не от воздуха, а от чего-то другого, от понимания, что всё, что все эти полученные знания об этой станции, об этом задании, об этой операции были какими-то, неверными, скоре неправильными. Не ложью, а именно неправильными. Будто ей показали фасад и сказали: «это дом», а за фасадом скрывалась бездна.

Она посмотрела на карту, на семь ярусов, уходящих вниз, на стрелку, которая исчезала в пустоте. Потом на Илайю.

— Идём, — сказала она.

— Куда? — спросила Илайя.

— Вниз. До конца.

*****

Лестница от яруса минус два к минус три была той же литой, но уже. Как и стены и коридоры. Лампы те же, молочные, но здесь они стояли реже, и свет ложился на ступени неровными пятнами, между которыми полумрак, не тьма, а именно полумрак, как в коридоре, где кто-то выключил каждую вторую лампу.

Воздух был холоднее. Тот же минеральный запах, но резче, с горчинкой, как от мела и железа. И стояла тишина. Не как та тишина, что на верхних ярусах, где гудел генератор и дышала вентиляция. Здесь было тише. Гул генератора ушёл, остался только далёкий, едва различимый шум, может быть это были насосы, может, что-то ещё, ровный и монотонный, как сердцебиение, которое ты слышишь не ушами, а ощущаешь телом: через пол, стены, воздух.

— Грон-1, — прочитала Илайя, когда они вышли с лестницы. Перед ними коридор, широкий, прямой, с дверями по обеим сторонам. Лампы горели все, ровно, было светло. Но коридор был пуст. Абсолютно. Только стены, двери и свет.

— Аналитика, — сказала Тия, глядя на карту в планшете. — Четыре сектора. Помещения для обработки данных.

Они открыли первую дверь, там было пусто, как во второй и третьей. Четвёртая была заперта, код не подошёл.

— Всё вычищено, — сказала Илайя, и её голос звучал гулко в пустом коридоре. — Оборудование снято, документы унесены. Или уничтожены.

— Но лампы горят, — сказала Тия.

— И генератор работает.

— И вентиляция дует.

Они переглянулись. Обе думали об одном: кто-то ушёл, но не выключил свет. Кто-то оставил систему работать. Не на день, не на неделю, на десятилетия. Будто собирался вернуться. Или не собирался, но не мог уйти, не оставив что-то включённым. Как человек, который уходит из дома, потому, что не не хочет возвращаться в темноту. Или никто не уходил?

*****

Лестница вниз стала ещё уже, ещё круче; ступени будто нарочно выточены так, чтобы каждый шаг давался с усилием и каждый такой шаг отзывался в груди глухим, тягучим предчувствием, будто притяжение здесь было чуть сильнее, чем положено. Стены были не из металла, а из каменя, облицованного металлическими панелями. Между панелями щели, тонкие, линейные, и из них слабо тянуло холодным воздухом, с тем горьким, меловым запахом, который стал сильнее, будто с каждым пролётом они спускались не просто глубже, а ближе к самому сердцу комплекса, к его тишине, тяжёлой и старой, как молчание в склепе. Потолок здесь около трех метров. Лампы так же с молочным светом, горели ровно, но свет здесь был мягче, будто лампы старее, или будто воздух поглощал часть света, оставляя только ту приглушённую полутьму, в которой тени казались чуть более плотными, чем положено, словно сами стены хранили чужие, забытые страхи и теперь потихоньку отдавали их обратно.

«Сфера-1» — большое помещение, круглое, метров двадцать в диаметре, с куполообразным потолком. В центре металлическое основание, круглое, диаметром метра три, из тёмного металла, с креплениями по краям. Что-то стояло здесь, что-то тяжёлое, большое, громоздкое, важное и было снято, и вывезено.

Тия задержалась взглядом на этих креплениях: они выглядели не просто пустыми, а усталыми, словно металл до сих пор помнил вес того, что здесь удерживал и этот «запомненный» вес давил на неё сейчас, будто она сама должна была удержать пустоту, не дать ей расползтись.

«А если это не пустота? — мелькнуло у неё. — Если это просто пауза — перед чем-то?» Мысль скользнула, как лезвие, и Тия тут же загнала её обратно, туда, где мысли не имеют права звучать.

На стенах висели экраны. Шесть, кругом, по одному на каждую секцию. Все погасшие, в режиме ожидания, с крошечными зелёными огоньками. Тия коснулась одного и экран загорелся, мгновенно. На экране неясные данные: графики, ровные, как кардиограмма, с медленными, ритмичными пиками. Никаких подписей, никаких пояснений — только графики и цифры.

— Это не магнитный фон, — сказала Илайя, глядя на экран. — И не температура. Я не знаю, что это. Но это ритм. Тот же ритм, про который писал Заран.

И в её голосе слышалось не столько понимание, сколько попытка собрать осколки логики в одну кучу, чтобы не рассыпаться самой.

Тия не ответила. Она стояла в центре помещения, на круглом основании, и смотрела вверх, в купол. На потолке была роспись: круг, вписанный в шестиугольник, со стрелками, идущими от центра к углам, как на плакате в лаборатории. Тот же символ, та же геометрия. Строго, точно, красиво и абсолютно непонятно. И в этой строгой красоте было что-то тревожное: линии казались не просто начертанными, а будто выжженными, как будто сам камень сопротивлялся этому порядку, как будто этот символ был не объяснением, а печатью, закрывающей что-то слишком большое, чтобы его можно было назвать словом.

— Тия, — голос Илайи прозвучал откуда-то сзади, чуть глуше, будто стены помещения поглощали звук. — Ты в порядке?

— Да, — ответила Тия, и голос её прозвучал ровно. Но она уже давно была не в порядке. Она стояла в центре круга, на тёмном металле, и чувствовала, не слышала, не видела, а чувствовала телом, кожей, костями, что под ней, под этим металлом, под этим камнем, есть что-то.

Не движение, не вибрация, не тепло и не холод. А присутствие. Тяжёлого, неподвижного и терпеливого. Как будто камень, который лежал здесь всегда и который был старше всего: старше станции, старше гор, старше планеты. Это присутствие не кричало, не давило, оно просто было, как горизонт, который не замечаешь, пока не остановишься и не посмотришь прямо на него, и вот тогда понимаешь, что горизонт — это не линия, а стена, и ты стоишь прямо перед ней.

— Тия? — снова Илайя, уже ближе.

— Иду, — ответила Тия, и сошла с основания, быстро, одним шагом, будто пол под ней стал проваливаться.

«Не думай об этом, — приказала она себе. — Не присваивай ничего этой форме. До того момента, пока не будет данных, тогда точно не будет и страха».

Она не сказала Илайе, что чувствовала. Не потому, что не доверяла, потому, что не знала, что это. А не знать — это хуже, чем бояться. Страх хотя бы осязаем, есть образ, а здесь только предчувствие неизвестного.

«Сфера-2» была такой же круглой, с тем же куполообразным потолком и металлическим основанием в центре, но здесь тишина звучала иначе, не как отсутствие шума, а как плотный, тяжёлый слой, который оседал на коже, мешал дышать, заставлял прислушиваться к собственному сердцу, чтобы убедиться, что оно ещё бьётся. Свет ламп казался не молочным, а мутным, будто внутри плафонов скопилась пыль веков, и теперь они излучали не свет, а лишь его бледную тень. Тени на стенах лежали гуще, плотнее, и Тия поймала себя на мысли, что эти тени не просто повторяют очертания предметов, они живут своей жизнью, медленно смещаясь, когда никто не смотрит прямо.

На экранах, как и в первой сфере, горели зелёные огоньки ожидания, но теперь один из экранов был открыт, файл висел на нём, будто оставленный нарочно. Текст был сухим, техническим, почти безразличным:

«Контур „Сфера“ — стабильный. Период фиксированный, отклонений нет. Базовая линия — 4,1 с. Источник — не идентифицирован. Рекомендация: продолжать мониторинг. Взаимодействие — не зафиксировано. Активация — не зафиксирована. Контакт — не зафиксирован.»

— «Не зафиксировано», — повторила Илайя, и голос её прозвучал странно — чуть выше, чем обычно, будто она пыталась перекричать тишину, которая давила на уши. — Три раза. Контакт, активация, взаимодействие — всё «не зафиксировано».

Тия кивнула, но внутри у неё всё сжалось. «Не зафиксировано» вдруг стало звучать не как «всё в порядке», а как «мы не видим того, что здесь есть», пока. Она снова посмотрела на экраны. Зелёные огоньки мигали с едва уловимой неравномерностью, не хаотично, но и не ровно, как будто кто-то или что-то играло с ритмом, проверяя, заметят ли они.

— Что значит «контакт не зафиксирован»? — голос Илайи дрогнул, и она тут же сделала вид, что просто прокашлялась. — Это ведь… это ведь про нас? Или про систему? Или… с кем? Что тут доджно появиться и что необходимо зафиксировать? Контакт с чем?, — и голос ее стал тише.

Тия хотела ответить спокойно, уверенно, но слова застряли где-то в горле. Она вспомнила символ на куполе «Сферы-1»: стрелки, идущие от центра к углам, как будто указывающие на что-то, чего не было в комнате.

— Это технический язык, — сказала Тия, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Это значит, что система не видит внешнего воздействия.

— А если система не видит, потому что это не внешнее? — Илайя шагнула ближе к экрану, будто хотела разглядеть в цифрах ответ, который прятался между строками. — А если это… изнутри? Если это то, что уже здесь?

Тия почувствовала, как по коже пробежал холодок, и ей стало стыдно за эту дрожь, как будто тело предавало её, выдавая страх раньше, чем она успевала его осознать.

— Не надо, — тихо сказала она. — Не придумывай.

— Я не придумываю, — Илайя почти прошептала, и в этом шёпоте было столько напряжения, что он звучал громче крика. — Просто… если контакт не зафиксирован, значит, кто-то пытался. Или что-то. И система это заметила. Иначе бы тут вообще ничего не писали.

Тия посмотрела на файл. Строки казались теперь не сухими отчётами, а обвинениями, написанными чужим почерком. «Контакт не зафиксирован». Как будто кто-то постучал в дверь, а система сделала вид, что никого нет.

— Или это просто шаблон, — упрямо повторила Тия. — Стандартная формулировка.

— Тогда почему она здесь? — Илайя резко обернулась, будто услышала за спиной шорох. — Почему именно здесь, в этой комнате, на этом экране? Почему не в отчётах на поверхности? Почему не в общих логах? Почему это оставили нам?

Тия не ответила. Она снова коснулась экрана, чтобы скопировать файл, и на мгновение ей показалось, что поверхность стекла чуть дрогнула под пальцами, не вибрация, а словно экран «вдохнул», когда она к нему прикоснулась. Тия отдёрнула руку, но тут же заставила себя вернуться: данные — это улики, улики не обсуждают, их собирают. Она скопировала файл на основной носитель, потом на резервный, быстро, привычно, но пальцы слегка подрагивали, и она сделала вид, что это от холода.

Когда она подняла голову, то заметила, что на одном из экранов цифры на графике вдруг сдвинулись, совсем чуть-чуть, на одну сотую, но этого хватило, чтобы линия, похожая на кардиограмму, стала напоминать не ровный ритм, а судорожный, прерывистый вздох. Тия моргнула, посмотрела снова, линия вернулась к прежнему виду. Или ей так показалось.

Илайя смотрела на неё широко раскрытыми глазами, в которых читался не просто страх, а та тонкая грань, за которой начинается паника, та, которую человек ещё держит в узде, но уже чувствует, как она царапает изнутри.

— Дальше? — спросила Илайя, и в её голосе теперь слышалась не просто усталость, а мольба о том, чтобы Тия сказала что-то, что вернёт им контроль над ситуацией.

Тия хотела ответить спокойно, уверенно, но слова застряли где-то в горле, потому что в этот момент она снова почувствовала это: не звук, не движение, а присутствие. Оно было не над ними и не рядом, оно было под ними, под металлическим основанием, под камнем, под всеми этими ярусами. Тяжёлое, терпеливое, древнее. И самое страшное было в том, что оно не двигалось, не угрожало, не кричало, оно просто было, как неизбежность, как закон природы, который нельзя отменить.

«Это не присутствие, — приказала себе Тия. — Это усталость. Это плохой воздух. Это просто тени и свет». Но чем больше она повторяла это, тем меньше верила собственным словам.

— Дальше, — наконец сказала она, и голос прозвучал ровно, но в нём теперь слышался металлический отзвук, будто слова ударялись о стены и возвращались обратно, искажённые.

Они двинулись к выходу, и каждый шаг отдавался в груди глухим эхом. Тия старалась не смотреть на экраны, но краем глаза всё равно замечала, как зелёные огоньки, казалось, следили за ними, перемигиваясь в каком-то своём, непонятном ритме. А когда они уже почти вышли из комнаты, Тия обернулась, всего на секунду. Экраны были тёмными. Все до единого. Даже зелёные огоньки погасли, будто помещение решило, что больше не хочет, чтобы за ним наблюдали.

И в этой внезапной темноте было что-то окончательное. Как будто «Сфера-2» только что закрыла за ними дверь.

*****

Лестница становилась всё уже и круче, с каждым шагом царапая руки о шершавые каменные стены. Прожилки белого, как мраморные вены, проступали на тёмном камне, создавая

ощущение древности и скрытой силы. Воздух был настолько холодным, что дыхание вырывалось паром, который тут же рассеивался в густом, насыщенном запахами пространстве.

— Колод-1, — прочитала Илайя, и её голос дрогнул от неожиданного холода. Здесь было по-настоящему холодно, не как на верхних ярусах, а как в подвале зимой.

«Колод-1» представлял собой небольшое помещение, метров десять на десять, с низким потолком всего два с половиной метра. Лампы светили тёплым, желтоватым светом, будто они были из другого поколения, старше и мудрее. На стенах виднелись полки с ремнями для крепления оборудования, которое, видимо, удерживало при вибрации. Но на полках не было ничего, всё было снято убрано, возможно вывезено.

В углу стоял стол с потрёпанным кожаным журналом. Его обложка была покрыта трещинами от долгого использования. Илайя открыла его и начала читать. Почерк был Зарана, но теперь аккуратный. Записи были эпизодическими, с длинными промежутками:

«Семь дней без изменений. Контур — линия. Базовая — 4,1. Отклонений — ноль. Персонал — трое. Настроение — спокойное. Скучно.»

«Двенадцать дней. Линия держит. Я начинаю думать, что мы здесь зря. Или — к счастью. Не решил.»

Тия почувствовала, как её сердце сжалось от этих строк. Записи создавали ощущение одиночества и безысходности.

— Заран, — тихо произнесла Илайя.

— Он был здесь последним, — ответила Тия.

— Передал дела и… ушёл.

— Куда?

— Не написано, — Илайя аккуратно положила журнал в черный конверт, где они хранили теперь все бумажные носители, которые находили.

Они стояли посреди ярко освещённой комнаты, и тишина здесь была не пустой, а густой, насыщенной. Воздух сам по себе имел вес, и этот вес давил на плечи.

— Тия, — прошептала Илайя, и её голос дрогнул. — Мне здесь не нравится.

— Мне тоже, — тихо призналась Тия. Но всё было нормально. Лампы горели, без перебоев, вентиляция работала. Никаких аномалий.

— Именно поэтому мне не нравится, — выдохнула Илайя. — Всё слишком штатно. Слишком правильно. Как будто… это место знает, что мы идём, и убирает за собой.

Тия посмотрела в глаза Илайи и увидела в них тот самый страх, глубокий, оседающий в костях. Страх от того, что мир слишком гладкий, слишком правильный, и ты не знаешь, где в нём можно за что-то ухватиться.

— Мы вместе, — сказала Тия и крепко схватила Илайю за руку. Илайя сжала её руку в ответ так, что стало больно, но эта боль была даже приятной. Она была настоящей.

— Вместе, — повторила Илайя.

Они постояли так несколько секунд, выравнивая дыхание, слушая ровный гул вентиляции. Потом Тия кивнула и сделала шаг вперёд, готовая идти дальше в это таинственное и пугающее место.

Холодный воздух касался их кожи, царапая лица и руки о шершавые стены. Каждый шаг отдавался эхом в этом древнем пространстве, где, казалось, время остановилось.

Переход между секторами оказался длинным. Всего десять метров коридора, но они показались вечностью. И дело было не в темноте: лампы горели ровно, слишком ровно, будто кто-то специально выставил яркость на значение «ровно достаточно, чтобы не сойти с ума от тьмы», но не больше. И не в холоде: холод здесь уже не ощущался, как температура, а как постоянное, въевшееся в кости присутствие, которое не отпускало ни на секунду.

Дело было еще и в том, что здесь вообще никакого запаха не было. Как будто воздух там был не просто чистым, а стерильным и мёртвым. Ни пыли, ни металла, ни старой проводки,

ничего. Даже собственный запах тела будто растворялся в этом вакууме ароматов, и от этого становилось особенно жутко: если ты не чувствуешь себя, значит, тебя почти нет. Или нет больше.

— Дальше? Или «Колод-2»? — спросила Илайя. Голос у неё был хриплым, будто она долго кричала, хотя не издала ни звука.

— Дальше, — кивнула Тия. — На ярус минус шесть. К «Тихо-1».

Но прежде чем они успели сделать шаг к лестнице, дверь в «Колод-2» перед ними мягко, без скрипа, отъехала в сторону, будто ждала их. По спинам прокатились мурашки. Они переглянулись и пошли.

«Колод-2» был в два раза больше «Колода-1», но из-за низкого потолка и отсутствия каких-либо ориентиров он казался не просто большим, а бесконечным. Стены здесь не были облицованы панелями, это был голый камень, грубо обработанный, с глубокими бороздами, будто по нему когда-то водили гигантским резцом. Вдоль стен тянулись толстые металлические балки, прикрученные к камню огромными болтами, и эти болты выглядели старыми, покрытыми тонким слоем ржавчины, которая, казалось, не ржавела дальше, а просто застыла во времени.

В центре комнаты стояло огромное кольцо из тёмного металла, похожее на часть механизма, который так и не собрали до конца. Оно было установлено на массивных опорах, и между кольцом и полом оставалось узкое, но пугающе глубокое пространство, куда не доставал свет. Тия поймала себя на мысли, что если туда бросить камешек, то звука падения не будет, только тишина, которая поглотит его без остатка.

На стенах висели экраны, не такие, как в «Сферах». Эти были старыми, с толстыми рамками, с едва заметной рябью на выключенных дисплеях. И на каждом экране, ровно по центру, горел один-единственный пиксель — тускло-зелёный, как крошечный глаз, который не мигал, не двигался, просто был.

Тия почувствовала, как её сердце пропустило удар.

— Не смотри на них, — тихо сказала она, скорее себе, чем Илайе.

— Я и не смотрю, — прошептала Илайя, но её глаза всё равно скользили по этим точкам света, как будто пытались найти в них хоть какой-то смысл. — Просто… они как будто считают нас.

Тия не ответила. Она подошла к кольцу, провела рукой по металлу: он был холодным, но не ледяным, а таким, будто впитал в себя холод всех прошедших здесь лет. На внутренней стороне кольца были выгравированы символы, те же стрелки, тот же шестиугольник, что и на куполе «Сферы-1», но здесь они выглядели иначе: не как схема, а как печать, которой закрыли что-то слишком большое, чтобы это можно было назвать словом.

— Здесь кто-то был, — сказала Илайя, голос её дрожал. — Совсем недавно. Смотри.

Она указала на пол рядом с кольцом. Там, на пыльном камне, были свежие следы ботинок: чёткие, глубокие. Будто человек стоял здесь долго, не двигаясь, а потом резко ушёл. Следы вели к стене и просто обрывались, как будто человек шагнул прямо в камень.

Тия сжала кулаки. Логика кричала: это ошибка, это тень, это игра света. Но тело знало другое: следы были настоящими.

— Это не сон, — вдруг сказала Илайя, и в её голосе прозвучала отчаянная просьба поверить. — Мы здесь. Мы идём. Мы видим это.

Тия повернулась к ней, схватила за плечи, крепко, до лёгкой боли.

— Да, — твёрдо сказала она. — Это не сон. Мы здесь. И мы видим это. И мы запомним это.

Илайя кивнула, её глаза наполнились слезами, но она не дала им пролиться.

— Тогда идём дальше, — прошептала она. — Пока мы можем идти.

Они двинулись к выходу, и каждый их шаг отдавался эхом не от стен, а изнутри, будто само пространство повторяло их движение, запоминая его. Когда они уже почти вышли, Тия обернулась.

Все зелёные пиксели на экранах теперь горели чуть ярче.

А на одном из дисплеев появилась короткая строка текста, которой раньше не было:

«Линия держит. Ждём.»

Тия замерла.

— Ты видела? — выдохнула Илайя.

— Видела, — ответила Тия, и её голос прозвучал твёрдо, но в нём теперь слышался холодный, острый страх, который уже нельзя было спрятать за логикой. — Но это не про нас. Это про линию. Про контур. Про что угодно.

— А если это про нас? — прошептала Илайя. — Если мы часть этой линии?

Тия не ответила. Вместо этого она крепко сжала руку Илайи, и они пошли дальше, в темноту лестницы, ведущей на ярус минус шесть. Их шаги звучали теперь не как эхо, а как единственное доказательство того, что они ещё существуют.

*****

Табличка на двери: «Тихо-1. Доступ — Протокол-С».

— Наш протокол, — сказала Илайя, и в её голосе прозвучало что-то, похожее на горькую усмешку. — КИРН даже здесь. Как будто они везде успели оставить свой след.

Тия молча кивнула и ввела код. Пальцы на сенсорной панели чуть подрагивали, не от холода, а от того самого предчувствия, которое хуже любого крика.

Замок щёлкнул громко, резко, как одиночный выстрел в этой молочной тишине. Но самое странное было дальше: дверь не поехала в стену, как все предыдущие, на бесшумных магнитных петлях. Она распахнулась на старых, тяжёлых металлических шарнирах — медленно, с протяжным, скрипучим стоном, будто её не открывали очень, очень давно. Этот звук ударил по нервам сильнее любого крика: он говорил о времени, о том, что здесь что-то остановилось и теперь неохотно возвращается к жизни.

За дверью оказалось большое помещение, метров тридцать в длину и двадцать в ширину. Потолок уходил вверх на пять метров, освещённый тем же резким, белым светом, который не грел, а только высвечивал каждую деталь, делая её слишком реальной, будто реальность сама пыталась доказать, что она настоящая, потому, что начинала сомневаться в себе. Пол и стены были из тёмного, гладко отполированного камня, но на них были уже не просто узоры, а массивные, глубоко вырезанные геометрические знаки. Они выглядели так, будто их не гравировали, а выплавляли в камне, с точностью, от которой становилось не по себе, как будто кто-то хотел не украсить, а запечатать.

В центре стояла установка,не стол и не консоль, а именно конструкция. Тяжёлая металлическая рама, намертво вросшая в пол. На ней были крепления под что-то огромное, генератор, антенну, модуль неизвестной функции. Сейчас она была пуста. Снята, увезена, демонтирована. Но сама рама осталась, как скелет чего-то важного, что когда-то жило здесь. И этот скелет всё ещё ждал, когда в него вернётся плоть.

У стены стоял простой стол. На нём погасший экран с единственным зелёным огоньком режима ожидания и потрёпанный блокнот в клетку, с картонной обложкой, какой можно найти в любом полевом лагере. Тия взяла его осторожно, двумя пальцами, будто боялась, что он рассыплется от прикосновения.

Она открыла. Страницы были заполнены одной и той же фразой, написанной аккуратным, почти машинным почерком, снова и снова, тридцать страниц подряд:

«Контур — линия. Базовая — 4,1. Отклонений — ноль.»

«Контур — линия. Базовая — 4,1. Отклонений — ноль.»

«Контур — линия. Базовая — 4,1. Отклонений — ноль.»

А на последней странице — чуть более размашисто, будто рука уже спешила, или уже не могла держать линию ровно:

«Контур — линия. Базовая — 4,1. Отклонений — ноль. Передал дела. — Заран»

Блокнот так же был аккуратно положен в конверт.

В дальнем конце зала, почти незаметная за массивной рамой, была ещё одна дверь. На ней не было привычной гравировки. Только короткая, почти небрежная надпись маркером: «Тихо-7». Ни на одной карте этого сектора не было.

— Тихо-7? — переспросила Илайя, нахмурившись. — Такого не существует.

— А дверь есть, — ответила Тия, и её рука легла на панель доступа. — Протокол-С.

Код сработал. Замок щёлкнул, дверь открылась, и за ней оказался короткий, пыльный коридор, который вёл к чему-то старому и давно забытому. В конце коридора стоял лифт. Старый, промышленный, с тяжёлыми решётчатыми дверями. Пыль лежала на нём слоями, как саван. Казалось, он не работал столетиями.

Но когда Тия нажала кнопку вызова, механизм отозвался глухо, тяжело, но отозвался. Двери со скрипом разъехались, впуская их внутрь. Кабина была просторной, с металлическими стенами и единственной кнопкой внизу, без номера этажа, просто стрелка вниз.

— Ты уверена? — спросила Илайя, оглядываясь на коридор, который теперь казался единственным безопасным местом.

— Нет, — честно ответила Тия. — Но мы уже здесь. Давай проверим.

Двери закрылись. Лифт дёрнулся и начал медленно, с натужным гулом, опускаться вниз. Спуск длился несколько минут, бесконечно долгих, когда слышишь только скрежет тросов и собственное дыхание, которое становится всё громче, будто ты кричишь внутри себя, но не можешь издать ни звука. Наконец кабина остановилась с резким толчком. Двери разъехались.

Перед ними был ещё один коридор: короткий, с несколькими дверями по бокам. Всё вокруг было покрыто толстым слоем пыли, но на полу виднелись чёткие следы, старые, но не занесённые. Кто-то ходил здесь после того, как пыль осела.

Одна из дверей в конце коридора была закрыта на кодовый замок. Тия снова ввела Протокол-С. Замок щёлкнул. Дверь открылась.

Внутри было темно. Абсолютно, физически темно, будто тьма была не отсутствием света, а веществом, густым, холодным, осязаемым. Девушки включили фонари. Лучи ударили во тьму, но не сразу нашли опору. И в тот самый миг, когда они шагнули внутрь, они не успели среагировать. Не успели обернуться. Просто почувствовали, как воздух в комнате изменился, стал плотнее, холоднее, будто сама атмосфера решила их задержать.

И вдруг — вспышка. Не постепенное включение ламп, а резкий, ослепительно яркий белый свет, который ударил по глазам, как разряд тока. Крик, вперемешку с визгом, ужасный, резкий, оглушительный и невозможно было понять, чей он, их самих или чужой. Он возник ниоткуда, пронзительный, не то женский, не то мужской, возможно, даже не человеческий. Они не успели понять, полный такой боли и ужаса, что у Тии остановилось сердце. И исчез в ту же секунду. Мгновенно. Как будто его и не было. Но они обе его слышали.

Тия и Илайя лежали на полу. То ли от испуга упали, то ли их нарочно свалили, ни одна из них не помнила. Падение? Толчок? Или просто мир перевернулся?

И в эту долю секунды, пока они ещё не успели подняться, они увидели комнату. И в это время дверь захлопнулась бесшумно.

Это было не помещение. Это была ловушка. Большая по площади. Стены, потолок: всё было зеркальным. Не просто зеркалами, а многогранной конструкцией, похожей на сферу, собранную из больших шестиугольных панелей. В них отражалось всё: они сами, их винтовки, их испуганные лица и сотни их копий, уходящих в бесконечность. Бесконечность, которая не манила, а давила, как стена, которую нельзя обойти.

Они долго осматривались, пытаясь понять, что вообще происходит и где они, смотрели на отражения.

В зеркалах мелькнуло что-то. Не тень, не фигура, искажение. Что-то тёмное, рваное, пронеслось по отражениям и исчезло. Они не успели разглядеть.

Дверь, которая захлопнулась бесшумно, теперь щёлкнула — громко, окончательно, как замок в тюрьме. Что-то покинуло комнату. Или осталось. Они не знали.

Свет слепил безжалостно, холодно. И зеркала показывали то, чего не могло быть.

Их отражения двигались. Не синхронно. Когда Тия стояла неподвижно, её копия в дальнем углу медленно подняла руку. Когда Илайя замерла, её отражение в соседнем зеркале сделало шаг вперёд, не сводя глаз.

Девушки стояли, прижавшись спинами друг к другу, и смотрели, как их собственные копии живут отдельной жизнью. Это было страшнее любого монстра: монстр — это чужое. А это было их собственное, только сломанное.

Дрожь началась в пальцах и быстро поднялась выше, захватывая всё тело. Они оцепенели, не зная, что делать.

А между тем, отражение Тии с одной стороны ходило из стороны в сторону, от одной стены к другой, и рассматривало их. Напротив так же двигалось отражение Илайи. Отражения изучали их самих, рассматривали.

А потом отражение Тии, в самом большом зеркале напротив, улыбнулось. Не сильно, не широко, но улыбка была не её. В ней не было ни радости, ни тепла, только холод и знание чего-то ужасного. Тия не улыбалась. Ей было не до улыбок. Но зеркало улыбалось, и улыбка стала ужасной, не уродливой, а такой правильной, что от неё хотелось кричать. Отражение Илайи тоже улыбалось, той же жуткой улыбкой. В глазах отражений была тьма, чёрные глаза без белков, и эта ужасная улыбка, которая уже что-то задумала.

Обе девушки закричали одновременно.

Они рванули к двери. Пальцы дрожали, код не набирался, кнопки путались. Система холодным, громким, металлическим голосом, который звучал отовсюду, повторяла: «Отказано. Отказано. Отказано».

Их собственные отражения продолжали двигаться. В одном зеркале отражение Илайи достало что-то, или показалось. Медленно пошло вдоль стены. В другом отражение Тии двигалось с другой стороны.

Они вводили код снова и снова. Пятнадцатая попытка. Дверь щёлкнула и открылась.

Последнее, что девушки успели увидеть, прежде чем, выпрыгнуть из комнаты, — это то, что оба отражения вышли из зеркал и с ужасными глазами и улыбками направились к ним.

Девушки не думали. Они прыгнули наружу с визгом и криком, рёвом на весь коридор, а может и на всю станцию, вырвались в относительную безопасность, и дверь за ними захлопнулась с оглушительным грохотом, отчего в ушах стоял звон, будто кантузия.

Они упали на пол в коридоре, тяжело дыша, сжимая винтовки так, что побелели пальцы, и смотрели друг на друга. Глаза широко раскрыты, зрачки расширены до предела. Ни одна не могла вымолвить ни слова.

Но они знали, чувствовали, что их отражения стояли сейчас за той дверью, в той комнате, те отражения, которые вышли из зеркал. И слышался звук, не то лёгкий стук, не то царапанье. Потом стихло. Потом послышался смех, тихий, издевательский. Потом они перешёптывались на неизвестном языке, но голосами их же самих — эти отражения, которые стали реальностью там, за дверью. Потом начали звать девушек по именам, стучаться в дверь снова тихо, будто знали, что громкий стук их уже не испугает. Топом все стихло.

Илайя и Тия долгое время просто лежали, слушая всё это, потом слушая, как бешено колотятся их сердца. Потом медленно, не сводя глаз с двери, поднялись. Дверь была обычной.

Металлической. Было тихо за дверью. «Тихо», мелькнуло у них в голове, и от этого тихо они не могли дышать из-за ужаса, дикого, ледяного, проникающего в кости.

Рядом на стене висел небольшой монитор в режиме ожидания. Тия, всё ещё дрожа, слёзы падали, коснулась экрана. Он загорелся. Но на нём не было ничего. Ни логов, ни данных, ни истории. Только чёрный экран с одной строкой: «Данные удалены. Архивация завершена». Кто-то стёр всё подчистую.

Реальность трещала по швам, и они уже не были уверены, что смогут её удержать.

Они сидели на холодном полу, не рядом, а так, чтобы видеть друг друга и дверь одновременно. Тия достала флягу, открутила крышку, руки дрожали так, что ее зубы звякнули о металл. Вода была тёплой, безвкусной, но когда она потекла по горлу, в груди стало чуть меньше этого ледяного кома. Илайя сделала глоток, поморщилась, будто вкус напомнил ей что-то неприятное, и вернула флягу. Они не сказали друг другу ни слова. Слова сейчас были лишними. Что они чувствовали то, чего не могли передать словами.

Тия кивнула на лифт. Илайя молча кивнула в ответ. Другой дороги не было. Лестниц тут не предусматрели, возможно сознательно. Только шахта, только эта старая коробка, которая когда-то возила людей, а теперь будто ждала, когда они снова в неё залезут.

Они поднялись, медленно, как после тяжёлой работы, и подошли к решётчатым дверям. Тия протянула руку, задержала её на секунду над кнопкой, будто пыталась почувствовать, есть ли ток, есть ли жизнь в этом механизме. Потом нажала.

Лифт отозвался, но не сразу, а с задержкой, как будто просыпался неохотно. Снизу донёсся тяжёлый, усталый гул, потом скрежет, и двери с протяжным скрипом разъехались. Внутри всё было так же: желтоватый, тусклый свет, пыльные углы, единственная кнопка со стрелкой вверх. Ничего не изменилось. Но ощущение, что подвох где-то рядом, только усилилось.

Обе зашли. Двери закрылись с глухим, тяжёлым стуком, который прозвучал как приговор. Тия нажала кнопку. Лифт дёрнулся не плавно, как положено, а резко, будто его кто-то толкнул.

И в этот момент свет изменился. Не погас, не мигнул, он стал оранжевым. В одно мгновение. Не тёплым, не домашним, а каким-то мёртвым, будто свет шёл не от ламп, а от тлеющих углей. Этот оттенок был неправильным, чужим, он ложился на лица девушек и делал их похожими на мертвецов.

Они переглянулись. В этом взгляде не было слов, только вопрос: «Это реально?» — и ответ: «Да. Это реально».

Лифт продолжил подниматься. Но движение было не ровным. Кабину тряхнуло, сильно, так, что Тия врезалась плечом в стену, а Илайя едва удержалась на ногах. Потом ещё раз. И ещё. Каждый толчок отдавался в груди, как сильный удар.

А потом появился скрежет. Не тихий, не фоновый,а громкий, противный, режущий слух, будто металл рвали на части где-то совсем рядом. Он звучал так, будто кричал сам лифт, будто он знал, что ломается, и не хотел этого.

Свет стал ещё хуже: не оранжевым даже, а мертвенно-рыжим, будто кабина плыла сквозь пламя из преисподней. Он пульсировал, подчёркивая каждый толчок, каждую секунду, когда казалось, что кабина вот-вот сорвётся вниз.

— Он застрял! — крикнула Тия, и её голос утонул в новом, особенно сильном рывке.

Кабина остановилась. Резко, без предупреждения, будто кто-то дёрнул невидимый рычаг. Тишина ударила сильнее любого звука. Только где-то далеко, глубоко в шахте, что-то ещё гудело, стонало, не хотело останавливаться.

Двери с противным, визжащим звуком поползли в стороны.

Перед ними был коридор. Тот самый, откуда они пришли. Та же дверь с табличкой «Тихо-7». Те же стены. Те же редкие лампы. Всё было на месте. Но это не приносило облегче-

ния. Наоборот, это было страшнее всего. Потому, что они поднимались. Они точно поднимались. А оказались там, где были. Они теперь не понимали, где выход. Они должны были выйти через эту дверь, а не снова входить в нее, в этот ужас.

Девушки выскочили из кабины, будто из ловушки. Илайя попятилась, споткнулась, но удержалась, не упала. Тия схватила её за рукав, потянула дальше, подальше от дверей.

И вдруг лифт, не закрывая створок, с тем же противным скрипом поехал вниз. Быстро. Быстрее, чем они спускались. Он летел вниз, будто его сбросили, будто он больше не хотел подчиняться никаким законам.

Он ушёл далеко. Очень далеко. И когда наконец остановился, снизу донёсся грохот, тяжёлый, глухой, как удар по чему-то огромному.

Они стояли, тяжело дыша, и смотрели в шахту лифта. Там, внизу, редкие жёлтые лампочки мерцали, как больные глаза.

И тут же он снова начал движение. Вверх.

— Бежим! — крикнула Тия.

Они рванули к двери «Тихо-7». Пальцы Тии дрожали, но код она ввела чётко, без ошибок. С первого раза. Замок щёлкнул. Дверь распахнулась. Они влетели внутрь, захлопнули её за собой и в тот же миг услышали, как лифт проезжает мимо, скрежеща металлом, будто смеётся над ними.

Дверь дрогнула от вибрации, будто лифт ударил по ней изнутри. Но она выдержала. Висела табличка «Тихо-1».

Тия и Илайя прижались к стене, слушая, как затихает этот мерзкий звук. Как он уходит, становится тише, растворяется в глубине станции.

Ещё долго они стояли, глядя на неприметную дверь, за которой остался леденящий ужас. На ней не было ничего особенного, ни знаков, ни надписей, кроме короткой «Тихо-1». Но теперь эта дверь была для них не просто дверью. Она была границей. Между тем, что они понимали, и тем, что не хотели понимать.

Наконец Илайя тихо, почти шёпотом, сказала:

— Мы больше туда не веремся, никогда.

— Не пойдём, — согласилась Тия.

Они еще не отошли от пережитого и не осознавали ничего.

*****

Сначала была тишина. Та самая, мёртвая тишина, которая наступает после крика, когда лёгкие пусты, а горло горит. А потом тишина лопнула.

Илайя села на пол и начала плакать. Не тихо, не по-женски, сдерживая слёзы, а с надрывом, с хрипом, будто пыталась вытолкнуть из себя сам ужас, который въелся в неё в зеркальной комнате. Плечи тряслись, пальцы впивались в собственные плечи, будто она пыталась удержать себя, чтобы не развалиться на части.

— Оно вышло, — бормотала она, уткнувшись лицом в сгиб локтя, чтобы заглушить собственный голос. — Оно вышло. Оно было там. Оно улыбалось. Оно… оно было мной.

Тия не пыталась её успокоить. Она не говорила «всё хорошо» или «это просто иллюзия», потому что она сама чувствовала, как по краю сознания ползёт безумие, и любое слово могло стать той самой ниточкой, за которую оно дёрнет и утащит её следом. Вместо этого, она подползла к Илайе, легла рядом, плечом к плечу, и просто прижала её к себе, крепко, до боли в мышцах, чтобы Илайя чувствовала вес, тепло, реальность другого человека.

— Я здесь, — шептала Тия. Не громко. Ей казалось, что если она повысит голос, то звук разобьёт и без того хрупкий мир. — Я здесь. Ты не одна. Мы обе здесь. Слышишь? Мы обе.

— А если это не мы? — всхлипнула Илайя, поднимая на неё глаза, в которых плескался чистый, животный ужас пополам с отчаянием. — А если это мы — те отражения? А настоящие Тия и Илайя остались там, в зеркалах, и теперь эти… копии… смотрят на нас изнутри?

Тия сжала зубы. Этот вопрос был самым страшным, потому, что на него не было логического ответа. Логика сломалась в тот момент, когда отражения вышли из зеркал.

— Тогда посмотри на мои руки, — резко, твёрдо сказала Тия, схватив Илайю за запястья и прижав её ладони к своим щекам. — Чувствуешь? Кожа тёплая. Пальцы дрожат. Это не стекло. Это не отражение. Это я. И ты. Мы настоящие. Мы не копии. Мы не отражения. Мы здесь.

Илайя судорожно кивнула, но её взгляд метался по коридору, цепляясь за каждую тень, за каждый стык панелей, ища подвох.

— Слышишь? — вдруг прошептала она, резко поворачивая голову. — Там… за стеной. Оно дышит.

Тия прислушалась. Вентиляция. Гул ламп. Их собственное прерывистое дыхание. И… ничего больше. Но она не стала говорить «там ничего нет». Она знала, что сейчас фраза «ты это придумала» прозвучит как предательство.

— Если оно там, — тихо сказала Тия, — то пусть слушает, как мы дышим. Пусть слышит, что мы не сдались.

Они сидели так несколько минут или часов. Время потеряло смысл. В какой-то момент Илайя затихла, но не потому, что успокоилась. Она просто выплакала все силы, и теперь её трясло мелкой, нервной дрожью, которая поднималась от пола и била по всему телу.

Монитор висел на стене, которого они раньше не видели в основном коридоре, тихо щёлкнул и загорелся. Тия вздрогнула всем телом, рефлекторно потянулась к винтовке, но остановилась. Экран был чёрным, кроме одной строки: «Архивация завершена. Данные удалены».

— Они стёрли всё, — прошептала Илайя. — Как будто нас тут никогда не было. Как будто мы — это просто ошибка в системе, которую почистили.

— Значит, мы будем шуметь, — хрипло ответила Тия. — Мы будем двигаться. Мы будем оставлять следы. Мы не позволим стереть нас.

Она помогла Илайе подняться. Ноги у той подкашивались, и Тия держала её, почти волоча на себе, но не отпуская ни на секунду.

— Не смотри назад, — приказала Тия, сама не зная, кому из них это нужно больше. — Смотри только на меня. Только на мой затылок. Только на стену передо мной. Никуда больше.

Но Илайя всё-таки посмотрела. Всего на долю секунды, когда Тия отвернулась, чтобы проверить коридор. И Илайя,в этом отражении, на металлической панели, в той самой, которое не должно было ничего отражать, она увидела, но не себя.

Там, в отражении, стояла фигура. Илайя пригляделась и увидела себя, и она…отражение или та, вторая она медленно подняла руку и приложила ладонь, будто к стеклу, с той стороны, обратной.

Илайя закричала. Это был не человеческий крик, а животный, первобытный вопль ужаса, который вырвался из самой глубины груди.

Тия резко обернулась, вскинула винтовку, но коридор был пуст. Гладкие стены. Ровный свет. Никаких фигур.

Они шли через зал, и гул становился всё громче, будто само пространство пыталось их оглушить, чтобы они перестали слышать собственные мысли. Ряды серверных стоек теперь казались не техникой, а надгробиями, одинаковыми, холодными, безмолвными. Тия смотрела на них и ловила себя на том, что пересчитывает стойки не для отчёта, а чтобы удержаться в реальности: раз, два, три, четыре… если я могу считать, значит, я ещё здесь.

Илайя шла чуть позади, и Тия чувствовала это не спиной, а кожей, как будто между ними протянулась тонкая, вибрирующая нить, и если она порвётся, то Илайя исчезнет, растворится в этом гуле, в этих зеркальных бликах на металле, останется здесь навечно.

— Не отставай, — бросила Тия через плечо, не оборачиваясь. Голос прозвучал резче, чем хотелось, почти грубо.

— Я здесь, — ответила Илайя, и в её голосе было столько растерянности, что Тия сжала кулаки.

Они подошли к двустворчатой двери. Табличка: «Прход. Мониторинг — постоянно. Вход — по протоколу».

Тия достала планшет, открыла Протокол-С, ввела код. Пальцы скользили по экрану, буквы плясали, и ей на секунду показалось, что она вводит не цифры, а бессмысленные каракули, и система просто издевается, принимая их как валидный ключ.

Замок щёлкнул. Звук был слишком громким, слишком окончательным.

Дверь медленно, тяжело распахнулась, открывая коридор: прямой, пустой, залитый тем самым молочно-белым светом, который теперь казался не светом, а плотной, непрозрачной субстанцией, в которую приходилось буквально вгрызаться каждым шагом.

Они шагнули внутрь. Дверь за ними закрылась, не с привычным ровным гулом, а с тяжёлым, маслянистым звуком, будто её не закрыли, а запечатали.

И в этот момент Илайя сломалась.

Она не упала. Не закричала. Просто остановилась, подняла руки к лицу, как будто пыталась стереть с него что-то невидимое, и голос её сорвался в хриплый, рваный шёпот:

— Мы не должны были сюда идти. Мы не должны. Мы ничего не понимаем. Мы просто две женщины в чужом, мёртвом месте, и мы не знаем, что оно с нами делает. Или уже не женщины, не мы…

Тия резко повернулась к ней. Хотела сказать что-то твёрдое, приказное, привычное: «Держи себя в руках», «У нас задание», «Мы справимся». Но слова застряли в горле, потому что она вдруг увидела Илайю не как напарницу, а как человека, который сейчас стоит на самом краю, и один неверный звук может столкнуть её вниз. В глазах Илайи виднелась пропасть, пустота, потерянность.

— Прости, — выдохнула Илайя. — Прости, я не могу… я не могу больше делать вид, что всё нормально. Там, в зеркальной комнате… оно было внутри нас. Оно смотрело нашими глазами. И теперь я чувствую его, как холод на затылке, как что-то, что ползёт по венам.

Тия шагнула к ней, схватила за плечи, но не тряхнула, наоборот, прижала к себе, крепко, до хруста костей, чтобы Илайя почувствовала, что есть что-то настоящее, твёрдое, тёплое.

— Слушай меня, — сказала Тия, глядя ей прямо в глаза, не давая той отвести взгляд. — Это не внутри тебя. Это не в твоей голове. Это здесь. В этом комплексе. Оно делает это с нами обеими. Оно давит, оно ломает, оно хочет, чтобы мы поверили, что сходим с ума. Но мы не сходим. Мы видим одно и то же. Слышим одно и то же. Мы вместе. И пока мы вместе, оно не может нас забрать.

Илайя всхлипнула, но уже не от паники, а от облегчения, что ей не сказали «ты бредишь».

— А если мы ошибаемся? — прошептала она. — Если это мы сами? Если это наш страх?

— Тогда пусть это будет наш страх, — жёстко сказала Тия. — И мы будем с ним бороться. Но не будем позволять ему выиграть.

В этот момент коридор будто изменился. Лампы не погасли, не замигали, они просто стали светить чуть иначе, и от этого отражения на металлических панелях стали глубже, темнее, и в них на долю секунды мелькнуло что-то, чего там быть не должно, не фигура, не лицо, а просто искажение, как рябь на воде, только вода была не снаружи, а внутри самого света.

Илайя увидела это. Глаза её расширились, зрачки стали огромными, чёрными, и она вцепилась в руку Тии так, что ногти впились в кожу.

— Оно смотрит, — прошептала она, и в этом шёпоте не было истерики — была констатация факта, от которой кровь стыла в жилах. — Оно стоит прямо за нами. Или внутри этих стен. Или… в самих этих отражениях.

Тия не обернулась. Она знала, что если обернётся и не увидит ничего — это, возможно сейчас, будет хуже, чем увидеть.

— Не смотри на отражения, — тихо, но твёрдо сказала она. — Смотри на меня. Только на меня.

И они пошли дальше. Но чем дальше они шли, тем сильнее становилось чувство, что коридор не просто ведёт их вперёд, он растягивается, удлиняется, обманывает их зрение. Казалось, что дверь в конце должна была быть уже совсем близко, но она оставалась на том же расстоянии, будто они шли по беговой дорожке, которая подстраивалась под их шаг.

— Он не кончается, — вдруг сказала Илайя, и голос её дрожал. — Коридор… он не кончается. Мы ходим кругами. Или он меняется. Или… или мы уже не в том месте, где были минуту назад.

Тия сжала винтовку. Металл был холодным, реальным, и она цеплялась за эту реальность, как за спасательный круг.

— Мы идём вперёд, — повторила она. — Мы не ходим кругами. Мы просто ещё не дошли.

Но в глубине души она знала: что-то успело вырваться из зеркальной комнаты. Что-то, что жило в отражениях, в крике, в тех секундах, когда они лежали на полу, не в силах пошевелиться. И теперь оно было здесь, вне той комнаты, среди ярусов, среди кабелей и панелей, и оно смотрело на них. Оно ждало.

На секунду их накрыла полная, оглушающая тишина, даже гул вентиляции пропал. И в этой тишине прозвучал тихий, ритмичный звук,будто кто-то медленно водил ногтем по металлу где-то совсем рядом, прямо за стеной, или даже внутри неё.

Илайя вздрогнула всем телом.

— Ты слышала? — одними губами спросила она.

— Слышала, — так же тихо ответила Тия. И в этом «слышала» было признание: они больше не спорят с реальностью. Они принимают её такой, какая она есть, даже если она хочет их сломать.

— Держись за меня, — приказала Тия.

— Всегда, — выдохнула Илайя.

*****

Они шли по коридору тому самому, бесконечному, молочно-белому, где лампы горели ровно, но свет будто не рассеивался, а оседал на коже липким налётом. Тия шла первой, размеренным шагом, с винтовкой на готове. Илайя следом, но с каждым метром её шаги становились короче, будто пол под ней становился скользким.

Сначала она просто вздрагивала от каждого шороха, от скрипа собственных ботинок, от тихого гула вентиляции. Потом начала крутить головой, всматриваясь в стыки плит, в тени между кабельными лотками.

— Ты видишь? — вдруг прошептала она, хватая Тию за рукав. — Там… в углу. Что-то шевельнулось.

Тия остановилась, медленно перевела ствол в указанную точку. Пусто. Только тёмный угол, стык стены и пола, пыль, осевшая ровным слоем.

— Ничего нет, — сказала Тия, стараясь говорить ровно, не как надзиратель, а как тот, кто держит реальность за шкирку. — Это тени, Илайя. Свет так падает.

— Не свет, — голос Илайи дрожал, поднимаясь на полтона выше. — Оно там. Оно смотрит. Я чувствую взгляд между лопаток, как иголку.

Она прижала ладони к вискам, будто пыталась удержать мысли внутри, чтобы они не рассыпались.

— Оно здесь, Тия. Оно было в зеркалах, оно вышло оттуда, оно идёт за нами, оно прячется в этих стенах, в этих лампах, в этом свете…

Её голос сорвался в хриплый, рваный шёпот. Она осела на пол, подтянула колени к груди, обхватила их руками, покачиваясь вперёд-назад.

— Пожалуйста, скажи, что ты тоже это чувствуешь, — выдохнула она, глядя на Тию снизу вверх, и в её глазах был не страх, была паника, готовая превратиться в безумие. — Пожалуйста, не говори, что мне кажется.

Тия присела перед ней, положила ладони на её плечо, чтобы Илайя почувствовала вес, тепло, твёрдость. Вернулась к реальности, хотя понятие реальности размывалось с каждой минутой. Реальность растворялась или уже растворилась. Они это не просто видели, но чувствовали своим телом.

— Я чувствую, — тихо сказала Тия. И это была правда. Она не видела теней, но зато слышала шёпот. Он не шёл из коридора, не из вентиляции, не из динамиков. Он звучал внутри головы, тихий, настойчивый, на языке, которого она не знала. Слова сплетались в фразы, но смысл ускользал, оставляя только ощущение: оно знает, что вы здесь. Оно ждёт.

— Я тоже чувствую, — повторила Тия, глядя прямо в глаза Илайе, чтобы та видела: она не врёт, она не успокаивает из вежливости. — Но мы не позволим ему нас сломать. Мы идём дальше. Шаг за шагом.

Илайя судорожно кивнула, вытерла щёки рукавом, оперлась на руку Тии и встала. Пальцы у неё были ледяные.

Они пошли дальше. Тия впереди, Илайя чуть позади, теперь уже не оглядываясь по сторонам, а уставившись в спину Тии, как в единственный якорь.

Тия посмотрела на панель вдоль стены, обычные, серые, с рядом индикаторов. И вдруг один из индикаторов, мягко засветился зелёным. Она моргнула. Когда открыла глаза, индикатор снова был тёмным.

— Ты видела? — спросила она, оборачиваясь к Илайе.

Та покачала головой.

— Зелёный. На панели. На секунду.

— Может, сбой, — прошептала Илайя, но в её голосе не было уверенности.

Впереди, на стене висело огромное зеркало. Тия прошла мимо, но в отражении на долю секунды её лицо изменилось. Не исказилось, не расплылось, стало другим. Чужим. Глаза стали черными, без белков, а на губах появилась лёгкая, почти ласковая улыбка.

Тия резко остановилась. Сердце ударилось о рёбра, как птица о стекло. Она зажмурила глаза, потом открыла. Серая стена и только она, без каких либо зеркал. Тия не сказала об этом Илайе.

Но в этот момент она поняла всё:

«Это не я иду по коридору. Я осталась там. В зеркальной комнате. Моё тело лежит на полу, холодное, неподвижное, с открытыми глазами, которые уже ничего не видят. А это… и я веду сейчас Илайю куда то, туда… она ведь настоящая, а я… Или нет? Я уже не знаю…

Тия сжала зубы, чтобы не закричать, чтобы не рухнуть на пол рядом с Илайей.

— Тия? — голос Илайи донёсся издалека, будто сквозь толщу воды. — Ты в порядке?

— Да, — сказала Тия. Голос звучал ровно. Слишком ровно. — Просто… показалось.

А в голове легкий тихий женский смех, толи ее, толи нет. Был ли он на самом деле, или она уже накрутила себе.

Тия сделала шаг вперёд, потом ещё один. Её пальцы на винтовке побелели.

Илайя шла сзади. Она старалась не смотреть по сторонам, смотреть только на спину Тии, на её плечи, на ремень рюкзака, на пряжку, которая слегка позвякивала при каждом шаге. Это был ритм, который удерживал её в реальности.

Но вдруг она заметила странность.

Тия двигалась спокойно. Время от времени её губы шевелились. Тихо. Почти незаметно. Как будто она отвечала кому-то, кого не было рядом.

«Она разговаривает с собой», — поняла Илайя. И эта мысль ударила сильнее, чем любой крик.

Если Тия сходит с ума, значит, они обе уже проиграли.

— Тия, — позвала она, голос дрогнул. — Тия, с кем ты говоришь?

Тия замерла. Повернулась. На её лице не было вины, не было страха, только усталость и что-то ещё, что Илайя не могла назвать.

— Ни с кем, — сказала Тия. — тебе… послышалось.

— Нет, — Илайя покачала головой, и слёзы снова покатились по щекам, но теперь это были слёзы не от страха, а от отчаяния. — Ты шевелила губами. Ты отвечала. Кому?

Тия открыла рот, чтобы снова солгать, чтобы сказать «тебе показалось», чтобы удержать напарницу на краю. Но в этот момент шёпот в её голове стал громче приказ: «Не говори. Веди ее. Доведи ее до источника».

— Это… помехи, — сказала Тия, и голос её звучал глухо, как будто она говорила сквозь вату. — В голове. Как радио, которое ловит чужой сигнал. Я справлюсь.

Илайя смотрела на неё, и в её взгляде читалось: «Я не верю.».

— Ладно, — прошептала она. — Веди. Только… не оставляй меня одну. Не оставляй, — Илайя уже не знала, что ей делать. Но она не могла бросить свою напарницу, свою подругу. И теперь, оказавшись здесь, Тия была самым родным и единственным человеком. Если она еще была человеком. Илайя старалась верить, что все это кончиться, и они выберуться отсюда и снова будут сидеть у костра. Они еще идут, значит, наверное, еще живы. Иначе не было бы из сейчас в этом коридоре. И Илайя просто не могла бросить все и убежать, бежать теперь было особо некуда, она и не запомнила дорогу обратно. Но не в этом было дело. Она не могла оставить Тию, кем бы она не стала.

— Не оставлю, конечно, я тебя не оставлю— сказала спокойно Тия. И это была единственная правда, которую она могла сейчас произнести. Тия пончла, что раз она себя как то еще может осознавать, значит она еще здесь, с Илайей. Значит она будет сопротивляться этому шепоту и смеху. Но если сейчас она скажет правду, она наверняка потеряет подругу, которая уже сама не в себе и не сможет выбраться отсюда. И ее заберет то, что выбралось с того помещения. То, которое уже частично в ее теле, но может быть там, в самом низу они смогут что-то обнаружить, что их смогло бы спасти.

Впереди снова показалась та самая дверь. Двустворчатая, массивная, с табличкой: «Прход. Мониторинг — постоянно. Вход — по протоколу».

Илайя не понимала, что происходит и смотрела на Тию.

Тия подошла к замку. Достала ключ-карту. Провела по считывателю. Индикатор моргнул красным, потом жёлтым, потом зелёным.

— Принято, — прошептала Тия. На этот раз она не боялась, что система передумает. Она знала: система ждала их.

Замок щёлкнул. Дверь открылась с тяжёлым, маслянистым скрипом.

За дверью зал. Огромный, гулкий, полный теней и света.

Тия шагнула внутрь. Илайя за ней, с вопросительным взглядом, озираясь по сторонам. Дверь за их спинами закрылась с тихим, окончательным щелчком.

В зале было холодно. И тихо. И казалось, что кто-то стоит прямо за их спинами, так близко, что можно почувствовать его дыхание на затылке. Но когда они оборачивались, там никого не было. Или было… что-то, что не попадало в поле зрения.

— Дальше, — сказала Тия. Её голос звучал твёрдо. — копируем. Ищем и забираем записи Зарана.

— Забираем, — повторила Илайя.

Зал оказался не просто залом — это был какой-то центр управления. Не современный, с сенсорными панелями, а старый, индустриальный: ряды пультов с настоящими ручками, тум-

блерами, аналоговыми шкалами, которые подрагивали, будто им было холодно. Над пультами огромная панель, похожая на диспетчерскую доску, где мигали десятки индикаторов. В центре стояло кресло, высокое, с подлокотниками, обитыми потёртой кожей. Оно выглядело так, будто его хозяин только, что вышел и вот-вот вернётся.

Тия не стала терять время. Она подошла к ближайшему терминалу, вставила носитель, подключила кабель. Экран вспыхнул, выдав длинный список файлов.

— Ну что, Вэйн, — тихо, почти шёпотом сказала она, и на её лице появилась короткая, хищная ухмылка, — это будет тебе сюрприз в чёрном конверте.

Она начала копирование. Файлы бежали по экрану строками, цифрами, кодами. Тия работала быстро, на автомате, пальцы летали над клавиатурой, щёлкали переключатели.

Илайя стояла в стороне, прислонившись к стене. Она слышала все, но не подала виду. Только винтовку держала крепче. Всё вокруг плыло, как в густом тумане. Свет от экранов резал глаза, тени на полу шевелились, будто были живыми. Она пыталась сосредоточиться на чём-то обычном, на чём-то настоящем. И вдруг увидела на углу одного из столов бумажный блокнот. Старый, потрёпанный, с пожелтевшими страницами. На обложке выцветшими чернилами было выведено: «Коваля — журнал наблюдений. Уровень 7».

Она подошла, взяла его дрожащими пальцами. Листы были исписаны мелким, торопливым почерком. Даты, какие-то формулы, обрывки фраз: «…не реагирует на свет, но реагирует на звук…», «…пульс в стенах — это не вибрация, это ритм…», «…они не видят меня, но я вижу их. Я вижу, как они меняются. Они меня слышат…», «…Заран сказал, что мне надо покинуть комплекс. Я ведь не могу вот так бросить все, его одного, здесь…», «…машина ждёт сверху, я ухожу, он остается здесь один, прости Заран…».

Илайя хотела закричать, хотела позвать Тию, но голос застрял в горле. Вместо этого она просто положила блокнот в конверт.

Тем временем Тия закончила копирование. Она вытащила носитель, проверила контрольную сумму. Всё было на месте.

— Пойдём, — чуть ли не крикнула она, голос звучал резко, нетерпеливо. — У нас мало времени!

Ярус минус семь «Провод» — это был не коридор, не помещение — это площадка. Метров десять в поперечнике, с потолком, уходящим вверх так, что лампы казались далёкими, как звёзды. Стены каменные, со знаками, но иными: не геометрические, а… органические. Линии, плавные, изогнутые, как корни дерева, как речные русла, как нервные волокна, вырезанные в камне с той же невозможной точностью. Они покрывали стены целиком, от пола до потолка, и в их переплетениях не было ритма, не было узора, только хаос, который выглядел, как порядок. Будто кто-то нарисовал на камне нервную систему самой планеты. Или сердце. Или мозг.

Илайя остановилась посреди площадки и медленно повернулась кругом, глядя на стены. Линии словно двигались, или это все плод ее воображения, она не осознавала. Находилась в том состоянии, когда мозг уже не отличает свет от тени, а тень от движения.

— Тия, эти знаки… они ведь не вырезаны. Они будто выросли. Будто камень сам их создал.

Тия не ответила. Она смотрела на линии, и ей казалось, что они пульсируют, слабо, едва заметно, в такт с чем-то, что она не слышала, но чувствовала. Как будто стены дышали, думали, ждали.

В дальнем конце площадки была стена. Каменная, глухая, без двери, без зазора, без щелей. Но на стене встроена информационная панель. Тёмная, металлическая, с одной кнопкой. Красной, матовой, не горящей. На туском экране надпись, красного цвета.

«Провод. Открыть — Протокол-С. Внимание: обратный путь — не гарантирован.»

Илайя замерла и посмотрела на Тию, которую не смущала надпись.

— «Обратный путь не гарантирован», — прочитала Илайя, и её голос был тихим, ровным, как у человека, который читает надпись на могильном камне.

— Стандартная формулировка, — сказала Тия, и соврала. Она не знала, стандартная это формулировка или нет. Но ей нужно было сказать что-то ровное, что-то деловое, что-то, что вернёт её — и Илайю — в режим работы. В режим «мы — агенты, у нас — задание, мы — делаем». «Мы же еще агенты?». Но режим не включался. Режим сломался где-то между зеркальной комнатой и лифтом, и теперь вместо него было это — гулкое, пульсирующее ничто, в котором она не могла отличить реальность от того, что ей казалось.

— Тия, — сказала Илайя. — Мы не знаем, что за этой дверью.

— Знаем. Комплекс. Нижний уровень. На карте обозначен.

— На карте обозначен стрелкой, которая уходит в темноту. Это не обозначение, Тия. Это признание в том, чего дальше не знают.

Тия помолчала. Потом сказала строго:

— У нас приказ, протокол, данные, которые нужно собрать. Мы не можем вернуться и сказать: «Мы дошли до седьмого яруса, увидели кнопку и не нажали».

— Почему?

— Потому что Вэйн не поймёт. И я не пойму.

— А если нас уже нет? — тихо спросила Илайя, — может, с того момента, как лифт вернул их туда, откуда они уехали. — Если мы… если это всё… не по-настоящему? Если мы всё ещё в той комнате? Лежим на полу, а это… — она обвела рукой площадку, стены, лампы, — это всё — потом? После?

Тия будто проснувшись, повернулась к ней. Лицо Илайи в холодно-белом свете было бледным, почти серым, с тёмными кругами под глазами, и в этих глазах больших, зелёно-голубых, которые видели слишком много, стояло то, чего Тия боялась больше любого зеркала: сомнение. Не в задании, не в станции, в себе. В том, существуют ли они вообще.

— Мы здесь, — сказала Тия, и голос её дрогнул, потому что она сама не была уверена. — Мы дышим. Мы чувствуем. Мы… мы живы.

— Откуда ты знаешь? — прошептала Илайя. — Откуда ты знаешь, что мы живы? Я… я не чувствую своего тела, Тия. Я иду, я говорю, я дышу, но я не знаю, действительно ли я это делаю, или мне кажется. После лифта… после того, как он вернул нас наверх, хотя мы ехали вниз… я перестала понимать, что реально, а что нет. Или после той комнаты, не знаю.

Тия открыла рот, чтобы ответить и закрыла. Потому что хотела сказать «ты просто устала», но не смогла. Потому что Илайя не была «просто устала». Илайя была на грани и Тия тоже. Они обе стояли на этой грани, на тонкой, как лезвие, черте, за которой могло быть всё, что угодно: срыв, безумие, правда, конец. И эта черта проходила прямо под ногами, на каменном полу, на седьмом ярусе под землёй, на глубине, где камень дышал, а стены думали.

— Тия, — голос Илайи стал тише, будто она говорила не с ней, а с собой. — А ты… ты точно ты?

Тия замерла.

— Что? — вырвалось у неё, и в этом «что» было столько растерянности, что она сама испугалась.

— Я серьёзно, — Илайя смотрела на неё, и в её взгляде была не враждебность, не подозрение, а тоскливый, отчаянный страх. — После зеркал… после того, как отражения двигались сами… я не могу… я не могу поверить, что ты — это ты. Что я — это я. Что мы — это мы. Может, мы остались там. Может, настоящие мы лежат на полу в зеркальной комнате, а здесь…

— Хватит, — оборвала Тия, и голос её прозвучал резче, чем она хотела. Но не от злости, от страха. Потому что Илайя произнесла вслух то, о чем Тия подумала намного раньше, и это странное состояние, как во сне. С тех пор, как дверь «Тихо-7» закрылась за ними в первый раз.

— Хватит, — повторила она тише. — Пожалуйста.

Илайя замолчала. Они стояли посреди площадки, между органических линий на стенах, под лампами, которые горели слишком ровно, и молчали. Тия чувствовала, как внутри что-то ломается, не резко, не с треском, а медленно, как ветка, которая гнётся всё ниже и ниже, и вот-вот хрустнет.

Она посмотрела на кнопку. Красную, матовую, не горящую. Которая откроет дверь, за которой неизвестно что. Которая, может, приведёт их к ответам. А может к их концу. Или ни к чему, потому что, может, ничего нет, и они уже мертвы, и всё это последний импульс умирающего мозга, который отказывается признать, что тело лежит на бетонном полу в зеркальной комнате, а отражения в зеркале до сих пор улыбаются.

Тия не нажала кнопку. Вместо этого она медленно, тяжело, будто тело стало вдвое тяжелее, опустилась на пол. Села, прислонившись спиной к каменной стене, в которой линии пульсировали или не пульсировали, она уже не знала. Винтовку положила на колени, руки поверх, но пальцы уже не держали, а просто лежали, будто разучились сжиматься.

Илайя стояла ещё секунду. Потом тоже села рядом, не напротив, а рядом, плечом к плечу. Положила винтовку рядом, на пол. Обе смотрели друг на друга, не отводя глаз, и в этих взглядах не было ни агентского, ни профессионального. Только одно: «Ты здесь? Я здесь? Мы здесь?»

Лампы горели ровно. Стены молчали. Красная кнопка ждала.

— Я схожу с ума, — сказала Тия. Не тихо, не громко. Голос её был ровным и пустым, как пустая комната. — Я не знаю, что реально. Я не знаю, были ли зеркала. Был ли крик. Был ли лифт. Я не знаю, стою ли я на каменном полу или лежу на бетонном, в темноте, и всё это —… — она не закончила. Не смогла. Потому, что если она произнесёт это вслух — это станет правдой. Или не станет. Она не знала, что хуже.

Илайя молчала. Потом, тихо, почти неслышно, сказала:

— Я тоже. Я тоже схожу. Тия… мне кажется, что ты — не ты. Что ты — то, из зеркал. То, что улыбалось там, в отражении, и теперь ты здесь, и ты — не Тия, а… — голос её сорвался. Она закрыла лицо руками. Плечи дрогнули. — Я не хочу так думать. Я не хочу. Но я не могу остановить. Эти мысли… они приходят сами, и я не могу их выгнать.

Тия повернулась к ней. Лицо Илайи открытое, тёплое, с большими зелёно-голубыми глазами, в которых стояли слёзы — теперь, её лучшей подруги. Единственного человека, которому она теперь доверяла. Единственного, рядом с кем она позволяла себе быть не агентом, а Тией. И сейчас этот человек говорил, что не верит, что она — это она.

— Илайя, — голос Тии дрогнул, и трещина, которую она сдерживала весь день, наконец лопнула. — Посмотри на меня. Пожалуйста. Посмотри.

Илайя убрала руки от лица. Глаза были красными и мокрыми. Она смотрела на Тию, и в этом взгляде боролись два чувства: страх и любовь. Страх, что это не Тия. Любовь, что это Тия.

— Это я, — сказала Тия, и голос её сломался окончательно. Теплые слёзы покатились по щекам, по подбородку, упали на комбинезон, на руки, на винтовку. — Это я, подруга. Это я. Я — Тия. Я…Я — та, кто сидела с тобой у костра и мечтала. Это я. Пожалуйста. Пожалуйста, поверь мне.

Илайя смотрела на неё, секунду, две, три. А потом всё рухнуло. Вся броня, всё напряжение, вся попытка быть сильной, быть агентом, быть той, кто всегда справляется, рухнула, как стена, которую били слишком долго. Она протянула руки, обхватила Тию за плечи, притянула к себе и они обе разрыдались.

Сидя на каменном полу, на седьмом ярусе под землёй, перед кнопкой, которая открывала дверь в неизвестность, они были просто двумя женщинами, которые были вдали от дома, на чужой планете, на чужой станции. Просто обнялись и плакали. Громко, некрасиво, с всхлипами и дрожащими плечами, с мокрыми лицами и красными глазами, с винтовками, которые лежали рядом: забытые, ненужные, потому, что винтовки не спасали от страха.

Тия прижалась лбом к плечу Илайи, и Илайя держала её крепко, как могла, и обе дрожали, и обе знали, что дрожь не от холода, а от всего, что они сегодня пережили.

— Мы живы, — прошептала Илайя, и голос её был хриплым, мокрым, но твёрдым. — Мы живы, Тия. Мы здесь. Ты — это ты. Я — это я. Мы — это мы.

— Мы — это мы, — повторила Тия, и в этом повторении было не подтверждение, а мольба: пусть это будет правдой. Пожалуйста, пусть.

Они сидели так несколько минут. Может, пять, может, десять. Плача, обнявшись, прижавшись друг к другу, как два человека, которые держатся за последний фрагмент реальности, который у них остался: они сами. Если это было ненастоящее, то значит, ничего большего уже не существовало. И если это, все таки, настоящее, реальное, значит они справятся. Потому, что они вместе. И пока они вместе, реальность держится.

— Мы пойдём? — спросила Илайя, спутя некоторое время, когда они пришли немного в себя. В её голосе больше не было оптимизма. Только усталость и где-то глубоко, под слоями страха та твёрдость, которая делала её Илайей.

— Мы пойдём, — кивнула Тия. — Но сначала… давай просто посидим. Ещё минуту. Просто посидим.

— Давай, — согласилась Илайя.

*****

Дверь открылась тяжело, ручки повернулись с усилием, петли скрипнули, и за ними была пещера.

По стенам, на уровне пояса, тянулась линия аварийного освещения — маленькие, матовые лампы, встроенные в камень через каждые пять метров, тёплым, желтоватым светом, от которого камень казался не чёрным, а коричневым, с прожилками белого и зеленоватого, как руда. Воздух был холодным и резким, с запахом минералов и застоиной воды.

— Лампы, — сказала Илайя, и в её голосе прозвучало тихое, необъяснимое облегчение. — Здесь есть свет.

— Дежурный, — уточнила Тия. — Не основной. Это наверное коридор, проход.

— Куда?

— Увидим.

Они пошли вперед. Дверь за ними осталась открытой, Тия проверила: ручки не заперлись, петли не щёлкнули. Обратный путь пока есть.

Пещера была широкой: метров шесть шириной, с потолком, уходящим вверх на три-четыре метра, с неровными, шершавыми стенами. Лампы тянулись вперёд, ровной линией, как нить, которую кто-то протянул сквозь темноту, чтобы показать дорогу.

Они шли медленно, осторожно, оружие на готове. Шаги гулко возращались эхом

— Два километра? — спросила Илайя, глядя на планшет, где по данным сканера «Шторм-Х» было обозначено расстояние до их текущего положения.

— Примерно, — ответила Тия. — Если данные верные.

— А если нет?

— это, наверное, уже неважно.

Они шли полчаса, но форма пещеры оставались неизменной, будто искусственная.

Тишину нарушал звук, слабый, едва различимый: не гул, не стук, а что-то похожее на шум воды, далёкой, глухой, как река, которая течёт где-то глубоко, под ногами. Может это был ветер, либо какие-нибудь насосы, качающие воду, а может он существовал только в их воображении.

— Слышишь? — спросила Илайя, и её голос прозвучал тише, чем она хотела.

— Воду, — ответила Тия. — Или нет. Не уверена.

— Мне кажется, что это не вода, — сказала Илайя. — Мне кажется, что это —… — она замолчала, не найдя слова.

— Что?

— Не знаю. Как будто камень… дышит. Не воздухом, а чем-то другим.

Тия не ответила, не знала ответа.

*****

Пещера постепенно расступилась, был свет, естественный, слабый, рассеянный, как будто свет, проходящий сквозь толщу воды. Откуда? Тия не видела источника. Может быть это трещины в куполе, может фосфоресцирующий камень, может, чего-то ещё.

Они вышли из пещеры и остановились.

Перед ними было большое пространство. Большое. Очень большое.

Потолок, куполом уходящий вверх на двадцать-тридцать метров, которое дальше было еще выше, с неровной поверхностью, с выступами и трещинами, от которых шёл тот слабый, рассеянный свет, холодный, голубоватый, как свет от Моры, но идущий из камня, а не с неба. Каменные стены далеко, метров по сто в каждую сторону, и дальше, еще шире, шершавые, тёмные, с прожилками белого и зеленоватого.

Тия прикинула площадь на глаз, около квадратного километра. Пещера, в которой можно было потеряться, если бы не было стен. Купол, под которым можно было построить дом. Пространство, в котором их шаги, два маленьких человека звучали, как капли в океане, незаметны.

Посередине стояли камни, кольцом.

Около трех метров высотой. Разной формы, необработанные, не гранёные, а… естественные. Как будто их не ставили, а они выросли. Или стояли здесь всегда, с тех пор, как камень стал камнем, а пустота — пустотой.

Двенадцать камней, стоящих на одинаком расстоянии друг от друга. Выглядело как чудесное творение природы, либо чей то замысел.

Камни практически белого цвета, с лёгким голубоватым отливом, гладкие, матовые, похожие на мрамор. Тия не знала этой породы, как и Илайя. Она проверила сканером: структура не идентифицирована. Не соответствовала ни одному образцу в базе. Совершенно иная порода, будто не из этого мира.

— Тия, — прошептала Илайя, и её голос дрожал от восхищения, когда ты стоишь перед чем-то величественным.

— Вижу, — ответила Тия, и её голос тоже был тихим, потому что здесь, в этом каменном соборе, под каменным куполом, в свете, который шёл из самого камня, говорить громко, было бы кощунством. Как кричать в храме.

На камнях не было никаких знаков, письменности, символов, рисунков. Гладкая, белая, матовая поверхность, которая не отражала свет, а поглощала его, мягко, без жадности, будто камень впитывал в себя всё: свет, звук, тепло. Тия не решилась прикоснуться к ним.

Они подошли ближе. Расстояние между камней было метра три, не меньше. По середине этого кольца была пустота. Тия и Илайя зашли внутрь, огляделись. Ничего особенного, никаких особых ощущений. Все так же, как и вне кольца.

И девушки почувствовали даже разочарование. Они надеялись увидеть или ощутить что-то. Были уверены в этом, но ничего.

— Ничего, — сказала Тия вслух, и голос её прозвучал без эмоций.

— Ничего, — подтвердила Илайя, стоявшая со сканером в руках. —

— Хорошо, — сказала Тия, и это было правдой. Безопасно, все в норме, но почему-то не спокойно.

Они обошли кольцо, сделали фотографии

В стороне от кольца, располагалось исследовательское оборудование. Не такое, как в комплексе: намного примитивнее и старее. Стойка с прибором, который Тия ниразу не видела: металлический, приземистый, с одним экраном и рядом аналоговых приборов со стрелками.

Экран в режиме ожидания, стрелки неподвижные, замершие, как часы, которые давно остановились.

Большой рабочий экран на стойке, с клавиатурой, многовенно занорелся, только Тия едва коснулась. Интерфейс максимально простой, с минимальным меню: «Мониторинг», «Данные», «Протокол», «Журнал».

Она открыла «Журнал». Записи длинные, технические, с датами, история в полторы сотни лет. Последняя:

«Цикл 4287. Контур — линия. Базовая — 4,1. Отклонений — ноль. Взаимодействие — не зафиксировано. Активация — не зафиксирована. Контакт — не зафиксирован. Статус — мониторинг. Рекомендация — продолжать.»

Дата двадцать лет назад. Та же, что и в комплексе.

— Двадцать лет, — сказала Илайя. — Все последние записи были двадцать лет назад. Потом тишина, персонал куда то делся. Но системы работают.

— Автоматика, — повторила Тия. — это все автоматика. Люди ушли, системы остались.

Она скопировала журнал полностью, все циклы, все записи, все показания. Потом открыла «Протокол». Текст был длинным, сугубо техническим:

«Протокол мониторинга объекта „Кольцо“. Объект — стационарный, неактивный. Тип — не классифицирован. Происхождение — не идентифицировано. Период базовой активности — 4,1 секунды. Характер активности — ритмический, низкочастотный, не идентифицированный. Взаимодействие с объектом — не зафиксировано за весь период наблюдения. Активация объекта — не зафиксирована. Контакт — не зафиксирован. Рекомендация: продолжать мониторинг. Не допускать несанкционированного взаимодействия. При изменении базовой линии — немедленно сообщить.»

— «Не допускать несанкционированного взаимодействия», — прочитала Илайя. — С чем? С камнями?

— С объектом, — поправила Тия. — Они не называют его камнями. Они называют его объектом. И — «не классифицирован». Они не знают, что это.

— Но боятся?

— Не боятся, а осторожны. Не видишь разницы?

Тия скопировала протокол, закрыла файл, выключила экран. Они постояли несколько минут, окинули взглядом эти величественные камни, которые просто стояли, не светились каким то ярким светом, не испускали никаких лучей, не давали магнитного или радиоактивного фона, ничего. Никак не взаимодействовали с окружающей средой.

— Красивые, — сказала Илайя, и это было так. — Странные, непонятные, но красивые. Как… памятник чему-то, что мы не помним.

— Или дверь, которую не открывали, — тихо сказала Тия.

— Дверь?

— Или окно, или зеркало. Или вообще ничего. Может, это просто камни. Просто камни, которые стоят в круге, потому, что так получилось.

— Ты сама в это веришь? — спросила Илайя.

— Нет, — ответила Тия. — Но пока нет данных, которые бы доказывали обратное, поэтому я выбираю эту версию. И мне так спокойнее, легче.

Они постояли ещё минуту. Тия внутри кольца, Илайя снаружи. Между ними белые, гладкие, молчаливые камни. Двенадцать штук, выстроены в идеальный круг. Неизвестна порода, происхождение и назначение.

И ничего, кроме красоты и тишины.

*****

Путь обратно, к великому удивлению, оказался легким. Никаких аномалий, отражений, шепотов, видений не было. Единственное, что оставалось, так это «эффект присутствия и

наблюдения», то чувство, когда никого не видно, но чувствуешь, что за тобой наблюдают. всего того дикого ужаса и стресса, что наблюдали и испытали они в подземном комплексе «Аджи-НИЗ». Будто то камни забрали эту неблагоприятную и злую энергетику, или это наваждение их оставило по дороге на верх, либо просто агенты Сенеб и Мендес пришли в себя, взяли себя в руки. Задание выполнено, данные успешно собраны.

Они сидели в небольшой комнате жилого модуля метеостанции, вокруг них привычный металлический интерьер с приглушённым светом. На столе две чашки горячего чая, по всему модулю распространился аромат бергамота и мяты. Тия держала протокол в руках, её взгляд скользил по строчкам, но мысли были где-то далеко.

Илайя сделала глоток чая, поставила чашку и посмотрела на подругу:

— Как думаешь, что это было? Просто автоматизированная станция или… что-то большее?

Тия не ответила сразу. Она перечитывала строки протокола, пытаясь найти хоть намёк на разгадку:

«Протокол мониторинга объекта „Кольцо“. Объект — стационарный, неактивный. Тип — не классифицирован. Происхождение — не идентифицировано…»

— Посмотри на это, — Тия протянула протокол Илайе. — «Происхождение — не идентифицировано». Они даже не знают, что это за объект.

Илайя нахмурилась:

— А эти белые камни? Почему они стояли в идеальном круге? И что это за зеркальная комната?

Тия вздрогнула:

— Зеркальная комната… Я до сих пор не могу понять, что там было в отражениях. Словно… словно мы смотрели не на себя, а на что-то другое. Ну и остальное, что с нами было, в голове не укладывается. Знаешь, такое ощущение, будто это был просто страшный сон, о котором теперь можно вот так просто теперь разговаривать, — ответила Тия.

Илайя обхватила чашку руками:

— Может, это была ловушка? Или… может, это место — своего рода портал? Или вход космический корабль, не людской, когда то упавший сюда, а несколько ярусов надстроили и прикрыли метеостанцией?

Тия покачала головой:

— Слишком много вопросов и никаких ответов. Всё, что мы знаем — это место работает на автоматике. Может, оно всегда было здесь, просто ждало, когда кто-то придёт и всё объяснит. Ведь помнишь уровни, ярусы станции, отличные друг от друга, даже внешним видом, оформлением. Будто сначало было одно, потом надстроили новое и может быть так было семь раз, а теперь сверху все скрыла метеостанция, собою. Может ты и права.

Они замолчали, погружённые в свои мысли. Тия снова перечитала протокол, пытаясь найти хоть малейшую подсказку, но текст оставался таким же сухим и безжизненным.

— Знаешь, — вдруг сказала Илайя, — может, самое страшное — это то, что мы не узнаем, что это такое. И что оно просто есть. Само по себе, существует.

Тия подняла глаза:

— Да. Просто есть. И ждёт. Ждёт, когда мы вернёмся и спросим: «Что это было?»

Они снова замолчали, глядя в пространство, пытаясь понять, что же произошло в этом странном месте, где реальность и тайна переплетались так тесно, что казалось им уже никогда не распутать этот клубок загадок.

В этот момент раздался тихий звук, сообщение от Вэйна Моралеса. Тия открыла его. Аудиофайл наполнил комнату словами: «Контекст не определён… все найденные материалы необходимо упаковать в спецконверт… уровень омена красный…»

Илайя и Тия переглянулись. В их глазах читалось безразличие теперь. Они действовали механически: собрали материалы, упаковали в указанный конверт.

Внезапно Тия почувствовала странное головокружение. Илайя покачнулась, её рука потянулась к столу, но чашка уже выскользнула и упала на пол, разливая чай.

— Что происходит? — прошептала Тия, ощущая, как комната плывёт перед глазами.

Илайя сделала шаг назад, её лицо исказилось:

— Это сообщение… оно как-то действует на нас.

Тия схватилась за голову:

— Может, это какой-то газ? Или еда?

Их сознание начало затуманиваться, реальность расплывалась. Последнее, что они помнили — это как их руки автоматически упаковывали спецконверт.

*****

Раннее утро. Метеостанция просыпалась вместе с двумя женщинами.

Ночь прошла без событий, если не считать, что обе проснулись одновременно, в одну секунду, будто станция тихо толкнула их в плечо. Ни звука, ни сигнала, просто обе открыли глаза в темноте и лежали ещё минуту, прислушиваясь. В тишине слышался мерный гул фильтра и едва уловимый звук ветра за стеной, который шуршал песком, словно рассказывая свою бесконечную историю.

Тия первой нарушила тишину утра. Она села на койке, опустила ноги на холодный металлический пол и пошевелила пальцами, привычка, проверка: руки слушаются, тело тоже. В этот момент она себя почувствовала отдохнувшей и бодрой.

Встав, Тия, не включая свет, прошла к фильтру-очистителю, где стоял термос с кофе. Налила две кружки, одну себе, вторую Илайе. Поставила вторую на край её койки.

— Доброе утро, — тихо сказала она.

Илайя уже сидела, протирая глаза. Она взяла кружку, сделала глоток и чуть поморщилась, кофе был чуть теплым и горьким, без сахара.

— Утро, — ответила она, и голос её, обычно тёплый и низковатый, прозвучал чуть хрипловато, после сна. — Такое ощущение, как будто и не спала.

— Это Аджи, — сказала Тия. — Здесь сон не всегда дает бодрости.

Илайя посмотрела на неё, чуть прищурившись, будто пытаясь понять, шутит ли Тия или говорит всерьёз. Тия не шутила. Но и не драматизировала, просто констатировала, как человек, который давно перестал удивляться тому, что планета влияет на сон.

Завтрак был простым: сухпайки из шкафчика, прессованные брикеты каши с сухофруктами, энергетические пластины, по пакету сока. Они ели молча, сидя за столиком, напротив друг друга. В этом молчании не было неловкости, наоборот, оно было таким, какое бывает между людьми, которые после недавнего вечера у костра, откровенного разговора, уже не нуждаются в заполнении пауз словами. Они в тот момент сказали друг другу больше, чем за все предыдущие дни. И теперь молчание было не пустым, а полным.

Илайя первая закончила, сложила упаковку в мусорный мешок, аккуратно, как всё, что она делала и потянулась.

— Ну, — сказала она. — сегодня утро располагет. После обеда поедем домой, как закончим с мелочами.

За окном свет Лиры становился всё ярче, окрашивая пустыню в янтарные тона. Ветер усиливался, поднимая песчаные волны, которые бились о стены станции, словно морские волны о берег. В воздухе витал металлический привкус, смешанный с ароматом озона.

Тия и Илайя вышли наружу, где их встретил прохладный утренний бриз. Песок шуршал под ногами, как тихий шёпот древних тайн. Они стояли на пороге нового дня, готовые к любым неожиданностям, которые могла преподнести пустыня Аджи.

Вдалеке, на горизонте, виднелись тени далеких хребтов, которые обещали новый день, полный загадок и открытий.

Свет Лиры, ещё невысокой, ложился на пустыню не золотом, а чем-то средним между янтарём и медью. От этого песок казался не рыжим, а почти коричневым, тяжёлым, будто нагретый за ночь и не успевший остыть.

Тени от хребтов лежали длинные, чёткие. В этих тенях было прохладно, но не холодно, а именно прохладно, как в старом кирпичном доме летом.

Ветер был ровным, средним, постоянным, тем самым, что не прекращается ни на секунду. Он нёс песок мелкими струйками, которые бежали по грунту, как вода, обтекая ботинки, камни, основание станции, и уходили дальше, на юго-восток, в пустыню, будто у них было назначенное место, куда нужно было успеть.

На посадочной площадке снова лежал «Глаз-3», разведывательный дрон. Девушки его свернули и положили в кузов в шторма, на своё место. Илайя подключила его к зарядке и к шине данных.

Тия поднялась на крышу метеостанции, подключаясь к системе. Внизу Илайя осталась у бортового терминала «Шторма», где данные с вышки дублировались на экран.

— Давай, — сказала Тия по рации. — Что видишь?

— Минуту, — ответила Илайя. В её голосе была та сосредоточенность, которая появляется, когда человек не просто смотрит на цифры, а ищет в них то, чего там быть не должно.

— Тия, — произнесла Илайя и замолчала.

— Слушаю, что такое? — с удивлением спросила Тия.

— «Аджи Шторм-X» в совокупности с «Глазом-3» вчера, ближе к ночи, зафиксировали всплеск. Не сильный, не резкий, но это не фон. Магнитный импульс, короткий, на одной частоте. Сканеры зафиксировали его на удалении примерно четыре тысячи километров, восточнее от нас. В квадрате DXH2 второй импульс, на той же частоте, с разницей в сорок минут.

Тия спустившись, смотрела на экран. Одна точка о носительно близко, другая очень далеко. Это было очень странно, чтобы техника вообще могла что то фиксировать на таком удалении, несмотря на то, что дрон летал в радиусе пятьсот километров.

— DXH2, — тихо сказала Тия.

Илайя посмотрела на неё.

— Ты думаешь?

— Я думаю, не знаю, — ответила Тия. В её голосе прозвучала нотка, которую Илайя уже научилась читать: не уверенность, а осторожность. Тия не делала выводов раньше, чем у неё были данные. Но она запоминала. — Записывай. Точка. Координаты, время, частота, амплитуда. Всё в отдельный файл, маркировка «Песок-C7».

— Уже, — ответила Илайя. Её пальцы двигались по экрану быстро, точно привычка, отработанная за годы работы с данными, когда руки знают, куда нажать, раньше, чем мозг формулирует команду.

Они сохранили всю информацию.

— Хорошо, — сказала Тия. — Теперь — нижний ярус.

В этот момент где-то вдалеке раздался едва уловимый свист ветра, который усиливался по мере того, как они приближались обратно ко входу станции. Песок шуршал под ногами, создавая постоянный фон, к которому они уже привыкли.

В воздухе витал металлический привкус, смешанный с пылью и чем-то неуловимо сладким, как будто где-то вдалеке цвели невидимые цветы.

Тия поправила ремешок часов на запястье, чувствуя, как песок прилипает к коже. Илайя чуть наклонилась вперёд, её волосы слегка колыхались от потока воздуха.

В этом моменте было что-то почти мистическое — как будто они действительно находились на грани открытия чего-то большего, чем просто данные на экране.

Они вернулись на станцию. Тия закрыла дверь, щёлкнул замок, и шум ветра сразу стал глуше, будто кто-то убавил громкость. Внутри их встретила привычная тишина: монотонный гул фильтров, едва заметный скрип металла, который то нагревался, то остывал, словно дыша.

Тия подошла к люку в полу. Люк представлял собой стандартную стальную плиту, утопленную в пол, с ручкой-скобой и кодовым замком. Она ввела код и протокола и люк открылся с тихим, сухим лязгом.

Перед ними появилась лестница, уходящая вниз, в темноту. В воздухе разлился специфический запах: прохладный и тяжёлый, с привкусом изона и пыли.

— Фонари, — коротко приказала Тия.

Илайя достала из рюкзака два тактических фонаря и протянула один напарнице. Одновременно вспыхнули два белых луча, прорезая темноту и освещая узкую металлическую лестницу с потёртыми поручнями.

— Ярус минус один, произнесла Тия. — По протоколу: подземный уровень. Технический. Здесь мы вчера работали, тут резервное оборудование, трубы и кабели.

— Ну да, мы еще снимали данные с серверов, — задумчиво произнесла Илайя.

Они спустились вниз. Лестница привела их в лабиринт помещений с бетонными стенами и решетчатым металлическим полом, под которым тянулись жилы силовых кабелей. Здесь было заметно прохладнее, градусов на пять ниже, чем наверху. Абсолютная тишина давила на уши: ветер не проникал сюда, фильтры не гудели, и единственным звуком было их собственное дыхание, эхом отражающееся от стен.

Ярус представлял собой несколько комнат. Стены из монолитного бетона, голые и без отделки. В комнатах располагались стойки с резервным оборудованием: аккумуляторы и кабели, покрытые ровным слоем серой пыли. На стенах виднелись кабельные лотки и пустые крюки для оборудования, больше ничего.

В одной из комнат они подошли к информационной панели и ввели код. Слева в стене медленно отворилась крышка встроенного сейфа-хранилища, размером метр на метр.

Он был практически пуст, только на одной полке лежал пакет — кейс: чёрный, плотный, толстый, матовый, без маркировки, из прочного материала, с пломбой КИРН.

КИРН выдавал полевым агентам такие пакеты на специальных заданиях, которые предусматривали работу с какими то очень важными документами.

— Почему мы вчера его не забрали, когда были здесь,? — Тия его покрутила в руках. Пакет был увесистым, опломбирован спецпломбой КИРН: маленький, блок с магнитным замком, который вскрывался только при наличии кода и физического ключа. На пломбе номер: семизначный, выгравированный лазером, и ниже — штамп: «омега красный».

— «Омега красный», — прочитала Илайя. — Никогда не видела такой маркировки.

— И я тоже, — сказала Тия. — Четыре года в КИРН и ни разу.

Она открыла протокол — тот самый, «Протокол-С», который вчера читала на экране планшета. Пролистала до конца, до приложения, которое было зашифровано отдельным кодом. Ввела код. Приложение открылось, короткое, сухое, на полстраницы:

" Приложение 7-С к Протоколу-С

Классификация: «омега красный»

Порядок обращения с материалами категории «омега красный»:

Недопустимо, чтобы кто-либо, кроме агентов Тии Сенеб, Илайи Мендес и Вэйна Моралеса, знал о существовании этого пакета.

Максимально быстрая доставка Вэйну Моралесу, лично в руки.

Строгое соблюдение режима секретности.»

— Я не знаю, — честно сказала Тия. — Но если Вэйн…

Илайя посмотрела на неё долго, внимательно.

— Ты доверяешь Вэйну? — спросила она.

— Я говорила, что он точный, — ответила Тия. — Доверие — это другое. Доверие — это когда ты знаешь человека. Я Вэйна не знаю.

Тия методично обошла все помещения по периметру, освещая фонарём стены, пол и потолок. Она простукивала стены костяшками пальцев, как делала это вчера. Звук был везде одинаковым: глухой, плотный, монолитный, бетон за бетоном.

— Чисто, — произнесла она, но в её голосе слышалась не уверенность, а скорее констатация факта: здесь действительно ничего не было. И это казалось странным.

Илайя стояла у дальней стены, освещая фонариком угол, за стеллажами. Затем повернулась к Тии:

— Тия…

— Что?

— Ты помнишь, сколько тут уровней?

Тия внимательно посмотрела на напарницу и возникла долгая пауза.

— Один. По протоколу один.

— По протоколу да, — Илайя нахмурилась. В её зелёновато-голубых глазах мелькнуло что-то неопределённое, не сколько тревога, а скорее вопрос.

— Но мне кажется… вчера, когда мы были здесь, были ещё уровни, ниже. Или лестница вела еще глубже. Или…

Она замолчала, словно подбирая слова.

Тия долго смотрела на неё.

— Мне тоже так показалось, — тихо произнесла она.

Они стояли в этой маленькой бетонной комнате, две женщины с фонарями, в пыли, в прохладе, в абсолютной тишине. Обе думали об одном и том же: вчера они действительно были здесь, работали: обслуживали системы, копировали данные с серверов, калибровали системы. И будто бы спускались ниже. Или это был сон? Но, если сон, то почему у обеих схожий? Как это возможно? Или это все сны на Аджи, которые здесь часто бывают странными.

— Это не сон, — ответила Тия на незаданный вопрос. — Сны не бывают одинаковыми у двух людей.

— Но, уровней больше нет, — сказала Илайя. — Один ярус. Больше нет ни дверей, ни люков. Я обошла три раза. Стены монолитные, кроме этого сейфа. Пол везде ровный. Ни ручек, ничего.

— Я знаю, — Тия опустила фонарь, и свет стал тише, мягче. — Я тоже обошла. Три раза.

Они переглянулись. В их взглядах не было страха, только предчувствие того, что они столкнулись с чем-то необъяснимым, и это «что-то», скорее всего, не представляло опасности. По крайней мере, пока. Но оно существовало. И оно не хотело, чтобы о нём знали. Или не хотело, чтобы о нём помнили.

Они ещё раз обвели взглядом помещение, запоминая каждую деталь: стены, углы, каждый сантиметр бетона, за которым могло скрываться нечто большее.

— Уходим, — тихо произнесла Тия.

Девушки поднялись с черным пакетом.

Люк закрылся, щёлкнул, и замок встал на место.

Они собрали свои вещи, унесли в машину. Илайя закрыла дверь метеостанции, проверила все замки, опечатала дверь стандартной пломбой КИРН, той самой, что ставят при закрытии станции. Тия тем временем поднялась на вышку, в последний раз сняла данные с датчиков, проверила крепления, и спустилась.

Станция осталась позади, маленькая, серая, вписанная в распадок между скалами, как загнанный зверь, который лёг и решил переждать. Песок уже начал оседать на крыше, заби-

ваться в щели, и казалось, что ещё пара недель и пустыня спрячет её, накроет ровным слоем, будто одеялом, и станция уснёт. Может навсегда. Но этого никогда не происходило. Аджи, будто, забирала не все, лишь выборочно. Такие меостанции, как эта, оставались не тронутыми природными стихиями.

«Шторм-Х» завёлся с первого раза — Рико знал своё дело. Энергоконтур загудел ровно, плотно, и машина двинулась с площадки, медленно, тяжело, плавно набирая скорость.

Тия вела. Илайя сидела рядом, и в руках у неё был планшет с открытым файлом. «Песок-С7», две точки на карте: одна в почти четырех тысячах километрах, юго-восточнее, другая — в семистах километров, восточнее, квадрат DXH2. Два импульса на одной частоте. Два места, которые, может быть, были связаны. А может и нет. А может, были частью чего-то, чего они не видели. Не осознавали. Чего-то, что Аджи знала, но не говорила. Будто сама живая.

Данные, между тем, об этих всплесках, картография с дрона — вся свежая информация ушла по закрытому каналу на Амину, в ЦНИЦА и КИРН еще ночью, через Аджи-1 и Аджи-2. Где, в оперативном порядке, уже собралась комиссия, которая обрабатывала полученные данные, и работала над формированием экспедиции в квадрат DXH2. Но здесь, на Аджи, пока об этом никто ничего не знал.

Дорога домой шла по тому же маршруту: через перевал, мимо серых деревьев, которые цеплялись за скалы, мимо высохших русел, через равнину, где песок снова стал мелким и лёгким, и повис в воздухе ровной, невидимой вуалью.

Свет Лиры медленно гас — «Золотые часы» кончались, и туманность наливалась багровым, глубоким, тем цветом, который местные называют «Багровый полдень», хотя по часам было далеко до полудня.

Машина шла ровно, подвеска тихо вздыхала на неровностях, и в кабине было тепло: от энергоконтура, от солнца, от того особого тепла, которое теперь было между двумя девушками. Странная нить, которая связала их за эту трёхдневную вылазку. Они смутно чувствали ее, эту нить, эту связь. Это тепло.

— Тия, — произнесла Илайя, не отрываясь от планшета.

— Да?

— Позавчера у костра… ты помнишь, что ты сказала? Про дом. Про детей. Про любовь. Про «просто Тию».

Тия чуть помолчала. Не отводя глаз от дороги.

— Помню.

— Я тоже помню, — сказала Илайя. — И знаешь, что я поняла? Я не помню, чтобы кто-то из напарников говорил мне подобное. Откровенное, личное, о себе. За два года с Маркосом, ни разу. Мы работали, мы прикрывали друг друга, мы были хорошей командой. Но мы никогда не сидели так, еще и у костра, не говорили, о чем-то личном.

— Маркос — другой человек, — сказала Тия. — Он — открытый, прямой. Но он не говорит о таком. Потому, что не умеет чувствовать это тепло. Он спецназовец, он оперативник, для него женщина — это не романтика и нежность, не чувства. Это просто источник утоления природного порыва, не более.

— У меня с ним ничего не было, — улыбнулась Илайя. — Как мужчина — он, конечно, сильный, брутальный, волевой. У него и так нет недостатка в женской ласке. У него женщин, хоть отбавляй, но я не могу так. Без чувств. Хотя, он не однократно намекал мне, что я одинока и прочее. Мне противно от этих мыслей.

— Не думала, что вы все это время были просто двумя составными частями команды: мозг — анализ, и руки — сила, — говорила Тия, задумавшись. — Без личных связей.

— Вот и представь, у меня в команде так. А Норк? — спросила Илайя. — Ты с ним три года.

— Норк не говорит, — Тия чуть усмехнулась, и в её голосе мелькнула тень, которую Илайя опознала: не грусть, а констатация. — Норк — тень. Тени не разговаривают. Они просто рядом, они прикрывают, они нужны. Но они не сидят у костра и не мечтают. Во всяком случае, не вслух. Может он о чем-то тоже грустит, но этого не видно. У нас тоже с ним ничего нет и не было.

— А мы вот сидели, с тобой, вот так просто и делились своим сокровенным, сбросив с себя все эти шпионские и корпоративные штучки, — тихо сказала Илайя. — И мечтали.

— Да, я почувствовала себя настоящей, ведь мне некому было рассказывать о том, что меня тревожит, не было никого в корпорации, кому можно открыть себя, настоящую — ответила Тия.— И я… — она замолчала на секунду, и Илайя услышала, как она чуть перестала дышать, будто подбирая слова из тех, которые не произносят часто. — Я не знаю, почему. Мы с тобой не работали вместе раньше. Ни разу. Вэйн собрал нас вместе впервые. И я не знала, что из этого выйдет. Но у костра… когда ты спросила «как ты», а не «как дела», а именно «как ты» — я ответила. Честно. Впервые за четыре года.

— И я услышала, — сказала Илайя. — Не голос, а тебя. То, что внутри. Про дом, про усталость, про «просто Тию». Я раньше думала, что ты, как скала: стоит, молчит, не двигается. А ты — как эти деревья на перевале: снаружи серые, молчаливые, а внутри живые. Просто ты не показываешь, держись все в себе.

Тия не ответила сразу. Она смотрела на дорогу, на песок, на колею, которая уже наполовину заметена, на тени от дюн, которые ложились чёрными полосами, будто кто-то расчертил пустыню.

— Эти деревья — они выживают, потому, что не показывают, — сказала она наконец, и голос её был тише обычного. — Если бы они показывали, что живые — ветер бы их сломал. Они живые именно потому, что выглядят мёртвыми.

— А я? — спросила Илайя. — Я тоже так?

— Ты, нет, — Тия чуть покачала головой. — Ты как огонь. Тёплая, заметная, открытая. Тебя видно. И тебя нельзя не заметить.

— И ветер меня сломает?

— Нет, — Тия чуть усмехнулась. — Огонь ветер не ломает. Ветер огонь только разжигает.

Илайя смотрела на неё и вдруг рассмеялась, тихо, коротко, и в этом смехе было что-то такое, от чего Тия тоже чуть дрогнула в уголках губ. Не улыбка, только её тень. Но была тень настоящей.

— Ну вот, — сказала Илайя. — Ты умеешь говорить красиво. Просто, обычно не хочешь.

— Не умею, — возразила Тия. — Просто — это ты умеешь слушать.

Пауза. Длинная, тёплая. Машина шла по равнине, и песок шуршал по бортам ровно, монотонно, как звук, который не кончается и не начинается, а просто есть.

Каждая чувствовала, что почему то, именно со вчерашнего дня, они стали очень близкими, подругами, что-то их связало вчера, хотя они просто вместе делали рутинную работу на техническом уровне. И вообще, до этой операции они знали друг друга лишь, как сотрудников корпорации, как агентов Сенеб и Мендес.

— Тия, — сказала Илайя, и голос её стал серьёзным, не жёстким, а именно серьёзным, с тем тоном, который появляется, когда человек говорит то, что давно решил, но боится произнести.

— Да?

— Я хочу сказать Вэйну. Что мы теперь напарники. Что дальше работаем только вместе. Что я теперь не хочу менять напарника, — призналась Илайя.

Тия не ответила сразу. Она вела машину ровно, не меняя скорости, но Илайя заметила, что её пальцы на руле чуть сжались. Не от напряжения, от чего-то другого.

— Я тоже, — сказала Тия, наконец. — С первого дня, с того вечера у костра.

Илайя повернулась к ней, быстро, и в её зеленовато-голубых глазах мелькнуло что-то яркое, тёплое, не слёзы, а что-то похожее, и тут же исчезло, спрятанное за привычной, тёплой улыбкой.

— Ты тоже? С первого дня? Но ты не знала, как я…

— Я не знала, как ты держишься в поле, — перебила Тия. — Как реагируешь на странное, как молчишь, как дышишь. Я не знала, тебя настоящую. А теперь знаю. И я не хочу теперь другого напарника.

— И я не хочу, — сказала Илайя. — И знаешь, почему? Не потому, что ты лучший агент. Может, Норк тише. Может, Маркос сильнее. Но, ни Норк, ни Маркос не сидели со мной у костра и не говорили про дом. Ни один из них не спросил меня «как ты». Они видели бы во мне только женское тело, которое хотелось бы попробовать. И ни один из них не признался бы в этом честно, они создавали бы только илюзию теплого общения, а думали бы на самом деле о своем. Но это всего лишь игра.

— Мы, другие, и дело не только, что они мужчины, а мы женщины, здесь что-то глубже, душевное, а у души, возможно, нет пола, а может и есть, не важно, дело в понимании, чувстве, — тихо сказала Тия.

— Да, — Илайя кивнула. — Другие. Во всей этой холодной корпорации нет таких людей, с которыми бы хотелось разговаривать на подобные темы и делиться сокровенным.

— Согласна, — повторила Тия, и это слово прозвучало в гуле машины маленьким, но крепким камнем, который кладут в основание стены.

Пауза была долгой. Потом Илайя сказала:

— Норк будет разочарован.

— Норк работает один лучше, чем с кем-либо, — ответила Тия. — Он — волк-одиночка. Ему не нужна пара. Ему нужна задача.

— А Маркос?

— Маркос найдёт напарника за пять минут. Он — из тех, кто сходится быстро. Ему легко.

— А нам нет, — сказала Илайя. — Нам не легко. Но мы, наконец, нашли. Тем вечером, у костра. И я не хочу это терять.

Тия чуть кивнула. И в этом кивке было то, что редко видели другие, не расчёт, не выгода, а просто согласие. Человеческое, тихое, без лишних слов.

— Давай, вместе поговорим с Вэйном, — сказала Тия чуть позже. — Чтобы он понимал, что это наше общее решение, не только твое. Он должен это понять. Конечно, он не простой человек, очень сложный, но он должен понять.

— Вместе, — подтвердила Илайя.

Они молчали. Машина шла по пустыне, и песок шуршал по бортам, и где-то за хребтами тихо гасла Лира, опускаясь за горизонт, и небо становилось всё глубже, всё темнее, и те немногие звёзды, что пробивались сквозь лиловую дымку, светили тихо и ровно, будто охраняли двух женщин, которые ехали по пустыне и решили, что дальше пойдут только вместе.

— Тия, — обратилась Илайя.

— Да?

— Спасибо, тебе…

Тия не ответила. Только чуть повернула голову, на секунду, едва заметно и посмотрела на Илайю. И в этом взгляде было всё: и «пожалуйста», и «я знаю», и «ты тоже». Без слов. Без жестов. Просто взгляд. Признание.

Она продолжала вести машину молча, но её пальцы на руле слегка дрогнули. В этой тишине было что-то особенное, не напряжение, а осознание.

— Мы другие, — тихо сказала Тия, после долгой паузы. — И это правильно.

Илайя кивнула, её зелёные глаза блестели в полутьме кабины.

Тия молчала, глядя на дорогу. Она знала, что это решение, быть теперь с Илайей одной командой, не было спонтанным. Они обе знали. Они теперь чувствовали друг друга. Как душа чувствует родную ей душу. Их работа,очень часто, была связана с риском. И если суждено погибнуть на задании, пусть так оно и будет, но рядом пусть будет друг, который пошел с тобой до конца. Не из-за жалости или долга. Который просто чувствовал и понимал тебя по настоящему.

Глава 14 Шум на Южном шоссе

На Южном шоссе Лира-Тарис, на участке дороги, в семидесяти километрах от города Тарис, по направлению к городу Лира — столица планеты Амина, воздух был сухим и горячим. Пустыня «Анк-Сет» дышала сквозь тонкую пелену, будто проверяла, кто выдержит этот жар. Небо переливалось странно: золотистые отсветы Лиры смешивались с холодной синевой Моры, и казалось, что сама дорога плавится под этим двойственным светом. В «Серебряные часы», когда Мора брала верх, патрулировать было тяжелее, тени становились длиннее, а тишина злее.

Антон Котов, дорожный полицейский, стоял у обочины, опершись рукой на капот патрульной машины. Его тёмно-синяя форма, с оттенком серого, не была выцветшей от солнца и ветра, выглядела новой, так как, была специально сшита из особого материала: плотного, но дышащего, не собирающего пыль. Она сидела привычно, как вторая кожа. Он не смотрел на часы, он чувствовал ритм трассы. Семьсот километров от Тариса до Лиры, и на каждом километре можно было встретить что угодно: уставшего водителя, сломанный грузовик, или вот такой чёрный седан, который ехал ровно на допустимой скорости, но слишком ровно.

Седан притормозил по жесту руки, будто знал, что его остановят. Антон подошёл к машине спокойно, без спешки, но в каждом шаге чувствовалась готовность сорваться на бег, если понадобится. Он наклонился к окну, и в этот момент что-то щёлкнуло внутри, не интуиция даже, а профессиональное чутьё, отточенное годами на этой дороге. Курьер улыбался, но улыбка была слишком гладкой, слишком отрепетированной.

— Документы, пожалуйста, — голос Антона звучал ровно, без нажима, но с той самой интонацией, которая заставляет людей тянуться к бардачку быстрее обычного.

Курьер протянул права и накладные, не торопясь, будто это была обычная проверка, которую он проходил раз в неделю. И, скорее всего, так и было: курьеры ездили по разным направлениям, чтобы не примелькаться.

Антон взял бумаги, пробежал глазами по строчкам: торговый представитель, везёт медицинские препараты в сетевую аптеку. Всё чисто. Слишком чисто. Накладные были идеальными: ни помарок, ни исправлений, ни тех мелких нестыковок, которые всегда проскакивают в реальной работе. И ещё одно: запах. В салоне пахло не лекарствами, а чем-то нейтральным, почти стерильным, так пахнет еще не груз, а только подготовка к грузу.

Не глядя на курьера, Антон отступил на полшага, положил руку на кобуру, не угрожая, просто обозначая границу.

— Выйдете из машины и откройте багажник, пожалуйста. Медленно. Без резких движений.

Курьер кивнул, будто ожидал этого. Он вышел из машины, не спеша, и открыл багажник. Внутри стояли аккуратные коробки, все промаркированы, все на месте. Антон осмотрел их, не прикасаясь, потом сделал шаг назад.

Курьер снова кивнул, будто это был заранее оговорённый сценарий.

Антон достал рацию и вызвал подкрепление. Не отводя глаз, зачитал курьеру, его права и обязанности, не по бумажке, а наизусть, ровно и спокойно, как будто читал инструкцию к чему-то привычному. Когда он закончил, то надел на курьера наручники, тоже без лишней драмы, просто, как часть процедуры.

— Вы задержаны до выяснения обстоятельств, — сказал он, усаживая мужчину в патрульную машину.— Я вызывал оперативную группу.

Курьер сел, не сопротивляясь, и даже чуть улыбнулся, не зло, а как человек, который знает, что скоро его отпустят. Антон заметил эту улыбку, и она ему не понравилась. Она была слишком уверенной.

Через двадцать минут на место прибыла оперативная группа. Белый микроавтобус с цветным оформлением: по борту тянулась тонкая полоса из оранжево-коричневых полос, будто след от песка, остановился рядом, подняв облако пыли. Проблесковые маячки ритмично отбрасывали свет на песок, и на секунду казалось, что пустыня сама начала пульсировать. Тонированные стёкла закрыты. Не торопясь, вышел полицейский: коренастый, спокойный, с лицом человека, который привык всё держать под контролем; второй, из открывшийся водительской двери, молодой, с острым взглядом, который сразу сканировал периметр. И только после этого, из бесшумно откатившийся боковой двери, вышли следователь Усула Неджет и криминалист Лия Берн.

Усула вышла первой: высокая, собранная. Сегодня она была без куртки: в «Серебряные часы» жара всё ещё держалась, и кожаная куртка осталась в машине. На ней была тёмно-синяя форменная блузка, идеально отглаженная, с тонким воротником, и брюки, сидящие по фигуре так, что в них можно было и присесть, и побежать. Туфли не для подиума, а для работы: устойчивые, с жёстким задником, но при этом изящные. Она окинула взглядом место остановки, машину, багажник, курьера в патрульной машине, и всё это за несколько секунд. Её взгляд зацепился за Антона, и она чуть кивнула, не как простому подчиненному, а как человеку, который сделал всё правильно.

— Котов, расскажи коротко, — её голос был спокойным, но в нём чувствовалась привычка брать ответственность.

Антон быстро и чётко изложил всё: как заметил машину, что показалось странным, какие документы видел. Усула слушала, не перебивая, только иногда кивала, фиксируя детали.

— И запах, — добавил Антон, чуть понизив голос. — В салоне стерильно. Так не пахнет от груза.

Усула чуть нахмурилась, но не от раздражения, а от того, что деталь встала на свое место.

— Значит, подготовка. Пока еще не основная перевозка. Это уже другой уровень.

Понятые, люди, из случайно остановленных автомобилей, следили за работой криминалиста.

Лия, тем временем, принялась за работу. Она подошла к багажнику, достала набор для экспресс-теста и начала вскрывать коробки. Её движения были быстрыми, но не суетливыми. Она знала, что каждая мелочь может быть важной. Лия выглядела так, будто сошла со сцены: в ней была та самая сценическая энергия, которая притягивает взгляд, но здесь, она работала не для публики, а для дела. На ней была облегающая форма, не ради красоты, а потому, что не должна мешать: ткань тянулась, но держала форму, и в каждом движении чувствовалась сила, которая не кричит, а просто есть.

Антон не смотрел на Усулу и Лию с восхищением, не так. Он смотрел с уважением к тому, как они умеют быть красивыми и при этом абсолютно неуязвимыми в своей работе. Усула — собранная, точная, будто каждое движение просчитано. Лия — живая, быстрая, но без суеты, как пламя, которое не сжигает, а освещает. Они будто сошли с подиума, но здесь все это не имело значения: их форма была безупречной не ради вида, а ради дела.

Она вскрыла одну из коробок, достала одну, случайную ампулу, провела тест, потом вторую, третью. На седьмой, проведя очередной тест, подняла голову. Её лицо оставалось спокойным, но в глазах вспыхнул тот самый азарт, который появляется, когда ты находишь то, что искал.

— Это не лекарства, по крайней мере не в этой ампуле— сказала она, глядя на Усулу. — В составе синтетические стимуляторы. Чистые, без примесей. Кто-то очень старался сделать их похожими на медпрепараты.

Усула кивнула, будто ждала именно этого. Она достала планшет и начала фиксировать показания, а Антон стоял рядом, наблюдая, как рушится идеальная картинка. Курьер в патрульной машине, по-прежнему, выглядел спокойным, слишком спокойным.

— Он будто знал, что мы придём, — тихо сказал Антон, не столько обращаясь к Усуле, сколько проговаривая мысль вслух.

Усула на секунду замерла, потом подняла глаза.

— Или знает наперёд, что его потом отпустят, — ответила она. — Это ещё хуже.

Лия, не поднимая головы, добавила:

— Маркировка — фальшивка. Очень хорошая, но фальшивка. Я вижу микросдвиг в шрифте. Кто-то экономил на прессе.

Один из полицейских, тот, что помоложе, тихо присвистнул:

— То есть, это не просто курьер. Это звено.

— Звено, которое не боится, — подтвердила Усула. — А значит, за ним кто-то стоит, серьезный. Очень серьезный.

Вдали, за пустыней, виднелся лес: хвойные массивы, которые тянулись на сотни километров, от северной части Тариса. Они казались чужими здесь, среди песков и жары, как напоминание о другом мире. Антон на секунду задержал на них взгляд и вдруг понял, что этот лес похож на него самого: стойкий, упрямый, привыкший стоять на своём, несмотря на ветер и песок.

— Оформляем арест, — сказала Усула, закрывая планшет. — Но не торопимся. Пусть он посидит, подумает. Пусть те, кто за ним стоит, тоже подумают.

Антон кивнул. Он подошёл к патрульной машине, открыл дверь и посмотрел на курьера. Тот по-прежнему улыбался, той самой спокойной улыбкой, как человек, который точно знает, что произойдёт дальше.

— Ты понимаешь, что сейчас происходит? — спросил Антон, не повышая голоса.

Курьер чуть наклонил голову, будто оценивал вопрос.

— Я понимаю, что вы делаете свою работу, — ответил он спокойно. — Остальное, не моё дело.

Антон на секунду задержал взгляд. В этих словах было что-то большее, чем просто фраза. Это было признание системы, в которой он жил, но еще не видел с другого ракурса.

— Ясно. Значит твоё дело — сидеть и ждать своей участи, — сказал Антон, закрывая дверь.

Пока оформляли документы, пустыня продолжала дышать. Ветер поднимал песок, и он оседал на форме, на коробках, на капотах машин, тонкий слой, который всё равно придётся смывать. Где-то вдалеке, за лесом, небо начало темнеть: Мора брала верх, и «Серебряные часы» становились всё холоднее.

Усула подошла к Антону, когда последний протокол был подписан всеми участниками следственного действия.

— Хорошая работа, Котов, — сказала она тихо. — Ты не пропустил мелочь. А мелочь — это всё.

Антон чуть улыбнулся, не от гордости, а от облегчения, что всё сделано правильно.

— Просто дорога меня научила: если что-то слишком ровно — значит, кто-то это выровнял.

Лия подошла и посмотрела на Усулу, убирая набор в сумку.

— Завтра будет полный анализ, — сказала она. — Но, я уже сейчас могу сказать: это не местная кухня. Слишком чистый состав.

Усула посмотрела на лес, потом на пустыню, будто пытаясь соединить эти два мира в одну картину.

— Значит, кто-то везёт это издалека. И кто-то очень хочет, чтобы это доехало. До места.

Они стояли втроём у края дороги, окружённые песком, жарой и тенями, которые становились всё длиннее. И в этот момент Усула поняла: они не просто задержали курьера. Они коснулись чего-то большего и теперь это большее может с лёгкостью коснуться их в ответ.

Глава 15 «Эхо-1»

Карина Ворн проснулась от тишины. Не от той приятной, когда город ещё спит, а от тишины, которая давит на уши, будто кто-то выкрутил громкость у мира на минимум. Она открыла глаза, и первое, что бросилось в глаза — тень на стене. Не привычная, мягкая, от утреннего света Лиры, а резкая, чернильно-чёрная, будто нарисованная углём. И эта тень не двигалась, когда Карина повернула голову. Она просто лежала на декоративной штукатурке, тяжёлая и неподвижная, как отпечаток чужого взгляда.

Эрьян, видимо, уехал на работу сегодня раньше обычного, и от этого в квартире было ещё неуютнее.

Она села на кровати, и простыня, обычно прохладная и гладкая, показалась ей шершавой, будто на ней осела тонкая пыль пустыни. Карина провела ладонью по ткани и пальцы отозвались неприятным покалыванием, как после долгого пребывания на ветру.

В ванной зеркало отразило её лицо чуть иначе, чем всегда: скулы казались острее, а серо-голубые глаза темнее, почти свинцовыми. Она усмехнулась своему отражению, пытаясь вернуть привычную лёгкость: «Ну вот, опять эти сны про пустыни. Слишком много графиков перед сном». Но улыбка вышла натянутой, и Карина поспешно отвернулась, включив воду.

Пока текла вода, она машинально коснулась тонкого серебряного браслета — того самого, с крошечными камешками, каждый из которых напоминал ей о какой-то давней экспедиции. Это была её маленькая привычка: потрогать браслет, когда хотелось почувствовать опору. Сегодня металл показался ей холодным, даже ледяным, хотя в комнате было тепло.

На кухне всё шло по привычному сценарию: кофе, тост, быстрый взгляд в окно на город, который уже медленно, неохотно просыпался. Лира окрашивалась в тёплые тона, небо отливало золотом, смешиваясь с фиолетовым оттенком туманности. Обычно Карина любила это сочетание: оно казалось ей обещанием хорошего дня. Но сегодня свет Лиры не грел, он ложился на улицы плотным, тяжёлым слоем, будто пытался что-то скрыть.

Она надела любимую блузку — лёгкую, но с плотными манжетами, которые приятно застёгивать. Это был её ритуал: застёгивать пуговицы, чувствуя, как ткань ложится по фигуре, как возвращается ощущение контроля. Но сегодня манжеты казались слишком тугими, будто рубашка вдруг стала чужой.

Розовый кабриолет ждал её у подъезда, сияя в утреннем свете. Обычно один вид этой машины возвращал ей ощущение свободы: ветер в лицо, дорога, которая уносит все тревоги. Но сегодня, даже цвет казался ей слишком ярким, почти кричащим, как фальшивая нота в знакомой мелодии.

Когда она села за руль, кожа сидений, обычно тёплая и мягкая, пахла сейчас не новым материалом, а чем-то сухим, выжженным, будто машина простояла неделю под палящим солнцем Аджи. Карина на секунду задержала дыхание, пытаясь уловить другой запах: кофе, любимого ароматизатора, чего-то привычного. Но воздух был пустым, безвкусным, как вакуум.

Ветер, который ударил в лицо, когда она выехала на проспект, действительно был другим. Не свежим, не бодрым, а сухим, как дыхание пустыни. Он не приносил запахов города: ни выпечки из пекарни на углу, ни цветов у фонтана, ни горячего асфальта. Только эту странную, выжженную пустоту. И в этой пустоте было что-то голодное, будто ветер не нёс запахи, а забирал их.

Карина сжала руль до побеления костяшек, и одна мысль билась в голове, глухая, неотвязная: «Аджи сегодня меня пугает». Она не хотела этого чувствовать, не хотела верить в предчувствия, ведь она привыкла доверять графикам, цифрам, осязаемым фактам. Но сейчас, её тело знало то, чего не показывали приборы. Она чувствовала, как пустыня тянет к ней свои

невидимые пальцы, как гипотетический разлом K-7 дышит глубже, готовясь сделать вдох, который изменит всё.

Кабриолет вкатился на парковку, и звук мотора, обычно такой уверенный, прозвучал жалко, как последний вздох. Карина заглушила двигатель и замерла, положив руки на руль. Ей не хотелось выходить. Ей не хотелось идти в этот кабинет с толстыми стенами и тонированными стёклами, садиться перед стеной мониторов и смотреть, как две точки ползут по пустыне, к чему-то неизвестному, что могло ждать их. Но она вышла. Потому, что это была её работа. И потому, что там, в этой пустыне, были люди, которым нужны были её глаза, ее опыт, интуиция.

В ЦНИЦА было тихо. Слишком тихо для утра понедельника. Даже гул серверов, обычно такой привычный, звучал приглушённо, будто кто-то убавил громкость всего мира на полтона, или туманность снаружи, густая и багрово-фиолетовая, не просто глушила сигналы, а впитывала звуки, оставляя в помещении только тяжёлое, вязкое безмолвие. Карина села перед стеной мониторов, и её пальцы замерли над клавиатурой.

Она снова смотрела на данные, которые терзали её уже неделю. Всплеск в квадрате DXH2 выглядел особенно странно. Данные пришли ночью, неделю назад, в автоматическом режиме, и дежурные сотрудники центра, незамедлительно принялись их обрабатывать. Два научных сотрудника из корпорации КИРН запустили тогда дрон, который разведал немалый по площади ареал и зафиксировал активность, которую нельзя было списать на обычные колебания. Данные были подкреплены и разведывательной машиной «Аджи-Шторм-Х», которая также смогла зафиксировать изменения в окружающей среде на востоке, в том же квадрате. Что-то происходило в этом месте, среди острых гребней, песка и угрюмых гор, о которых она столько читала. Сама Карина на Аджи ещё не была, но знала её так, будто уже сто раз прошла по этим пескам.

И вот сегодня она была в штаб-квартире ЦНИЦА: Карине предстояло принять участие в удалённой координации. Экспедиция под кодовым названием «Эхо-1», которая выдвинется скоро в квадрат DXH2, подготовка которой шла всю неделю. Два сотрудника из центра уже были на Аджи. Сегодня ей самой предстояло стать связующим звеном между теми, кто будет на поверхности планеты, и теми, кто будет анализировать данные сверху, с орбиты Аджи.

Элиза Маркус вошла бесшумно, привычка человека, который годами является доктором наук, видным ученым и руководителем крупной организации, в которой каждый кабинет — свой.

Она была высокой. Лицо было выразительным, но без театральности: высокие скулы, прямой нос, линия челюсти, способная стать твёрдой, как лезвие, если стоило ей сосредоточиться. Сейчас эта твёрдость будто растворилась в пустоте. Глаза тёмно-карие, почти чёрные, смотрели сейчас прямо перед собой, но не фиксировали данные.

Тёмно-медного цвета, волосы были собраны в плотный пучок,не ради эстетики, а ради контроля: ничто не должно мешать, ничто не должно отвлекать. И всё же одна упрямая прядь упрямо ложилась на висок, как маленькая непокорность внутри идеальной системы.

На ней был чёрный приталенный костюм с чёткими плечами, выглядил солидно и модчеркивал ее стройную фигуру. Белая блузка с мягкой стойкой выглядела строго, но не сковывающе. На запястье были надеты часы с чёрным ремешком. Никаких украшений, кроме тонкой серебряной цепочки, спрятанной под тканью, и золотых серёжек, аккуратных и стильных.

— Ты сегодня бледная, — тихо сказала Карина, и собственный голос показался ей чужим, будто пришёл не изнутри, а снаружи, из-за стен, из-за города. Он прозвучал чуть выше обычного, как та самая «звонкая» нотка, которая проскальзывает, когда Карина волнуется, но старается этого не показывать.

Элиза медленно повернулась к ней, и в её глазах Карина увидела то же, что чувствовала сама: безымянную, безликую тяжесть, будто сама планета через миллионы километров пустоты и вакуума протянула руку и коснулась её сердца, холодным пальцем.

За окном, сквозь тонированные стёкла, Лира окрашивалась в странные тона: небо было не золотистым, как в «Золотые часы», а приглушённым, словно свет Лиры на секунду задержался где-то в туманности, не дойдя до города. Даже тени на полу лежали не так, как обычно: они были не мягкими, а резкими, будто нарисованными твёрдым грифелем.

— Мне кажется, Аджи сегодня дышит, — прошептала Карина, не сводя глаз с экранов. — И этот вдох… он тяжёлый.

Элиза не ответила. Только сжала край стола, и костяшки её пальцев побелели. На мониторе перед ней график вдруг дёрнулся, на долю процента, на мгновение и тут же вернулся к своей идеальной гладкости. Но этого хватило. Карина и Элиза заметили это и обе поняли: тишина была не отсутствием звука. Это была пауза перед чем-то большим.

*****

На орбите планеты Аджи, на станции «Аджи-2», висевшей волчком, было тоже тихо. Не той тишиной, которая бывает в пустоте космоса, к той привыкаешь, она становится фоном, как шум крови в ушах. Эта тишина была другой. Она пришла изнутри станции, из самих стен, будто металл, из которого она была собрана, вдруг вспомнил, что висит над миром, который не собирается быть понятым.

Ксенолог корпорации КИРН, Орша Кэн, ступила на борт «Аджи-2» час назад, перешагнув через переходной шлюз с корабля, и с первого шага почувствовала: что-то не так. Не в станции, сама станция была в порядке, гудела ровно, все системы в зелёном. Нет. Это было снаружи. Или внутри. Или везде сразу. Лёгкий холодок, почти незаметный, скользнул по коже, как чья-то невидимая рука провела по затылку кончиками пальцев. Орша на мгновение замерла на пороге кабинета, и её тёмные волосы, туго собранные в строгий узел, чуть шевельнулись от сквозняка, которого не должно было быть. В помещении было тепло, системы жизнеобеспечения работали штатно, и она знала это, потому что видела показания. Но холодок не уходил. Он шёл не снаружи. Он шёл изнутри, из самого центра груди, как будто где-то там, в глубине, приоткрылась невидимая дверь, и оттуда потянуло ледяным сквозняком.

Сати Мартенс, начальник станции, стояла у обзорного экрана. Внизу, за толстым стеклом, медленно поворачивалась Аджи: оранжевая, местами бурая, с редкими вспышками молний, бьющих где-то далеко, у горизонта. Сати видела эту картину сотни раз. Но сегодня что-то было иначе. Она не могла сказать, что именно. Облака были обычными. Тучи на месте. Ветер, по данным сканеров, в пределах нормы. Магнитное поле было стабильным, температура ровной. Всё было так, как должно быть. И всё-таки Сати стояла и не могла заставить себя отойти от экрана, будто что-то внизу держало её взгляд, не отпускало.

И тут по её спине, вопреки всему, пробежали мурашки: мелкие, колючие, будто кто-то провёл по позвоночнику ледяной иглой. Сати невольно повела плечами, пытаясь стряхнуть это ощущение, но оно не уходило. Она привыкла к чрезвычайным ситуациям: к скачкам напряжения, к сбоям связи, к внезапным штормам, которые иногда обрушивались на станцию. Она знала, как выглядит настоящая опасность: она кричит, бьёт по датчикам, заставляет сирены выть. Но это… это было не похоже ни на что из её опыта. Это была тишина, которая дышала. И она смотрела прямо на Сати.

В кабинете пахло озоном и тёплым хлебом, едва уловимый, домашний запах, который всегда приносил с собой утренний ритуал Рика Хольца. Обычно, этот запах успокаивал, напоминал, что здесь есть люди, есть жизнь, есть что-то простое и хорошее. Но сегодня он казался чужеродным, будто кусочек другого мира, случайно попавший в эту звенящую пустоту.

Орша медленно подошла к тактической консоли, села, вывела на экран потоки данных. Строки цифр бежали, ровные, безупречные, как строчки в учебнике. Слишком безупречные. Она вдруг вспомнила, как в детстве отец водил её в лес и учил различать звериные тропы. «Смотри не на следы, — говорил он, — смотри на тишину. Если птицы не поют, значит, кто-то идёт». Сейчас птицы не пели. Сейчас вообще ничего не звучало. Даже привычный «шёпот»

вентиляции, к которому все успели давно привыкнуть, сегодня молчал. И это молчание было громче любой сирены.

— Сати, — тихо сказала Орша, и голос её, обычно ровный и деловой, прозвучал глухо, будто ей приходилось пробиваться через слой ваты. — Ты чувствуешь?

Сати не сразу ответила. Она смотрела вниз, на планету, и её лицо, всегда собранное, всегда контролируемое, вдруг стало другим. Не испуганным. Не растерянным. А старым, будто за эти несколько секунд она прожила что-то, что не предназначено для человеческих нервов.

— Да, — наконец сказала она, и собственный голос прозвучал непривычно хрипло. — Как будто станция стала тяжелее. Как будто Аджи… подтянула нас к себе. Ближе. Тише.

Орша кивнула. Она чувствовала то же, не физически, а где-то на грани, в том пространстве между сознанием и инстинктом, где живут предчувствия.

— Я не верю этим данным, — сказала Орша, глядя на экран. — Они слишком чистые. Слишком ровные. Будто кто-то… зашёл в систему и убрал всё, что могло нас напугать.

Сати медленно отвернулась от обзорного экрана. Её тёмные волосы, собранные в аккуратный узел, чуть шевельнулись. Чёткие черты лица казались сейчас высеченными из камня, не от гнева, а от усилия удержать контроль над тем, что контролю не поддавалось.

— Или Аджи делает это сама, — тихо сказала она, и в её голосе не было бодрости, только усталость человека, который слишком долго жил над миром, который не подчиняется законам, понятным человеческому разуму.

Орша встала. Она была среднего роста, но в этои кабинете, среди мерцания приборов и тяжёлого безмолвия, она казалась больше, чем была. Не ростом, а присутствием. Тем особым, спокойным весом, который появляется у людей, привыкших принимать решения, от которых зависят чужие жизни. Из её строгого узла выбился один упрямый локон и лёг на висок, крошечная деталь, которая вдруг сделала её чуть человечнее, будто на секунду она позволила себе быть не только агентом, но и просто женщиной, которой страшно.

— Сати, — сказала она, и голос её теперь звучал твёрдо, будто она сбросила с себя оцепенение, как старую куртку. — Что бы там ни было, наши люди на поверхности. Если я скажу «ушли» — они уходят. Если я скажу «бросайте всё» — они бросают. Мне важны данные. Но мне важнее люди. Запомни это.

Сати посмотрела на неё и медленно кивнула. В её глазах мелькнуло что-то ещё, не просто согласие, а тихая благодарность.

Они вышли в коридор, и тут тишина станции стала другой, не мёртвой, а живой, наполненной ровным гулом климатической системы и шагами по панелям. Пахло хлебом сильнее, будто запах специально тянулся за ними, стараясь вернуть ощущение дома. Стены были тёплого бежевого оттенка с тонкими рельефными линиями, а на них фотографии: дюны на рассвете, грозовые облака, люди на фоне гор и машин, улыбающееся и веселые.

— Тут всегда так… слышно станцию? — спросила Орша, прислушиваясь к этому ровному дыханию металла.

— Почти всегда, — кивнула Сати. — Но сегодня вентиляция будто затаилась. Раньше она шептала. Теперь молчит. И от этого… тревожно.

Орша чуть замедлила шаг. Её форма КИРН сидела идеально: лаконичный крой, брюки, пиджак цвета «антрацит», тёмная водолазка, туфли, минимум деталей, но с практичными нюансами: скрытые карманы, плотные швы, ткань, которая не шуршит. На запястье был тонкий браслет-идентификатор, который она почти не замечала, но никогда не снимала.

И вдруг краем глаза она заметила фигуру в стороне, у бокового шлюза, чуть в тени, где коридор делал плавный изгиб. Женщина стояла так спокойно, будто была частью этого ритма, не нарушая его, а просто подтверждая, что всё идёт как надо.

Орша замедлила шаг, не решаясь остановиться, но не в силах и пройти мимо. Форма на той была тёмно-синей, строгой, но не громоздкой: облегающие брюки, тёмная блузка, сверху

китель, тоже тёмно-синий, с чёткими линиями и знаками различия капитана. На левом плече эмблема станции, на груди тонкий шеврон безопасности. Но дело было не в форме. Дело было в том, как она её носила, не как форму, а как продолжение себя: спокойно, без лишней позы, но с такой внутренней собранностью, что даже в неподвижности чувствовалась готовность к любому повороту.

У неё были длинные чёрные волосы, собранные в тугую, но изящную причёску, ни одной выбившейся пряди, будто даже, сквозняк здесь не смел её тронуть. Лицо скульптурное, с тонкими, но уверенными чертами, словно кто-то вырезал его из тёмного камня, а потом оживил. Брови выразительные, подчёркивающие взгляд. А глаза… тёмные, почти чёрные, но в них была глубина, в которой можно было утонуть, если смотреть слишком долго. Тонкие штрихи у внешних уголков век, «стрелочки», делали взгляд более загадочным и притягательным, будто она всегда знала чуть больше, чем говорила. Кожа тёплого, ровного оттенка, будто впитавшая в себя свет далёких звёзд. И вся она — высокая, статная, с безупречной осанкой, казалась не просто человеком, а чем-то вроде живого символа станции: спокойной, надёжной, но способной в любой момент стать остриём.

— Сати, — тихо, почти шёпотом, сказала Орша, не сводя с неё взгляда, — а кто это?

Сати чуть повернула голову, проследила за её взглядом и едва заметно улыбнулась — так, будто знала, что этот вопрос прозвучит.

— А, ты про Нефертари, — спокойно сказала она и, не дожидаясь ответа, чуть повысила голос: — Неф! На минутку!

Нефертари Птах чуть повернула голову, ровно настолько, чтобы показать, что услышала. Потом сделала несколько шагов, и теперь Орша увидела её целиком: не только лицо, но и то, как она двигается: плавно, но без лишней мягкости, будто каждое движение было заранее просчитано и всё равно оставалось естественным.

— Орша, это Нефертари Птах, — представила Сати. — Капитан, мой заместитель и наш главный страж порядка. Если на «Аджи-2» что-то идёт не так, она узнаёт об этом раньше, чем датчики. Неф, это Орша Кэн, ксенолог КИРН, только прибыла, будет руководить за сегодняшней операцией, на Аджи.

Нефертари чуть наклонила голову, не поклон, а скорее знак того, что приняла информацию.

— Рада, — коротко и ровно сказала она, глядя прямо на Оршу. Голос у неё был спокойный, низкий, с едва уловимой теплотой, которая не делала его мягче, а делала… надёжнее. — Если будут вопросы по доступу или протоколам, я здесь. Или в центре. Или там, где не должно быть проблем, но они всё равно появляются.

Орша кивнула, пытаясь одновременно удержать в голове и приветствие, и то странное чувство, которое у неё возникло: будто она только что увидела не просто офицера, а человека, который знает, как держать на себе целую станцию, и делает это так легко, что никто даже не замечает, сколько сил на это уходит.

— Спасибо, — чуть запнувшись, ответила Орша. — Я надеюсь, всё сегодня пройдёт гладко.

Нефертари едва заметно улыбнулась, не широко, а так, будто признала попытку быть серьёзной. И смотрела так, будто видела Оршу насквозь. «Внешность. Она словно из другого мира… Я не встречала таких здесь», — подумала Орша про себя.

— Это уже хороший план, — сказала Сати.

— А если не получится, я буду рядом, — ответила Нефертари.

Сати хмыкнула, махнула рукой в сторону главного коридора.

— Ну, идём. У нас ещё три пункта до кофе, а кофе на «Аджи-2» ждать не любит.

Они пошли дальше, а Орша ещё раз, украдкой, бросила взгляд на Нефертари: та уже снова стояла у шлюза, будто и не уходила никуда, будто всегда была здесь, на своём месте, и станция без неё звучала бы чуть тише.

*****

На «Аджи-1» утро тоже было мрачным, хотя никто не мог объяснить, почему. Станция работала штатно, системы в норме, персонал на своих местах. Но воздух в коридорах казался тяжелее обычного, а тени длиннее. Будто сама станция, защищённая от бурь и радиации, вдруг почувствовала себя уязвимой.

Вин Торн шёл по главному коридору, и даже привычный янтарный свет казался сегодня не тёплым, а приглушённым, будто станция убавила яркость, чтобы не тревожить тишину. Пол чуть гасил шаги, не давая им звякнуть эхом, и от этого тишина становилась не пустой, а собранной, будто перед вдохом. На стенах, среди фотографий с улыбками и прищуренными от солнца лицами, чёрный камень-талисман на крючке у двери в командный центр тускло поблёскивал, и Вин на секунду задержался, коснувшись его пальцами. Это был не ритуал, а проверка: «Мы ещё здесь. Мы ещё держимся».

За панорамными окнами, тонированными, от пола до потолка, лиловое небо висело над пустыней, как плотная ткань, скрывающая что-то важное. Пески лежали неестественно ровно, без привычных рябей, будто ветер, который никогда не утихал полностью, сегодня решил затаиться, дул слабо. И от этого безмолвия становилось страшнее, чем от любой бури.

Торн остановился у одного из окон и на мгновение замер, вглядываясь в горизонт.

В командном центре экраны бежали ровными строками данных, всё в зелёном, всё по плану. Но именно эта безупречность и царапала. Вин знал: на Аджи безупречность — это не норма, это предупреждение. Здесь всегда что-то щёлкало, шуршало, вибрировало — планета не умела быть тихой. А сегодня она молчала. И станция, будто чувствуя это, тоже старалась не шуметь. Её ровный гул вентиляции звучал не как дыхание, а как осторожное «я слушаю».

— Майор, — голос Исы Хамад из-за пульта прозвучал чуть тише обычного, будто она тоже боялась нарушить эту тишину. — Ветер стих, очень слабый. Это очень странное явление.

Торн медленно кивнул, не отрывая взгляда от окна. Он не удивился. На Аджи не бывает случайностей. Если ветер резко стих, значит, планета что-то задумала.

— Зафиксируй, — спокойно сказал он, и собственный голос прозвучал непривычно глухо, будто слова падали в эту густую тишину и тонули в ней.

Иса кивнула, пальцы привычно забегали по кнопкам, настоящим, тяжёлым, с пиктограммами на случай, если экраны погаснут. В этом была суть «Аджи-1»: она не доверяла одной только картинке. Она давала людям рычаги, чтобы держаться, когда мир начнёт рассыпаться.

И в этой тишине, плотной, как слой пыли на старых панелях, Вин вдруг почувствовал, как по спине пробежал холодок, не от сквозняка, а от понимания. «Аджи-1» не просто стояла на плато, врастая в землю, как айсберг, чья сила скрыта внизу. Она ждала. Не как машина, а как страж, который знает: самое опасное приходит не с рёвом, а с тихим, ровным шагом.

Сейчас он стоял у главного экрана, пальцы впивались в край пульта. На карте мигали две точки — «Эхо-1». Они готовились к выезду, и каждый их шаг казался Торну шагом в пасть зверя. Рядом с ним Кайл Джавад стоял молча, Иса отслеживала метки. Её лицо было неподвижным, но в глазах читалось то, чего она не говорила вслух: «Мы уже опаздываем».

*****

В кабине «Песчаного стража» Джеди Крид, сидела за рулём и проверяла состояние систем машины, листая данные на сенсорной панели. Давление в шинах в норме, фильтры активны, турель готова, погода, состояние систем наблюдения, прочие режимы. Всё было как всегда в норме. Всё, кроме неё.

Её короткие, почти белые волосы были подстрижены ровно, до плеч, с острой линией у висков, чтобы не мешали ни в буре, ни в кабине. Высокий лоб и резкие скулы делали лицо

будто высеченным из камня, а светлая, чуть обветренная кожа хранила память о каждом дне, проведенным под солнцем Аджи.

Серо-голубые глаза смотрели на приборы, но видели не цифры, они считывали их автоматически. В этом взгляде не было ни злости, ни отчаяния, только холодная, цепкая оценка: «всё на своих местах, можно ехать». Но сейчас в нём проступало ещё что-то: не слабость, а трещина, которую она прятала за неподвижностью.

Форма песочного цвета сидела идеально, рукава были закатаны до локтей, она не терпела лишней ткани на кистях. На груди нашивка лейтенанта и значок старшего группы. Пальцы машинально коснулись металла — привычное касание, проверка: «Я здесь. Я готова». Металл был тёплым от тела, и от этого на секунду стало легче.

Узкие губы сжались в чёткую линию, ту самую, которая появлялась, когда она заставляла себя не думать. Только когда она улыбалась, редко, одним уголком рта, в этом лице вдруг проступал живой человек. Сейчас улыбки не было.

Джеди сжала руль. Костяшки побелели. Она не хотела об этом думать. Не сегодня. Не сейчас. Но воспоминание пришло, как всегда, без стука: тихое, точное, безжалостное. Его лицо. Та авария на Амине, три года назад…

Она приехала на Аджи, чтобы убежать от этой боли. Но Аджи не отпускала, она напоминала. Каждой тишиной, каждой бурей, каждым мгновением, когда Джеди смотрела на горизонт и видела не пустыню, а ту самую дорогу, и его лицо, и его последнюю улыбку, которую она не успела запомнить.

«Ты бы сказал мне не ехать, оставить эту службу, — подумала она. — Ты бы сказал: останься. И я бы оставила. Но тебя нет здесь рядом. Прости…»

— Джеди? — голос Тони вырвал её из оцепенения. — Системы в норме. Но фильтры уже на девяноста восьми процентах. А мы ещё не едем. Пыль тут не обычная. Она… липкая.

Джеди хмыкнула, но в этом звуке не было насмешки, только нервное напряжение.

— На Аджи обычная пыль — это роскошь, — пробормотала она. — Тут всё пытается нас убить. Даже воздух.

Тони кивнул, не отрывая взгляда от экрана. Большим пальцем машинально провёл по брови, стирал что-то невидимое, что мешало сосредоточиться. Этот жест был таким привычным, что Джеди почти не замечала его, но сегодня он вдруг показался ей точкой опоры: Тони всегда так делал, когда пытался удержать в голове сразу сотню мелких фактов.

Его тёмные, чуть вьющиеся волосы были коротко подстрижены, но не по уставу, на макушке пряди упрямо завивались, будто хотели напомнить, что он человек, а не декорация. Лицо молодое, но уже не мальчишеское: в нём читалась та собранная резкость, которая появляется, когда ты уже слишком много видел, чтобы чему-то удивляться.

Карие, почти чёрные глаза казались чуть сонными из-за тяжёлых век, обманчивая лень, за которой пряталась мгновенная оценка: он считывал экраны быстрее, чем успевал об этом подумать. Сейчас он смотрел на сенсоры, и в этом взгляде не было паники, только упрямое желание найти логику там, где её, казалось, не могло быть.

Форма песочного цвета сидела на нём чуть мешковато, ему сейчас было не до идеальной посадки. Рукава то закатывались, то опускались, в зависимости от того, что он делал. На шее под воротником прятался тонкий шнурок с маленьким жетоном, деталь, которую он не афишировал, но и не скрывал.

Пыль на экране была странной: не сухая, не сыпучая, а будто приклеенная к сенсорам, будто сама планета оседала на машинах нарочно, трогала, щупала, запоминала.

— Если фильтры упадут до девяноста пяти, мы не сможем выехать без риска, — спокойно сказал Тони, будто речь шла не о выживании, а о том, что кофе остыл. — Надо либо ждать, пока буря чуть уляжется, либо… либо ехать сейчас и молиться, что турель справится с засорением.

Он снова коснулся брови, на этот раз чуть сильнее, будто хотел стереть не пыль, а саму мысль о том, что что-то может пойти не так.

Джеди посмотрела на него, на эту его будничную, упрямую точность, на то, как он не повышает голос, даже когда ставки выше некуда. Ей вдруг захотелось привычно подколоть, сказать что-то вроде «Да ладно, Тони, не считай проценты, мы же не на экзамене». Но она осеклась. Тони не был трусом, и он был «зелёным», молодым, да, но он старался так, как стараются те, кто знает цену ошибке. И он заслуживал не снисходительной шутки, а того, чтобы его услышали.

— Тони, милый мой, — Джеди улыбнулась, но улыбка вышла не насмешливой, а тёплой, почти благодарной, — нас никто не спрашивает. Приказ уже был, и остаётся нам только выполнить задачу. Не переживай. Ты всё держишь.

Тони на секунду оторвал взгляд от экрана и встретился с ней глазами. В этом взгляде мелькнуло что-то, не облегчение, а тихое «спасибо, что не сделала из этого шутку». Он коротко кивнул, будто принял не просто слова, а подтверждение: да, он на своём месте. И снова уткнулся в экраны.

Во второй машине, «Аджи-Шторм-Х», Лора Сток сидела на водительском сиденье и разглядывала кольцо на безымянном пальце. Тео Салем сделал ей предложение несколько недель назад, ещё до очередной вахты на Аджи, на берегу озера, в парке Лиры, на закате, опустившись на одно колено, пока она смеялась и пыталась его остановить, потому, что не верила, что это происходит. Кольцо было простое: тонкое золото, маленький камень. Но для Лоры оно значило больше, чем весь космос за бортом.

Сегодня оно казалось ей тусклым. Камень не поймал ни одного луча света или света не было, или он куда-то делся. Лора провела пальцем по ободку, и ей стало холодно. Не от воздуха, от чего-то другого, что ползло изнутри, будто что-то невидимое касалось её сердца и шептало: «Ты вернёшься к нему? Ты уверена?»

Её тёмные, прямые волосы были собраны в привычный тугой хвост, но две упрямые пряди у висков всё равно выбились. В этом было что-то почти упрямое — пусть выбиваются, пусть напоминают, что она живая, а не цифра в отчёте. Лицо задумчивое, с чуть опущенными уголками губ, не от грусти, а от привычки думать, будто она даже сейчас, сидя в кабине, мысленно раскладывает на части саму пустыню и ищет, где прячется ошибка. Тёмно-карие, почти чёрные глаза смотрели на кольцо, но видели не золото и камень, а тот вечер у озера и как сильно всё изменилось с тех пор.

На ней был серо-голубой полевой комбинезон ЦНИЦА: плотный, практичный, с нашивкой научного отдела. Под ним лёгкая рубашка, расстёгнутая на одну пуговицу больше, чем положено: на Аджи было жарко, а Лора не любила, когда что-то давило. На бёдрах и груди карманы, набитые мелочами, которые могли пригодиться: маленький блокнот в кожаной обложке, запасной магазин от пистолета, тонкая отвёртка, которую она всегда носила с собой «на всякий случай». На поясном ремне кобура с заряженным пистолетом. И да, она умела им обращаться.

В кузове «Шторма», среди приборов и ящиков с оборудованием, Ксенон Врай сидел молча, склонившись над портативным анализатором. На экране бежали данные по составу грунта, и его длинные пальцы привычно перебирали образцы, которые он собрал ещё вчера, в границах периметра: осколки породы, песок, сухие куски коры. Он не спешил, геология не терпит суеты. Но сегодня его глаза чаще, чем обычно, отрывались от экрана и смотрели в окно, на пустыню, которая лежала перед ними, как открытая книга, написанная на языке, который он пока не понимал.

Его тёмные, чуть вьющиеся волосы были коротко подстрижены с той самой небрежностью, которая появляется, когда человек стрижёт себя сам: на одном виске линия волос чуть выше, будто он просто срезал то, что мешало. На висках серебрилась ранняя седина, тонкая, как иней, но она не старила его, а придавала лицу вес, будто за каждым его словом стояло

не только знание, но и время, потраченное на поиски. Вытянутое лицо с острым профилем, прямой, чуть удлинённый нос, высокие скулы, узкий, «думающий» подбородок, казалось высеченным не из камня, а из долгих размышлений. Карие глаза с едва уловимым зеленоватым оттенком при свете экрана будто становились прозрачнее, и в них читалась эта его особая манера смотреть не на поверхность, а сквозь неё, будто он пытался увидеть структуру самой планеты. Тёмные брови, чуть приподнятые у внешних краёв, придавали лицу выражение вечного вопроса, даже когда он был абсолютно спокоен.

На лбу залегла глубокая морщина — та самая, что появляется, когда думаешь почти без остановки. Сейчас она была особенно заметна: Ксенон не просто считывал данные, он пытался сложить их в картину, которой пока не хватало одного, самого важного штриха.

Он был одет в серо-зелёный полевой комбинезон геолога: плотный, с нашивкой ЦНИЦА и десятком карманов, в каждом из которых пряталось что-то нужное: лупа, скребок, контейнер с образцом, карандаш. На поясе висел геологический молоток в потёртом чехле, а на ногах — тяжёлые, надёжные ботинки, исцарапанные и потёртые, будто они побывали в десятке экспедиций и знали пустыню лучше, чем многие люди.

Длинные пальцы снова скользнули по образцам, привычно, почти ласково, как человек трогает что-то дорогое. Большой палец на секунду задержался на маленьком кусочке породы, который он всегда носил в кармане и поглаживал, когда мысли начинали путаться. «Это помогает слышать себя», — говорил он. Сейчас этот жест был особенно заметен: будто ему нужно было на секунду зацепиться за что-то простое, твёрдое, понятное.

Ксенон чуть постучал пальцем по столу, ровно, ритмично, как метроном. Это был единственный признак того, что внутри у него всё кипит. Но голос оставался спокойным, а движения точными. Для него не существовало паники, только задача, которую нужно решить.

Рен Тарк, техник, сидел рядом, вполоборота к Ксенону, и проверял крепления в кузове. Его руки двигались привычно: проверить, подтянуть, убедиться. Но он не насвистывал, как обычно, и это было первым знаком, что что-то не так. Рен молчал, когда ему было не по себе. Шутил, когда было весело. Работал в тишине, когда тревога забиралась слишком глубоко.

Тёмные волосы, коротко стриженные по уставу, но чуть длиннее на затылке — будто ему просто было лень срезать лишний сантиметр. На висках серебрилась лёгкая седина, не от возраста, а от Аджи, которая оставляла свой след на всех, кто задерживался здесь дольше пары месяцев. Смуглая, обветренная кожа на скулах и у глаз была покрыта тонкой сеткой морщин, не от возраста, от ветра, солнца и улыбок. Лицо в покое казалось чуть тяжёлым: крупные черты, нос с горбинкой, угловатая челюсть. Но стоило ему улыбнуться и оно становилось почти мальчишеским, живым. Сейчас улыбки не было.

Его тёмно-карие глаза с тёплым янтарным отблеском скользили по креплениям, не пропуская ни одной детали. В этом взгляде не было паники, только цепкая, привычная внимательность человека, который знает: одна ослабленная гайка может стоить жизни. Рукава формы были закатаны до локтей, так ему было удобнее, да и татуировка на левой руке всегда оставалась на виду: тонкий узор, переплетение линий, похожее на карту. Он никогда не объяснял её, а если спрашивали, отшучивался: «Это маршрут, по которому я ещё не проехал».

Фигура у него была плотная, рабочая: сила, которая проявляется в деле. Большие руки с мозолями и старыми шрамами от работы, действовали точно, без суеты.

— Всё держится, — наконец сказал он, негромко, ровно, будто не хотел нарушать эту напряжённую тишину, но знал, что кому-то нужно услышать эти слова. — Крепления в норме. Машина готова.

Ксенон на секунду оторвался от анализатора, посмотрел на него, не с благодарностью, а с тем самым молчаливым пониманием, которое бывает между людьми, знающими цену словам.

— Спасибо, — просто ответил он. — Если вдруг… если почувствуешь, что что-то не так, скажи. Не жди данных. Просто скажи.

Рен коротко кивнул. И, будто сам себе разрешив, снова потянулся к ремню, уже не проверяя, а просто чтобы руки были заняты. В этом движении было всё его спокойствие: не отрицание опасности, а готовность встретить её там, где она появится.

*****

Машины взвыли энергоконтурами: низким, утробным гудением, будто пробуждая что-то древнее в самой земле. Колёса провернулись, сминая сухую корку грунта, и колонна из двух машин, медленно двинулась вперёд, оставляя за собой шлейф пыли, который тут же подхватывал ветер и тянул назад, словно пытался вернуть их.

Торн и Кайл смотрели в большое окно, провожая взглядом уходящие в пустыню машины. Две точки, медленно уменьшающиеся на фоне бурой, оранжевой пустоты, и чувство тревоги, которое росло с каждым метром, выбираясь из глубины души, как что-то живое, что долго спало и теперь просыпалось, голодное и нетерпеливое.

Иса стояла чуть позади, у своего пульта, и молча следила за метками на экране. Она не смотрела в окно, она смотрела на данные. И данные молчали. Чистые, ровные, безупречные и от этого хотелось кричать.

Сначала двигались по пустыне, по свежим следам: здесь неделю назад возвращался «Шторм Х» с восьмой метеостанции. На развилке, колонна приняла левее, на «восточное направление», что значило юго-восток. За хребтом путь шёл по старой, едва заметной колее, её пробили ещё первые экспедиции, когда верили, что Аджи можно приручить. Теперь она выглядела как шрам на теле планеты: узкая, изломанная, петляющая между валунами и сухими руслами.

Справа вздымался тянулась гряда острых, будто сломанных скал, их вершины царапали небо, словно хотели его порвать. Они двигались параллельно хребту, по направлению к перевалу.

Ветер тут же нашёл щели в уплотнителях. Он не был единым потоком, он дробился, перекатывался, свистел в стыках брони, стучал пылью по стёклам, будто пытался проникнуть внутрь. Тони поморщился, поправил наушники: в эфире шуршали помехи, и даже служебные частоты будто тонули в этом сухом, зернистом шуме. Воздух пах не песком и не пылью, чем-то более пустым, выжженным, будто ветер пролетел над местом, где ничего не росло, не жило, не дышало, и принёс этот запах пустоты сюда, в кабину, прямо им в лица.

— «Ноль тринадцатая» тихо гудит, — пробормотал Тони, не отрывая взгляда от приборов. — Вытягивает из помех смысл. Считает каждый всплеск, каждую аномалию. Складывает их в картину, которую мы не можем увидеть.

Джеди кивнула, не отрывая взгляда от дороги.

— Пусть считает, — сказала она. — Главное, чтобы она не начала с нами разговаривать.

*****

И тут, на крутом повороте, за которым был перевал через хребет, Джеди снова увидела его. Не глазами, но память оживила образ его, поднесла его так близко, что грань между прошлым и настоящим стала прозрачной. Его лицо, улыбка, голос: «Будь осторожна». Она слышала это так ясно, будто он сидел на соседнем сиденье, чуть подавшись вперёд, как делал всегда, когда она вела слишком быстро.

От этой ясности стало не страшно, больно. Но не острой болью, а той, что просто живёт внутри уже третий год, каждый день напоминая, что мир стал заметно тише и холоднее. Джеди не стискивала руль, чтобы прогнать видение, наоборот, хотела удержать этот миг подольше, поймать ещё одно слово, ещё один взгляд. Но потом выдохнула, коротко и жёстко, как сбрасывают лишнюю воду из лодки. Сейчас нельзя было цепляться за прошлое. Сейчас нужно было цепляться за дорогу. Перевал был не сложный, но любая дорога не прощает ошибок.

Голова чуть наклонилась вправо, едва заметно, на долю градуса. Тони, сидевший рядом, заметил. Он знал этот жест: если голова наклонена, значит, она решает, анализирует, считает углы.

Джеди снова сфокусировалась на дороге. Видение не исчезло, оно растворилось в её внимательности, в каждом миллиметре движения, в том, как она чувствовала машину и пустыню.

— Держи курс, — тихо сказала она, скорее себе, чем Тони. — Ещё пятьсот метров. Потом добавим скорость.

Тони кивнул, не отрывая взгляда от сенсоров. Он знал: когда Джеди говорит вот так, ровно и коротко, лучше всего просто быть рядом и делать свою работу. А она знала: пока она ведёт, пока считает углы и скорости, пока чувствует, как под колёсами дышит пустыня, он где-то рядом. Не призрак, не наваждение. Просто часть её самой. Та самая часть, которая не даёт ей ошибаться.

Колея повела их вверх, в узкий проход между двумя хребтами. Здесь тени лежали плотными, холодными полосами, и даже солнце, пробиваясь сквозь узкие щели, не грело, а лишь подчёркивало резкость линий: острые углы камней, изломы сухих ветвей, трещины в земле, похожие на морщины. В этих тенях всё казалось чуть менее реальным, будто мир на секунду сбросил чёткость, как старый экран.

В кузове «Шторма» Ксенон поднял голову от анализатора и посмотрел в окно. Скалы справа: бурый песчаник, изломанный, с прожилками чего-то тёмного, почти чёрного. Он прищурился, пытаясь разглядеть, что это — минерал, трещина или что-то, для чего у него пока нет названия. Палец привычно скользнул в карман, коснулся маленького образца породы, гладкого, тёплого от тела, и вернулся обратно. Это не помогло. Сегодня камни выглядели не как камни, а как слова, которые он не мог прочитать.

Рен, не поднимая головы, негромко сказал:

— Контур «Шторма» звучит не так. Не плохо, просто не так. Будто ему тяжелее, чем обычно.

Ксенон на секунду замер, прислушиваясь не к приборам, а к самому ритму машины — к тому, как она дышит, как вибрирует, как отзывается на каждый стык и поворот.

— Тяжелее, — повторил он, будто пробуя слово на вкус. — Как будто пустыня тянет нас обратно, с этого подъема.

Рен хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки, только признание того, что они оба слышат одно и то же.

— Сама колея стала тяжелее, сейчас поднимемся, спустимся и дальше должна быть снова пустыня, там поцдем бодро, — спокойно сказал он. — Старые маршруты на Аджи не прощают спешки.

Ксенон кивнул и смотрел в окошко.

А впереди, в узкой горловине между хребтами, пустыня будто затаила дыхание. И колонна, медленно ползущая по старой колее, казалась не исследователями, а чем-то вроде шрама на её теле, заметным, и чуждым.

*****

Сейчас машины вырвались из объятий хребта и неслись по твёрдой полевой дороге, быстрым темпом, оставляя большой шлейф пыли, который тут же подхватывал игриво ветер и уносил куда то в сторону. Через некоторое время, скорость пришлось сбавить. Впереди показались снова горы.

Тони вдруг поднял руку, указывая на экран. На границе видимости, метрах в трёхстах впереди, на дороге огромный валун, он лежал так, будто его кто-то специально поставил поперёк пути. Джеди начала плавный разворот, выводя машину на объезд по крутому, осыпающемуся склону. Колёса цеплялись за камень, скрежетали, и каждый сантиметр давался с усилием.

В кабине запахло раскалённым металлом и сухой глиной, запах, который на Аджи означал одно: ты на пределе.

Когда они наконец выровнялись, впереди открылся длинный, прямой участок. И тут ветер резко усилился, ударил по машинам сбоку, и пыль встала стеной, плотной, непрозрачной. Экраны камер покрылись помехами. «Аджи-Шторм-Х» переключился на другие спектры, и на экранах появились бледные контуры: валуны, ямы, края обрыва, проступающие сквозь пыль, как тени на негативе.

— Держу ориентир, — коротко сказала Лора по внутренней связи, и голос её прозвучал спокойно, почти буднично. Её пальцы лежали на руле, твёрдо, та самая хватка, которая говорила: машина не ломается у того, кто её слышит. И сейчас она слушала «Шторм» каждым нервом, каждой клеткой кожи, чувствуя, как контур откликается на каждый камень, на каждый уклон, на каждый порыв ветра.

Они шли так ещё долго, час или больше, время здесь теряло смысл. Иногда колея пропадала совсем, и приходилось ползти по камням, выбирая путь по сантиметрам, слушая, как металл стонет под нагрузкой. Иногда попадались следы старых экспедиций: ржавые обломки, полузасыпанные песком, с табличками, которые уже нельзя было прочитать. Временами машины снова неслись на бешеной скорости, нарушая гулом местную тишину, вперёд по пустынным равнинам, поднимая тучу пыли, которую уносил куда-то в сторону равнодушный ветер.

*****

Когда колонна «Эхо-1» уходила со станции, Тео Салем уже стоял у «Стрижа-М». Он не провожал их жестом и не кричал вслед, на Аджи не любят лишних слов. Он просто подошёл к своей машине, привычно коснулся ладонью корпуса и это был жест: «Я здесь. Мы готовы». Машина будто ответила ему, ответила тихим гулом систем, которые донеслись из нутри, перебивая ветер, будто здоровалась в ответ.

«Стриж-М» стоял на бетонной стартовой площадке перед «Аджи-1», низкий и широкий, будто прижался к земле, чтобы ветер не смог его сдвинуть. Его тёмно-зелёный корпус цвета хвои, с матовым подтоном почти сливался с пыльной тенью ангаров, а голубо-серый низ поблёскивал на солнце, как металл, который много раз падал и снова поднимался. Двойные кили смотрели в небо, будто два насторожённых уха, ловящие каждый звук. Широкая грузовая рампа была поднята и зафиксирована, по бокам, откидные ступени, готовые в любой момент опуститься до самой земли. На узлах подвески висели ракетные блоки, на крыльях контейнеры с пулемётами, а под фюзеляжем две автоматические пушки, спокойные, но готовые заговорить в любой момент.

Тео поднялся по откидному трапу, сел в кабину, и машина будто вздохнула, принимая его. Кабина была двухместной, тандемной: слева пилот, справа штурман, но сейчас там было пусто. Бронированное остекление с антибликовым покрытием давало ровное освещение, чтобы глаза не уставали, а приборы мягко светились, будто знали, что пилот не любит резких вспышек. Усиленная нижняя броня и стойки шасси с амортизаторами обещали, что даже если придётся садиться туда, где садиться нельзя, «Стриж» выдержит.

И всё это время, где-то далеко позади, на базе, пилот Тео Салем сидел в кабине «Стрижа-М». Он не включал двигатели, только слушал эфир, ловя каждый шорох, каждый сбой. Рядом лежали готовые маршруты, расчёты времени подлёта, варианты заходов, аккуратные, проверенные, как всегда. Он знал: если связь оборвётся, у него будут секунды, чтобы поднять корабль и рвануть вперёд. Там были не только его товарищи. Там была Лора. Его невеста. Девушка, которая носила его кольцо и обещала вернуться.

Его медно-русые волосы чуть шевелились от слабого потока воздуха из вентиляции, даже здесь, в закрытом пространстве, они выглядели так, будто он только что снял шлем. Узкое лицо с резкими чертами казалось высеченным из светлого камня: высокие скулы, точёная челюсть,

чуть выступающий подбородок твёрдый, но не тяжёлый. Серо-зелёные глаза с тёмным ободком вокруг радужки сейчас не смотрели в пространство, они были прикованы к экранам, к бегущим строкам данных, к каждому изменению частоты. Верхние веки чуть тяжелели, придавая лицу задумчивое, почти меланхоличное выражение, но стоило сигналу дрогнуть — и взгляд становился острым, быстрым, будто глаза наконец находили то, для чего созданы.

Он не думал о героизме. Он думал о том, как зайдёт на посадку, если придётся садиться на барханы, как распределит вес, чтобы рампа легла ровно, как откроет люки ровно в ту секунду, когда это будет нужно. В этом была его верность: не в громких словах, а в расчётах, в готовности, в том, что он сидит здесь, слушает эфир и ждёт.

— Если там что-то случится, — тихо сказал он, не в микрофон, а просто в тишину кабины, — просто держись. Я поднимусь за тобой. Обещаю.

Машина снова тихо загудела, будто подтвердила: да, мы поднимемся. Мы успеем. Мы заберём всех.

*****

Семь часов. Именно столько они тащились по изломанной, будто переломанной земле, по этим шрамам планеты, где, временами, каждый метр приходилось брать штурмом. В кабинах давно пахло перегретым металлом, пылью и терпким запахом кофе из термосов, он уже не бодрил, а просто напоминал, что люди всё ещё здесь, что они дышат, двигаются, держатся.

И вот, когда приборы показали, что квадрат DHX2 почти на пороге, пейзаж резко изменился. Вместо привычных голых скал и песчаных гребней впереди встал лес. Не тот, что шепчет листвой и манит тенью, а мёртвый, застывший в вечном поклоне ветру, которого сейчас не было.

Деревья стояли, как обугленные кости: тёмно-серые, чёрные, узловатые, скрюченные. Их корни плелись по земле, извиваясь, сплетаясь, разветвляясь, как мёртвые руки, тянущиеся из-под земли, хватающие, цепляющиеся за камень и друг за друга. Ветви были скрючены, похожи на когти, на пальцы, застывшие в последнем, отчаянном жесте, будто деревья умирали, тянули руки к небу и просили пощады, но никто не ответил. Их кора была покрыта слоем пыли, такой плотной, что казалась второй кожей — серой, мёртвой, будто сама планета надела траур.

А потом наступила тишина.

Не та тишина, когда просто нет звуков, а та, что давит на уши, заставляет их звенеть от напряжения. Это была тишина ожидания. Пустыня не уснула, она слушала. Оценивала. Принюхивалась к чужакам, как хищник к добыче. И в этой тишине даже двигатели машин звучали как виноватый шёпот, будто извинялись за то, что нарушают покой.

— Слышишь? — тихо спросил Тони. Его пальцы крепче сжали приклад винтовки, а большим он машинально провёл по брови, стирал ту невидимую пелену, которая мешала видеть суть. — Ветер очень слабый, будто кончился. Тишина.

Джеди не ответила сразу. Она смотрела вперёд, не на деревья, а на то, как свет ложится на их стволы, слишком ровно, слишком безжизненно. Голова чуть наклонилась вправо, тот самый незаметный жест, который Тони знал наизусть: она не просто смотрела, она решала.

— Это не покой, — наконец сказала Джеди, и в уголках её глаз залегла жёсткая складка, будто она уже видела, как эта тишина рвётся. — Это пауза перед ударом.

В «Аджи-Шторм-Х» Лора смотрела в окно на этот мёртвый лес, и её пробрал холод, не от воздуха, а от чего-то более глубокого, будто сама тишина проникала под кожу. Ей казалось, что деревья видят её насквозь, что их мёртвые руки-ветви тянутся не к небу, а к ней, к машине, к людям внутри.

Рен и Ксенон разглядывали деревья, которые стояли теперь ровными рядами, будто их кто-то выстроил, как солдат. Это захватывало дух, но и еще больше пугало. Геометрия соблюдена. Кем? Планетой? Кто на ней пребывал?

— Держим строй, — сказала Джеди в общий канал, и её голос прозвучал ровно, без лишних интонаций, но именно эта ровность заставила всех выпрямиться. — Тони, сканируй периметр. Ксенон, мне нужен состав этой пыли, прямо сейчас. Лора, готовься к манёвру, если эта тишина лопнет, нам понадобится скорость.

Машины продолжили движение среди этого мёртвого леса, будто сами почувствовали, что они пересекли эту черту, и вошли в чужой мир, где правила другие. И пустыня смотрела на них не глазами, а тенями, которые лежали между стволами, слишком чёрными, слишком глубокими, будто в них пряталось что-то, что ждало своего часа.

*****

По внутренней связи раздался голос Ксенона, спокойный, но чуть хрипловатый, будто он нарочно старался звучать обыденно, чтобы не выдать, как сильно его тревожит то, что он видит.

— Вижу аномалию в структуре грунта. Почва здесь не такая, как в остальных секторах. Слишком плотная, будто спекшаяся. Как будто тут когда-то был сильный нагрев… или что-то его вызвало.

— Что значит «вызвало»? — уточнил Рен, пальцы летали по кнопкам, щёлкали переключателями, дёргали тумблеры, он не столько искал ответ, сколько пытался вернуть машине привычную, живую вибрацию. Его левая рука машинально сжала и разжала кулак, медленно, ритмично, будто накачивал что-то внутри себя. — Ты про вулканизм? Тут нет вулканов.

Ксенон пожал плечами, хотя никто его не видел. Он и сам не любил неопределённость, но сейчас данные говорили именно это: «не знаю». Он снова посмотрел на экран, потом в окно, на корни, которые сплетались, как вены, повторяя рисунок трещин в скалах.

— Не знаю, — повторил он чуть тише. — Но структура слоёв неестественная. Как будто кто-то взял и переплавил верхний слой, а потом оставил остывать. Или это сделала сама планета.

Тони фыркнул, но без насмешки, только нервное напряжение, которое искало выход в коротком звуке. Он не смотрел на приборы, он смотрел в окно, на мёртвые деревья, на тени между ними, слишком чёрные, слишком неподвижные.

— Мне плевать, кто её плавил, — сказал Тони. — Мне не нравится, что тут так тихо. Будто мы в ловушке, и кто-то сейчас щёлкнет затвором.

Джеди слушала этот разговор, не перебивая. Она не любила, когда спорили в эфире, но сейчас ей нужно было услышать все голоса, чтобы понять, кто держится, а кто уже на грани.

На мгновение в эфире повисла пауза, не тишина ожидания, а тишина послушания. Каждый знал свою задачу, и каждый был рад, что есть задача, за которую можно держаться.

И тут один из датчиков на панели Джеди тихо пискнул, коротко, почти виновато. Она посмотрела на экран: уровень помех в эфире начал расти. Не резко, не панически, но уверенно, будто кто-то снаружи медленно поворачивал ручку громкости, заглушая их голоса.

Джеди нахмурилась.

— «Ноль тридцатая», прием, у меня помехи. Лёгкие, но нарастают. Проверь спектр.

Тони уже смотрел на экран. Его брови чуть сошлись у переносицы, взгляд стал острым, сканирующим. Он не шевелился, только пальцы бегали по кнопкам.

— Вижу всплески. Не случайные. Слишком ровные. Как будто… кто-то сканирует нас.

*****

Мёртвый лес кончился так же резко, как начался, деревья расступились, будто посторонились, и колонна вырвалась в узкий каменный коридор. Впереди ущелье.

Стены поднимались слева и справа, почти вертикальные, тёмно-бурые, исцарапанные трещинами, в которых чернели провалы, будто глаза, которые следили.

Ущелье было не сильно широким, но машины, друг за другом ехали спокойно. Сверху, из-за гребней, не проникало ни луча только мутный, серо-лиловый полумрак, в котором скалы казались не камнем, а застывшей тьмой, которой придали форму.

Колонна шла не быстро. Джеди вела «Песчаный страж» первой, её руки лежали на руле мягко, но твёрдо, каждое движение выверено.

— Держим темп, — сказала она в общий канал, и голос её прозвучал глухо, будто стены ущелья впитывали звук, не давая ему уйти дальше, чем на несколько метров. — Не останавливаемся.

Тони сидел рядом, прижимая винтовку к груди. Он не смотрел вперёд, он смотрел вверх, на стены, на грёбни, на тени, которые лежали в расщелинах. В этом ущелье тени были не просто тёмными, они были плотными, будто их можно было потрогать, будто они имели вес.

— Не нравится мне это, — тихо сказал Тони, и в этом не было ни иронии, только констатация. — Будто мы в горле. И горло вот-вот сомкнется.

«Аджи-Шторм-Х» шёл следом, и Лора, сидевшая за рулём, чувствовала, как машина напрягается в этом узком пространстве.

Ущелье тянулось. Время здесь, в этом каменном горле, текло иначе, не бежало вперёд, а будто замедлилось, каждый метр пути стоил не секунда, а минуты минуты, как стоит глоток воздуха, которого становилось всё меньше. Дышать было тяжелее от давящей высоты, от коридора, который становился уже.

И тогда ущелье кончилось. Стены разошлись в стороны и колонна вырвалась на открытое пространство, и картина заставила всех замереть.

Они были на плато. Горы встали вокруг кольцом: высокие, угрюмые, с вершинами, теряющимися в сплошном темно-синем небе. После тесноты ущелья это открытое пространство должно было принести облегчение, но вместо него пришло что-то, смутное предчувствие.

Склоны были чёрными, изломанными, покрытыми трещинами, которые сверху казались тонкими, как царапины на коже, но вблизи глубокими, как раны, в которые не проникал ни один луч. Порода на склонах была неестественно тёмная: не песчаник, не гранит, а что-то, чему Ксенон пока не мог дать имени: матовое, почти чёрное, будто камень впитал всю пыль, весь пепел, всю тьму, которую планета когда-либо рождала.

Небо над плато было сплошным, ни просвета, ни полоски чистого воздуха. Свинцово-синие тучи лежали так низко, что казалось, их можно потрогать, если встать на цыпочки. Они не двигались, не таяли, не плыли, они висели, как отлитые из металла, и от их тяжести воздух становился гуще, тяжелее, будто атмосфера решила спрессоваться, прижать всё живое к земле. Сквозь эту толщу изредка пробивался свет, не тёплый, не золотой, а мутный, серо-лиловый, будто солнце светило сквозь толчёную воду. Он не освещал он лишь подчёркивал, как темно вокруг.

Плато было почти ровным. утрамбованная, спёкшаяся земля, серая, как бетон, местами покрытая тонким слоем того же пепла, что и стволы мёртвого леса позади. Редкие деревья, те самые, живые, упрямые, стояли по краям площадки, но и они выглядели иначе, чем в лесу: ниже, суше, будто даже они здесь боялись расти в полную силу. Их ветви тянулись не вверх, а в стороны, будто кланялись чему-то, что давило сверху, тучам, горам, самой тяжести этого места.

Каменистая поверхность была покрыта трещинами, тонкими, прямыми, расходящимися от центра, будто что-то однажды ударило в самый центр и волна разошлась во все стороны, застыв, не успев затухнуть. Ксенон, выйдя из машины, опустился на корточки и провёл пальцами по одной из трещин, край был не просто острым, а оплавленным, будто порода плавилась и застыла в одно мгновение. Он достал из кармана маленький образец и приложил к трещине, будто сверял, будто спрашивал: «Ты тоже чувствуешь это?» Камень в кармане молчал. Но палец, коснувшись оплавленного края, дёрнулся, не от температуры, а от ощущения, будто трещина «дышала».

— Здесь что-то было, — тихо сказал Ксенон, сам себе .— Не вулкан. Не метеорит. Что-то… целенаправленное.

Кругом тишина. Ни ветра, ни крика птицы, ни шороха песка. Только тяжёлое, вязкое безмолвие, в котором каждый вдох звучал слишком громко, каждый шаг как удар, каждый поворот головы, как движение в чужом поле зрения. Воздух был не просто неподвижен, он был давящим, будто его вес увеличился, будто сама атмосфера стала частью ловушки, прижимая людей к земле, к камню, к этому плато, с которого нет выхода.

Впереди, в нескольких километрах, виднелся второй проход — ущелье-выход, зеркальное отражение того, через который они вошли. Но сейчас он казался ещё более далёким, чем был на самом деле, тёмный зев в стене гор, будто приоткрытый рот, который молчал. Слишком далеко. Слишком узко. Слишком темно, чтобы знать, что там, за ним.

— Закрепляемся здесь, — коротко бросила Джеди, выходя из кабины с винтовкой в руках. Ботинки глухо стукнули по камню и этот звук прозвучал как выстрел, метнулся между скалами, вернулся эхом и умер. Она замерла на секунду, прислушиваясь к этому затухающему эху, и в её глазах, обычно холодных и цепких, мелькнуло то, чего она не показывала: понимание, что они на дне чаши, и стены этой чаши смотрят на них.

— «Шторм», на центр. Тянем кабели. Рен, проверь заземление. Тони, держи периметр. Ксенон, бери пробы у края кольца.

Тони вышел, не говоря ни слова. Штурмовая винтовка на изготове, взгляд поверх прицела, гулял по верхним краям скал. Он не смотрел на деревья, не смотрел на небо, он смотрел на тени. Тени между камнями, между стволами, в трещинах на грунте. Они были слишком чёрными для этого мутного, серо-синего света, слишком плотными, будто не отбрасывались предметами, а лежали сами по себе, как лужи тьмы, которые не отражали, а поглощали.

Модуль S-7 извлекли из грузового отсека «Аджи-Шторм-X» вдвоём, Рен и Ксенон, упираясь плечами в стальные стенки контейнера. Контейнер щёлкнул замками, откинулся с тяжёлым вздохом гидравлики, и модуль встал перед ними: полутораметровый, собранный из матовых стальных панелей, будто отлитых из серого льда. На фоне чёрных гор, свинцового неба, мёртвых деревьев он выглядел почти чужеродно, слишком технологичным предметом, слишком человеческим для этого места, где само понятие «человек» казалось случайностью.

— Тяжёлый, зараза, — выдохнул Рен, устанавливая модуль на ровный участок каменистой земли.

Ксенон хмыкнул — коротко, без улыбки.

— Это не вес, это ответственность. Давай ставить.

Они установили модуль в центре площадки, на том самом месте, откуда расходились трещины, будто в центре паутины. Рен щёлкнул тумблером. Механизм отозвался тихим гулом, и этот звук в мёртвой тишине плато прозвучал почти агрессивно, будто они осмелились заговорить там, где принято молчать.

Купол на вершине дрогнул, будто вдохнул, и на самой его точке загорелся ядовито-зелёный свет, не ровный, а пульсирующий, как биение чужого сердца. Он не слепил, но взгляд к нему прилипал, и от этого становилось не по себе: казалось, что этот свет не просто горит, а смотрит. Зелёный луч поднялся вверх, прямой, ровный, как маяк, и ушёл в свинцовую толщу туч, где то там пропав, не рассеявшись по туче, а исчезнув в ней, будто туча впитала его, как всё остальное на этом плато.

— Активация пошла, — тихо сказал Рен. Он стоял, вытирая руки о штаны, и смотрел на зелёный луч, который уходил в небо. Его левая рука снова сжалась в кулак и разжалась — медленно, ритмично. — Система тянет данные.

Модуль продолжал гудеть, тихо, почти неслышно, но этот звук чувствовался кожей, как едва уловимая вибрация, идущая не от механизма, а от самой земли. Будто плато откликнулось на этот чужой, технологический стук, будто что-то под спёкшейся корой услышало, что пришёл кто-то новый.

Лора стояла у «Аджи-Шторм-Х», скрестив руки на груди, и смотрела на горы. Их чёрные склоны со всех сторон, низкое свинцовое небо, мёртвые деревья с ветвями, которые тянулись в стороны, будто кланялись, всё вместе создавало ощущение, что они стоят на дне колодца, и стены этого колодца медленно, неслышно, сжимаются. Она машинально коснулась кулона на шее, и её взгляд скользнул по кольцу на пальце, камень по прежнему был тусклым, мёртвым, будто даже свет модуля S-7, который горел ярко, не мог добраться до него.

«Тео», — подумала она. — «Если ты меня слышишь — я в порядке. Я вернусь. Обязательно вернусь.»

Но даже её собственные мысли звучали неубедительно в этой тяжёлой, давящей тишине.

Джеди стояла чуть поодаль, винтовка наготове, взгляд скользил по теням между скал. Она не смотрела на модуль, не смотрела на зелёный луч, она смотрела на горы, на ущелье, на выход, который казался всё более далёким с каждой секундой. Ветра не было, но она чувствовала, как что-то движется, не воздух, не пыль, а что-то другое, невидимое, что текло между скал, как ток в проводах, которого не видно, но который непременно убьет, если прикоснуться.

— Пусть считает, — сказала она, глянув на модуль и голос её прозвучал ровно, но чуть тише, чем обычно, будто даже она не решалась говорить громко на этом плато. — Главное, чтобы не разбудил то, что лучше не трогать.

Зелёный луч модуля S-7 горел ровно, пульсируя, как чужой пульс, и уходил в свинцовое небо. Тучи не двигались, было тихо.

*****

Тем временем на Амине, в ЦНИЦА, Карина и Элиза сидели перед мониторами. Картинка с камер «Эхо-1» была четкой, без помех, даже слишком ровно, будто не это была не прямая трансляция, а запись в высоком качестве. Машины стояли в горном кольце, модуль пульсировал зелёным светом, ритмично, как чужой пульс, которого здесь не должно было быть.

Карина не могла отделаться от чувства, что они смотрят не на изображение, а на ловушку, которая уже захлопнулась, и теперь остаётся только ждать, когда жертва поймёт, что бежать некуда.

— Ты чувствуешь это? — спросила Карина, и собственный голос показался ей чужим: слишком тихим, слишком ломким, будто он не мог пробить эту ровную картинку.

Элиза медленно кивнула, не отрывая взгляда от экрана. Её пальцы лежали на клавиатуре, но не двигались, будто любое нажатие могло все испортить.

— Да. Будто кто-то стоит у них за спиной,— Элиза указала на экран.

Карина сглотнула. В горле было сухо, будто воздух в кабинете тоже стал тяжелее, гуще, чем должен быть.

На экране зелёный свет модуля пульсировал, ровно, настойчиво, будто отсчитывал последние секунды до чего-то неизбежного.

***

На «Аджи-2» Сати и Орша стояли плечом к плечу у экранов. Внизу, на поверхности, две крошечные точки в квадрате DHX2. Так же видели картинку с камер.

Тишина в кабинете так же сгущалась, незаметно, пока не стала почти осязаемой. Она обволакивала экраны, приглушала свет индикаторов, делала голоса тише, чем они были. Даже вентиляторы гудели как-то иначе, не ровно, а будто с усилием, будто им тоже было тяжело здесь дышать. И в этой тишине две женщины чувствовали, как планета внизу медленно, ехидно и беззвучно улыбается. Всем своим рельефом, всеми этими горами, ущельями, мёртвыми деревьями, трещинами, которые расходились от центра. Планета будто улыбалась тому, что люди пришли на это плато, и останутся здесь.

*****

В командном центре «Аджи-1» Торн слышал переговоры группы: сухие, чёткие, профессиональные. Джеди отдавала приказы, Рен подтверждал, Тони докладывал о периметре. Всё

по протоколу. Но в этих словах будто не было жизни, только оболочка, за которой пряталась настоящая паника. Он был напряжен и ничего не мог с собой сделать. Он здесь, его люди там.

Кайл стоял рядом с Исой, и его глаза были прикованы к карте, но мысли были далеко, там, в пустыне, которая возможно ждала и его самого. Карта была ровной, спокойной, без красных меток, без тревожных сигналов. Но напряжение пришло и не собиралось уходить.

«Она не забыла, — думал он. — Она помнит. И сегодня заберёт».

Он не знал, кого именно «она» заберёт, Джеди, Тони, Лору, кого-то из них или всех сразу. Но он знал, что пустыня не прощает визитов. Она принимает гостей в свои просторы и места лишь с одной целью — оставить себе.

Торн тихо сказал Исе, не поворачиваясь:

— Держи связь. Если хоть один канал дрогнет, сразу говоришь мне.

Иса кивнула, не отрываясь от карты.

— Я держу.

Но все знали: держать можно только то, что ещё не ушло. А пустыня уже тянула свои тени к машинам, к модулю, к людям, медленно, уверенно, без спешки. Как хищник, который знает, что добыча уже в ловушке.

*****

Воздух в квадрате DHX-2 стал более густым, как остывший сироп. Он не шевелился, не дышал, он лежал на плечах группы «Эхо-1», тяжёлый и липкий, прижимая к земле, к камню, к этому плато, которое было дном, а а тучи — крышкой.

Тони замер. Его прицел упёрся в дальнее дерево, то самое, что стояло на краю площадки, у подножия, с ветвями, распростёртыми в стороны, будто в вечном поклоне. В оптике тень от ствола выглядела странно: она не лежала, как положено, ровной, чёткой, подчинявшийся свету, а будто стекала вниз, медленно, почти незаметно, как густая смола. Тони моргнул. Тень не вернулась на место. Она сдвинулась ещё на сантиметр.

— Группа, это Тони. Смотрите на тень дерева. Она… движется. Плавно, как будто ползёт вперёд, к ущелью, — голос Тони дрогнул, от того, что разум отказывался это принимать. Тени не двигаются. Тени — это отсутствие света. У них нет воли, нет направления, нет причины ползти. И всё же он видел это: чёрная полоса, которая медленно, тягуче, будто живая, сползала по камню к ущелью, будто дерево не отбрасывало тень, а роняло её, и она текла, как кровь из раны.

На экранах всех станций изображение увеличилось. Все видели: тень действительно сдвигалась, будто живая. Не быстро, медленно, с терпением существа, которое знает, что у него есть вечность, и спешить некуда.

В ЦНИЦА Карина вцепилась пальцами в край стола. Пальцы побелели, но она не чувствовала этого.

— Это невозможно, — прошептала она, и собственный голос прозвучал тонко, хрупко, будто мог сломаться от одного неверного слова. — Тени не двигаются.

Элиза не ответила. Она смотрела на эту чёрную полосу, ползущую по камню, и чувствовала, как муражки бегут по ее спине

— Держи зум, — скомандовала Элиза, обратившись к Тони, и голос её, обычно ровный, прозвучал хрипло. — Увеличь ещё.

На экране тень стала чётче. Она ползла медленно, ровно, будто кто-то тянул её за невидимую нить. И Карина вдруг заметила: тень ползла не к ущелью. Она ползла к машинам.

На «Аджи-1» Торн сжал кулаки. Он сейчас чувствовал только эту ровную, давящую тишину в эфире, которая была хуже любого шума.

— Джеди, доложите. Что ещё видите?

— Кроме этой аномалии, тишина, — голос Джеди звучал ровно, но с напряжением натянутой струны, которая вот-вот лопнет. — Но я не верю этой тишине. Она давит. Как будто

ждёт. Еще, такое ощущение, что эти горы, она будто смотрят на меня, не глазами, не знаю как обьяснить.

Кайл тихо пробормотал:

— Ждёт чего? Как это смотрят?

Торн не ответил. Он знал: тишина на Аджи всегда ждёт только одного, чтобы кто-то сделал первый шаг. И они уже его сделали. Они поставили модуль. Они заговорили. И теперь тишина знала, что они здесь.

***

Рен смотрел на экраны, на ровные, идеальные графики, которые бежали по дисплею без единого скачка, без единой помехи.

— Всё в норме, — доложил он, и его голос прозвучал ровно, привычно, но левая рука уже сжималась в кулак, — никаких возмущений в структуре грунта, в магнитном поле, в атмосфере.

Но никто не поверил этим словам. Норма на Аджи была синонимом опасности. Когда всё идеально — значит, кто-то очень старательно делает вид, что всё идеально.

Ксенон, опустившись на колено у края скалы, брал пробы грунта. Его длинные пальцы привычно скребли по спёкшейся поверхности, собирая образцы в контейнеры. И вдруг замер. Его рука, которая только что уверенно держала скребок, застыла, не от страха, а от несоответствия. Пальцы чувствовали тепло. Не солнечное, не поверхностное, а идущее изнутри, как будто камень дышал.

— Странно, — сказал он, не поднимая головы. Его голос звучал ровно, но в нём появилась та нотка, которая бывает у учёных, когда данные не совпадают с реальностью: не страх, а острое любопытство. — Грунт… он тёплый. Не просто нагретый солнцем. А будто изнутри. Как будто под ним что-то есть.

— Тёплый? — переспросил Рен, пальцы замерли над тумблерами. — Насколько?

— На пять градусов выше окружающей температуры. И это не локальный нагрев. Он идёт из глубины.

Ксенон поднял ладонь и прижал её к камню, всей поверхностью, будто пытался нащупать пульс. Камень был тёплым. Не горячим, тёплым, как кожа, как тело, как что-то живое. И в этом тепле был ритм, еле уловимый, почти воображаемый.

В этот момент сенсоры «Аджи-Шторм-Х» тихо пискнули, короткий, резкий звук, который прозвучал в этой тишине резко и громко, как крик. Рен вздрогнул от неожиданности.

— Есть аномалия, — сказал он, и в его голосе был страх, — в магнитном поле. Слабый всплеск… но он идёт из-под земли. Прямо под нами.

Джеди медленно пепевела взгляд на землю, потом на горы. Они по-прежнему смотрели на неё: холодные, неподвижные, будто ждали. Их чёрные склоны, исцарапанные трещинами, стояли так же, ничего не изменилось. Но сейчас Джеди казалось, что они стали чуть ближе. Не физически, иначе. Будто воздух между ними и площадкой сжался, и горы приблизились на полшага, потом ещё на полшага, медленно, незаметно, как тень, которая ползла по камню.

Лора стояла у «Шторма» и смотрела на модуль S-7, на его зелёный, пульсирующий луч, который уходил в свинцовое небо. И вдруг вздрогнула. Ей показалось, что кто-то коснулся её плеча, лёгкое, едва уловимое прикосновение, которого не могло быть. Не рука, не пальцы, а что-то более тонкое, как дуновение, как дыхание, как будто из воздуха, за ее спиной, появилось нечто, стало плотнее и на секунду приобрёло вес, форму, намерение.

Она обернулась. Никого. Только камень, машины, товарищи, но дальше, чёрные склоны гор и тени, те самые тени, которые ползли по земле, медленно, терпеливо, не торопясь.

— Я чувствую… прикосновения, — прошептала она в общий канал, и голос её, обычно спокойный, собранный, прозвучал тонко, будто нить, которую тянули с двух сторон. — Но никого нет.

Ксенон бросил на неё короткий взгляд. Его лицо было сильно удивлённым. — и эти чертовы деревья, они смотрят на меня, эти деревья, они будто стали ближе ко мне, когда я перевожу взгляд и возращаю, они уже ближе!

— Приборы в норме, — сказал Рен, и у самого по телу побежал холод. — Никаких изменений. Горы на месте, деревья тоже.

— Тогда почему мне кажется, — сказала она тихо, и каждое слово давалось с усилием, будто воздух сопротивлялся, не хотел пропускать их, что камни, горы, деревья — все они смотрят на меня?

Тишина повисла в эфире, каждый думал о своем, но боялся озвучить вслух.

Джеди стояла в стороне от центра площадки, и смотрела на свою команду. Тони стоял напротив и смотрел через оптический прицел в дальнее ущелье. Рен и Ксенон ждали окончания сканирования, смотря на модуль и приборы. Лора у «Шторма», очень бледная, смотревшая куда то в пустоту.

И Джеди поняла: что скорее всего сейчас ей придётся выбирать между завершением сканирования или эвакуацией. Сейчас что-то обязательно случится.

Зелёный луч модуля S-7 дрогнул. Один раз, коротко, будто сердце пропустило удар. Потом снова загорелся ровно. Но все почувствовали: что-то изменилось.

*****

И в этот момент из со стороны дальнего ущелья пришел порывистый, резкий ветер и что-то похожее на крик. Не звериный, не человеческий. Дикий, надрывный, будто предсмертный, но искажённый, вывернутый наизнанку, словно кто-то взял адскую, человеческую боль и пропустил её через горло, которому не положено кричать. Он послышался вдалике и звук стал приближаться, но моментально исчез. До людей добрался только сухой ветер, который прошел дальше и крылься в ближнем ущелье. В той же стороне сверкнула фиолетовая молния. Резкая, короткая, от туч к земле.

Люди стояли в оцепенении. Этот крик слышали все.

Тони приготовился стрелять, только была проблема: цель не видать.

Джеди открыла и рот от удивления или ужаса, окинула всех взглядом, потом тоже взяла на прицел винтовки дальнее ущелье.

Рон и Ксенон замерли, один смотрел на модуль, другой на приборы. Всплеск заыиксирован.

Лора немного согнула ноги в коленях, когда дунул ветер, теперь она озиралась по сторонам.

В командном центре «Аджи-1» Кайл вздрогнул, всем телом, резко, будто кто-то толкнул его в спину. Его рука дёрнулась к пульту, опрокинула пустую кружку, которая покатилась по краю и упала на пол с глухим стуком, но он не услышал. Он не слышал ничего, кроме этого крика оборванного, который всё ещё вибрировал в его рёбрах, в зубах, в кончиках пальцев, будто его кости стали резонатором для чего-то, что не должно резонировать.

Кайл побледнел. Его охватило ощущение, что кто-то стоит за его спиной, совсем близко, и дышит ему в затылок холодным, мёртвым дыханием, таким близким, что шею обожгло ледяным сквозняком. Кайл не обернулся. Он был в оцепенении.

Торн стоял рядом, и его руки, сжатые в кулаки на краю пульта, побелели ещё сильнее. Он не вздрогнул, он замер, затаив дыхание. Он считал секунды, не осознанно, видя точки на экране, изображения с камер. Его люди пока еще стояли там на плато, живые. Ткт же рядом видел и реакцию Кайла и Исы, не показалось.

Иса стояла у своего пульта, и её рука, что обычно уверенно лежала на клавиатуре, застыла в воздухе, будто кто-то нажал паузу. Её глаза, тёмно-янтарные, обычно цепкие и собранные, стали другими: расширенными, тёмными, будто в них провалился свет. Она не вскрикнула, не дрогнула, так же затаила дыхание, будто воздух кругом был отравлен.

В ЦНИЦА Карина закрыла рот ладонью. Её глаза были широко раскрыты, и в них был ужас.

Она почувствовала, как по спине пробежала волна мурашек, но не от холода, а от ощущения, что что-то смотрит на неё. Через экран, сквозь экран, сквозь миллионы километров, сквозь стены, сквозь кожу. Оно почуяло её страх и потянулось к ней, как хищник тянется к запаху крови. Она хотела отвести взгляд, но не смогла: глаза были прикованы к экрану, к этим качнувшимся теням, к силуэтам людей, которые стояли посреди каменного кольца.

Элиза смотрела на Карину, и не тоже могла помешевелиться, чувствуя, как будто кусочек льда движеться по ее позвоночнику, сверху вниз, под одеждой, по голому телу.

На «Аджи-2» Сати вцепилась в край консоли. Её пальцы, обычно уверенные, собранные, побелели, будто она пыталась удержать станцию на орбите одной рукой. Она не кричала, не командовала, она стояла и смотрела на экран, на две точки, которые были слишком маленькими, слишком одинокими, слишком далёкими, стали одинокими. На изображение с камер машин и видела лица некоторых участников группы, которые застыли в этот момент. Свет в помещении стал тусклее и холод по спине прокатился, будто мертвец провел своим ледяным пальцем.

Орша не шевельнулась. Только её глаза стали ещё темнее, будто в них провалился свет, будто что-то внутри неё сдвинулось, заняло позицию, приготовилось.

И обе почувствовали одно и то же: что планета внизу не просто крикнула. Она ответила.

*****

— Всем на позиции! — крикнула Джеди, сорванным голосом. — Держим периметр!

Рен кинулся к пульту «Шторма», Лора вынула пистолет из кобуры, и руки ее дрожали. Она не знала, куда направить оружие, цель не видна, хотя опасность осязаемая, но непонятная.

Тони стоял, не двигаясь, и держал на прицеле то место, откуда появился и исчез крик, — это был демон,- вырвалось у него, и в эфире вме услышали эту фразу и легче не стало.

И в этот момент Джеди снова услышала его, голос покойного мужа: «Ты сильная, ты справишься, тебе еще рано, держись, Джеди». Она стиснула зубы, слеза прокатилась по щеке, она держала винтовку еще крепче.

*****

Вторая молния моргнула и раздался гром, внезапно и неожиданно. У всех звенело в ушах. Сквозь него послышался отдаленный голос Орши Кэн по каналу связи: «Назад, эвакуация, всем к машинам, покинуть позицию!».

Её голос низкий, тёплый, с лёгкой хрипотцой прозвучал в эфире.

Сати посмотрела на неё, на секунду, всего на секунду и в этом взгляде мелькнуло всё: сомнение, страх, понимание. А потом она сама нажала кнопку связи:

— «База-1», это «Орбита-2». Приказ от представителя КИРН Кэн. Группа «Эхо-1», немедленная эвакуация. Повторяю: немедленная. Бросают всё. Уходят.

Торн резко повернулся к пульту. Его челюсть сжалась, и он ударил кулаком по кнопке связи, не тратя время на слова.

— Тео! К бою! Эвакуация, срочно!

Через секунду, может две, раздался рёв двигателей на стартовой площадке, «Стриж-М» уже отрывался от площадки, устремившись в сторону хребта.

Карина и Элиза на Амине сжали руки в кулаки.

— Держитесь, — прошептала Элиза, и её голос дрогнул от бессилия. — Мы с вами.

***

Вэйн Моралес в штабе КИРН переглянулся со своим аналитиком и Кэленом Ричем. Их взгляды были полны тревоги. Вэйн смотрел на экран, и ему казалось, что он видит не картинку, а дыру в реальность, в которую вот-вот провалится вся группа.

***

— «Эхо-1», отступаем! — крикнула Джеди, и её голос снова оборвался.

Лора побежала к «Аджи-Шторм-Х» — не оглядываясь. Она прыгнула за руль, и её пальцы легли на рычаги, твёрдо, привычно, и «Шторм Х» отозвался гулом, будто тоже почувствовал: пора.

— Тони, прикрывай! — крикнула Джеди и побежала к «Песчаному стражу»

Рен сидел у модуля и смотрел, как сканирование продолжается, полоска двигалась на отметке девяносто шесть процентов. Ещё четыре процента данных, которые смогли бы объяснить, что тут происходит.

Несколько молний поочередно мелькнули со стороны дальнего ущелья, но значительно ближе теперь. Тони успевал закрывать глаза, потом щурился, он видел, как при попадании молнии в плато, отлетали куски грунта, поднималась пыль. Потом снова грянул гром, снова на время оглушив людей.

— Рен! — голос Ксенона, срывающийся, хриплый, — Бросай, уходим!

— Бросай модуль, бежим! — крикнул Тони, подбегая к ним и хватая Рена за плечо.

Они вместе побежали, вслед за Ксеноном к заведеному «Аджи Шторму».

Тони бежал последним, приставным шагом, прикрывая коллег винтовкой от чего-то неведомого, ужасного. Не понимая сам, отчего. Толи от молний, толи от теней, он уже сам не понимал.

Молнии стали мелькать еще чаще: синие, фиолетовые. Зелёный луч модуля S-7 горел позади, пульсируя, как забытый маяк, как чужое сердце, которое продолжало биться даже после того, как его оставили.

*****

Машины тронулись с пробуксовкой, колёса взвизгнули по спёкшемуся камню. Джеди давила педаль и «Песчаный страж» рванул вперёд, в ущелье, в темноту. Назад, на выход с этого дикого плато.

Она была одна в кабине. Наедине с дорогой, с двумя оранжевыми мигалками на крыше, которые крутились, бросая свои лучи на скалы, камень, трещины в горной породе, тени. Дополнительные прожекторы, помимо фар, били вперёд, ярким, белым, неестественным светом, который не столько освещал дорогу, сколько подчёркивал, как мало этого света, как тесно он сжат каменными стенами.

Следом неслась «Аджи-Шторм-Х», Лора, вцепившись в руль, смотрела на дорогу, видела красные огни ведущей машины и не отставала. В кузове сидели остальные: Ксенон сидел молча, держась за поручень. Рен смотрел в окно, видя мелькающую, темную стену ущелья.

Тони записывал что-то в свой бумажный блокнот, обхватив винтовку.

Вдруг на «Аджи-Шторм-Х» пришёл протокол результатов сканирования модуля S-7: «сканирование завершено на 100 процентов», единственное, что брошенный модуль успел передать. Короткий сигнал, тихий, почти виноватый, будто модуль извинялся за свою медлительность.

— Скан сто. Данные пришли, — Ксенон прильнул к экрану, неверя своим глазам.

— Это Аджи позволила, — бросил Рен, другого объяснения у него не было.

И тут по обществу каналу связи Тео назвал свой позывной:

— «Стриж три», иду к вам. Буду у вас через семь минут. Держитесь, я на пределе.

Его голос в эфире прозвучал как глоток воды: живой, человеческий, тёплый, будто из другого мира. Лора услышала его, и её пальцы на руле чуть ослабли, на секунду, не больше.

Машины неслись дальше, мимо мертвого леса. Деревья оставались на своих местах, мелькая в окнах. Лора переодически поглядывала на них и чувствовала, что они тоже на нее смотрят.

Тео выжимал из «Стрижа» всё, что мог. Машина ревела, дрожала, и его руки на штурвале были неподвижны, каждое движение было выверено, каждое нажатие точно. А впереди он видел многочисленные молнии, которые сверкали по очереди, в разным местах.

Тишину в эфире нарушило сообщение от Сати:

— Это «орбита-2», Сзади от колонны зафиксирован смерч.

Джеди посмотрела в зеркало заднего вида и увидела его.

За ними, со стороны ущелья, поднималась буря. Не просто буря — торнадо. Он двигался как существо: медленно, тяжело, будто знал, что никуда не денутся. В его центре, если у него был центр, что-то вращалось, тёмное, плотное, просто кусок тьмы.

— Вижу, — коротко ответила Джеди, и её голос прозвучал максимально спокойно, как она смогла себя держать, ведь за ней следует ее команда, она не могла допустить паники.

И они мчались, две машины — две точки, на фоне бурой, оранжевой пустоты, два рёва контуров в тишине, которая вовсе не была пустотой, было чье-то присутствие.

В обеих машинах послышался шепот, нечеловеческий, на неизвестном языке, ни мужской, ни женский голос, неразборчивый. Он был рядом с ними, и было неясно: в голове ли он или снаружи.

Джеди вела машину, и шепот обтекал «Песчаный страж», то справа, то слева, то сверху, будто кто-то невидимый бежал рядом и заглядывал в окна, и шептал. Она смотрела вперёд, на дорогу, на свет прожекторов, на оранжевые блики мигалок, которые метались по песку. Но она своей кожей, тем древним чутьём, которое живёт ниже логики, чувствовало, что оно там. Снаружи, рядом. Смотрит на неё через стекло и шепчет ей.

Спустя несколько минут, среди этого шепота, она узнала этот тон, мгновенно, без сомнения, всем телом, каждой клеткой, которая помнила его лучше, чем память. Тот самый, который он использовал, когда она болела и он держал её за руку, и его голос был самым тёплым, самым безопасным звуком в мире. Голос мужа шёл откуда-то изнутри, не из эфира, не из-за окна, не из ущелья, а из самого центра груди, из того места, где живут не воспоминания, а присутствие. Он говорил с ней нежно, тепло, как говорил всегда, когда она боялась: «Джеди, милая, держись. Я с тобой. Я рядом. Просто держись».

И она знала, знала твёрдо, без сомнений, это был голос ее мужа. Джеди вела машину, и слёзы текли по её щекам, а она крепче держала руль.

Она стиснула зубы, нажала педаль до упора, и «Песчаный страж» взревел еще громче, яростнее. Слёзы текли по щекам, но она не вытирала их, они были настоящими. И голос мужа, он тоже был настоящим, и она держалась за него, как держится утопающий за спасательный круг.

«Держись, милая», — шептал муж, и в этом шёпоте была только любовь, спокойная, тёплая, как та рука теплая, нежная, которая три года назад прикасалась еще к ней.

*****

Лора продолжала вести «Аджи-Шторм-Х», её руки на руле дрожали. Кроме шепота, неясного и непонятного, она слышала, как песчинки скребутся в окна, не стучат от ветра, не бьют, а скребутся, медленно, настойчиво. Лора будто видела, как каждая песчинка, словно живая, у каждой есть воля, и цель, и намерение: попасть внутрь. Внутрь к ней и ее товарищам.

Каждая песчинка была злой.

— Этот шепот, он ворвался в машину, эти чертовы песчинки, я вижу, как они скребутся в окно! — кричала Лора по каналу связи, и её голос сорвался.

— Это не песок, — прошептал Ксенон, тоже слышал эти песчинки, за бортом. — Это не песок. Это — она. Она трогает нас.

Рен и Тони смотрели молча на него. Они тоже все слышали и чувствовали.

У Карины и Элизы от слов Лоры, что-то внутри оборвалось.

Неожиданно в кабинете ЦНИЦА скользнул холодный сквозняк из ниоткуда. И свет в помещении стал еще тусклее, не резко, будто кто-то медленно, незаметно, убавлял яркость, по одному проценту за секунду, проверяя, заметят ли.

Карина посмотрела на Элизу, та побледнела, её губы дрожали. Не от холода, от осознания. Они были на Амине, в помещении, за миллионы километров от Аджи, от плато, от ущелья, от того шепота. Здесь не было ни бури, ни деревьев, ни тёплого камня. Здесь были стены, потолок, экраны, клавиатура — нормальные, аминские, человеческие предметы. И тем не менее холод был, его точечные прикосновения. И ощущение, что кто-то стоит за спиной.

— Это невозможно, — прошептала Карина, и её голос прозвучал так, будто она говорила не с Элизой, а с собой, с той частью себя, которая ещё верила, что реальность, это то, что можно потрогать. — Мы на Амине. За миллионы километров. Этого не может быть.

Элиза не ответила. Она медленно, обернулась через плечо, и за её спиной ничего не было.

Карина почувствовала, как по её спине пробежал холод, не мурашки, а холод, настоящий, физический, будто кто-то провёл кончиками пальцев по позвоночнику, от шеи до поясницы. Она дёрнулась, резко, всем телом и обернулась. Никого. Они с Элизой тут же выскочили из кабинета.

На «Аджи-2» в кабинете мониторинга и координации произошло то же самое: свет стал тусклее, только в одночасье, воздух стал тяжелее, и обе — Сати и Орша, почувствовали, как по их спинам пробежал холод, будто кто-то провёл холодным пальцем по позвоночнику.

Сати невольно обхватила себя руками. Оеа была взволнована от того, что её тело, её натренированное, собранное тело, которое умело держать станцию, держать людей, держать себя, сейчас само обнимало себя.

Орша стиснула зубы. Она чувствовала это: холод, тяжесть, присутствие, эту сеть, которая связала в одночасье «Эхо-1», квадрат DXH2 и орбитальную станцию. Она закрыла глаза и попыталась абстрагироваться.

*****

На «Аджи-1» Торн стоял у экрана, и ему вдруг стало казаться, что стены станции дышат, по-настоящему, едва заметно, расширяясь и сжимаясь, будто станция стала живой. Он моргнул и все исчезло. И «дыхание стен» и холод.

Иса стояла рядом, и её руки висели вдоль тела, и её пальцы мелко, непрерывно дрожали. Она не смотрела на экран. Она смотрела на стену на деревянные панели, на фотографии, на те снимки, где люди улыбались и щурились от солнца. И ей казалось, что люди на фотографиях, не улыбаются. Они кричат в ужасе.

Она зажмурилась. Она боялась открыть глаза, но пришлось. Фотографии были на месте, люди улыбались.

— Иса, — голос Торна прозвучал тихо, спокойно, — Ты в порядке?

Она не ответила сразу. Она медленно повернулась к нему, и её лицо, обычно открытое, с крупными, выразительными чертами, с тёмно-янтарными глазами, которые всегда читали паузы между словами, было сейчас другим: бледным, растерянным, будто с него стёрли всё, что делало её собой, и оставили только плоть, лишенную других эмоций, кроме страха, который она не могла спрятать.

— Я не в порядке, — сказала она, и этих слов «я не в порядке», из уст Исы Хамад, которая никогда не признавалась в слабости, которая всегда уверенно говорила: «сделаю к назначенному сроку», прозвучали сейчас страшнее любого крика.

Торн не ответил. Он положил руку ей на плечо, тяжёлую, тёплую, жилистую, которая привыкла держать пульт, держать станцию, держать людей, и сжал. Не сильно, достаточно, что было понятно: «Я здесь»

— Мы здесь, — сказала она. И от этого прикосновения, от этой простой, человеческой теплоты, не имеющей отношения ни к данным, ни к приборам, ни к аномалиям вещи, Иса глубоко вдохнула.

Кайл сидел в кресле, у окна, с закрытыми глазами, и его губы шевелились, беззвучно, быстро, будто он считал, или молился, или пытался вспомнить что-то, что могло бы его спасти. «Она помнит, — думал он. — Она ждёт. И сегодня заберёт». Но он не знал кого. Джеди? Тони? Лору? Всех? И от этого незнания, от этой неопределённости, которая была хуже любого определённого страха, его руки, висящие вдоль тела, сжались в кулаки.

*****

Молнии иногда били рядом с едущими машинами, чаще в стороне. Их вспышки были яркими, синими, и на долю секунды мир вокруг становился чётким, резким, как фотография: каждая скала, каждый камень, каждая тень и Тони, который смотрел в окно, видел это: на долю секунды мир, на долю секунды тьма. И в этой тьме, между вспышками, он видел то, чего не мог понять: что тени не на месте. Что они сдвинулись. Что они ближе, чем были при последней вспышке. Но он не мог быть уверен, потому что следующая вспышка перечёркивала всё, и тьма возвращалась, и он снова не знал: то ли ему показалось, то ли тени и правда ползли.

Джеди прищурилась от вспышек и вела колонну дальше. Она стала чуть спокойней и собранее.

— Ещё немного, — шептала она себе, и её голос был тихим, почти неслышным за рёвом машины. — Ещё немного.

Тео на «Стриже-М» уже видел вдалеке колонну, две темные точки, две оранжевые мигалки, два луча света, следом шла вторая машина. И он видел бурю сзади них: тёмную, тяжёлую, надвигающуюся, но медленную, будто выжидающую. Он сбавил скорость и пошел на снижение.

— Говорит «Стриж три», вижу вас, — его голос в эфире прозвучал ровно, и от этого «ровно» все в машинах выдохнули.

— Зона посадки, прямо перед вами. Люк открываю. Готовьтесь.

Машины остановились резко. «Стриж-М» сел рядом, и его корпус дрогнул, и грунт под ним треснул, и из-под днища поднялось облако пыли, которое тут же унесло ветром.

Грузовой люк открылся, тяжело, с гулом гидравлики, и за ним был свет. Тёплый, жёлтый, свет грузового отсека.

«Шторм» медленно, но уверенно заехал по пандусу.

Тео стоял в коридоре, и его лицо, узкое, с тонкими резкими чертами, с серо-зелёными глазами, которые обычно были задумчивыми, почти меланхоличными, сейчас было другим: собранным, острым, хищным. «Песчаный странник» поднялся следом на борт. Убедившись своими глазами, что обе машины на борту и услышав крик Лоры, которая, выскочила из кабины со словами: «Все здесь!», он нажал кнопку закрытия люка и побежал в кабину.

Люк закрылся тяжело, с глухим звуком, и за ним осталась пустыня, плато, горы, мёртвый лес, который, может быть, всё ещё горел зелёным, крик, модуль S7, который, может быть, всё ещё продолжал работать.

«Стриж-М» поднялся тяжело, с натугой, с рёвом, будто земля не хотела его отпускать, будто Аджи держала его за шасси невидимыми руками. Но обороты выросли, и машина оторвалась.

*****

Торн, с Исой и Кайлом смотрели в окно.

Вдали мелькнул «Стриж-М», прочертив небо стремительной линией, не просто тень, а острый, резкий росчерк, будто кто-то провёл по небу лезвием. Его силуэт на фоне блёклого, выгоревшего неба, в вперемешку с песком и ветром, был чётким, хищным, собранным: машина, которая знала, куда летит, и не тратила ни секунды на лишние манёвры.

Мгновение и «Стриж-М» уже висел над ангаром. Ангар ждал его, массивные створки были распахнуты, и внутри царила полутьма, прорезанная резкими линиями света. И когда «Стриж-М» пошёл вниз, створки начали стремительно закрываться, не медленно, по протоколу, а быстро, в боевом режиме, будто сама станция хотела поскорее запереться, отгородиться от того, что надвигалось снаружи. Тяжёлые ворота сошлись с глухим, мощным ударом. Этот звук прокатился по земле, отозвался в груди, и на секунду показалось, что даже пустыня на миг замерла, прислушиваясь.

Все были в безопасности.

Глава 16 После бури

Глава 16. «После бури»

Ангар «Аджи-1» был огромным: высоким, гулким, пахнущим маслом, нагретым металлом и тем особенным запахом, который бывает в местах, где люди работают с машинами: запахом труда, усталости и чужого пота, впитавшегося в бетонные стены. Свет здесь был резким, рабочим: длинные люминесцентные лампы тянулись под потолком ровными рядами, и их белое, мертвенное свечение не оставляло теней, будто вырезало всё из пространства, оставляя только контуры: людей, машин, ящиков, кабелей на полу.

«Стриж-М» стоял в центре ангара, на шасси с заглушёнными двигателями, которые ещё остывали, тихо пощёлкивая и потрескивая, как остывающий чайник. Металл корпуса потемнел от песка, от полёта, от того, что произошло, и в свете ламп он выглядел не хищным, как в небе, а усталым, будто машина тоже пережила что-то, чему не было названия, и теперь стояла, опираясь на шасси и гидравлику, как человек на костыли, и тихо остывала, возвращая себе обычное, рабочее дыхание.

Грузовой люк «Стрижа» с шипением опустился, и тишина, которая повисла на секунду, была такой густой, что её хотелось потрогать. Потом она лопнула разом, десятком голосов, криками, смехом, тяжёлым, хриплым дыханием людей, которые наконец-то позволили себе выдохнуть.

Лора всё ещё обнимала Джеди, и её пальцы впивались в ткань куртки, будто если ослабить хватку хоть на миллиметр, всё рассыплется обратно в тот кошмар на плато. Камень в кольце на её пальце больше не вспыхивал, но тепло, то самое короткое, невозможное тепло, всё ещё держалось под кожей, как тихий, упрямый пульс. Лора не убирала руку, просто держала, и этого было достаточно.

— Мы сделали это, — прошептала она снова, и голос её сорвался на середине, потому, что «сделали» звучало как чудо, в которое ещё не верилось.

Джеди кивнула, и её лицо, обычно такое собранное, на секунду стало другим, мягче, уязвимее, и в этом было больше правды, чем в любом докладе.

— Да, — сказала она, и голос был хриплым, тихим, но ровным, всегда ровным. — Но это ещё не конец.

И в этот момент из толпы, из-за ящиков, из-за спин техников и других сотрудников персонала станции, которые уже бежали к «Стрижу» с планшетами и датчиками, шагнули вперёд Торн и Кайл.

Торн шёл быстро, но без суеты, его походка всегда была такой: будто он знает, что время идёт, но не позволит панике его украсть. Кайл чуть отставал, и в его глазах читалось то самое облегчение, которое приходит, когда ты досчитал до ста и понял, что никто не упал.

— Живые, — выдохнул Торн, и это прозвучало не как вопрос, а как молитва, которую он повторял про себя все эти минуты. Он остановился в шаге от Джеди, будто боялся спугнуть момент, и потом шагнул ближе, обнял её, крепко, по-мужски, без лишних слов, просто прижав к себе на секунду, чтобы почувствовать: да, она здесь, тёплая, настоящая. — Вы вернулись.

Джеди на секунду закрыла глаза, уткнулась лбом ему в плечо, и только на миг позволила себе стать не командиром, а просто человеком, который устал. Потом выпрямилась, улыбнулась, криво, устало, но искренне.

— Не без помощи Тео, — она кивнула в сторону кабины, где Тео уже спрыгивал с трапа, и его ботинки глухо ударили по бетону. — Этот парень выжал из «Стрижа» всё, что можно. И даже то, чего нельзя.

Тео подошёл, взлохмаченный, с тёмными кругами под глазами, но с этой своей упрямой полуулыбкой, которую он всегда прятал, будто стеснялся показывать. Лора, увидев его, наконец-то разомкнула объятия с Джеди и побежала к нему.

— Ты… ты просто невозможный, — выдохнула она, врезаясь в него, обнимая так крепко, что у него, наверное, рёбра хрустнули. И тут же уткнулась лицом ему в плечо, а чтобы просто спрятаться на три секунды в знакомом запахе, в тепле, в том, что он настоящий. — Я думала, мы не успеем.

Тео замер на секунду, будто не верил, что она тут, живая, тёплая, а потом обнял её в ответ, одной рукой прижимая к себе, а второй осторожно гладя по волосам, как держат в руках что-то очень дорогое и хрупкое.

— Успели, — тихо сказал он, и голос у него был чуть хриплый, будто он тоже только сейчас разрешил себе выдохнуть. — Всё хорошо. Мы дома.

Рен и Ксенон стояли чуть в стороне, прислонившись к стене, и пили воду из бутылок, которые им протянули техники. Рен сделал большой глоток, и вода потекла по подбородку, но он не вытирал, просто стоял, смотрел на бетон, на лампы, на людей, и будто заново учился верить, что это всё настоящее.

— Данные ушли, — пробормотал он, скорее себе, чем кому-то. — Модуль успел передать всё. Сто процентов.

Ксенон кивнул, но в его взгляде читалось то же, что и у всех: «А что теперь?»

Тони стоял у трапа, всё ещё не выпуская винтовку, и оглядывался, будто ждал, что из угла сейчас выскочит тень и поползёт по полу. Потом он заметил Торна, подошёл, отдал короткий, чёткий доклад:

— Личный состав в полном составе, потерь нет. Оборудование частично утрачено, но данные на борту.

Торн посмотрел на него, и в его взгляде было столько благодарности, что Тони даже смутился, будто не привык к такому.

— Спасибо, Тони, — просто сказал Торн. — Ты прикрывал их до конца. Я все видел.

Тони пожал плечами, но плечи у него чуть опустились, как будто с них сняли невидимый груз.

— Это моя работа, — буркнул он. Но потом добавил тише: — Хотя я рад, что она закончилась.

Техники уже обступили «Стриж», щёлкали датчиками, водили сканерами по обшивке, и их обычные, рабочие голоса звучали как музыка, как доказательство, что мир ещё держится, что бетон — это бетон, а не живая тень, и что сейчас можно просто стоять и дышать.

Иса подошла к Джеди, её тёмно-янтарные глаза были чуть расширены, но в них уже не было того ужаса, который был недавно в командном пункте.

— Ты знаешь, — сказала она тихо, — когда я смотрела на эти тени, ползущие по экрану, мне казалось, что реальность просто… треснула. И мы провалились в щель.

Джеди посмотрела на неё и кивнула.

— Я тоже это чувствовала, — призналась она. — Но мы выбрались. И теперь нам нужно понять, как эта трещина выглядит изнутри.

В этот момент по ангару прокатился короткий, резкий звук — сигнал внутренней связи. Все на секунду замерли, будто ждали, что сейчас голос из динамиков скажет что-то страшное. Но голос был спокойный, рабочий:

— «Стриж-М», доложите состояние систем. Требуется полный отчёт по энергоблоку и навигационному контуру.

И от этих обычных слов напряжение в воздухе чуть рассеялось. Это были не крики, не шёпот, не молнии — это была работа. Обычная, человеческая работа.

Торн выпрямился, провёл ладонью по лицу, стирая усталость, и посмотрел на команду, на каждого по очереди, будто пересчитывал, убеждаясь, что все на месте.

— Сейчас — отдых, вода, осмотр у медиков, — скомандовал он, но голос его звучал не как приказ, а как забота. — А потом разбор. Нам нужно понять, что мы привезли с собой с плато. И привезли ли.

Джеди кивнула. Она знала, что он прав. Они спаслись, но что-то осталось там, на плато, и оно ждало. Или, может быть, оно уже было здесь, в кольце Лоры, в тёплом камне, в тенях, которые всё ещё шевелились на краю зрения, если слишком долго не моргать.

Но сейчас можно было просто стоять в гулком ангаре, чувствовать запах масла и металла, слышать голоса техников и знать: они дома.

Позже они смотрели в панорамное окно, широкое, во всю стену, из толстого бронестекла, за которым Аджи разворачивалась, как картина: оранжево-бурая, изломанная, с редкими вспышками молний у горизонта, где горы всё ещё хранили остатки бури. Свет от этих вспышек далёкий, синеватый, слабый, ложился на лица людей ровными, медленными отблесками, и в каждом отблеске лица выглядели другими: старше, острей, ближе к кости. Стекло окна было чуть тёплым, от солнца, от нагретого воздуха снаружи, и это тепло, простое, физическое, единственное, которое не пугало, успокаивало, будто планета за окном была просто планетой: камнем, песком, ветром, атмосферой, а не тем, чем она показала себя два часа назад.

Смерча не было, только ветер средней силы дул на станцию, словно пытался попасть внутрь. Он царапал стекло песком, мелко, настойчиво, с тем сухим, шершавым звуком, который у людей, живущих в пустыне, становится фоном, привычным, как тиканье часов. Но после того, как песок скребся в окна «Шторма X» не беспорядочно, а ритмично, будто искал щель, будто хотел внутрь, этот звук вызывал у каждого, кто его слышал, короткий, непроизвольный рывок: плечи поднимались, пальцы сжимались, глаза метались. И потом расслабление. Это был привычный песок и ветер Аджи.

Вдали в горах продолжали сверкать молнии, уже не яркие, а тусклые, усталые, будто небо само выдыхалось после бури. Они били редко, без ритма, и каждая вспышка освещала горы изнутри, на долю секунды их склоны становились чёткими, резкими, будто высеченными из чёрного камня, потом горы снова становились силуэтами, неровными, тяжёлыми, будто лежащими на горизонте, как спящие звери.

— Он ушёл, — сказал Кайл. Он стоял у окна, скрестив руки на груди, и его голос был ровным, но в этом «ровно» было то, что бывает, когда человек держится за тонкую ветку над пропастью и знает, что ветка может сломаться. — Или просто ждёт.

Торн, стоявший рядом, не ответил сразу. Он смотрел на горизонт так, будто пытался разглядеть в темноте не движение, а намерение. Потом медленно, будто проверяя, не треснет ли воздух от резкого движения, провёл ладонью по стеклу. Оно и правда было тёплым, не горячим, не обжигающим, а таким, каким бывает металл, долго лежавший на солнце.

— Ждёт, — наконец тихо произнёс Торн, и это прозвучало не как догадка, а как приговор. — Мы что-то сделали там. Активировали. Или разбудили. И теперь оно… слушает.

Иса, сидевшая за пультом, подняла взгляд от графиков, где линии наконец-то перестали прыгать и легли ровно, почти идеально. Она хотела сказать: «Всё в норме», — но слова застряли в горле. Потому что «норма» на Аджи уже не значила «безопасно». Она означала «пока не видно».

*****

На Амине, в ЦНИЦА, Карина и Элиза обнялись. коротко, крепко, по-женски, как обнимаются люди, которые вместе пережили что-то, чего не объяснить словами. В этом объятии не было ни слёз, ни дрожащих голосов, теперь только сила плеч друг друга, короткое, твёрдое давление, которое говорило: «Ты здесь. Я здесь. Мы выстояли».

В кабинете пахло кофе, и пластиком, и чем-то сладковатым, почти электрическим, запахом перегретых процессоров, который чувствовали только те, кто работал с серверами годами. Этот запах был родным, привычным, и именно поэтому он сейчас казался почти предательски уютным, будто мир, в котором пахнет горелым кофе и пылью от плат, не может быть по-настоящему опасным.

За окном, за настоящим, аминским окном, с рамой и ручкой, был вечер: серый, мягкий, с тяжёлыми облаками и мелким, нудным дождём, который стучал по стеклу тихо, ровно, без ритма, без смысла, просто стучал дождь. От этого обычного, человеческого, ничем не угрожающего дождя, у Карины защипало в глазах. Она резко отвернулась к экрану, чтобы Элиза не увидела, и пальцы её легли на клавиатуру, холодные, чуть подрагивающие, но уверенные.

Они получили результаты сканирования с S-7, которые предстояло обработать. Файл лежал на сервере, большой, тяжёлый, с пометкой «приоритет-экстрем», и его иконка мигала на экране, терпеливо, настойчиво, будто он ждал, когда его откроют, и знал, что его откроют, потому что он важнее всего, что есть в этом кабинете, в этом здании, на этой планете. Он не кричал, не пульсировал тревожным красным, он просто мигал, спокойно и неотвратимо, как пульс чего-то огромного, что уже вошло в комнату и теперь ждало, когда на него посмотрят.

— Теперь у нас есть данные, — сказала Элиза, и её голос был ровным, но в нём дрожала нота, которая бывает у учёных, когда они стоят на пороге чего-то, что может изменить всё. — Теперь мы можем понять, что это было.

Карина кивнула, не отрывая взгляда от экрана. Свежий кофе, который принесли коллеги, охватил все помещение, и этот приятный аромат был самым уютным, что она ощущала за последние два часа. И самым хрупким. Потому что стоило только открыть этот файл, и уют рассыплется.

Она навела курсор на иконку. Та мигнула ещё раз, чуть ярче, будто почувствовала движение. И Карина щёлкнула.

Файл начал загружаться. На экране побежали строки: пакеты данных, служебные метки, фрагменты телеметрии, и среди них, что-то чужое. Не шум, не ошибка, не сбой. Что-то, что лежало в потоке ровно, уверенно, будто имело право там быть.

Элиза наклонилась ближе, прищурилась, вглядываясь в бегущие символы.

— Смотри, — прошептала она, указывая на строчку, где вместо привычного двоичного ритма шла странная последовательность. — Это не артефакт. Это… структура.

Карина не ответила. Она смотрела на экран, и ей вдруг показалось, что файл не просто загружается, он будто раскрывается, как морская ракушка, и оттуда тянет холодом.

А на «Аджи-2» Сати и Орша стояли рядом у обзорного экрана. Внизу ветер утихал, молнии гасли, и Аджи снова выглядела так, будто ничего не произошло. Будто ничего и не было. Оранжевая поверхность, непроглядня пелена, в которой иногда мигали последние молнии. Планета не выглядела побеждённой. Она дала всем понять, кто здесь хозяин.

Сати скрестила руки на груди, будто пыталась удержать внутри то напряжение, которое ещё гудело по нервам.

— Она такая спокойная, — тихо сказала Сати, и в её голосе не было облегчения. — Слишком спокойная.

Орша не ответила сразу. Она смотрела вниз, на эти ровную, мёртвую пелену, и в её тёмно-карих глазах читалось то самое понимание, которое приходит к тем, кто видел, как меняется реальность.

— Спокойствие после шторма — это не тишина, — наконец произнесла она низким, спокойным голосом, в котором не было ни капли сомнений. — Это пауза. Она переводит дыхание.

Сати коротко кивнула. Ей не нужно было объяснять. Она и сама чувствовала это, как будто воздух вокруг станции стал чуть плотнее, как будто гравитация на долю процента сдвинулась, и всё, что раньше стояло ровно, теперь чуть клонилось в одну сторону.

На экране медленно обновлялась телеметрия. Цифры ползли, менялись, возвращались, и среди них вдруг мелькнула короткая аномалия — крошечный всплеск в магнитном поле, такой слабый, что система даже не сочла его за ошибку. Но Орша заметила.

— Видишь? — она коснулась экрана, обведя пальцем крошечную зелёную точку, которая тут же погасла. — Она всё ещё… шевелится.

Сати прищурилась.

— Или это мы ей кажемся шевелящимися.

Орша посмотрела на неё долго, внимательно, будто проверяя, готова ли Сати услышать то, что она сейчас скажет.

— Может быть, — тихо ответила она. — Может быть, для неё мы — как муравьи на коже. Мы думаем, что бежим, а она просто чувствует, как по ней что-то ползёт.

Сати сжала зубы, но не отвернулась от экрана.

— Тогда пусть чувствует, — сказала она чуть резче, чем хотела. — Но пусть не думает, что мы сдаёмся.

Орша чуть улыбнулась, не весело, а так, как улыбаются, когда знают, что впереди тяжёлый путь, но идти по нему придётся.

— Мы не сдаёмся, — спокойно подтвердила она. — Мы просто теперь знаем, что она нас видит.

И они снова замолчали, глядя вниз, на эту равнодушную, оранжево-бурую поверхность, которая больше не казалась просто камнем. Она казалась кожей. И под этой кожей что-то двигалось.

*****

В штабе КИРН — в тусклом, деловом кабинете с длинным столом, картой на стене и тремя экранами, показывающими разные сектора, воздух был не просто прохладным, а будто специально остужённым до температуры, в которой лучше думается: ровно настолько, чтобы не клонило в сон, но и не жгло нервами. Свет не резал глаза, а стелился по поверхностям: серый, ровный, без бликов, будто сам кабинет знал: здесь не нужны эффекты, здесь нужна ясность.

Вэйн Моралес стоял у карты, не касаясь её, но так, будто держал в пальцах всю эту сеть линий, точек и секторов. Его поза была спокойной, но в ней чувствовалась готовность к рывку, как у человека, который привык, что в любую секунду может понадобиться бежать. Он не смотрел на экраны: он слушал комнату. И комната шептала ему цифрами, тиканьем часов на его запястье и редким, сухим звуком клавиш.

Аналитик — молодой, с короткими волосами и с руками, как у пианиста, его пальцы бегали по клавиатуре на столько быстро, что он напоминал паука, сидел у бокового терминала. Он не задавал вопросов, не просил уточнений, не тянулся за кофе. Он просто работал: его пальцы летали, глаза метались между строками, и в этом молчании было больше дисциплины, чем в любом докладе. Он знал: вопросы потом. Сейчас данные.

Рядом, у дальнего края стола, стоял Кэлен Рич, координатор полевых операций. Он не занимал много места, но его присутствие ощущалось как точка опоры: спокойный, собранный, с тем особенным умением быть незаметным и при этом контролировать всё. Кэлен не смотрел на аналитика, он смотрел на Вэйна, будто считывал решения ещё до того, как они будут произнесены.

— Данные с S-7, — наконец сказал Вэйн, не повышая голоса. Слова прозвучали не как приказ, а как факт, который нужно зафиксировать. — Полный разбор. Приоритет: любые отклонения от стандартного протокола передачи. Особенно, посторонние структуры.

Аналитик коротко кивнул. Его пальцы на секунду замерли, будто он мысленно ставил метку, а потом снова побежали по клавишам еще быстрее, чётче, с той самой собранностью, которая появляется, когда понимаешь: это не просто ещё одна задача, это может быть перелом.

— Уже начал, — тихо ответил он, не отрывая взгляда от экрана. — Файл тяжёлый, но чистый. Пока без вирусов, без внешних триггеров. Но… есть фрагмент, который не совпадает с шаблоном.

Кэлен чуть наклонил голову, но не сделал ни шага вперёд.

— Какой шаблон? — спросил он ровно, без нажима.

— Стандартный пакет телеметрии, — пояснил аналитик, щёлкая мышью и разворачивая на одном из экранов сетку графиков. — Здесь всё по протоколу. А вот здесь… — он выделил тонкую, почти незаметную линию, которая шла не волнами, а будто пульсировала с собственным ритмом. — Это не шум. Это… структура. Как будто кто-то вшил в поток свой собственный пульс.

Вэйн наконец оторвал взгляд от карты и подошёл к экрану. Он не наклонялся, не щурился, он просто смотрел, и его светло-серые, стальные глаза будто сканировали эту линию, выжимая из неё смысл.

— Сколько времени нужно, чтобы отделить это от основного потока? — спросил он так же ровно.

— Двадцать минут, если работать в изоляции, — ответил аналитик. — Ещё десять, чтобы проверить на корреляцию с геоданными Аджи.

— Я сам свяжусь с Элизой Маркус, — коротко бросил Вэйн. — пусть подтвердят, что этот фрагмент шёл именно с плато, а не с борта одной из машин. Он присел за стол.

— Если это не ошибка и не сбой, — тихо, почти про себя, произнёс Вэйн, и в его голосе не было ни тревоги, ни гнева, только холодная, выверенная оценка, — значит, мы не просто наблюдали аномалию. Мы получили ответ.

Аналитик на секунду замер, будто эти слова требовали перепроверки, но потом снова склонился над клавиатурой. Его пальцы снова забегали, но теперь в этом движении чувствовалось что-то новое — не просто скорость, а напряжение, как перед прыжком.

— Я вытащу эту структуру, — сказал он, и в его голосе прозвучала не бравада, а простая, упрямая уверенность. — И посмотрю, из чего она состоит.

Вэйн снова отошёл к карте. Его взгляд скользнул по точкам, по линиям, по тёмным пятнам, обозначавшим зоны нестабильности. Он не искал виноватых, не искал оправданий — он искал следующий шаг. И в этот момент, среди всей этой тишины, цифр и холодного света, он вдруг подумал о том, что мост, который он строит, должен быть прочнее, чем всё, что они видели до сих пор. Потому что если эта структура — ответ, то вопрос был слишком громким.

*****

Сати поздравила Торна с удачным возвращением всех подчинённых.

— Вы справились, — сказала она. — Но будьте осторожны. Аджи, возможно, ещё не закончила с вами.

— Спасибо, с вашей помощью, майор, — улыбаясь кивнул Вин Торн в экран.

Элиза Маркус, на Амине, в ЦНИЦА в этот сидела перед экраном, просматривая данные с модуля S-7. Графики были ровными, линии чёткими, и данные выглядели… нормальными. Слишком нормальными — это все не было нормальным, но Элиза ещё не знала этого. Она просто смотрела, ища то, что явно выбивается из потока информации, то, что объяснит, почему камень на плато был тёплым, почему тени ползли, почему тот странный крик звучал от удовольствия, а не от боли. И был ли это крик, или все таки — это был поток воздуха, вырвавшийся из дальнего ущелья.

Но графики были ровными. Линии чёткими. И всё в норме. И от этой нормы, от этого идеального, безупречного, вылизанного «всё хорошо», у Элизы где-то заныло, как от зубной боли, предчувствия чего-то, мягко говоря, неприятного.

— Где сигнал? — пробормотала она, и её пальцы, которые бегали по клавиатуре, остановились резко, будто наткнулись на невидимую стену.

Карина подняла голову от своего экрана. Кофе в её чашке давно остыл, и на поверхности плавала тонкая плёнка, поблёскивающая в свете ламп, как застывшая ртуть.

— Какой сигнал?

— От S-7. Он должен передавать телеметрию. Должен быть онлайн.

Она щёлкнула по иконке: маленькой, зелёной, с надписью «S-7: онлайн». Экран мигнул, и зелёный стал серым, и надпись сменилась: «Соединение потеряно».

— Нет, — прошептала Элиза. — Нет, нет, нет.

Она ввела команду вручную. Её пальцы стучали по клавишам — быстро, уверенно, привычно, как у пианиста, который играет гамму, которую знает наизусть. Снова: «Соединение потеряно». Снова. «Соединение потеряно». Снова. И снова. И каждый раз одно и то же: «Соединение потеряно». Не «ошибка соединения», не «нет ответа», не «сигнал слабый». А «потеряно». Будто сигнал был, и вот его нет. Будто кто-то взял и убрал его. Не выключил, не заглушил, просто убрал, как убирают вещь со стола, когда она больше не нужна.

Она связалась с Вином Торном. Её рука дрожала, когда она настраивала соединение, и от этой дрожи, от этой мелкой, непроизвольной дрожи, которую она не могла унять, ей стало ясно: дело не в технике. Дело в ней. В ней что-то сломалось, и теперь она дрожала, и не могла не дрожать, и знала это, и злилась на себя, и от злости дрожала ещё сильнее.

— Майор Торн, у нас проблема. Связь с модулем S-7 пропала. Он недоступен.

Торн на мгновение закрыл глаза. Его левая рука, та, которая лежала на пульте сжалась в кулак, медленно, ритмично, и он почувствовал, как ногти впиваются в ладонь, и не разжал. Ему нужно было чувствовать боль, маленькую, конкретную, объяснимую, чтобы не чувствовать другое. То, что шло изнутри. То, что не имело названия.

— Пропала? Или её оборвали?

— Не знаю. Но он… он будто исчез.

Тишина в эфире, короткая, тяжёлая, как пауза перед приговором.

— Он не исчез, — сказал Торн, и его голос был ровным, но в этом «ровно» была та же тяжесть, что и в голосе Орши, когда она смотрела на планету, которая притворялась мёртвой. — Его забрали.

В этот момент все почувствовали это — холод, который пробрался под кожу, как ледяной скальпель. Не ветер, не сквозняк, не перепад температуры, а холод, который шёл изнутри, из подсознания.

На «Аджи-1» Торн вздрогнул коротко, всем телом, будто кто-то толкнул его в спину. Его глаза — серо-зелёные, штормового моря, пробежались по экрану, увидели точку, где раньше был сигнал S-7, и точка была теперь серой, мёртвой, пустой. И от этой пустоты, от этой маленькой, серой, пустой точки на экране, ему стало страшнее, чем от крика, чем от бури, чем от всего, что было на плато. Потому, что крик был, либо похожее на крик. Была и буря. А модуль S-7 просто исчез. И это означало, что то, что кричало, то, что гнало, и теперь решило отпустить, теперь не просто наблюдало. Оно действовало.

На «Аджи-2» Сати и Орша одновременно обернулись к экранам, и их глаза встретились. Сати, с её серебряным браслетом, который тихо звякнул, когда она повернулась, и Орша, с её тёмными, тяжёлыми глазами, которые стали ещё темнее, будто в них провалился остаток света. Они не сказали ни слова. Они просто смотрели друг на друга, и в этом взгляде, коротком, тяжёлом, было всё: понимание, страх, и то особое, что бывает между людьми, которые вместе пережили то, чему нет названия, и теперь знают друг о друге то, чего не знал никто другой.

В ЦНИЦА Карина почувствовала, как воздух в комнате стал ещё тяжелее, а свет вновь тусклее, будто лампы чуть снизили яркость, подстраиваясь под тишину. Кофе в её чашке не булькнул, не шевельнулся, просто вдруг стал казаться холоднее, будто и он реагировал на то, что шло из эфира, из пустоты, из-за миллионы километров, с планеты, которая притворя-

лась мёртвой. Карина обхватила себя руками медленно, машинально, и почувствовала, как мурашки идут по предплечьям, мелкие, колючие, как от ледяного душа.

В кабинете КИРН тишина стала другой, не пустой, а собранной, будто воздух сам уплотнился, чтобы удержать то, что сейчас прозвучит. Три экрана на стене больше не мельтешили секторами, на центральном застыла карта Аджи, и сектор D3 был подсвечен ровным, немигающим жёлтым. Не тревожным красным, не успокаивающим зелёным, а именно жёлтым: «осторожно, здесь можно стоять, но не делать лишних шагов».

Кэлен Рич стоял чуть в стороне, держа планшет в руке, как оружие. Его лицо было непроницаемым, но в глазах читалось: он уже просчитал три сценария того, что будет, если приказ не выполнят. Аналитик, с быстрыми пальцами, замер над клавиатурой, не потому что ждал команды, а потому что знал: сейчас прозвучат координаты, коды, временные метки, и он должен будет вбить их без единой ошибки.

На всех экранах всё ещё висела та самая строка — «СИГНАЛ ПОТЕРЯН. ОЖИДАНИЕ ЗАВЕРШЕНО», но Вэйн не смотрел на неё. Он смотрел на карту. И в его стальных глазах не было ни страха, ни гнева, только холодный, инженерный расчёт: если мост может рухнуть, нужно сначала вывести людей, а потом разбираться, где трещина.

— Орша Кэн и группа «Эхо-1» возвращаем на Амину, сегодня, — произнёс он ровно, низким, чуть хрипловатым голосом, который в этом кабинете звучал громче любого крика. — Членам группы необходима реабилитация, они многое пережили. Корабль ждет все еще на орбите.

Кэлен коротко кивнул и зафиксировал, быстро, без суеты.

— Подтверждаю, — тихо сказал он.

— И ещё, — продолжил он, и теперь в его голосе появилась та самая жёсткость, которая не терпела возражений. — На «Аджи-1» — полный запрет на выход за периметр условно-безопасного сектора D3. Никому. Ни по какой причине. Ни ради данных, ни ради спасения оборудования, ни ради «я только посмотрю одним глазом». Никаких разведок, никаких экспедиций, никаких полевых замеров — до особого распоряжения губернатора. С ним я встречусь и поговорю лично. Он поймет и примет это решение.

Аналитик, наконец, шевельнулся, его пальцы снова побежали по клавишам, внося коды запретов, ограничений, активируя маяки периметра, поднимая автоматические уведомления. На экране замигали протоколы, выстраиваясь в цепочку: «Блокировка сектора», «Приоритет: высший», «Исполнение: обязательно и немедленно».

— Выполнено, — коротко бросил он, не оборачиваясь. — D3 изолирован. Любые попытки пересечения периметра будут фиксироваться и блокироваться, наказываться протоколом.

Вэйн сделал один медленный шаг вперёд, ближе к карте. Его взгляд скользнул по тёмным пятнам, обозначавшим зоны нестабильности, недалеко от сектора D3, по линиям предполагаемых разломов и, конечно, квадрат D3J5, откуда вернулись агенты Сенеб и Мендес. И на секунду в его глазах мелькнуло то, чего он никогда не показывал: не страх, а тяжесть ответственности, как будто он физически ощущал вес, который сейчас прятал за своим стеклянным взглядом.

— Пусть думают, что это перестраховка, — тихо, почти про себя, произнёс он. — Пусть лучше злятся, что их держат в клетке, чем… — он оборвал фразу, не договорив, потому что не любил слова «чем погибнут». Для него это было не драмой, а просто ошибкой проектирования, которую он не хотел допускать.

Глава 17 Связь и напряжение

Карина не спала вторую ночь подряд. Просто не приходил сон, внутри что-то держало её на взводе, будоражило, не давая провалиться в сладкую пучину сновидений. Она была в своей квартире, на втором этаже жилого комплекса «Кассини». Смотрела в потолок и слушала, как за окном Лира живёт своей обычной ночной жизнью: где-то проехала машина, хлопнула дверь подъезда, тонко и жалобно мигнула вывеска круглосуточной аптеки на углу. Обычные звуки обычного города. Но Карина слышала в них что-то лишнее, как будто кто-то добавил в симфонию города ноту, которой там не было раньше. Низкую, гулкую, на самой грани восприятия. Она знала, что это невозможно. Знала, что звук не может долететь с Аджи на Амину. Но ощущала его всем своим нутром.

Потолок в спальне был светлый, матовый, с одной трещиной, тонкой, как волос, которая тянулась от угла к люстре. Карина смотрела на эту трещину и думала: вот так же тонко, незаметно расходятся трещины в реальности. Сначала одна. Потом от неё вторая. И потом уже не понять, где потолок, а где то, что скрывалось за ним.

На рассвете она сдалась. Поднялась, плеснула воды в лицо, посмотрела на себя в зеркало: бледная, с тёмными тенями под глазами, с волосами, сбившимися в светлый беспорядок. Капли воды стекали по вискам, по линии челюсти, и в зеркале, в тусклом утреннем свете, её лицо выглядело старше, чем было. «Хороша, — подумала она без горечи, с лёгкой усталой иронией. — Геолог международного класса. Красавица. Бессонница уровня „слышу мёртвые планеты“».

Розовый кабриолет стоял на подземной парковке, тихий и блестящий, как игрушка. Карина села за руль, но не сразу завела двигатель. Сидела, руки на руле, и смотрела на бетонную стену парковки, на которой, кто-то, когда-то нарисовал граффити — кривое солнце с лучами, похожими на щупальца. Она подумала: «Кругом её щупальцы. Даже на солнце». Потом тряхнула головой, завела мотор, и кабриолет выехал на утреннюю Лиру.

Ветер бил в лицо, и Карина прикрыла глаза. Обычно, это ощущение было её лекарством — скорость, свобода, запах нагретого асфальта, прохлада рассвета, который пах мокрой листвой и свежим кофе из круглосуточной пекарни на углу Центральной. Но сегодня ветер казался ей неправильным. Не сухим, не влажным, не тёплым, не холодным, просто неправильным. Будто воздух над Лирой стал чуть плотнее, будто в нём растворили что-то невидимое, что оседало на коже тонкой плёнкой, которую нельзя стереть. Она хотела сказать себе: это аллергия, это усталость, это бессонница. Но знала, что это не так. Это было то же самое, что она чувствовала в кабинете, когда свет стал тусклее, а воздух тяжелее. Это было присутствие.

Она припарковалась у ЦНИЦА, заглушила мотор и замерла. Сидела в кабриолете, слушая, как двигатель остывает: лёгкие щелчки, шипение металла, тиканье, которое становилось всё реже и реже, пока не остановилось. И тогда наступила тишина, та самая, которую Карина уже научилась узнавать. Не пустая, не спокойная, а выжидающая. Будто мир вокруг сделал вдох и забыл выдохнуть.

— Хватит, — сказала она вслух громко, и собственный голос прозвучал жалко и тонко в пустом салоне, как голос человека, который разговаривает сам с собой не от силы, а от бессилия. — Хватит бояться ветра!

Она вышла из машины, расправила плечи и вошла в здание. Воздух внутри был прохладным, стерильным, с лёгким запахом средства для пола и того особенного, почти неуловимого аромата, который бывает в учреждениях: бумага, пластик, озон от принтеров. Запах порядка. Запах нормы. И от него, от этого нормального, человеческого, безопасного запаха, Карине стало чуть легче. Совсем чуточку.

В ЦНИЦА было рано, без четверти семь. Коридоры пусты, лампы горели в режиме дежурного освещения, тусклом и желтоватом, и их свет ложился на стены неровно, с провалами, где лампы были дальше, и в этих провалах тени лежали гуще, темнее, чем следовало бы. Карина прошла мимо лабораторий, где за стеклянными дверями стояли приборы, похожие на спящих животных, мимо переговорной, где на столе ещё стояли чашки с прошлого вечера, одна с остывшим кофе, другая с чаем, и на поверхности чая плавала тонкая плёнка, поблёскивающая в дежурном свете, мимо комнаты отдыха, в которой кто-то забыл выключить телевизор. Он бормотал беззвучно, с субтитрами, и по экрану ползли новости: погода, спорт, ремонт дороги на восточном шоссе. Обычный мир. Обычные новости. И от этой обычности, от этого привычного, аминского, ничем не угрожающего бормотания, у Карины защипало в глазах, и она моргнула, быстро, чтобы не задерживаться.

Она толкнула дверь своего кабинета и застыла на пороге. Её кабинет был не сильно большим: стол, два монитора, стеллаж с папками, на подоконнике, фиалка в горшке, которую она поливала по понедельникам. Маленький, живой, зелёный, с тремя нежно-лиловыми цветками, которые она пересчитывала каждое утро, как хозяин пересчитывает своих питомцев. Всё было на месте. Всё было так, как она оставила вчера. Но Карине показалось, что в комнате кто-то был. Не человек, нечто. Нечто не оставило явных следов, но оставило ощущение, будто воздух в кабинете стал гуще, будто кто-то стоял здесь, дышал и ушёл за секунду до её прихода. Фиалка на подоконнике не качалась, но Карина смотрела на неё и думала: «Если бы кто-то был, она бы качнулась. Или нет. Может, кто-то умеет ходить так, чтобы ничего не качалось».

Она тряхнула головой, вошла, села за стол и включила мониторы. Экраны замигали, загрузились, и Карина погрузилась в данные.

Данные с «Эхо-1» пришли рваными, как фото, разрезанное на куски и склеенное наспех. Карина не ждала идеала — модуль S-7 хоть и завершил сканирование, но передача шла через нестабильные ретрансляторы, и пакеты терялись. Зато у неё были другие источники: телеметрия с машин, записи переговоров, данные с личных устройств группы, показатели приборов «Аджи-1» и «Аджи-2». Она собирала их по крупицам, как археолог, терпеливо, без суеты, стараясь сложить из осколков цельную картину.

Первый час ушёл на сортировку: магнитное поле, температура, акустика, видеозаписи, переговоры э, каждая категория в свою папку, на свой экран. К середине утра перед ней лежала временная карта событий: колонна тронулась, вошла в мёртвый лес, квадрат DXH2, потом наступила тишина, поползли тени, раздался крик, началась эвакуация. Последняя запись — посадка «Стрижа-М» в ангар «Аджи-1», закрытие ворот, тишина.

Карина сделала кофе, густой, чёрный, без сахара, очень крепкий. Кофеварка была маленькой, потёртой, с наклейкой «Я люблю ГЕОЛОГИЮ». Кофе пах тем единственным, что ещё казалось нормальным. Она отхлебнула, поморщилась, слишком горько, и вернулась к экранам.

И тут она заметила первое.

График магнитного поля с датчиков «Песчаного стража» был слишком ровным. Карина знала, как дышит естественный фон планеты: в нём всегда есть мелкие, случайные пульсации, потому, что планета живая, а не машина все таки. А этот график не дышал. Он был прямым, будто кто-то взял ластик и стёр все неровности.

— Слишком ровно, — пробормотала она и вывела на экран данные со второй машины «Аджи-Шторм-Х». Тот же участок, то же время и та же идеально ровная линия.

Карина откинулась на спинку кресла. Скрип кожи прозвучал привычно, почти успокаивающе. Два независимых датчика на разных машинах показывают одну и ту же «идеальную» картину. Вероятность совпадения ничтожна. Значит, либо оба датчика синхронно сломались, почти невозможно, либо кто-то или что-то привело их к одному результату. Что-то, что умеет делать данные… красивыми.

Она вспомнила слова Орши Кэн: «Они слишком чистые. Будто кто-то зашёл в систему и убрал всё, что могло нас напугать». Тогда она не придала этому значения. Теперь обратила пристальное внимание.

Дальше пошла акустика. Файл за файлом, минута за минутой. Ветер, песок, рёв двигателей, короткие, резкие команды — люди, которые боятся, но не имеют права бояться. Через сорок минут в висках начало ныть от монотонного шума, и тут она услышала его.

Короткий всплеск на тринадцатой минуте записи с «Песчаного стража». Не хаотичная помеха, а плавный, мягкий звук, похожий на вздох. Карина прокрутила назад, послушала снова. Всплеск повторялся, один и тот же, на том же месте. На спектрограмме пики легли ровно, на равном расстоянии. Ритм. Тот самый, что она уже видела в магнитных данных.

— Это не помеха, — прошептала она. — Это сигнал.

Проверка остальных записей подтвердила: тот же всплеск, та же минута. На «Аджи-Шторм-Х» чётко, на «Стриже-М» слабее, но есть. Три источника, один ритм, одно время. Карина сверила координаты и время с магнитными данными — совпадение стопроцентное. Всплеск в акустике и сглаживание магнитного поля происходили одновременно, в одних и тех же точках. Как будто кто-то сначала «шептал», а потом «замазывал» следы.

Она сняла наушники и посмотрела на фиалку на подоконнике. Три лиловых лепестка чуть дрожали от воздуха из вентиляции. Маленький, живой, обычный цветок. Карина подумала: «Я сижу здесь, на Амине, за миллионы километров от Аджи, и слушаю, как что-то дышит в пустыне. И, кажется, я — единственная, кто это заметил».

Хотела позвонить Элизе, но передумала. Элиза не любит полуфабрикатов. Сначала полная картина.

К обеду Карина закончила с видео. Кадры с камер «Песчаного стража», где тени деревьев дрогнули после крика, она прокручивала кадр за кадром, увеличивая, вглядываясь в каждый пиксель. И нашла.

Тени не просто дрогнули, они сместились на несколько сантиметров, едва заметно, но чётко в одну сторону. В сторону группы. Карина измерила угол, сверила с положением солнца, смещение не соответствовало естественному движению теней. Тени двигались сами.

— Господи, — прошептала она, и по спине пробежал холод от осознания.

Файлы она сохраняла, нумеровала, подписывала, складывала в папку «DHX-2_Аномалия_Ворн». Руки слегка дрожали, но двигались уверенно, привычка геолога, который знает: данные не прощают суеты.

Ещё одна деталь нашлась в записях переговоров. На восьмой минуте после крика, когда Джеди скомандовала «Всем на позиции», в канале промелькнул короткий цифровой пакет, не голос, не помеха, а структурированный сигнал, похожий на команду. Он не соответствовал ни одному известному протоколу, но был организованным. Как будто кто-то пытался не сломать связь, а… поговорить.

Но самым странным оставался сам крик в квадрате DXH2. Карина снова и снова возвращалась к этому фрагменту. На видео ничего: ни движения, ни силуэта, ни вспышки. Только ветер, который в тот момент резко поднялся, взметнув песок и заставив ветви мёртвых деревьев скрипеть, будто они стонали. На аудио резкий, пронзительный звук, который не совпадал ни с одним известным шумом оборудования, ни с человеческим голосом, ни с криком животного. Система не смогла его идентифицировать. Ни частоты, ни источника. Просто всплеск амплитуды, который ударил по ушам и оборвался так же внезапно, как начался.

Карина смотрела на спектрограмму этого крика и чувствовала, как внутри всё сжимается от этой пустоты. Неизвестность была хуже любой жуткой разгадки. Это мог быть какой-то местный хищник, которого никто ещё не встречал. Или сигнал, который кто-то послал намеренно. Или просто порыв ветра, который вырвался из дальнего ущелья и завыл так, что чело-

веческий мозг тут же превратил этот вой в крик. Но то, что никто не мог сказать точно, что это было, делало этот звук самым страшным из всего, что она видела.

Карина встала, подошла к окну. За стеклом Лира жила обычной жизнью: люди шли по тротуарам, машины стояли на светофоре, в парке кто-то выгуливал маленькую рыжую собаку. Обычный мир. Но между ним и далёкой оранжевой пустыней натягивалась тонкая, невидимая нить, как вибрация струны, которая звучит, хотя до неё не дотронулись.

— Что же ты такое? — тихо спросила она, глядя поверх города, туда, где небо сливалось с горизонтом.

Минуту она постояла, собираясь с мыслями, потом вернулась к столу и вызвала канал связи с «Аджи-1». Соединение шло дольше обычного, будто сигнал полз через что-то густое, нехотя. Наконец, щелчок, и голос.

— «Аджи-1», майор Торн. Слушаю.

Карина услышала знакомый, спокойный голос.

— Майор Вин Торн, здравствуй, — она осекла себя, что не не сказала «здравствуйте», — это Карина Ворн, геолог и аналитик ЦНИЦА. Прости, что дёргаю. У меня тут… данные. Много данных, и они не нравятся мне, — она перешла на «ты», снова осеклась, но было поздно.

Торн помолчал секунду, ровно столько, сколько нужно, чтобы отложить все свои текущие дела и сосредоточиться.

— Говори.

— Магнитное поле. Два разных датчика, два разных аппарата и оба показывают идеально ровные графики. Ни пульсаций, ни естественных колебаний. Как будто кто-то их… выровнял.

Торн снова помолчал. Но теперь в этой паузе было не отсутствие реакции, а что-то другое. Будто он не удивлялся, а подтверждал для себя какую-то мысль.

— Да, — наконец сказал он. — Я тоже это заметил. Не в цифрах, а… в ощущениях. В последние сутки станция будто стала тяжелее. Не физически, а вот здесь, — Карина представила, как он постучал себя по виску или по груди. — Как будто воздух стал плотнее. Кайл Джавад и Иса Хамад говорили, что у них пальцы немеют, когда они касаются панелей. Не от холода, не от тока, просто панели будто «не те». Но что самое интересное — сейчас, по ощущениям, моим и не только, все вернулось на круги своя. Нет больше это давления, холода, чувства наблюдения.

Карина крепче сжала гарнитуру.

— А тени? — спросила она. — На видео они двигались не по солнцу. Они смещались в сторону группы.

Торн тихо выдохнул.

— Видел, по камерам. Не хотел поднимать панику, там все таки командовал лейтенант, на месте. Но видел. Думал, может, усталость, напряжение сказалось, глючит восприятие. Или оптика барахлит. Но если ты видишь это в цифрах… значит, не глючит. Все это видели.

— И ещё, — продолжила Карина, чуть медленнее, будто подбирая слова, чтобы не звучать как человек, который сходит с ума. — В канале переговоров есть короткий цифровой пакет. Неизвестный протокол. Структурированный. Как будто… кто-то пробовал с нами связаться.

На том конце снова тишина, но уже не пустая, а рабочая. Торн думал.

— Значит, не только у нас мурашки по коже, — наконец произнёс он спокойно. — Значит, это не усталость. Это… что-то ещё.

Карина помедлила, прежде чем задать самый скользкий вопрос — тот, на который у неё самой не было ответа.

— А крик в DXH2… — тихо сказала она. — Ты ведь его слышал тоже по обществу каналу связи? В отчётах группы так и осталось: «неидентифицированный звук». Так и не поняли, что это было?

Торн ответил не сразу. И в этой паузе Карина услышала не растерянность, а честность.

— Не поняли, — признался он ровно. — Ни тепловизор, ни камеры, ни датчики движения, ничего не поймали. По словам Джеди Крид, ветер в тот момент поднялся сильный, вырывался из ущелья, выл жутко. Мог сыграть злую шутку. А мог быть и чем-то другим. Мы до сих пор не знаем. И знаешь, что хуже всего? То, что мы не можем вычеркнуть ни одну версию. Ни «просто ветер», ни «что-то живое», ни «сигнал». Пока не знаем, приходится держать в голове все три. Теперь вся надежда на Амину. Нам запретили все движения вне периметра.

Карина посмотрела на папку «DHX-2_Аномалия_Ворн», на графики, на спектрограмму, на стоп-кадр с движущимися тенями. И почувствовала, как напряжение чуть отпускает, не потому что стало легче, а потому что теперь она не одна.

— Я соберу всё в отчёт, — сказала она. — Но, майор Торн… не игнорируйте это. Даже если хочется списать на усталость.

— Не будем, — пообещал он. — Мы тут тоже не спим. И смотрим. Если что, сразу на связь.

— Хорошо, — кивнула Карина, хотя он её не видел. — Спасибо, что выслушал.

— Всегда, — ответил он, и в этом «всегда» было столько привычной, надёжной опоры, что Карина впервые за день почувствовала, что держится на ногах не только усилием воли.

Экран погас. В кабинете снова стало тихо, но теперь эта тишина не давила, а просто была. Карина посмотрела на фиалку, на наклейку на кофеварке, на трещину на потолке. На обычные вещи, которые не изменились. И принялась раскладывать данные в отчёт, уже не как черепки, а как улики. Потому что теперь она знала: это не глюк. Это след. И его нужно зафиксировать, пока он не исчез.

Она проработала ещё три часа. Собрала всё, что нашла, в один файл: магнитные «сглаживания», акустические «вздохи», смещение теней, загадочный цифровой пакет в канале связи. Снабдила каждый пункт комментариями, таймкодами, координатами. В конце добавила запись разговора с Торном, не всю, только ключевые моменты, с пометкой «Личные показания, не для публичного отчёта».

К пяти вечера файл был готов. Карина смотрела на него и подумала: «Ты сделала всё, что могла. Данные есть, факты есть, выводы очевидны». После смутное чувство: «Ты видишь только верхушку. А под ней то, что не помещается ни в один файл».

Она вызвала Элизу.

— Элиза, — сказала она, когда та сняла трубку. — У меня есть данные. Много. И они… плохие.

— Насколько плохие? — голос Элизы звучал ровно, как всегда, но Карина уловила в нём нотку, которую знала только она: не страх, а насторожённость, как у человека, который привык к плохим новостям, но каждый раз надеется, что в этот раз обойдётся.

— Настолько, что я не хочу говорить по телефону. Мне нужно показать тебе. Лично.

Пауза. Потом:

— Приду через двадцать минут.

Карина положила трубку и откинулась в кресле. Закрыла глаза. За окном Лира готовилась к вечеру: небо окрасилось в мягкий розово-золотой закат, здания загорелись тёплым светом, на улице пока еще не зажглись фонари. Город был красив. Город был жив. И Карина смотрела на него и думала: «Мы здесь, на Амине, в нашем тёплом, безопасном мире. А там, на Аджи, что-то дышит и ждёт. И нить, которая связывает нас, она не невидима. Она реальна. Я чувствую её. Торн чувствует. И я боюсь, что если мы потянем за неё, что-то потянется в ответ».

Фиалка на подоконнике чуть качнулась, от сквозняка из вентиляции. Но Карина посмотрела на неё и на секунду показалось, что цветок наклонился не в сторону потока воздуха, а в противоположную. Она моргнула. Фиалка стояла ровно. Всё нормально.

Элиза пришла через семнадцать минут. Она вошла тихо, как всегда, без стука, без предупреждения, просто открыла дверь и села рядом, как человек, который знает, что его ждут.

— Показывай, — коротко сказала она.

Карина показала. Всё, с самого начала, шаг за шагом. Магнитные графики, акустические всплески, смещение теней, цифровой пакет. Элиза слушала молча, не перебивая, только иногда кивала или хмурилась, и её пальцы быстро бегали по планшету, делая пометки, короткие, точные, как у хирурга, который ставит отметки на рентгене.

Когда Карина закончила, Элиза долго молчала. Жест, который Карина знала: Элиза устала, но не покажет этого, потому что усталость — это тоже данные, и с ними нужно считаться, но не сейчас.

— Карина, — сказала она, и голос её звучал не как голос директора, а как голос человека, который увидел что-то, чего не хотел видеть. — Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — тихо ответила Карина. — Это значит, что мы имеем дело не с аномалией. Аномалия — это отклонение. А здесь… здесь кто-то работает. Целенаправленно. Систематически. И он — или оно — знает, что делает.

Элиза помолчала. Потом:

— И разговор с Торном? — повторила Элиза, не отводя взгляда от экрана, где застыл стоп-кадр: тени, ползущие не туда, куда им положено.

Карина чуть помедлила, собираясь с мыслями. Ей хотелось не просто пересказать сухие фразы, а передать тот самый тон, усталый, собранный, без паники, но с ледяной ясностью человека, который уже понял: что-то идёт не так, и закрывать на это глаза нельзя.

— Я говорила с ним сегодня, — начала она ровно, будто докладывала данные, а не вспоминала чужой голос. — Он подтвердил, что на станции странное ощущение — будто воздух был плотнее, в тот день. Не физически, а… как будто ты дышишь через тонкую плёнку. Кайл и Иса жаловались, что у них немеют пальцы, когда касаются панелей. Не от холода, не от тока — просто панели будто… не те. Будто их подменили. Про все остальное. Теперь на станции все это закончилось все, снова как прежде, нормально.

— Значит, у нас есть не просто аномалия, — медленно произнесла она, словно взвешивая каждое слово. — У нас есть согласованные изменения в разных средах: магнитное поле, акустика, оптика, связь. И есть человеческие наблюдения, ощущения, которые совпадают с данными. Это не случайность. И не природа. Это… вмешательство.

Она сделала короткую паузу, будто давая Карине время привыкнуть к этому слову.

— Ты права: это не научная задача, — продолжила Элиза. — Это вопрос безопасности. И если мы сейчас скажем «подождём ещё день», а завтра что-то случится, мы не можем рисковать.

Карина кивнула. Ей не нужно было убеждать себя, она уже приняла это решение, когда собирала файл. Но услышать, как Элиза формулирует это вслух, было важно. Это делало реальность твёрже.

— Я подготовила черновик доклада для Вэйна, — сказала Карина. — В нём всё: графики, таймкоды, координаты, спектрограммы, стоп-кадры. И отдельно — показания Торна, Кайла и Исы. Без эмоций, только факты и наблюдения. Но… — она запнулась, подбирая слова, — я думаю, нам стоит показать ему не только цифры. Ему нужно услышать голос Торна. И Кайла. Чтобы он понял: это не паника. Это люди, которые знают, что чувствуют.

Элиза снова кивнула, её взгляд скользнул по экранам, по строчкам данных, по папке «DHX-2_Аномалия_Ворн», будто она мысленно собирала из этих кусочков единую картину.

— Хорошо, — сказала Элиза.

Она подняла взгляд на Карину, и в её глазах мелькнуло что-то, чего Карина раньше не замечала: не строгость, а забота, спрятанная за профессиональной маской.

— Ты работала без остановки почти сутки, — сказала Элиза чуть мягче. — И ты собрала эти данные не потому, что хотела произвести на меня впечатление. Ты сделала это, потому что знала: если не ты, значит никто. Но сейчас нам нужна не твоя усталость, а твоя ясность. Поэтому вот что мы сделаем: я встречусь с Моралесом, а ты едешь домой и отдыхаешь. На днях будет совещание и ты на нем будешь нужна мне, собранная и бодрая.

Карина не стала спорить.

Глава 18 Жизнь Кадара

Утро в квартире Эрьяна Кадара началось с тишины, не той, давящей, аджийской, которая приползает в сны и не отпускает, а обычной, домашней, сотканной из знакомых звуков: гудок кофемашины, шорох жалюзи, далёкий и приглушённый гул проспекта за окном. Солнце било сквозь щель между панелями, прочерчивая по тёмному паркету золотую полосу, и пылинки кружились в ней, медленные и ленивые, будто никуда не торопились.

Эрьян открыл глаза ранним утром, за две минуты до будильника. Его тело знало свой ритм лучше любого механизма. Он лежал ещё секунду, глядя в потолок: гладкий, матовый, с едва заметным узором лепнины, который остался после косметического ремонта и который он не стал убирать, потому, что тот был сделан руками, а не машиной, и в этом была своя красота.

Карина не спала рядом. Уже четвёртый день. Её сторона кровати была застелена не идеально, а так, как она умеет: подушка чуть примята, край одеяла отогнут, будто она только что встала и ушла в ванную, но не вернулась. Эрьян не трогал эту сторону. Не поправлял, не разглаживал. Ему нравилось, что кровать помнит её.

Она позвонила вчера вечером. Голос был живой, тёплый, чуть хрипловатый от усталости, такой, какой бывает у человека, который провёл весь день перед экранами и только сейчас позволил себе выдохнуть.

— Я сегодня снова буду в «Кассини», — сказала она. — Нужно уединение. Данные с Аджи… они не отпускают. Я не могу работать с ними здесь, тут слишком уютно, я расслабляюсь.

Эрьян улыбнулся. Он понимал. Их квартира — просторная, светлая, с высокими окнами и видом на залив, была местом, где напряжение таяло само собой. Здесь пахло ее шампунем и её любимым жасминовым чаем, на полках стояли книги, которые она читала наполовину и вкладывала в них билеты из музеев вместо закладок, на подоконнике стояли три фиалки в глиняных горшках, раскрашенных вручную. Это был дом. А дом — это не место для страха.

— Понял, — сказал он тогда. — Я буду рядом, если позовёшь.

— Не буду звать, — ответила она, и в её голосе была не отчуждённость, а нежность человека, который знает, что его любят, и поэтому может позволить себе уединение. — Но спасибо, что ты есть.

Он не стал звонить ей сегодня утром. Написал короткое сообщение: «Доброе утро. Кофе на столе, выпей, даже если ты не придешь».

Эрьян встал, прошёл босиком по паркету, тёмному, тёплому, из настоящего дуба, который он выбрал сам, не потому что дорого, а потому что дерево живёт: оно дышит, меняет оттенок с годами, запоминает шаги. Кухня была большой, почти пустой, если не считать техники. Никаких магнитов на холодильнике, никаких рисунков племянников, никаких календарей с котиками. Зато висела большая картина на стене, это был портрет Карины. Эрьян на день рождения заказал у одного известного художника, который по фотографии смог идеально изобразить Карину. Картина, написанная рукой, смотрелась живо и ярко.

Кофе, только ручная варка, шестнадцать граммов, 92 градуса, три минуты. Он научился этому не из модных статей, а от отца Карины, который однажды, за семейным обедом, сказал: «Хороший кофе — это уважение к утру. Если ты торопишься, то пей растворимый. Если хочешь начать день правильно, значит вари сам». Эрьян тогда кивнул, а вечером проверил температурные режимы экстракции. Не потому, что фанатик. Но если уж делать, значит делать правильно.

Кофе был идеален. Он сделал глоток, стоя у окна, и смотрел, как Лира просыпается. Город был красив утром: мягкий, тёплый, ещё не раскалённый солнцем, с лёгким туманом над

заливом, который таял, как сахар в горячем чае. Внизу, по проспекту, уже тянулись машины, редкие, торопливые, с включёнными фарами. По тротуару шла женщина с собакой — крупный золотистый ретривер, который останавливался у каждого фонаря и нюхал его с таким серьёзным видом, будто проверял оборудование.

Эрьян улыбнулся. Мир был в порядке.

Он одевался неторопливо, но без задержек. Спальня просторная, с одним большим шкафом, внутри которого всё было разложено по системе, которую он выстроил за годы и которая никогда не давала сбоев: костюмы по цвету, рубашки по воротнику, обувь по сезону. Сегодня он выбрал тёмно-синий костюм, не строгий, а мягкий, из ткани, которая дышала и не сковывала движений. Белая рубашка, без галстука, сегодня он решил, что галстук будет лишним. Просто так захотел. Часы тактические, тяжёлые, с сапфировым стеклом, которые он носил их вовсе не из-за престижа. Просто они работали. В любых условиях и были безотказными.

Прежде чем выйти, он задержался у столика в прихожей. На нём, три вещи: ключи, перстень с гербом ведомства и фотография в простой серебряной раме. Карина на ней смеялась, не в камеру, в сторону, и ветер трепал её светлые волосы, и в этом движении было столько жизни, что каждый раз, проходя мимо, Эрьян замедлял шаг. Не останавливался, замедлял. Как будто фотография требовала не внимания, а уважения к мгновению, которое она сохранила.

Он надел перстень, сунул ключи в карман и вышел.

В подземном гараже его ждала машина, тёмно-графитовый седан, длинный, приземистый, с линиями, которые говорили не о скорости, а о силе. Эрьян любил эту машину. Не за марку, не за цену, за то, как она слушалась руля. Она реагировала на каждое движение так, будто читала его мысли. Он купил её не сразу, а после трёх тест-драйвов, потому, что не верил первым впечатлениям. Как в людях, не верил первым рукопожатиям. Нужно было время, чтобы понять: это его.

Вчера он вызвал водителя Яна, и сказал:

— Я слышал, твоя семья зовёт тебя на побережье. Бери четыре дня. Поезжай.

Ян замер, не веря. Он привык к тому, что шеф ездит сам только в экстренных случаях, а в обычные дни руль — его работа.

— Но, кто будет…

— Я сам, — спокойно ответил Эрьян. — Я водить умею. А ты езжай. Дети тебя ждут.

Ян кивнул, и в его глазах мелькнуло то, что Эрьян видел редко и ценил больше любых наград: живая, неподдельная благодарность человека, которому не приказали, а позаботились.

Поэтому, сегодня утром Эрьян сам сел за руль, сам настроил зеркало, сам тронулся с места и это было приятно. Он, конечно, любил сам водить машину, и позволял себе эта радость, обычно, по выходным. В будние дни было много работы. Временами, приходилось работать прямо на заднем сидении, решать вопросы по телефону, что-то набрасывать на планшете, согласовывать и прочее. И не всегда время было на руль.

Гараж открылся, и он выехал на проспект. Утренняя Лира катилась навстречу, залитая светом, спокойная, ещё не начавшая суетиться. Он ехал не торопясь, окна чуть приоткрыты, и в салон влетал тёплый воздух с запахом жасмина, того самого, что рос в аллее вдоль проспекта, и который Карина называла «наш запах».

Парковка у здания Координационного совета была пуста, он приехал раньше всех. Это большой плюс вставать пораньше. Эрьян поставил машину, заглушил двигатель и замер. Сидел немного, руки подержал на руле. Слушал, как металл остывает: лёгкие щелчки, шипение, тиканье. Ему нравилось это мгновение: между дорогой и работой, когда он ещё не начальник, ещё не глава, ещё не «тот, кого боятся», а просто человек в машине, который приехал туда, где его ждали дела.

Он достал телефон. Сообщение от Карины: «Кофе выпила. Виртуально. Работаю. Скучаю. Не мешай мне скучать по тебе — это полезно для концентрации, и смайлик-улыбка».

Он усмехнулся. Карина умела писать так, что в пяти словах было пять смыслов, и каждый, из них, тёплый. Он не ответил. Не потому, что не хотел, а потому что знал: она сказала «не мешай», и лучшее, что он может сделать, послушаться. Она вернётся, когда будет готова. Она всегда возвращается.

Он убрал телефон и поднялся в кабинет.

Кабинет Эрьяна был не просто офисом, а целым командным пунктом, но без мрачности. Светлые стены, широкое окно с видом на город и залив, на подоконнике маленький кактус, в глиняном горшке, который подарила ему Карина на день рождения с словами: «Единственное растение, которое ты не сможешь погубить своим графиком». Кактус жил, рос, даже расцвёл однажды, маленьким розовым цветком, который продержался три дня, и Эрьян сфотографировал его и послал Карине. Она ответила: «Ты способен вырастить даже то, что не требует заботы. Я в безопасности».

Стол широкий, дубовый, почти пустой: планшет, блокнот, ручка. На стене три экрана: карта, графики, задачи. Всё подчинено одному правилу: ничто не должно отвлекать от сути.

Эрьян сел, открыл блокнот. Первая запись: «Сегодня стратегический режим. Без встреч. Без звонков, кроме экстренных. Думать».

В девять он сменил костюм на спортивную форму и вышел на пробежку. Но не в парк, а в спортивный клуб на крыше соседнего здания, где была беговая дорожка с видом на весь город. Золотистое утро Лиры, тишина, никого вокруг. Только он, дорожка и город за стеклом.

Он бежал, и ритм бега был ровным, не соревновательным, а спокойным, как дыхание. Пульс сто шестьдесят, дыхание глубокое, ровное. Тело работало, а голова была свободна.

И в эту свободу, как всегда, пришла Карина.

Не мысль, образ. Она стояла на набережной, ветер трепал волосы, она смеялась, и смех был таким, от которого хотелось остановиться и просто смотреть. Так было на их третьем свидании, она тогда сказала что-то смешное про геологические породы, и он засмеялся впервые за месяц, и понял: эта женщина умеет делать то, чего не умеет он. Она умеет быть лёгкой.

Он вспомнил, как они познакомились тогда в ночном клубе-ресторане. Как она танцевала.. Потом он пригласил её на кофе. Она согласилась. И за этим кофе, который они пили три часа, потому что ни один не хотел уходить, он понял: эта женщина — не дополнение к его жизни. Она баланс. Она то, чего ему не хватало: лёгкости, тепла, способности видеть красоту в том, что он привык оценивать только как ресурс.

А она увидела в нём то, чего не видели другие: не жёсткость, а надёжность. Не амбицию, а волю, не холод, а спокойствие человека, который умеет держать слово. Она однажды сказала ему: «Ты не пугаешь меня. Ты успокаиваешь. Потому, что когда ты рядом, я знаю: что бы ни случилось, кто-то не растеряется. Я могу позволить побыть слабой, иногда».

Эрьян тогда не ответил. Он просто взял её за руку. И они сидели молча, и это было больше, чем любые слова.

Он бежал и думал о том, как она сейчас одна, в «Кассини», с её данными, с её страхами, с тем, что она называет «аджийской тишиной». Он не мог ей помочь с анализом — это была не его область. Но он мог быть рядом, когда она вернётся. Быть тем, кто встретит её не вопросами, а тишиной, той, которая не давит, а греет.

Он ускорился. Пульс сто семьдесят. Тело работало, пот катился по спине, и ему было хорошо. Но больше не от бега, а от понимания, что где-то в городе, в маленькой квартире на втором этаже, женщина, которую он любит, пьёт кофе и смотрит в экраны и знает, что он есть. И он рядом.

После пробежки душ, переодевание, и снова кабинет. Но теперь предстояла работа.

Он открыл сводку по «Созвездию Амарра». Три проекта в активной фазе, два в подготовке, один на согласовании. Цифры были ровными, но Эрьян не искал неровности, он

искал закономерности. Где будет следующая точка напряжения? Какой проект начнёт буксовать через месяц, если не вмешаться сейчас?

Он работал методично, как всегда: читал, фиксировал, помечал, двигался дальше. Никакой суеты. Никаких эмоций. Только факты, выводы, решения.

В полдень позвонил куратор «Южного коридора» — того самого проекта, который Эрьян курировал лично.

— Господин Эрьян, подрядчик подтвердил: укладка начнётся в четверг. Материалы пришли на восемьдесят процентов.

— Хорошо, — спокойно ответил Эрьян. — Но восемьдесят, это не сто. Добейте. И проверьте качество. Я не хочу, чтобы через год дорогу пришлось перекладывать.

— Понял. Сделаю.

— И ещё, — добавил Эрьян. — Как у тебя с людьми? Не перегружены?

Куратор замер. Такой вопрос он слышал впервые, будто не от Эрьяна, а от кого бы то ни было.

— Нормально, — осторожно ответил он.

— Нормально — это когда люди работают и не падают с ног, — уточнил Эрьян. — Если кто-то тянет сверх нормы — дай отгул. Без вопросов. Лучше потерять день, чем человека.

— Сделаю, — голос куратора потеплел на полградуса.

Эрьян положил трубку. И подумал: «Вот так. Без шума, без объявлений, приказов, надима. Просто спросить: „Как ты?“ и дождаться честного ответа. Это стоит больше, чем любая программа поддержки».

Ближе к вечеру он позвонил Карине. Не для контроля или проверки, он хотел услышать ее родной голос.

— Привет, — сказал он, и голос его, обычно собранный и чёткий, стал чуть мягче. Не специально, само получилось. С ней он всегда звучал иначе. Не как чиновника, а просто как близкого человека.

— Привет, — ответила она, и в её голосе была улыбка. — Ты не мешаешь. Я как раз сделала перерыв.

— Как ты?

— Нормально. Данные… сложные. Но я двигаюсь. А ты?

— Бегал. Думал. Работал. Скучал.

— Скучал? — в её голосе мелькнуло удивление, будто она не верила, что он умеет скучать.

— Скучал, — подтвердил он, и в этом слове не было ни жалобы, ни упрёка — только тихая, тёплая констатация. — Квартира без тебя — это просто место. С тобой же — это дом.

Пауза. Длинная, тёплая, как солнечный луч на полу.

— Эрьян, — тихо сказала она, и он услышал в её голосе то, что она говорила редко, и поэтому каждое слово дороже золота: — Я вернусь скоро. Мне ещё день, может, два. Но я вернусь.

— Я знаю, — ответил он. — Я не жду. Я просто знаю.

Они помолчали. Как двое людей, которым не нужны слова, чтобы понимать друг друга.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— Доброй ночи, — ответил он. — И, Карина…

— Да?

— Выпей чаю. Не только кофе. Тебе нужен жасминовый.

Она тихо рассмеялась и этот смех был самым лучшим, что он услышал за весь день.

— Ты невозможный.

— Нет, — спокойно ответил он. — Я возможный. Просто не для всех.

Он положил трубку и посмотрел на кактус. Тот стоял на подоконнике, маленький, колючий, живой. Эрьян потрогал его пальцем, осторожно, чтобы не уколоться и не позвредить само растение. Кактус был тёплым от солнца.

— Расти, — тихо сказал он. — Она будет рада.

Он выключил свет, закрыл кабинет и пошёл к машине. Вечерняя Лира встретила его мягким золотом: фонари, окна, отражения в заливе. Город был красив. Город был жив. И Эрьян Кадар, первый заместитель губернатора провинции Сан-Аррубин, человек, которого уважали и боялись, шёл по набережной и думал не о проектах, не о бюджетах, не о гипотезах.

Он думал о том, что завтра будет очередной день. И может быть, к вечеру она вернётся. И квартира снова станет домом. И кофе будет вариться на двоих. И тишина для Карины будет не аджийской, не давящей, не выжидающей, а той, которая бывает между двумя людьми, когда все слова уже сказаны, и остаётся только присутствие.

Он сел в машину, завёл двигатель. Тот отозвался низким, ровным гулом, надёжным, как обещание.

Эрьян выехал на проспект и поехал домой. Солнце садились за заливом, и небо горело розовое, золотое, живое.

Он улыбнулся. Одними губами, чуть заметно, как человек, который редко улыбается, но когда улыбается — это значит, что всё хорошо.

И всё было хорошо.

Глава 19 Разговор в пустыне

Элиза Маркус вышла из ЦНИЦА вечером, когда Лира уже опускалась в сумерки: город тянул длинные тени, а воздух, ещё тёплый от дневного солнца, становился плотнее, будто собирался с силами перед ночью. У входа её ждал чёрный внедорожник, чистый, с глубокой тонировкой, без номеров. Машина стояла так, что не перекрывала проход, но занимала пространство уверенно, как вещь, которой здесь положено быть.

Дверца открылась, и из салона вышел Вэйн Моралес. Он не спешил, не делал лишних движений, просто шагнул на асфальт, расправил плечи, будто сбрасывая с них невидимый груз, и кивнул.

— Элиза.

— Вэйн. — Она ответила ровным тоном, и губы её чуть дрогнули, не в улыбке, а в её начале, в том коротком, тёплом движении, которое бывает между людьми, давно знающими друг друга и не нуждающимися в лишних словах. Вэйн ответил тем же, едва заметным, скупым, но живым изгибом губ, который для постороннего остался бы незамеченным, а для Элизы говорил: я рад тебя видеть, и я знаю, зачем ты здесь, и я готов. Они были давними союзниками, и Вэйн за годы, стоя во главе КИРН, сделал для ЦНИЦА больше, чем любой бюджет Намиссании или протокол: оборудование, люди, технологии, защита. Элиза не забывала этого. И Вэйн знал об этом. Поэтому, между ними не было ни показной теплоты, ни формальной холодности, только признание: мы оба знаем, что сейчас не до слов. Но мы рады, что стоим рядом.

Он галантно, но без излишней театральности, открыл пассажирскую дверь. Элиза села, чувствуя, как мягко щёлкнула защёлка ремня, как в салоне пахло кожей и чем-то ещё, едва уловимым, личным, что бывает только у людей, которые не пускают сюда посторонних.

Машина тронулась плавно, почти бесшумно, будто не ехала, а скользила. Они проехали через несколько кварталов, где улицы ещё жили обычной городской жизнью: витрины магазинов, редкие прохожие, светофоры, меняющие цвета. Потом город начал редеть, дома становились ниже, реже, и вскоре асфальт сменился дорогой, которая вела за пределы Лиры, к пустынным просторам, где горизонт был шире, а тишина тяжелее.

Элиза смотрела в окно. Песок, камни, редкие кусты, цепляющиеся за жизнь в трещинах. Пустыня не была безжизненной, она была просто другой, и её тишина звучала иначе, чем тишина города. И в этой тишине Элиза впервые за день почувствовала, как внутри что-то чуть-чуть расслабилось. Не потому, что было безопасно, а потому, что здесь не было иллюзии безопасности. Здесь всё было настоящим.

Через некоторое время город остался позади. Дорога шла прямо, рассекая пустыню, как лезвие. Потом Вэйн плавно свернул с асфальта, проехал ещё пару километров по твёрдому грунту и остановился.

Тишина накрыла машину, как одеяло. Даже двигатель, выключенный, не сразу отпустил звук, он ещё несколько секунд шептал металлом, остывая, и потом замолчал окончательно.

Вэйн вышел первым. Обошёл машину, открыл дверь для Элизы. Его движения были привычными, отработанными, но в них не было автоматизма, в каждом жесте чувствовалось внимание. Он подал ей руку, не как даме, а как человеку, которому сейчас может понадобиться опора. Элиза приняла её.

Он открыл багажник, достал складной столик и два стула. Поставил их метрах в тридцати от машины, там, где песок был ровным. Потом вернулся, взял термос и две металлические кружки.

Они сели друг напротив друга. Солнце уже клонилось к закату, и его свет ложился на песок тёплым, но не ярким, а приглушённым, будто берег силу для последнего рывка перед темнотой.

Вэйн налил кофе из термоса: густой, чёрный, без сахара. Протянул одну кружку Элизе.

— Такой разговор требует тишины, — сказал он, и его голос, низкий и чуть хрипловатый, звучал здесь иначе, чем в кабинете. Без эха стен, без фонового гула города, он становился глубже, весомее. — Здесь никто не подслушает. Ни техника, ни ветер.

Элиза кивнула. Взяла кружку, согревая пальцы о металл. Сделала маленький глоток. Кофе был горячим, крепким, без лишних нот, такой, какой пил Вэйн: без снисхождения к слабости, без украшений, без излишеств.

Она достала планшет, но Вэйн мягко, но твёрдо покачал головой.

— Не сейчас. Сначала словами. Я хочу услышать тебя. А потом посмотрю данные.

И Элиза начала. Она говорила ровно, без эмоций, как привыкла: факты, таймкоды, совпадения, аномалии. Про магнитные графики, которые были слишком ровными, словно кто-то взял и стёр у планеты пульс. Про акустические всплески, ритмичные, как дыхание, но не живое, а выверенное. Про смещение теней, которое не соответствовало законам физики, будто сама тьма решила пойти против света. Про цифровой пакет в канале связи, короткий, точный, чужой, как щелчок замка в чужой двери. И про разговор с Торном. Про крик в DXH2, который так и остался загадкой. И про тот самый «шёпот», о котором упомянул Торн: будто «Эхо-1» слышали его отовсюду: из-под ног, из воздуха, из-за спины, когда группа находилась в машинах.

Пока она говорила, Вэйн не перебивал. Он слушал так, как умел только он, не скользя взглядом, не кивая механически, а будто собирая её слова в какую-то внутреннюю схему, где каждое слово становилось деталью, обретающей своё место. Его светло-серые, стальные глаза не отрывались от неё, но в них не было давления, только работа.

Когда Элиза произнесла слово «шёпот», Вэйн едва заметно задержал дыхание, на долю секунды, так, что посторонний бы не заметил. И Элиза не заметила. Для него это не новая для него деталь. Это спусковой крючок.

Двадцать лет. Двадцать лет назад он стоял в зеркальной комнате подземного комплекса, один, и слышал то же самое. Шёпот, который шёл отовсюду. Который не говорил слов, но создавал ощущение — ощущение, что ты не один, что тебя видят, что тебя знают. Тогда его звали иначе. Имя, которое он стёр из всех архивов, к которым смог добраться, из отчётов, из логов, из списков личного состава. Остались только обезличенные данные, подписанные «сотрудник № 417». И молчание.

Он помнил этот шёпот так, как помнят боль, которую давно не чувствуешь, но знаешь, что она была. Помнил, как звенело в зубах. Как дрожали руки. Как он стоял один на камне, и пустыня дышала, и в этом дыхании была интонация, вопросительная, настойчивая, будто кто-то спрашивал и ждал ответа. Он не ответил. Но он не знал ответа и ничего не ответил. И шёпот отступил. Или он сам отступил от него. Двадцать лет назад.

И сейчас, сидя в пустыне с Элизой, с кружкой остывшего кофе в руке, Вэйн думал не о том, что делать. Он уже знал, что делать. Он думал о том, что всё, что он строил протоколы, системы, щиты, и всё это время он был уверен, что это в прошлом, которое не вернётся. И вот, теперь, оно возвращалось.

Но лицо его не дрогнуло. Он сделал маленький глоток кофе, поставил кружку и посмотрел на Элизу так, будто внутри ничего не произошло.

— «Эхо-1», — сказал он, — с Оршей Кэн, уже на пути к Амине. Они будут здесь через тридцать шесть часов.

Элиза кивнула.

— Я предлагаю внести дополнения в протокол безопасности космических перелётов, а именно: обязательное считывание памяти, сканирование сознания и подсознания для всех, кто побывал в аномальных зонах, — продолжил Вэйн. — Не ради любопытства. Ради безопасности. Чтобы мы знали, что они принесли с собой. И что осталось в них.

Элиза нахмурилась.

— Это… радикально. И этически сложно.

— Знаю, — спокойно ответил Вэйн. — Но этика не спасает жизни, если мы действуем вслепую.

Он сделал паузу, будто давая ей время подумать. Потом продолжил:

— Сканирование будет проводиться как с согласия, так и без — это вопрос государственной и общественной безопасности. Самира Зайд с тобой возглавит это направление. Мы разработаем протокол, где защита личности будет такой же строгой, как защита персональных данных. Но мы должны знать.

Элиза медленно кивнула. Она не была согласна полностью, но она понимала, что Вэйн прав. Иногда безопасность требует шагов, которые кажутся слишком жёсткими. И ей с Вэйном предстояло обсудить этот вопрос с Юрием Джедаром — человеком, который умел находить баланс между этикой и необходимостью, не теряя человечности.

— Хорошо, — сказала она. — Я помогу с подготовкой.

— Спасибо, — просто сказал он. Потом посмотрел на закат, на то, как солнце почти коснулось горизонта, и добавил:

— Знаешь, что самое страшное в аномалиях? Не то, что они ломают технику. Не то, что они искажают пространство. А то, что они находят в нас то, что мы прячем. Одиночество. Страх. Желание быть услышанным.

Он снова помолчал, будто проверяя, не слишком ли много сказал. Но сказал он ровно столько, сколько нужно, и ни словом больше. То, что было внутри, то, что он слышал двадцать лет назад, то, как теперь он практически стёр имя «Заран».

Он поднял кружку, сделал последний глоток остывшего кофе и посмотрел на Элизу.

— Мы не позволим им использовать это, — твёрдо сказал он. — Мы защитим тех, кто вернулся. И тех, кто ещё окажется позже там.

Элиза посмотрела на него на его угловатое лицо, на стальные глаза, в которых сейчас было не только холодное внимание, но и что-то ещё, тёплое и тихое, как отсвет заката. И поняла: Вэйн не просто строит защиту. Он строит мост. Мост между тем, что они знают, и тем, что им предстоит узнать. И он готов стоять на этом мосту первым, если придётся.

— Сделаем, — сказала она, и в её голосе прозвучала та же уверенность, что и в его. — Сделаем правильно.

Вэйн кивнул. Собрал столик и стулья, убрал термос в багажник. Потом снова открыл дверь для Элизы.

На обратном пути они почти не говорили. Но тишина между ними была не тяжёлой, она была рабочей. Тишиной людей, которые приняли решение и теперь будут его выполнять.

Город встретил их огнями, шумом, жизнью. Но теперь, среди этой жизни, Элиза чувствовала то, чего не чувствовала раньше: они не одни. И то, что происходит на Аджи, касается не только тех, кто там. Оно касается всех.

А Вэйн, ведя машину, думал о Джедаре. Завтра утром он с Элизой пойдёт к губернатору. И скажет то, что нужно сказать: что аномалии — это не просто угроза для Аррубина. Это вызов для всей системы. И чтобы ответить на него, им придётся измениться.

А где-то глубоко, под сталью и прагматизмом, под протоколами и решениями, под именем «Вэйн Моралес», которое он носил как броню, тихо, незаметно, как шрам, который носят под одеждой, лежало другое имя. И память о шёпоте и том крике осталась. Но теперь она была не грузом, а картой. Картой, по которой он поведёт остальных.

Глава 20 Решения в тишине

Через несколько дней в конференц-зале ЦНИЦА в Лире повисла тишина, такая плотная, что её можно было принять за паузу между ударами сердца перед прыжком. На большом экране висела карта сектора D3: красные точки — места, где ранее исчезали передвижные станции и экспедиции; синяя — квадрат DXH2 с модулем S-7, связь с которым оборвалась накануне.

Элиза Маркус, глава ЦНИЦА, стояла у экрана, слегка наклонив голову, будто пыталась разглядеть за точками не координаты, а судьбы людей. Её пальцы едва касались сенсорной панели, словно она боялась спугнуть хрупкие данные.

— Мы не можем игнорировать эти совпадения, — тихо произнесла Элиза, не оборачиваясь. — Пропажи экспедиций задолго до DXH2, теперь потеря связи с S-7… Это не случайность. Это закономерность, которую мы слишком долго называли совпадением.

Вэйн Моралес, глава корпорации КИРН, сидел в кресле, откинувшись назад. Его поза казалась расслабленной, но в глазах читалась напряжённая работа мысли. Он постукивал пальцем по подлокотнику — это единственный признак внутреннего беспокойства, и даже этот ритм был выверенным, как у человека, привыкшего держать хаос на расстоянии вытянутой руки.

— Совпадения — это то, что мы видим, когда не хотим признать закономерность, — ответил он ровным голосом. — Но нам нужны не догадки, а факты. Что у нас есть?

Карина Ворн, сидящая рядом с Майей Коста, быстро пробежалась взглядом по своим заметкам. Она чувствовала, как под кожей ползёт то самое напряжение, которое не объяснить приборами, но невозможно и игнорировать.

— У нас есть данные с «Эхо-1», — начала она. — Магнитные поля в районе DXH2 были неестественно стабильны — будто кто-то взял и выключил саму переменчивость планеты, оставив только ровный, мёртвый фон. Акустические записи фиксируют странные ритмичные всплески. И… — она сделала паузу, собираясь с мыслями, — шёпот слышали все члены экспедиции «Эхо-1». Хотя этот шёпот не был зафиксирован оборудованием.

Майя Коста нахмурилась, её тёмные брови сошлись на переносице. В её взгляде не было паники, только холодный расчёт, который всегда появлялся, когда реальность не укладывалась в шаблоны и протоколы.

— Вы хотите сказать, что этот… шёпот передавался на расстоянии, когда группа отступала на машинах? Это ведь невозможно.

Карина чуть наклонила голову, не споря, а просто отстаивая свою правду.

— Я не говорю, что это работает по законам радиосвязи. Я говорю, что люди слышали одно и то же, в одно и то же время, находясь на удалении от аномальной зоны. И это не совпадение в показаниях — это синхронность, которую я не могу объяснить.

Орша Кэн, ксенолог КИРН, кивнула, подтверждая слова Карины. Она смотрела не на экран, а куда-то сквозь него, туда, где память хранила тот самый момент.

— Я помню тот момент, — тихо сказала она, глядя куда-то сквозь экран. — На «Аджи-2» в канале связи вдруг стало тихо. Не просто помехи исчезли, тишина стала плотной, густой, как вата. И в этой тиши было ощущение, будто кто-то стоял прямо за моим плечом. Я обернулась, никого не было. Но ощущение присутствия не ушло. Оно было не в воздухе, не в свете, оно было внутри. Как будто кто-то проник прямо в сознание.

Майя резко провела ладонью по столу, будто хотела смахнуть эту метафору, вернуть разговор в плоскость измеримого.

— Это стресс, — отрезала она. — Это усталость, сенсорная перегрузка, ожидание угрозы. Мозг достраивает картину, когда данных не хватает. Мы все знаем, как это работает.

Орша не стала спорить. Вместо этого она спокойно произнесла:

— Знаю. И я первая бы поставила на стресс, если бы только не одно «но». Я не одна это почувствовала. На «Аджи-2» трое членов экипажа в разное время докладывали о «ощущении взгляда», включая майора Сати Мартенс. И никто из них не знал о показаниях других. Записи логов это подтверждают.

Карина добавила:

— И на Аджи-1 было то же самое. Вин Торн, Иса Хамад, Кайл Джавад — все они упоминали холод, мурашки, будто к ним прикасалось нечто. Не физическое прикосновение, а вторжение в личное пространство, которое тело считывает раньше разума.

Майя Коста на секунду закрыла глаза, будто проверяя, не подводит ли её собственный опыт. Когда она снова посмотрела на коллег, в её взгляде уже не было категоричности, только упрямое желание найти опору, рациональное объяснение.

— Допустим, — медленно произнесла она. — Допустим, это не галлюцинации и не массовая истерия. Допустим, есть какой-то механизм, который вызывает у людей одинаковые ощущения на расстоянии. Тогда у меня возникает вопрос: как это возможно, если «Аджи-2» — орбитальная станция Аджи, здесь еще как бы все понятно, возможно, но Амина вообще в четырех днях пути на современном корабле, как такое возможно? Это немыслимо с точки зрения физики, да и логики.

Вэйн наконец перестал постукивать по подлокотнику. Он подался вперёд, и в этом движении не было спешки, только готовность взять на себя вес того, что сейчас прозвучит.

— А если мы смотрим не на расстояние, а на связь? — тихо, но чётко спросил он. — Что, если аномалия не перемещается в пространстве, а проявляется в точках, где есть определённая конфигурация людей, оборудования, сигналов? Что, если она использует наши системы, как провода, а наши нервы, как антенны?

Элиза медленно повернулась от экрана. В её глазах было не удивление, а признание: эта мысль уже приходила ей, но она откладывала её, потому что она была слишком неудобной.

— Тогда пропажи экспедиций — это не случайные исчезновения, — сказала она. — Это узлы. Точки, где аномалия закреплялась, училась, проверяла пределы. A DXH2 и S-7 — следующий этап.

Карина кивнула:

— И цифровой пакет в канале связи, не сообщение, а маркер. Способ сказать: «Я здесь. Я вижу вас».

В комнате снова повисла тишина, но теперь она была другой, не тяжёлой, а собранной. Это была тишина людей, которые только что перешагнули границу привычного и теперь стояли на новой территории, где старые законы работали не всегда.

Вэйн посмотрел на каждого по очереди, пытаясь убедиться, что все слышат одно и то же.

В комнате повисла другая тишина. Размышление. Даже Маркос Вега, обычно не склонный к эмоциям, слегка нахмурился. Он не верил в мистику, но верил в факты, а факты сейчас складывались в картину, которую он не хотел видеть.

Маркос скрестил руки на груди, не для позы, не для показа своего скепсиса. Он пытался понять источник угрозы. Лицо оставалось бесстрастным, но в тёмно-карих, почти чёрных глазах читалась напряжённая работа: он раскладывал услышанное на риски, угрозы, точки прорыва.

— Если это действительно так, — медленно произнёс он, — то мы имеем дело не с помехами и не с природным явлением. Мы имеем дело с целенаправленным воздействием. И если оно способно проникать в закрытые каналы связи на орбите, то любая наша техника может быть скомпрометирована, а люди? И люди выходит тоже?

— Или целенаправленным, или это имитация целенаправленности, — возразила Самира Зайд, заместитель Вэйна Моралеса по научному направлению. — Разница принципиальная.

Если за шёпотом стоит разум — это контакт, и мы должны действовать соответственно. Если это природный феномен, который лишь выглядит, как разумный сигнал — это совсем другой уровень угрозы. Потому, что с разумом можно… договориться. А с природой нет.

— Вы предлагаете пробовать договориться? — Маркос поднял бровь, и в этом жесте было не удивление, а скепсис профессионала, который привык, что «договориться» в поле означает «выжить».

— Я предлагаю не исключать, — отрезала Самира. — Потому, что если мы будем исходить только из «природный феномен», а окажется, что там кто-то есть, мы потеряем время. И людей.

Кэлен Рич, агент и координатор полевых операций КИРН, до этого момента молчавший в углу комнаты, наконец, произнес речь. Его тон был низким, почти без эмоциональным, но от этого звучал ещё весомее:

— Есть ещё один фактор, который мы не можем игнорировать. Конкуренты. Ирская коалиция проявляет повышенный интерес к секторам Аджи. Их спутники несколько раз фиксировались в наших границах. Возможно, они пытаются перехватить данные или даже организовать собственную экспедицию. Но… — он сделал паузу, — если они попытаются использовать свои системы связи в этом секторе, они тоже услышат этот шёпот и почувствуют эти воздействия. И не поймут, что это. Для них это будет просто сбой. А для нас предупреждение.

— Предупреждение о чём? — спросила Майя.

— О том, что мы не одни, кто интересуется Аджи, — ответил Кэлен. — Ирская коалиция не единственная угроза. Рийская республика тоже активизировалась. Их разведка работает тише, чем Ирская, но систематично. У нас есть данные, что рийцы провели как минимум три сеанса орбитальной съёмки секторов за последний год. Они не отправляют экспедиции, они наблюдают. И это хуже. Потому что тот, кто наблюдает, уже знает, что смотреть.

Вэйн Моралес резко выпрямился, его взгляд стал острым, как лезвие.

— Значит, у нас есть преимущество, — процедил он. — Если мы узнаем, с чем имеем дело. Или хотя бы узнаем, что это не просто сбой. А они нет.

Маркос чуть наклонил голову, словно примеряя эту мысль, как бронежилет: удобно ли сядет, не будет ли мешать в движении.

— Преимущество — это когда ты можешь его использовать, — спокойно, без нажима, сказал он. — А пока мы не знаем, как эта штука проникает в закрытые каналы, любое наше действие может стать сигналом. Или приманкой.

— Прежде, чем говорить о преимуществе, — вдруг сказала Майя, — давайте вспомним, что мы обсуждаем гипотезы, а не факты. У нас нет доказательств, что это разум. Есть только совпадения и субъективные ощущения.

Маркос не стал спорить. Вместо этого он достал из кармана небольшой предмет, не гаджет, а обычную бумажную карту секторов Аджи, слегка помятую по краям. Он развернул её на столе, не спеша, будто давая каждому увидеть, что здесь нет никакой магии, только линии, точки, расстояния.

— Вот факты, — сказал он, постучав пальцем по карте. — Вот квадрат DXH2. Вот разлом K7. Вот маршруты, по которым мы планировали вести новую группу. И вот то, чего мы не видим. — Он провёл пальцем по пустому участку между точками. — Здесь нет данных. Здесь есть только тишина, темнота для нас, неразведанная территория. И именно в этой тишине мы собираемся ставить модуль S-8.

Как бы то ни было, — вернула разговор к делу Элиза, — факт остаётся фактом: внешнее воздействие на технику и людей возможно, оно не оставляет следов, и мы не знаем, как его предотвратить. Самира, есть идеи, как защитить новую группу?

Самира задумалась на секунду, потом кивнула:

— Экранирующий контур S-8 — это первая линия. Он создаёт локальное поле, которое подавляет резонансные воздействия. Но шепоты, крик… — она развела руками. — Мы не знаем, что это было. Не можем защититься от того, чего не понимаем. S-8 — наш лучший шанс, но не полная гарантия.

— Нужно исходить из того, что защита может не сработать, — ровно сказал Вэйн. — И иметь план на этот случай.

Элиза резко обернулась от экрана, её лицо было бледным, но решительным.

— Именно поэтому нам нужно установить модуль S-8 у разлома K7, — заявила она. — Этот модуль, который разработала для нас ваша корпорация, способен не просто собирать данные, он создаёт локальную экранирующую зону, подавляя внешние резонансные воздействия. Если там действительно есть неизвестная цивилизация или какой-то природный феномен, S-8 поможет нам понять его природу и, возможно, защититься. Его задача — не дать этому шёпоту проникнуть в наши системы и одновременно зафиксировать источник.

Карина кивнула, поддерживая идею:

— S-8 — это наш лучший шанс. Он оснащён новыми сенсорами, которые могут фиксировать даже минимальные изменения в электромагнитном поле. И если там есть какой-то сигнал, мы его поймаем. А экранирующий контур не даст ему проникнуть в наши каналы связи.

— А если источник не природный? — вдруг спросила Орша, и все повернулись к ней. — Если за шёпотом стоит не просто феномен, а кто-то? Мы всё время говорим «аномалия», «воздействие», «резонанс». Но давайте назовём вещи своими именами: на Аджи может присутствовать разум. Не человеческий. Возможно, не в привычном смысле «разум». Но что-то, что слышит, отвечает и… целенаправленно воздействует. «Эхо-1» не просто услышала шум, они услышали слова. Каждому своё. Как будто кто-то подбирал ключ.

— Или подбирал, или сортировал, — тихо сказал Вэйн. Все замолчали. — Если это разум, и он способен адресно воздействовать на разных людей через разные системы, значит, он не просто существует, а изучает нас. И делает это давно. Двести лет, если не больше.

— Это гипотеза, — осторожно заметил Маркос, снова глядя на свою бумажную карту. Его пальцы чуть сильнее надавили на край, единственный признак того, что эта мысль ему не нравится. Он не любил гипотезы, которые нельзя проверить в поле. Он любил маршруты, контрольные точки, запасные пути. А «двести лет» — это не маршрут, это бездна.

— Это самая страшная гипотеза, — ответил Вэйн. — Потому, что если она верна, мы не исследуем Аджи. Аджи исследует нас.

В комнате повисла гробовая тишина. Кэлен Рич чуть побледнел, но голос остался ровным:

— Если это так, то Ирская коалиция и Рийская республика — это меньшая из наших проблем. Если на Аджи есть некий разум, способный поглощать экспедиции без следа, границы между нашими государствами теряют смысл. Мы воюем за территории, а под нами… или над нами… — он не закончил.

— Допустим, — сказала Элиза, и её голос стал жёстче, — Допустим, это разум. Допустим, он изучает нас. Тогда тем более мы не можем позволить себе бездействие. Мы должны понять, с чем имеем дело, до того, как это поймут другие. Ирская коалиция, Рийская республика, любой из них, кто первым разберётся в ситуации, получит преимущество. А мы потеряем всё.

Маркос скептически приподнял бровь:

— А как мы его туда доставим? Путь от «Аджи-1» до разлома K7 — это при тысячи километров. И первые пятьсот километров проходят через DXH2. Мы даже не можем провести предварительную разведку ни с воздуха, ни с орбиты, ведь атмосфера Аджи искажает все сигналы, сканеры бесполезны. Любая авиация или наземная группа войдут в слепую зону. Как это случилось с группой «Эхо-1».

Орша задумчиво провела рукой по волосам, собираясь с мыслями.

— Может быть, нам стоит рассмотреть вариант с автономными дронами? — предложила она. — Мы можем отправить несколько разведывательных модулей, оснащённых S-8, на дистанционном управлении. Они смогут добраться до К7 и начать сбор данных без прямого участия людей.

Самира покачала головой, и её густые волнистые волосы качнулись, но не рассыпались, она успела подхватить выбившуюся прядь и небрежно заправить её за ухо. Это движение было не жестом красоты, а привычным способом убрать лишнее, чтобы не мешало видеть главное.

— Дроны не справятся, — сказала она. — Атмосфера Аджи слишком агрессивна — пыль забивает фильтры, электроника выходит из строя. Мы уже пробовали. Несколько запусков не увенчались успехом. Как минимум пять запусков из пяти, дроны так и не смогли пересечь горный хребет со стороны квадрата DXH2. Вернее они пересекли и связь с ними пропала. Недавний запуск на западной дороге дал положительный результат, наши научные сотрудники смогли, с помощью дрона, зафиксировать сигнал в квадрате DXH2, по средствам машины «Аджи-Шторм-Х», расстояние в 700 км. Запущенный дрон смог провести разведку местности в радиусе пятьсот километров и вернулся обратно целым, с полученным сигналом с К7. Но это единственный успешный случай за всё время. Там местность пока слабо изучена.

Она обвела комнату взглядом, и в её тёмных, глубоких глазах на секунду мелькнуло то самое внутреннее напряжение, страх, что данные окажутся живыми, а не просто набором сигналов.

— За двести лет присутствия людей на Аджи, — продолжила Самира, и голос её, обычно быстрый, азартный, стал ровным и тяжёлым, — территории, за пределами сектора D3, поглотили более тысячи человек. Исследователи, военные, лётчики, техники. Люди, которые вошли и не вышли. Потери распределены по четырём направлениям: южное — разделено на «восточное» через квадрат DXH2 и «западное» — это дальше метеостанции 8, далее, будем называть ее МС-8, и три остальных: запад, север и восток. Восток — самый тяжёлый.

Она коснулась экрана, и восточная россыпь вспыхнула ярче. При этом её запястье чуть дрогнуло, на нём тихо щёлкнули часы с крупным циферблатом, будто напоминая, что время идёт, а ответов нет.

— Единственная дорога на юг, где и должен быть геологический разлом К7, идёт через развилку, семьдесят километров южнее Аджи-1, дальше — через хребет, и за хребтом — на Метеостанцию 8. Шестьсот километров от Аджи-1. Последний обжитой пункт. За станцией неразведанная территория. Либо вторая дорога через квадрат DXH2.

Она вывела две точки, крупные, яркие, ветке. Данный по южному направлению.

— Пять лет назад за Метеостанцией 8, на расстоянии тысяча восемь километров от Аджи-1, исчезла экспедиция «Азимут». Сто двадцать человек. Сорок восемь транспортных единиц, включая три мобильные лаборатории, двадцать четыре бронетранспортника сопровождения и шесть разведывательных дронов. Геофизики, биологи, инженеры, две медицинские бригады, служба безопасности — двадцать два человека. Командир — доктор Реймон Аккар. Последний сеанс связи — на тысяче восьмом километре. Потом тишина. Ни сигнала тревоги, ни обломков, ни маячка. Поисковая группа, отправленная через неделю, прошла четыреста километров и вернулась. Следов не нашли. Никаких.

В комнате стало тише. Маркос Вега скрестил пальцы. Кэлен Рич чуть наклонился вперёд. Кэлену Ричу было, что вспомнить: «Безымянная экспедиция, не зафиксированная ни в одном отчёте. Конвой из семи машин…».

— На спасение «Азимута», — продолжала Самира, — ушёл бывший начальник станции Аджи-1 — майор Ронан Фрей. Лично настаивал. Был уверен, что знает местность лучше всех. В составе двух звеньев авиации: «Стрижи» — три лёгких десантно-штурмовых аппарата — и «Сапсаны» — три десантно-штурмовых с тяжёлым вооружением. Тридцать человек. Шесть единиц авиации.

Самира выдержала паузу. Её пальцы замерли над панелью, будто она пыталась удержать эти цифры, не дать им рассыпаться в хаос.

— Все бесследно исчезли. Последний контакт с ними был на восемьсот девяностом километре. Короткий доклад: «Вижу пелену. Иду на снижение». И тишина. Была, спустя время, авиаразведка той местности. Обломков не найдено. Ни одного.

Вэйн не пошевелился. Его лицо оставалось неподвижным, но палец, постукивавший по подлокотнику, замер.

Она перевела на следующую точку:

— Восточное направление, дорога на юг, через DXH2, стопроцентные потери. Каждая группа, вошедшая за хребет, не вернулась. «Эхо-1» — единственное исключение за двести лет. Север, запад, восток— аналогично. Мелкие экспедиции, авиаразведка, военные патрули — всё исчезло. Свыше тысячи человек за двести лет. И мы продолжали отправлять людей, потому что не понимали, куда отправляем.

Она обвела комнату взглядом.

— Самая тяжёлая зона — восток. «Азимут» и группа Фрейя — сто пятьдесят человек и шесть единиц авиации за одну операцию. Это не экспедиции, которые потерялись. Это зона, которая их забрала. Целиком. Без следа.

Тишина в зале стала осязаемой. Элиза Маркус побледнела. Карина Ворн закрыла блокнот, она не смогла это записать.

— География, — продолжила Самира. — От Аджи-1 на юг, через двести километров — хребет. Тянется с запада на восток более тысячи километров. Два прохода на юг: восточный — через DXH2, западный — через MC-8. Ущелье до метеостанции пять не в счет. Дальше нее пропало тоже несколько групп, семьдесят лет назад. И эта дороге не ведет к нашей точке. Других известных дорог на юг нет. За хребтом параллельные маршруты расходятся на семьсот километров друг от друга. Восток, север и запад за пределами сектора D3 совсем не исследованы. Вообще. Мы не знаем, что там. Мы знаем только одно: те, кто туда шёл, обратно не вернулся.

— Итак, — Элиза первой нарушила тишину, — что мы имеем. Шёпот, который проникает везде. Потери, которые не поддаются объяснению. Возможный разум — нечеловеческий, не идентифицированный. И два государства, которые интересуются одной и той же территорией. Вопрос: что мы с этим делаем?

— Для начала — выстроим гипотезы, — сказала Самира, и в её голосе снова прорезался азарт исследователя. — Их четыре, и ни одну нельзя исключать.

Она вывела на экран четыре строки, но при этом достала из кармана небольшой блокнот, тот самый, в который записывала не только цифры, но и ощущения, запахи, звуки. Открыла его на нужной странице, быстро сверилась с пометками, будто проверяя, не упустила ли какой-то нюанс, и только после этого заговорила.

— Первая: на Аджи существует коренная, нечеловеческая цивилизация. Возможно, подземная, возможно, существующая в условиях, которые мы не способны зафиксировать нашими приборами. Шёпот — её способ коммуникации. Исчезновения — результат её воздействия на людей, либо защитная реакция на вторжение. Версия правдоподобна: двести лет экспедиций и ни одного контакта «лицом к лицу». Если цивилизация существует и не хочет, чтобы её нашли, она умеет прятаться. И умеет убирать тех, кто подходит слишком близко.

— Вторая: цивилизация не коренная, а приходящая. Аджи — не дом, а точка. Перекрёсток. Место, куда кто-то прилетает, периодически, на короткое или длительное время и уходит. Может быть, где-то есть пространственные порталы или маяки. Шёпот — не речь, а эхо. Остаточный сигнал от тех, кто был здесь и ушёл, но чьё присутствие впиталось в атмосферу, в камень, в саму ткань планеты. Версия объясняет, почему воздействие есть, а источника нет:

источник не здесь. Он был. Ведь мы изучили не более процента площади всей планеты за всё время пребывания намиссов на Аррубине.

— Третья, — продолжила Самира: — это не цивилизация. Это среда. Аджи — планета с уникальными физическими свойствами, которые создают перцептивные эффекты, имитирующие разумное воздействие. Резонансные поля, тектоническая активность, особенности атмосферного состава — всё это может порождать звуки, образы, ощущения, которые мозг интерпретирует как «шёпот», «присутствие», «голос». Не потому, что это разум, а потому, что мозг устроен так: он ищет разум там, где его нет. Версия удобная, её можно положить в отчёт. Но она не объясняет главного: почему люди исчезают. Психихеское воздействие не убирает тела.

— Четвёртая, — и Самира чуть понизила голос, — это не одна сущность и не одна цивилизация. Это несколько явлений разной природы, которые мы объединяем в одно, потому что они похожи.

Маркос медленно кивнул:

— Четыре гипотезы. Ни одна не подтверждена. Все четыре только пугают. Отлично.

— Есть и пятая, — тихо сказал Кэлен Рич. Все повернулись к нему. — Не в научном смысле. В практическом. Что, если Ирская коалиция или Рийская республика уже знают больше, чем мы? Что, если кто-то из них уже проводил неофициальные экспедиции вне сектора D3 и не объявил об этом, потому, что нашёл то, что не хочет делить? Их спутники над планетой не только — это не любопытство. Это систематическое наблюдение. А наблюдение — это первый шаг к действию.

— Если бы они отправляли экспедиции, — возразил Кэлен сам себе, — мы бы заметили. Хотя, наш единственный орбитальный контроль, Аджи-2 не способен зафиксировать все запуски в атмосферу Аджи.

— Планета большая, могли с любой точки орбиты, их множество, но везде очень плотная атмосфера, если и были попытки, они провальные,— тихо сказал Вэйн. — Но. Если они смогли преодолеть… то у них возможно уже есть свой «Аджи-1», о котором мы не знаем.

Стояла тишина. Все переваривали услышанное.

— Единственный вариант, доставка вручную, с сопровождением специалистов, — вернула разговор в русло Самира. — Через квадрат DXH2, так как «Эхо-1» смогла вернуться. Но… — она посмотрела на Элизу, — мы можем использовать экранирующие контуры S-8, как защиту для транспорта. Если мы активируем модуль на ранней стадии, он сможет создать защитный пузырь вокруг колонны. Это снизит риск воздействия на системы и, возможно, даже на людей.

Вэйн Моралес встал, подошёл к экрану и провёл пальцем по маршруту от «Аджи-1» до K7.

— Значит, придётся рисковать, и активировать режим сразу, с момента выезда со станции— сказал он, и в его голосе не было ни колебаний, ни сомнений. — Мы отправим небольшую, но хорошо оснащённую группу. С максимальной защитой, с дублирующими системами связи. И с чётким планом отхода, при первых признаках угрозы.

Майя Коста резко встала, её стул чуть не опрокинулся.

— Это безумие! — воскликнула она. — Вы предлагаете отправить людей в зону, где мы даже не знаем, что их ждёт! Где предыдущие экспедиции просто исчезали без следа! Где теперь мы знаем, что какой-то… шёпот может проникнуть в любую систему, в любое ухо! Я, конечно, в ответе за внутреннюю безопасность всего Аррубина, причем официально, я понимаю все риски, но! Я не могу просто так закрывать глаза на то, как мы туда отправляем людей?!

Элиза повернулась к ней, её голос звучал твёрдо:

— Мы не можем позволить себе бездействие. Если Ирская коалиция доберётся до K7 первой, мы потеряем не только научные данные, но и стратегическое преимущество. А если Рийская республика проведёт тихую разведку и найдёт то, что мы не смогли… — она не закон-

чила, но все поняли. — А если там действительно есть неизвестная цивилизация… мы должны быть теми, кто установит первый контакт. Или хотя бы поймёт, с чем имеем дело. И теперь, когда мы знаем про шёпот, мы можем подготовиться к нему. Мы можем защититься.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Все взгляды обратились к Вэйну Моралесу — решение было за ним.

Он медленно обвёл взглядом собравшихся, будто пытаясь прочесть в их лицах ответы на вопросы, которые ещё не задал. Затем глубоко вздохнул и произнёс:

— Хорошо. Мы готовим экспедицию. Но на моих условиях. Во-первых, группа должна быть минимальной: только самые необходимые специалисты. Во-вторых, у них будет полный комплект защитного оборудования и резервные каналы связи. В-третьих… — он сделал паузу, глядя прямо на Элизу, — ты лично курируешь эту операцию, как официальный, государственный представитель науки. Здесь дело государственной безопасности, корпорация не имеет права проводить и руководить такими операциями. Но корпорация окажет максимальное сопровождение и поддержку. Максимальное.

Элиза кивнула, её лицо оставалось спокойным, но в глазах мелькнуло облегчение.

— Принято, — ответила она.

Карина подняла руку, привлекая внимание:

— Есть ещё один момент. Мы не должны забывать о природных циклах Аджи. Возможно, аномалии связаны с какими-то периодическими выбросами частиц или изменениями в магнитном поле планеты. Нам нужно синхронизировать отправку с наиболее стабильным периодом.

Самира быстро застучала по клавиатуре, выводя на экран графики атмосферных циклов.

— По моим расчётам, следующий стабильный период начнётся через три месяца, — сообщила она. — Это наш лучший шанс.

Маркос кивнул, его лицо оставалось непроницаемым, но в голосе появилась деловая чёткость:

— Тогда у нас есть ещё три месяца на подготовку. Нужно проверить каждую деталь, каждый прибор. И подготовить людей.

Майя подняла руку, резко и решительно.

— План Б! Обязательно! И это не просто «на всякий случай», — сказала она, и голос её, обычно сдержанный, зазвучал жёстко. — Если связь с группой снова пропадёт, а она пропадёт, я это уже понимаю, да и судя по статистике, нам нужна готовая спасательная операция. Не поисковая группа, не дежурный патруль. Элитное подразделение спецназа, обученное действовать в аномальных зонах. Люди, которые не сломаются, если услышат шёпот. Которые смогут мыслить рационально, когда реальность вокруг них… перестаёт быть реальностью. Таких единиц в Аррубине — два. Оба на Зарре. Если мы отправим экспедицию без страховки, мы отправляем их на смерть. С страховкой, у них хотя бы есть шанс.

Вэйн посмотрел на неё долго, пристально. Майя не отвела глаз. Она редко настаивала, но когда настаивала — это значило, что за решением стоит не эмоция, а расчёт.

Он помолчал. Потом кивнул коротко, почти незаметно.

— Хорошо, — сказал он. — Я подготовлю и проработаю спасательную группу «второй эшелон». Стартует с Зарры. По протоколу M5: ровно через семьдесят два часа, после потери связи с первой группой. Ни раньше, ни позже. Раньше, значит подвергаем риску и спасателей, и тех, кого спасаем. Позже, значит, может быть поздно. Семьдесят два часа — это окно, в которое можно войти, пока след ещё не остыл.

— Протокол M5, — повторил Кэлен. — Это значит полная автономия. Связь только по закрытому каналу, без промежуточных узлов. И решение на применение силы на месте.

— Решение на применение силы — на командире группы, — подтвердил Вэйн. — Но, с одним условием: цель — спасти людей, а не уничтожить угрозу. В этой конкретной ситуации.

Если они смогут забрать наших и уйти, значит уходят. Если не смогут, значит отходят сами. Никаких героев. Никаких «последних стояний». Мы уже потеряли достаточно.

Кэлен Рич снова заговорил, его голос звучал почти шёпотом, но все в зале его услышали:

— И ещё одно. Мы должны быть готовы к тому, что Ирская коалиция или Рийская республика попытаются саботировать нашу экспедицию. У обеих сторон есть ресурсы и мотивация. Ирская, потому, что агрессивна. Рийская, потому, что терпелива. Нам нужно предусмотреть меры противодействия.

— Особое внимание рийцам, — добавил Вэйн. — Ирская коалиция действует в лоб: спутники, разведка, давление. Рийская республика работает иначе. Они не светятся. Они ждут, пока мы сделаем работу за них и только потом забирают результат. Если они узнают о экспедиции с S-8, а они узнают, рано или поздно, нам нужен план защиты данных.

Самира продолжила, её голос прозвучал неожиданно звонко в напряжённой тишине:

— Я могу добавить кое-что к расчётам, — сказала она, доставая свой блокнот. — По моим наблюдениям, в ближайшие три месяца ожидается снижение плотности пылевого облака в секторе D3. Это может улучшить работу сенсоров и немного снизить риски для техники. Но… — она на секунду замялась, словно не решаясь озвучить свои опасения, — снижение плотности может также означать изменение резонансных свойств атмосферы. То есть шёпот… может стать громче.

Маркос кивнул, быстро делая заметки на своём планшете:

— Если плотность пыли снизится, мы сможем увеличить срок работы фильтров и, возможно, даже использовать дополнительные датчики, без риска быстрого выхода из строя. Но насчёт «громче»… — он посмотрел на Самиру, — если это действительно резонанс среды, то да. Меньше помех — чище сигнал. Нам придётся полагаться на экранирующие контуры S-8. Без них любая система станет уязвимой.

— А если «громче», значит «ближе»? — вдруг спросила Орша. Тихо, почти шёпотом. — Если шёпот — это голос чего-то, что приближается, а не просто фонит в атмосфере? Если оно… просыпается?

Никто не ответил. Но каждый подумал об этом.

Вэйн Моралес встал, давая понять, что совещание окончено:

— Тогда за работу. Время не ждёт. И Аджи тоже. А я, в свою очередь, встречусь с губернатором, — заключил он.

Все начали расходиться, обсуждая детали, сверяя графики и распределяя задачи. Только Элиза задержалась у экрана, ещё раз вглядываясь в синие и красные точки, будто пытаясь разглядеть за ними не просто координаты, а судьбы людей и будущее всей миссии.

*****

Карина стояла у выхода из ЦНИЦА, прижимая к уху телефон и одновременно пытаясь застегнуть воротник куртки, ветер с набережной норовил пробраться под ткань и унести с собой остатки тепла. Она уже почти закончила, когда заметила Оршу: та вышла из здания чуть позже, остановилась на ступенях, будто собираясь с мыслями, и глубоко вдохнула, словно хотела смыть с себя запах конференц-зала.

— Эй, Орша! — окликнула Карина, махнув рукой. — Ты куда сейчас? Если пешком, давай подвезу. Тут ветер такой, что пальто уносит вместе с мыслями.

Орша обернулась, на её лице мелькнула лёгкая улыбка, не дежурная, а настоящая, будто ей вдруг стало чуть легче дышать.

— Спасибо, — сказала она, спускаясь по ступеням. — с удовольствием. Пешком я бы дошла, но… сегодня не хочется тратить силы на борьбу с ветром.

Карина кивнула, щёлкнула брелоком, открывая машину.

— Тогда залезай. И не переживай, я не гоняю. Сегодня вообще хочется просто ехать и смотреть, как город зажигает огни.

В салоне пахло кофе и чем-то цитрусовым, Карина всегда держала в подстаканнике маленький освежитель. Орша села, слегка подтянула пальто, чтобы не помялось, и на мгновение закрыла глаза, будто впитывая тишину, которая здесь. В машине тишина была совсем другой, не той, что в зале совещаний.

— Знаешь, — тихо сказала она, — иногда мне кажется, что я разучилась просто… никуда не спешить.

Карина покосилась на неё, не отрывая взгляда от дороги, и мягко улыбнулась:

— Это не ты разучилась. Это мир вокруг разучился давать нам паузы. Но мы их всё равно находим. Вот как сейчас.

Они ехали медленно, не торопясь, и город стелился перед ними, как старая, знакомая карта: фонари зажигались один за другим, витрины подмигивали тёплым светом, а набережная лежала впереди, тёмная и спокойная, будто ждала, когда её наконец заметят.

— Давай прогуляемся? — предложила Карина, паркуясь у набережной. — Тут обычно мало людей, и ветер уже не такой злой.

Орша кивнула, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на благодарность.

Они шли вдоль перил, слушая, как волны шёпотом спорят с камнями. Где-то вдалеке гудел катер, и этот звук был таким обыденным, таким земным, что казался почти утешительным.

— Ты когда-нибудь замечала, — вдруг сказала Орша, глядя на воду, — как тишина бывает разной? Вот на Аджи тишина… она тяжёлая, будто давит на плечи. А здесь… она лёгкая. Даже если в голове всё ещё крутятся мысли о DXH2 и S-8, здесь они как будто теряют вес.

Карина хмыкнула, но в этом звуке не было насмешки, только понимание.

— Да. Здесь тишина не требует ответов. Она просто… есть. И этого достаточно.

Они дошли до маленького кафе у самой воды, того самого, где окна запотели от тепла, а внутри пахло свежей выпечкой и корицей. Внутри было уютно, почти по-домашнему: деревянные стулья, лампы с жёлтым светом и тихая музыка, которая не мешала разговору.

За столиком у окна они заказали горячий шоколад для Карины и травяной чай для Орши. И заговорили, сначала о пустяках: о том, как странно пахнет осенний город, о любимых сортах чая, о том, что кофе иногда спасает, а иногда только добавляет тревоги. Потом разговор сам собой скользнул к работе, но уже без напряжения, как будто они снимали с темы острые углы, чтобы посмотреть на неё спокойно.

— Знаешь, что меня больше всего пугает в этой миссии? — вдруг призналась Орша, помешивая ложечкой чай. — Не риск. Не неизвестность. А то, что мы можем не услышать чего-то важного. Потому, что будем слишком заняты тем, чтобы всё контролировать.

Карина помолчала, потом тихо сказала:

— А я боюсь, что услышу слишком много. Что эти сбои, потери сигналов, шёпоты и мурашки… окажутся не помехами, а чьим-то голосом. И мы не будем знать, что с этим делать.

Орша посмотрела на неё долго, внимательно, будто хотела увидеть не только слова, но и то, что прячется за ними.

— Тогда мы будем слушать вместе, — просто сказала она. — И если станет страшно — просто скажем друг другу: «Мы здесь». Этого иногда хватает.

И в этот момент между ними что-то щёлкнуло, не громко, не торжественно, а тихо, как закрывается дверь в тёплую комнату. Они стали не просто коллегами, а кем-то большим. Подругами.

Когда они вышли из кафе, город уже окончательно переоделся в вечерние цвета: тёмно-синий, золотой, фиолетовый. Воздух стал прохладнее, но не злее, скорее, он приглашал замедлиться.

— Мне тут недалеко, — сказала Орша, застёгивая пальто. — Буквально десять минут пешком.

Карина улыбнулась:

— Тогда я посижу тут ещё немного. Посмотрю на воду. А ты… если вдруг станет тяжело, просто напиши. Даже если будет два часа ночи и я буду видеть десятый сон.

Орша кивнула, и её улыбка стала чуть шире, чуть светлее.

— Спасибо. За всё. За вечер. За то, что не пыталась меня «починить».

Карина рассмеялась:

— Я не умею чинить людей. Зато умею сидеть рядом.

Орша пошла по тротуару, и её фигура постепенно растворялась в сумерках. Ветер чуть шевелил её волосы, и она шла, не оглядываясь, но чувствуя, что за ней не наблюдают, её просто отпускают с лёгким сердцем.

Она шла медленно, будто каждый шаг приходилось вынимать из вязкой тишины вечернего города. После напряжённого совещания и разговора с новой подругой в груди всё ещё гудело от смешанных чувств, и она не торопилась возвращать себе привычное спокойствие.

На ней было тёмно-серое пальто свободного кроя, слегка развевавшееся от прохладного ветра; оно мягко подчёркивало её стройную, но не хрупкую фигуру: в ней чувствовалась собранность, сила, выточенная годами репетиций и выступлений. Длинные тёмные волосы, чуть растрепавшиеся от ветра, падали на плечи неровными прядями, а в полумраке фонарей отливали то шоколадным, то почти чёрным. Лицо её, с высокими скулами и тонкой линией носа, казалось в сумерках особенно выразительным: лёгкая тень усталости делала черты чуть резче, но не лишала их притягательности. В глазах, тёмных, как остывающий вечер, мелькало что-то задумчивое, будто она продолжала вести внутренний спор, начатый ещё на встрече.

Голос Орши, такой узнаваемый: глубокий, обволакивающий, с едва уловимой хрипотцой, будто в нём навсегда поселилось эхо концертных залов, сейчас молчал. И эта тишина делала её образ ещё более пронзительным: обычно её голос заполнял собой пространство, придавал вес каждому слову, а теперь он словно ушёл вглубь, став частью её самой.

Мало кто знал, что двенадцать лет назад она еще была певицей. До того момента как стать агентом корпорации, стать для всех ксенологом. Это было очень далеко отсюда, и очень давно.

А сейчас, она шла, не глядя по сторонам, но замечая всё: как свет витрин ложится золотистыми бликами на мокрый асфальт, как дрожат отражения в лужах, как город постепенно сбрасывает дневную суету и надевает вечерний покров. Её походка оставалась лёгкой, почти танцевальной, будто даже усталость не могла стереть привычку двигаться в ритме, который слышала только она.

А потом, уже свернув на свою улицу, где фонари стояли реже и тени становились длиннее, Орша вдруг тихо запела. Не громко, почти шёпотом, старую песню, которую когда-то пела ей бабушка. Мелодия была простой, без сложных переходов, но в ней было столько тепла, что казалось, будто она согревает не только её, но и сам воздух вокруг.

— «Когда ночь накрывает город, звёзды прячутся в крышах домов…» — тихо выводила она, и голос её, мягкий и чуть хрипловатый, ложился на тишину, как тёплый плед.

Иногда Орша пела, когда становилось слишком много мыслей. Когда слова не справлялись, а мелодия могла унести их прочь. И сейчас песня была не для кого-то, она была для неё самой. Чтобы напомнить: даже если впереди ждёт Аджи, DXH2, шёпоты и неизвестность, прямо сейчас она идёт по тихой улице, и ночь не враждебна, а просто велика. И в этой величине есть место и для страха, и для надежды, и для тихого голоса, который поёт себе под нос старую песню.

До дома оставалось всего несколько минут. Орша улыбнулась своим мыслям, поправила воротник пальто и пошла чуть быстрее, ей вдруг захотелось оказаться в своей комнате, налить чашку чая и посидеть у окна, вспоминая сегодняшний вечер. И то, как легко оказалось говорить с Кариной. И как важно знать, что где-то есть человек, в этой провинции, который не

будет требовать ответов, просто, искренне, готов составить компанию, посидеть и посмотреть на залив.

Глава 21 Тени в бокале

Бассейн был не малым, метров тридцать в длину, выложенный, бирюзового цвета, плиткой, которая в свете Лиры, создавала ощущение, что перед тобой маленьное море. Вода прозрачная, лёгкая, и тёплая, с запахом минералов и хлорки. По краям стояли не пластиковые шезлонги, а глубокие, обитые бежевой экокожей лежаки с регулируемыми спинками. На каждом сложенное полотенце из плотного хлопка, мягкое, как облако, и плетёная корзинка с набором: крем для загара, спрей от солнца, маленькая бутылочка с термальной водой и даже крошечный букетик свежих цветов, белых, с едва уловимым ароматом.

Тия стояла на бортике, босиком, на тёплой плитке, пальцы ног поджаты. Сейчас она смотрела на воду так, будто видела её впервые. На ней был простой тёмно-синий купальник, закрытый, спортивный, и белая кепка, с прямым козырьком, низко надвинутая на лоб. Из-под козырька выбивались тёмно-каштановые пряди, влажные на концах, прилипшие к вискам.

Илайя уже была в воде, просто шагнув с бортика с бортика и была уже под водой. Рыжие волосы распустились под водой, напоминая медузу или водоросли. Вынырнула резко, вдохнув воздух полной грудью, откинула голову назад, и волосы ударили по воде, и капли полетели в стороны, мелкие, сверкая на солнце. Несколько капель попали Тие на лицо, тёплые, лёгкие, как брызги летнего дождя.

Илайя засмеялась.

Грудным, тихим смехом, с хрипотцой, которая у неё была всегда. Смех, который приятно слушать. Манящий, нежный, женский, но не кокетливый, настоящий, душевный, счастливый, а временами и звонкий, как звук весеннего ручья, текущего высоко в горах.

Лира — первая звезда, сегодня светила ярко, своим теплым золотистым светом, а Мора — вторая звезда системы, холодная, висела в небе тонкой серебряной точкой, почти незаметной днём, но всё же притаилась там, как тихий наблюдатель.

Вокруг бассейна расстелился зелёный газон, аккуратно подстриженный, с дорожками из светлой плитки, и несколько пальм, адаптированных к климату Амыны, с широкими, тёмно-зелёными листьями, которые мягко шелестели на ветру. Теплый, легкий ветерок нес с собой запах нагретого камня и травы, и ещё чего-то сладкого, цветочного. Кругом было много красивых клумб.

Санаторный комплекс был большой, и не выглядел не как безликая гостиница, а был роскошным частным курортом-оазисом, среди пустыни, близ города Акара. Здание для постояльцев было трёхэтажным, с белыми стенами и плоской крышей, утопающей в зелени. Колонны у входа из тёплого бежевого камня, между ними подвесные кашпо с каскадными растениями, листья которых мягко свисали вниз, создавая живую тень. У входа в комплекс не было видно охраны, не было турникетов, лишь вежливый администратор в лёгкой льняной рубашке, который встречал гостей не с надменным вырожением лица, а по-человечески: с улыбкой, с предложением воды со льдом и ломтиком лайма, с коротким рассказом про сад, где растут травы для их будущих ванн.

Тия спустилась в воду по лестнице и медленно плыла на спине, остановилась и раскинула руки в стороны, смотрела на небо. Красноватый оттенок не пугал, не удивлял, был вполне привычным, как стены родного дома. Она смотрела и думала: как же всё-таки здорово сейчас Впервые за… она не помнила, когда последний раз ей выпадала возможность, именно так, проводить время. Наверное впервые.

— Тия! — послышался голос Илайи, которая вынернула из-под воды,— Ты что, уснула?

Тия не ответила. Она лежала на воде с закрытыми глазами и слушала плеск воды, шелест листьев на ветру, смех Илайи. Была такое чувство, будто целый мир сейчас заботился о них, заботливо обняв, своими добрыми руками.

Они провели еще минут двадцать в бассейне и когда Лира начала клониться к западу, красноватый оттенок неба чуть посветлел, стал ближе к обычному дневному тону. Тия вскарабкалась на бортик, сидела, опустив ноги в воду и смотрела, как вода по коже стекает тёплыми, лёгкими каплями. Илайя вылезла следом, вращая головой, брызги летели в стороны, рыжие волосы ударили по плечам мокрыми прядями, и она снова засмеялась, тем же низким, грудным смехом.

— Жарко, хорошо припекает — сказала Илайя, поднимая лицо к солнцу, закрыв глаза.

Тия смотрела на нее и видела крупицы морской соли на ее губах, капли на пышных ресницах, которые переливались на ярком свете и как мокрая прядь рыжих волос прилипла ко лбу. «Забавная ты», — подумала Тия. Спустя небольшую паузу ответила:

— Тонкая сегодня дымка, — кивнула Тия, поднимаясь. — К вечеру станет плотнее. Завтра будет серебряная ночь, Мора будет яркой.

— А завтра мы ещё здесь, — сказала Илайя, и в голосе её было что-то, похожее на тихую, детскую радость. — Мы ещё здесь, Тия. Это всего третий день. Третий.

— Третий, и ещё неделя: массажи, травяные ванны и много всего, — кивнула Тия и улыбнулась искренне, от счастья, — для счастья не так уж много и нужно, подруга, всего лишь: приятная компания, спокойствие и тишина. Я теперь почаще буду, по возможности, конечно, выбираться за город.

— это точно, — ответила Илайя, — надо отдыхать на природе, почаще. Знаешь, почему, то раньше мне это даже не приходило в голову.

— потому, что вечные дела, дела, — задумчиво ответила Тия.

Они собрали полотенца, перекинули через плечо и пошли по тёплой плитке, по дорожке, мимо пальм и кустов с белыми бутонами, к своему номеру. Номер на втором этаже, в дальнем конце корпуса.

Номер был просторным и продуманным до мелочей. Высокие потолки, большие программные окна, выходящие на сад, где росли кусты с белыми цветами и невысокие деревья с серебристой листвой. Пол из светлого камня, но не холодный: под ним была система подогрева, и даже вечером он оставался приятно тёплым. Стены в мягких бежевых и песочных тонах, без кричащих акцентов, но с деталями, которые выдавали роскошь: тонкие латунные вставки по периметру, картины с абстрактными пейзажами Амины, где цвета были подобраны так, что напоминали именно это красноватое небо, а не пытались его переиграть.

Две большие мягкие кровати, застеленные белоснежным бельём из длинноволокнистого хлопка, таким гладким, что казалось, будто оно шепчет при касании. Между кроватями изящная тумба из тёмного дерева, на ней графин с водой, стаканы и ваза с фруктами: не просто нарезка, а аккуратная композиция из местных плодов, украшенная веточкой зелени. Журнальный столик, два кожаных белых кресла с глубокими сиденьями, в которых хотелось сидеть часами. На столе у окна лежал планшет Тии, погасший, и блокнот Илайи, раскрытый, с вчерашними записями: меню ужина, пара слов о погоде, рисунок: маленький, неловкий — пальмы.

Тия бросила полотенце на кровать, переодевшись в халат, села на край, потянулась, медленно, с удовольствием и почувствовала, как мышцы отзываются приятной, тёплой тяжестью. Хорошо.

Илайя вышла из ванной, тоже в халате, бросила полотенце поверх Тиино, и упала на свою кровать, лицом вниз, раскинув руки.

— Вот это отдых, — сказала Тия с той тихой уверенностью, в которой она себя всегда старалась держать. — Не ищи подвох в отдыхе. Это просто отдых, нет пока ни заданий, ни операций, ничего. Только приятные процедуры.

Илайя перевернулась на спину, посмотрела на Тию. Большие зелёно-голубые глаза, нежная кожа без макияжа.

— Ладно, — сказала Илайя. — Не буду ничего искать здесь, это профессиональное. И ты права, здесь мы сейчас не агенты. Ты — просто Тия. Я — просто Илайя. И мы — просто две женщины, которые третий день лежат у бассейна и ни о чём не думают.

— Вот, — кивнула Тия.

Илайя улыбнулась — широко, открыто. И Тия улыбнулась в ответ, и обе — на секунду были не агентами, а просто двумя подругами, которые лежат на кроватях, после бассейна и болтают ни о чём, и за окном красноватое небо, и впереди вечер, и ничего, абсолютно ничего не угрожает им.

Тия потянулась к графину, налила воды, себе и Илайе. Стаканы холодные, с каплями на стенках. Илайя взяла стакан, приподнялась на локте, выпила жадно, большими глотками, и выдохнула:

— Хорошо.

— Хорошо, — повторила Тия и отпила из своего.

Она поставила стакан на тумбочку, откинулась на подушку, прикрыла глаза. Теперь голова чувствовала лёгкость, прохладу кондиционера, касание подушки.

Илайя тоже лежала на спине, с закрытыми глазами, рыжие волосы расстроились по подушке, мокрые, тёмно-медные.

Они лежали несколько минут в тишине, н не пустой, наполненной: гудение кондиционера, тихое, ровное, как дыхание большого, спящего зверя. Шум ветра снаружи, далёкий, приглушённый стенами и шторами. Запах влажный, тёплый, с нотой бергамота от кондиционера и нотой фруктов с тумбочки.

Тия приоткрыла один глаз, посмотрела на Илайю. Та уже почти спала. Дыхание стало глубже, лицо расслабилось, и даже эта её вечная хрипотца в голосе будто улеглась.

— Знаешь, — тихо сказала Тия, не повышая голоса, будто боялась спугнуть момент, — я рада, что мы теперь в паре.

Илайя не открыла глаз, но уголки губ чуть дрогнули в улыбке.

— Я тоже, — пробормотала она сонно. — Мне с тобой… мне с тобой спокойно.

Тия кивнула, хотя Илайя и не видела. Спокойно, да. Это слово сейчас было самым важным. Не «эффективно», не «по протоколу», не «как надо». Просто спокойно. Как будто рядом есть кто-то, кто подстрахует, если ты оступишься, Не просто напарник, а тот человек, которому, ты по-своему дорог. Они доверяли друг другу теперь, как никому больше.

И сейчас, в этом роскошном номере, где всё было продумано до мелочей, их счастье было не в лоске, не в дорогом белье и не в корзинках с цветами. Оно было в том, что они могли лежать рядом, не пряча усталость, не подбирая слова, не проверяя каждый взгляд на «правильно, неправильно».

Илайя вздохнула, повернулась на бок, подтянула колени, как ребёнок. Тия тихо встала, подошла и укрыла подругу, потянув за край одеяла, что лежало в изножье кровати. Илайя что-то пробормотала во сне и улыбнулась.

Тия вернулась к своей кровати, села на край и посмотрела в окно. Золотистые оттенки неба пока брали своё, но день ещё не сдался вечеру. Она улыбнулась самой себе — тихо, едва заметно — и подумала: пусть этот покой продлится ещё немного. Пусть они успеют просто побыть двумя женщинами, которым сейчас ничего не нужно доказывать — ни миру, ни себе, ни даже друг другу.

****

В этот миг три коротких удара костяшками по деревянной двери. Те самые три удара, что на Амине означали: «я свой».

Илайя открыла глаза мгновенно, будто и не спала. Как кошка: даже во сне, услышав посторонний звук, она сразу переходит в режим «охотника». Они переглянулись — без слов, одними взглядами.

— Мы не одеты, — сказала Тия, уже вставая. Сонная мягкость в голосе сменилась собранностью, почти рабочей интонацией.

— А чем тебе халат не одежда? — Илайя уже встала и подошла к зеркалу, торопливо поправляя волосы.

— Уговорила, — ответила Тия и, поправив пояс на своём белом махровом халате, плотнее запахнулась в тёплую ткань.

— Знаешь, мы гостей не ждали, поэтому, не ничего страшного, — ответила Илайя, улыбаясь.

Тия подошла к двери, задержала руку на ручке, на секунду, меньше чем на вдох и открыла.

Вэйн Моралес стоял в дверном проёме — высокий, в чёрной рубашке, воротник расстёгнут на одну пуговицу. Его светло-серые, почти стальные глаза смотрели не мимо них и не сквозь, а будто прямо в самую суть. В правой руке он держал чёрный бумажный пакет.

— Добрый день, — голос у него был низкий, чуть хрипловатый. — Отдыхаете? Не помешал?

Тия замерла в проёме, волосы ещё влажные, прилипшие к шее. За её спиной Илайя в бирюзовом халате застыла с настороженным взглядом, как зверь, который ещё не решил, бежать или стоять.

— Господин Моралес, — сказала Тия, и в голосе прозвучало лёгкое удивление. — Вы здесь?

— Здесь, — кивнул Вэйн. — Проезжал мимо. Решил проверить, как мои люди. Можно войти?

— Мы, правда, не готовы к вашему визиту… — начала Тия, но осеклась. — Проходите, конечно.

Она посторонилась, пропуская его. Вэйн вошёл спокойно, без лишней спешки, и одним быстрым взглядом окинул номер, не как гость, а как человек, привыкший замечать детали.

— Присаживайтесь, расслабьтесь, — сказал он, и это прозвучало не как приказ и даже не как просьба, а как мягкое разрешение позволить себе выдохнуть.

Девушки опустились в кресла у окна, скрытого за плотной шторой. Движения вышли чуть неловкими, будто они всё ещё не верили, что этот момент происходит. Вэйн опустил пакет на стол, потянул за края и достал бутылку вина, за ней вторую. Потом поставил корзинку — простую, из светлой лозы, но содержимое в ней было подобрано так, будто кто-то долго думал над каждой деталью. Там лежали ломтики выдержанного сыра с тонкой корочкой, хрустящие хлебцы на оливковом масле, вяленые томаты, пропитанные пряными травами… и тяжёлая кисть тёмного винограда — ягоды налитые, блестящие, будто покрытые тончайшим лаком. Всё выглядело не броско, но дорого — и очень щедро. Он поставил бутылку на стол и чуть улыбнулся едва заметно, уголком губ.

— Это неформальный визит, — тихо сказал он. — Просто день выдался такой, что хочется посидеть спокойно с вами. Если вы не против.

Тия чуть выдохнула — и сама удивилась этому выдоху. Где-то внутри шевельнулось что-то похожее на радость: Вэйн пришёл не с приказом, не с отчётом, а просто… посидеть. Но следом тут же скользнула привычная настороженность: он ведь не приходит «просто так». Илайя, будто угадав её мысли, незаметно расправила плечи, не как перед боем, а как перед чем-то важным. Они переглянулись: в этом взгляде было и «мы рады», и «но мы наготове».

— Конечно, — сказала Тия, и голос прозвучал чуть твёрже, чем нужно, выдавая эту двойственность. — Присаживайтесь.

— Как отдых? — спросил он.

— Хорошо, — ответила Тия. — Бассейн, воздух, тишина. Третий день.

— Третий, — добавила Илайя. — Господин Вэйн, вы нас балуете.

— Балую, — согласился он, и уголок его губ дрогнул на миллиметр. — Вы заслужили. Операция на Аджи прошла чисто. Данные у меня. Отчёт готов. Вы сделали все, что должны были. Теперь у вас заслуженный отдых.

Он помолчал, будто давая словам лечь ровно, не как приказ, а как факт, что все сложное позади. Потом тихо спросил:

— Самочувствие?

— Хорошо, — сказала Тия. — После Аджи, конечно, требуется адаптация, непривычно там.

— Бывает, — кивнул Вэйн. — На Аджи сложная среда. Организм защищается, блокирует лишнее. Ничего страшного. Отдохнёте, восстановитесь.

Илайя кивнула:

— У меня то же. Первые два дня не очень было, сейчас хорошо уже. Правда, все предывание на Аджи, как во сне, — улыбнулась она.

— Аджи, — повторил Вэйн. — Планета, которая не любит, когда её запоминают. — Он взял бутылку. — Это вам.

Вэйн снял восковую печать, медленно, аккуратно. Пробка была натуральной, тёмной, пахла дерево. Он вытащил её с тихим, протяжным, бархатным звуком. Вино запахло глубоко, тёмно — тягучими нотами ягод и старой древесины.

Но прежде, чем взяться за бутылку, он успел заметить всё: как у Тии на долю секунды голос стал твёрже, будто она снова собиралась докладывать, и как Илайя, даже сидя в халате, чуть наклонила корпус вперёд, привычный жест готовности, почти незаметный, но безошибочный для того, кто привык видеть людей насквозь. Вэйн не стал ни подчёркивать это, ни делать вид, что не видит. Лишь чуть сдержал улыбку, не как начальник, а как человек, которому приятно, что рядом не расслабленные до беспамятства, а те, кто всегда держат горизонт.

— Это особое, — сказал он, будто продолжая совсем другой разговор. — Не из магазина. Из личного. — И налил ровно, без капли мимо, в два высоких бокала, и в один небольшой себе, немного.

Вэйн чуть подвинул корзинку ближе к девушкам, но не к центру стола, а так, чтобы им было удобно дотянуться.

— Попробуйте виноград, — тихо сказал он. — Его собирали утром. Он сладкий.

Он поставил бутылку. Посмотрел на них, обеих, по очереди, светло-серыми, стальными глазами. В них на долю секунды мелькнуло что-то тихое, быстрое, как тень. В них было сожаление.

— За работу, — сказал Вэйн. — За то, что вернулись. За то, что живые. И за отдых, который вы заслужили.

Тия и Илайя переглянулись быстро, одним взглядом, в котором было всё: и вопрос «пьём?», и ответ «пьём».

Они чокнулись бокалами тихо, лёгким стеклянным звоном. Вэйн выпил свой глоток, маленький, ровный. Тия выпила половину. Илайя всё. Залпом.

— Хорошее, — сказала она, облизнув губы. — Очень хорошее. Где достали?

— И не спрашивайте, — ответил Вэйн, и уголок губ дрогнул снова. — Узнаете, придётся стереть вам память.

Обе девушки засмеялись над этой шуткой. Но в тоне не было и тени шутки. Только решимость. И что-то за ней. Он не шутил.

Пауза легла ровно, не давя, а давая выдохнуть. И в этой тишине Вэйн, будто сбросил ещё один слой формальности.

— Ладно, мне пора. Ещё много дел. — Он чуть помедлил, словно подбирая слова, которые не должны звучать, как награда за товар. — Хотел поблагодарить вас еще раз. Кстати, вас ждёт солидная премия, когда вернётесь в город. И это… — он чуть нахмурился, будто сам споткнулся о слово «премия», — это будет лишь скромная награда. Вы сделали нечто важное. Не просто задачу. Вы вытащили операцию там, где планета сама хотела стереть ваши следы. Деньгами этого не отплатить. Вы и сами это знаете.

Тия чуть наклонила голову, не в поклоне, а в том самом жесте, когда слова кажутся слишком тяжёлыми для воздуха.

— Спасибо, — сказала она ровно. Без восторга, без блеска в глазах. Просто приняла. — Но мы просто делали свою работу. Приказ. Долг.

Илайя кивнула, не пытаясь казаться равнодушной, но и не рассыпаясь в благодарностях.

— Приятно, — коротко сказала она. — Спасибо, Вэйн. Но если честно… я рада, что мы вообще вернулись. Что сидим сейчас здесь, в халатах, едим виноград и пьём вино, а не смотрим на отчёты.

Вэйн выслушал это без улыбки, но с тем самым вниманием, когда человек не ждёт оваций, а ценит, что ему говорят правду.

Он кивнул головой. Про себя подумал: «Пусть будет просто приятно. Пусть будет просто „спасибо“. Этого достаточно». Ему и правда не нужны были громкие слова, он знал, что эти женщины не умеют рассыпаться в благодарностях, да и не должны. Для него важнее было то, что они не отвергли этот жест, не отмахнулись, не сказали: «Не надо».

Он выпрямился — не резко, а собранно, как человек, который снова берёт на себя груз дел.

— Не буду мешать. Отдыхайте. Пейте. Завтра новый день. И послезавтра. И после. Вам ещё полторы недели. Ни о чём не думайте. — Он кивнул Тии, потом Илайе. Коротко, ровно. — Молодцы. Обе.

И в этих словах, сказанных без выражения, без пафоса и лишних интонаций, прозвучало больше, чем в любой торжественной речи. Это были не пустые слова благодарности — это было признание, которое не требовало ответа.

Девушки снова переглянулись. И в этом взгляде уже не было настороженности, только тихое согласие: да, мы молодцы. Да, мы заслужили эти полторы недели тишины.

Вэйн шагнул к двери, задержался на пороге, не для финальной фразы, а будто проверяя, что они действительно здесь, в безопасности, и всё идёт как надо. Потом вышел, прикрыв дверь за собой.

А в комнате остался тёплый запах вина, терпкий аромат сыра, сладкий виноград и ощущение, что сегодня им действительно позволили просто выдохнуть.

Тия и Илайя сидели в креслах и смотрели на дверь.

— Странный он, — сказала Илайя, будто додумывала вслух.

— Какой есть, — ответила Тия. — Вино хорошее. Она сделала ещё глоток, маленький, медленный, позволяя вкусу задержаться на языке.

— Хорошее, — согласилась Илайя и налила себе ещё. Налила щедро, до краёв, и выпила медленно, смакуя. Потом закрыла глаза и откинулась в кресле, будто сбросив с плеч невидимый груз.

— Жарко, — пробормотала она. — От вина жарко. И от солнца…

Она не закончила. Глаза закрылись, веки опустились мягко, как у человека, который давно ждал разрешения просто перестать держать спину ровно. Голова качнулась медленно, без рывка, и подбородок опустился на грудь. Рука, державшая стакан, ослабла — стакан качнулся, но не упал: Илайя успела поставить его на подлокотник. И уснула. Тихо, мгновенно, будто провалилась в тёплую воду.

Тия смотрела на неё секунду, две, будто проверяя, правда ли можно вот так, посреди комнаты, посреди дня, просто сдаться усталости и уснуть. Потом мир поплыл. Мягко, как туман, который поднимается с земли, укрывая, сглаживая, убирая лишнее. Пол поплыл, стены поплыли, свет лампы расплылся в большое золотистое пятно, яркое, но не режущее глаза. Стакан в её руке стал тяжёлым, очень тяжёлым, пальцы разжались сами собой, и он мягко опустился ей на колено, не разбившись.

Где-то далеко, как сквозь толстое стекло, она услышала тихий, почти незаметный звук — звякнул стакан Илайи, когда та ставила его на подлокотник. Звук дошёл до Тии с опозданием, будто мир стал вязким, как тёплый сироп, и все звуки теперь двигались в нём медленнее.

«Хорошее вино», — подумала Тия. И это была последняя мысль, прежде чем мир мягко, тихо, без боли погас.

*****

Вэйн не ждал. Он уже был в движении, тихо, точно, как человек, у которого каждая секунда просчитана заранее.

Он шагнул к Тие. На её голову лёг тонкий, гладкий ободок — лёгкий, почти невесомый, с едва заметной полосой матового металла по внутреннему краю. Он сел точно, как вторая кожа: не сдавливая, не тревожа, будто всегда здесь и был.

В его руке уже лежал планшет — тонкий, без опознавательных знаков. Вэйн коснулся экрана один раз, коротко. По панели побежали тонкие линии, похожие на кардиограмму, только бежали они не вверх вниз, а по кругу, медленной спиралью.

Тия не видела этого. Она уже не видела ничего. Но где то на границе угасающего сознания мелькнуло странное чувство, будто кто то очень аккуратно тронул её память в одном месте, там, где начинался вход в подземный комплекс на Аджи. Не вырвал, не дёрнул, именно стёр. Как стирают мел с доски мокрой тряпкой: тихо, без скрипа, ровным движением.

То же самое он сделал с Илайей. Ободок лёг на её рыжие волосы, яркие пряди чуть примялись под гладкой поверхностью. Планшет коротко пискнул, спираль сделала один полный оборот и замерла.

Вэйн знал, что делает. Он не трогал ничего лишнего: ни их дружбу, ни привычки, ни старые воспоминания, ни чувства. Только опасные куски, которые уже были скрыты от них временным гипнозом — как тонкая плёнка поверх открытой раны: от первого взгляда на люк, лестницу подземного комплекса «Аджи-НИЗ», до утра, когда они проснулись после кошмаров, не помня, что именно им снилось. Эти фрагменты, пропитанные ужасом, страхом, той самой холодной тьмой, которая не забывается, он убирал сейчас окончательно. Чисто, без следов, без швов.

А на их месте он оставлял только светлое, не пустую тишину, а тёплую, плотную картинку, которая должна была лечь ровно, как родной узор. Тёплый свет станции, вкус кофе, звук смеха, который звучит громче, чем положено в техническом ярусе, рутина: проверка датчиков, сверка показаний, дорога, по которой они шли вместе и которая казалась самой обычной дорогой в мире. Он не придумывал ничего лишнего, только то, что могло быть правдой, если бы всё пошло по другому сценарию.

А потом он подменил текущий момент. Не весь сегодняшний день, только свой визит. Вместо себя он вставил образ администратора: вежливый человек в льняной рубашке принёс вино «от господина Вэйна», передал пакет в руки, коротко поклонился и сразу ушёл. Простая, безобидная деталь: камешек, который должен был лечь ровно, без перекоса, в мозаику их памяти.

Бутылку с веществом он убрал в сумку, а на её место поставил другую: почти полную, открытую, с каплей вина на горлышке, будто её уже пробовали. Рядом еще запечатанную, третью. Приятный бонус. Это вино было и вправду хорошим — без подвоха, без ничего лишнего.

Потом он подошёл к графину. Из маленького прозрачного флакона капнул ровно три капли. Вещество растворилось без следа, не изменило ни цвета, ни запаха воды. Это было важно: после пробуждения оно должно было вывести из организма все следы препарата, что был в вине, не оставив даже намёка на анализ. Ни в крови, ни в волосах, ни в глубине тканей. Чистый лист.

Вэйн оглядел номер, одним быстрым взглядом, как сканер. Бокалы на своих местах, уже после «чистки»: в них не осталось ни следа от вещества, только лёгкий, естественный осадок на стенках — будто вино и правда просто пили, не спеша, смакуя. Корзинка на своём месте. Свет обычный, дневной, уличный, пробивался сквозь плотные шторы полосами, ложился на пол ровными прямоугольниками. Ничего лишнего. Никаких следов.

Он коснулся дверной ручки краем рукава, стирая возможный отпечаток. Затем постучал костяшками: три коротких удара, условный сигнал, который означал «я свой». Теперь он звучал как эхо, оставленное им самим себе, проверка, что память легла ровно, без перекосов.

И ушёл.

Дверь закрылась с мягким, лёгким щелчком. Шаги по коридору — ровные, мерные, без спешки. И ни один датчик не пискнул, ни одна камера не зафиксировала ничего подозрительного. В этом здании он был тенью, которую не помнят.

А в номере две женщины спали в креслах, не чувствуя ни холода, ни тепла, ни времени. Их дыхание было ровным, спокойным, как у тех, кто просто устал и уснул после долгого, доброго дня.

За окном красноватое небо становилось тёмно-фиолетовым, и Мора — далёкая, холодная, наконец-то стала заметной: яркая точка, которая смотрела на всё это сверху, как равнодушный свидетель.

*****

В соседнем номере Вэйн работал быстро, но без суеты, как человек, который тысячу раз репетировал каждое движение. Форма садовника сидела на нём буднично. Он вышел на служебную дорожку, туда, где как раз останавливался продуктовый фургон, по расписанию, минута в минуту.

Фургон пах хлебом и яблоками, и этот запах не сбил Вэйна, он только плотнее надвинул кепку садовника, скользнул в кузов между ящиками и сел на откидную скамейку, прислонившись спиной к прохладному металлу. Водитель подошел через минуту и хлопнул дверью, мотор заурчал, и фургон покатился прочь от комплекса, по дороге, которая петляла между невысокими дюнами, будто специально маскируя маршрут.

Через несколько километров фургон остановился у придорожного кафе. Такого же незаметного, как и сама дорога: одноэтажное, с выгоревшей вывеской и тенью от навеса, где стояли два пластиковых столика. Водитель вышел, потянулся, зевнул и направился к двери. Вэйн ждал этого. Он выскользнул тихо, бесшумно, как тень, и сразу ушёл за кафе, туда, где тень была гуще и длиннее.

Там его ждала мотоэкипировка, в плоском кейсе, спрятанном за ржавым листом, около мусорных контейнеров. Он переоделся быстро, механически: куртка, перчатки, штаны с защитой, шлем с затемнённым визором. Шлем сел плотно, отрезав лишние звуки, оставив только гул собственного дыхания и далёкий ветер. Байк стоял чуть дальше, за кустами перекати-поля — чёрный, низкий, собранный не для красоты, а для скорости и выносливости. Вэйн сел, завёл, и мотор ответил низким, сдержанным рыком, ровно настолько, чтобы его услышали только камни под колёсами.

Он ехал по пустыне, и пустыня принимала его. Здесь не было лишних глаз, лишних дорог, лишних следов. Только песок, камни, редкие сухие кусты и горы на горизонте — тёмные, тяжёлые, будто вырезанные из ночи. Он выбрал одну из них — ту, что смотрела на комплекс и на соседнюю вершину, где, по его интуиции, должен был находиться наблюдатель.

Байк остался у подножья. Вэйн дальше пошёл пешком, пригибаясь, сливаясь с рельефом. На самой вершине он опустился на одно колено, достал бинокль и навёл на соседнюю гору, в нескольких километрах.

Сначала он увидел только камень и тень. Потом, едва заметное движение: блик на оптике, лёгкое смещение силуэта. Норк Шесет. Агент КИРН. Он сидел в укрытии из камней, в лёгкой маскировочной накидке, почти сливаясь с фоном. В его позе была привычная, профессиональная неподвижность, та, что бывает у людей, которые умеют ждать. Он смотрел на окна номера Тии и Илайи, не отрываясь, будто пытался разглядеть сквозь стекло то, что нельзя увидеть.

Вэйн задержал дыхание на секунду, не из-за опасности, а из-за странного, холодного осознания. Шесет ждёт, напряжённо вглядывается в окна, следедит за комплексом, пытается девушек уберечь от возможной угрозы. Только Вэйн уже знал, что там сейчас ничего не происходит — только тишина, ровный сон и запах вина. А Шесет ещё не знал. И не должен был узнать.

«Теперь я сам эта угроза», — почти беззвучно улыбнулся Вэйн одними губами и опустил бинокль. Он не стал задерживаться. Не было смысла. Он уже увидел всё, что нужно: он увидел Шесета, интуиция не подвела его и в этот раз. Размышления будут дома.

Спуск занял меньше времени — вниз всегда проще. Байк ждал. Вэйн надел шлем, сел, тронулся плавно, тихо, на малых оборотах, чтобы его и вдали не было слышно, и покатил прочь, в сторону гор, где пустыня становилась глубже, темнее, где даже солнце казалось не таким ярким, будто теряло здесь свою власть.

Он уезжал, и за ним тянулся только след шин — тонкий, извилистый, который через час уже начнёт засыпать песком. Пустыня стирала всё лишнее. И это было частью плана.

Норк Шесет умел ждать. Это было его главным оружием — неподвижность, которая становилась почти невидимостью. Он сидел в укрытии из камней на склоне соседней горы, сливаясь с рельефом, как кусок скалы, который просто ещё не успел покрыться пылью. Лёгкая маскировочная накидка, подобранная под цвет местных валунов, делала его почти призраком. Оптика бинокля не ловила бликов — Норк был самой тенью. Снайперская винтовка с глушителем и оптикой лежала рядом — не как угроза, а как страховка на случай, если тишина вдруг станет ложью.

Он не работал по приказу. Не было ни задачи, ни куратора, ни даже формального допуска на эту территорию. Это было личное расследование, которое он вёл на свой страх и риск, потому что слишком многое не сходилось. Тия и Илайя вернулись с Аджи… другими. Не сломленными, не ранеными, а будто слегка сдвинутыми, как часы, которые идут, но показывают не то время. Они сразу заявили, что отныне будут работать вместе. Илайя оставила напарника, Моркоса Вегу. А Тия сказала самому Норку: «Ты — тень, Норк, а теням не нужны напарники».

Вэйн Моралес после их возвращения на Амину был слишком спокойным, слишком внимательным, слишком «своим» даже для человека, который владел корпорацией. И он не возражал, чтобы девушки теперь работали в паре.

Норк не знал, что было на Аджи: ни про подземный комплекс, ни про зеркальную комнату, ни про кольцо. Он знал только, что после той миссии девушки будто потеряли часть себя, резко решили работать в паре — и что Вэйн знал об этом больше, чем говорил. Он искал зацепку. Любой намёк: встречу, передачу, взгляд, который скажет больше слов.

Сегодня он снова наблюдал. Шторы в номере Тии и Илайи были плотно задёрнуты. Для постороннего взгляда это выглядело как обычный отдых: тишина, покой, закрытый от жары и любопытных глаз оазис. Но Норк искал не покой. Он искал Вэйна.

«Что я буду делать, если его увижу? — снова и снова крутилось у него в голове. — Если я увижу опасность, готов ли я ради них выстрелить? Убить Вэйна?» Вэйн не кровожадный, он инженер, он их не тронет, — сам себя успокаивал Норк. — Он не должен их тронуть. Но он сегодня утром очень рано уехал из Акары. Конечно, это еще ни о чем не говорит».

Он ждал его силуэта у окна, тени у двери, намёка на тайную встречу. В его голове этот день должен был стать переломным: Вэйн придёт, сделает что-то, что наконец-то свяжет все обрывки в одну картину. Но время шло, а ничего не происходило. Ни движения, ни гостя, ни даже лёгкого колебания штор. Только ровный, спокойный покой, который казался почти неестественным.

Норк опустил бинокль и на секунду прикрыл глаза. Пустыня умела обманывать: она убаюкивала неподвижностью, заставляла верить, что ничего не происходит. Но он знал: тишина — это тоже сигнал. Просто его нужно уметь слышать.

А потом шторы в номере дрогнули. Не резко, просто ткань чуть сдвинулась, и сквозь щель пробился свет. Потом штора поехала в сторону, открывая окно. Тия — в белом халате — подошла к подоконнику, потянулась, будто сбрасывая с себя остатки сна, и щёлкнула выключателем. В комнате загорелся мягкий, рассеянный свет.

Норк снова поднёс бинокль к глазам. В кадре появилась и Илайя — в халате, с мокрыми после душа волосами. Она стояла у зеркала и что-то говорила, скорее всего, сама себе. Они выглядели… обычными. Отдохнувшими, расслабленными, живыми. Никаких следов спешки, никаких признаков того, что в номере могло произойти произошло что-то важное.

Норк не разглядывал их тела. Он был здесь не для этого. Его интересовали детали: куда смотрят их глаза, как они двигаются, есть ли в их движениях напряжение. Но напряжения не было. Только лёгкая, почти домашняя неловкость, как у людей, которые проснулись позже обычного и теперь приводят себя в порядок.

«Сегодня никого не было», — мысленно подвёл он итог. Он столько времени потратил на ожидание, а в итоге ничего. Но это и к лучшему. За ними никто не ведёт слежку. Значит, это просто моя паранойя, — подумал он. Он следил не только за номером, а за всем комплексом. Всё было в порядке. Это хорошо.

Оставаться дольше было рискованно. Все его гаджеты остались дома сознательно, чтобы не оставлять цифрового следа. Но он был отрезан от штаба, а это значило, что в любой момент кто-то мог связаться по работе. Потерять агента, даже временно, всегда проблема, особенно для самого агента.

Норк аккуратно сложил бинокль, проверил, не оставил ли где-то выбившуюся из накидки ткань, закинул винтовку за спину и начал спускаться. Он двигался быстро, но без суеты, как человек, который знает, что каждая лишняя секунда на виду может стоить ему всего. Склон был каменистым, местами осыпался под ногами, но он не замедлялся: пустыня не прощала ошибок, но и не наказывала тех, кто знал её правила.

Когда он добрался до своего укрытия у подножия горы, простой ниши между валунами, где он оставил рюкзак и лёгкий камуфляж для спуска в долину. Солнце уже клонилось к закату. Тени стали длиннее, гуще, и в них было легче спрятаться. Норк накинул куртку, забросил рюкзак на плечо, сел на свой байк и поехал прочь, не оглядываясь. Он знал, что кроме него здесь никого нет.

*****

Тия открыла глаза и не сразу поняла, что день уже сменился вечером. Солнце не стояло в зените, оно опустилось ниже, и свет, падавший сквозь щель в шторах, был не белым, а золотисто-медовым, густым, будто его процедили сквозь тонкую ткань. Тени в комнате стали длиннее, мягче, и даже воздух казался другим не горячим, а тёплым, как нагретое одеяло.

Она проспала всего три часа, но этого хватило, чтобы усталость, копившаяся неделями, полностью отступила. Голова была ясной, без той тяжести, которая обычно прилипала к вискам после миссий. Рядом, всё в том же кресле, по-прежнему спала Илайя, только теперь она свернулась калачиком, поджав ноги, и дышала ровно, глубоко, как спят люди, которым ничего не угрожает.

Тия тихо, чтобы не разбудить подругу, встала и потянулась. Подошла к окну, отодвинула штору и замерла.

Вечер в комплексе был по-особенному красивым. Небо над пустыней стало тёмно-синим, почти фиолетовым, и по нему, как рассыпанные жемчужины, уже зажигались первые звёзды. Лира, уходя за горизонт, оставляла после себя длинную полосу тёплого света, а Мора висела в небе тонкой серебряной иглой, холодной, но спокойной. Вокруг бассейна горели низкие фонари, не яркие, не слепящие, а мягкие, янтарные, будто кто-то зажёг сотни маленьких свечей. Вода в бассейне отражала этот свет и переливалась всеми оттенками синего и зелёного, как драгоценный камень, который поймали в свете лампы.

Илайя проснулась от тихого вздоха, Тия стояла у окна и смотрела на закат.

— Красиво, — пробормотала Илайя, потирая глаза. — Я думала, мы проспали всю ночь. А тут… еще вечер.

— Всего три часа, — улыбнулась Тия. — Но этого хватило.

— Тогда давай не тратить его зря, — Илайя встала, потянулась, и её рыжие волосы вспыхнули в свете фонарей, будто в них запутались искры. — Бассейн? Пока не стемнело совсем.

Они переоделись в купальники, накинули лёгкие халаты и спустились вниз. На террасе у бассейна было тихо, постояльцев пока было не много на улице. Кто-то сидел в дальнем углу, кто-то прогуливался по дорожкам, но все они казались далёкими, будто смотрели на них сквозь стекло. Для Тии и Илайи в этот момент существовал только бассейн, мягкий свет и тёплый ветер, который пах нагретым камнем и цветами.

Илайя нырнула первой, длинным, чистым скольжением, и вода приняла её, как старая подруга. Тия села на бортик, свесив ноги, и смотрела, как по воде расходятся круги, как свет фонарей дрожит на поверхности, как вечер ложится на всё вокруг, укрывая и защищая.

Потом они купались, смеялись, брызгались, как дети, которым разрешили не быть взрослыми хотя бы на один вечер. Вода была тёплой, почти горячей, и смывала не только пыль пустыни, но и ту невидимую тяжесть, которую они привезли с Аджи.

Когда они вышли, привели себя в порядок в раздевалке: высушили волосы, надели лёгкие платья, не вечерние, а такие, в которых удобно и легко. Илайя собрала чуть влажные пряди в небрежный пучок, оставив несколько рыжих прядей свободно падать на шею, а Тия просто расчесала свои тёмно-каштановые волосы и оставила их распущенными, впервые за долгое время.

На террасе их уже ждал накрытый столик, но не торжественно, а по-домашнему: льняная скатерть, свечи в стеклянных фонарях, тарелки с тёплым хлебом, сыр, тонко нарезанные фрукты, пиалка с оливками, тарелка с запечёнными овощами, пахнущими чесноком и тимьяном. И графин с водой, прозрачной, с ломтиком лайма.

— Как будто кто-то знал, что мы проснёмся именно сейчас, — сказала Илайя, садясь и вдыхая аромат хлеба.

— Или просто тут так принято, — улыбнулась Тия, наливая воду в стаканы. — Заботиться о людях.

Они ели медленно, не торопясь, и каждый кусочек казался вкуснее обычного, потому, что рядом была подруга, потому что вокруг был красивый вечер, потому что сегодня не нужно было никуда бежать.

И тут Илайя вдруг улыбнулась, той самой улыбкой, которая появлялась у неё, когда она вспоминала что-то хорошее.

— Знаешь, — сказала она, откусывая кусочек сыра и глядя куда-то вдаль, туда, где небо становилось всё темнее, — я сегодня вспомнила наш вечер у костра на Аджи. Когда мы сидели у станции, пили чай Рико и смотрели на эти странные, размытые звёзды.

— Помню, — кивнула Тия, и в её голосе не было ни напряжения, ни попытки уйти от темы — только тепло. — Ореховая паста. Чай. Разговор.

— Да, — Илайя усмехнулась. — И ты тогда сказала, что уважаешь Аджи. Не ждёшь, а уважаешь.

— И это правда, — тихо сказала Тия. — Она суровая, но… честная.

— А ещё ты сказала, что хочешь просто нормальной жизни, — продолжила Илайя, не глядя на подругу, будто боялась спугнуть момент. — С утренним кофе, с грязной посудой, с разговорами о том, что купить в магазине.

Тия чуть помолчала. Потом улыбнулась, не широко, а так, как улыбаются, когда понимают, что не стыдно хотеть простых вещей.

— И знаешь, — сказала она, — сегодня я вдруг подумала: а ведь это тоже кусочек той самой нормальной жизни. Вот этот вечер. Бассейн. Ужин. Разговор без отчётов и протоколов. Просто мы.

— Просто мы, — повторила Илайя и подняла стакан с водой. — За это. За то, что сегодня нам не нужно быть «Песком» или «Иглой», или кем-то ещё. Сегодня мы просто Тия и Илайя.

— За нас, — тихо сказала Тия, и они чокнулись стаканами. Звук был тихий, но чистый, как тот самый момент, когда всё на секунду становится правильным.

Они говорили ещё долго:о рутине на метеостанции, о том, как Рон вечно флиртовал и заигрывал, как приходилось вручную сбрасывать показания датчиков, как однажды они три часа искали потерявшийся модуль связи, а он оказался под койкой у Илайи. Вспоминали закаты на Аджи, те самые, когда небо становилось лиловым, как старое вино, и казалось, что планета сама зажигает фонари.

И в этих разговорах не было ни страха, ни напряжения, только лёгкая грусть по тем дням, когда всё было проще, и радость от того, что они пережили их вместе.

Когда ужин закончился, они ещё посидели, глядя, как над пустыней зажигаются звёзды, как фонари у бассейна становятся ярче, а тени, глубже. Потом встали, неспешно пошли по дорожке, держась рядом, не за руки, но так, чтобы чувствовать, что подруга рядом.

В номере они переоделись в мягкие пижамы, сели на кровать и ещё немного поболтали о чём-то совсем незначительном: о запахе цветов за окном, о том, что завтра надо обязательно поплавать ещё раз, о том, что в саду растут травы, из которых делают ванны, и что было бы здорово попробовать.

А потом Тия легла, закрыла глаза и поняла, что впервые за долгое время она не думает о том, что будет завтра. Она думает только о том, что сегодня был хороший день. И этого достаточно.

*****

Особняк Вэйна Моралеса стоял в получасе езды от Акары, в коттеджном поселке, на пологом склоне, за которым начиналась пустыня. Не огромный, не парадный, обычный дом, ранга среднего чиновника, каких на Амине тысячи. Белые стены, плоская крыша, два этажа. Аккуратный сад с несколькими деревьями, дававшими тень в полуденные часы. Небольшой бассейн, не роскошный, а рабочий, метра четыре на восемь, с простой плиткой и без подсветки. Беседка с деревянным столом, где можно было пить кофе утром, глядя на пустыню. Баня скромная, но функциональная. Всё, что нужно, без единого избыточного элемента. Ни фонтанов, ни лепнины, ни статуй. Соседи — такие же дома чиновников, рангом пониже и повыше, но у них были и просторнее, и ярче. Вэйну это не было нужно.

Он приехал затемно. Загнал байк в гараж, тихо, без лишнего шума, — снял шлем, мотоэкипировку сложил в шкаф. Постоял минуту в тишине гаража, прислушиваясь к собственному телу: руки, дыхание, пульс — все в норме. Всё под контролем, как всегда.

Поднялся на второй этаж. Переоделся, быстро, привычно: спортивные трико, лёгкая футболка. То, в чём тело переставало быть инструментом и становилось просто телом. Босиком по тёплому полу вниз, на первый этаж, через кухню, мимо гостиной, к двери в подвал.

Обычная дверь. Кодовый замок, стандартный, как на любом хозяйственном помещении. Но за ним — не обычный подвал.

Вэйн открыл, спустился по короткой лестнице. Внизу, в кладовой ещё одна дверь. Не обычная, не кодовая — биометрическая, скрытая в стене, без ручки, без панели, без единого признака того, что это вообще дверь. Он приложил ладонь к стене, в том месте, где облицовка казалась чуть темнее, и стена бесшумно, без щелчка, без скрипа, отъехала в сторону.

За ней помещение, о котором не знал никто.

Ни один внешний сканер, ни один датчик, ни одна система КИРН, ни корпоративная, ни аррубинская, ни намиссанская, не могла засечь это пространство. Вэйн строил его сам, по ночам, в течение трёх лет. Сам клал звукоизоляцию, сам монтировал экранировку, сам настраивал систему, которая глушила любой внешний сигнал и не выпускала ни одного внутреннего. Здесь не было сети, не было связи с внешним миром. Только он и то, что он хранил.

Помещение небольшое, метра четыре на пять. Потолок низкий, две лампы, тусклый, ровный свет. Стены из голого бетона, без отделки, без декора. Стол простой, металлический, как в полевой лаборатории. На нём планшет, не подключённый ни к одной сети, и два плоских контейнера, маркированных буквами «Т» и «И». В углу сейф, вмонтированный в стену, с ручным замком. Код, не цифры, а последовательность нажатий, известная только ему.

Вэйн сел за стол. Включил планшет. Открыл контейнер «Т».

На экране файл. Не текст, не видео, не аудио. Формат, который не существовал ни в одной базе данных, ни в одном стандарте, потому что это была не совсем запись. Это был слепок. Слепок памяти, снятый с височных долей, обработанный, переведённый в формат, пригодный для просмотра. То, что видела Тия, сейчас видел Вэйн. То, что думала Тия, Вэйн слышал. Ее голосом.

Он смотрел.

Дорога. Песок. «Шторм-Х» гудит под ними, качается на неровностях. Тия за рулём, смотрит вперёд, думает о маршруте. Мысли простые, спокойные, технические: километраж, расход, точка назначения. Илайя рядом, на пассажирском, листает планшет. Думает о чём-то своём: не о работе, а о доме, о маме, о чае, который пила утром. Лёгкая, тёплая мысль, как запах из открытого окна.

Вэйн не задержался. Перемотал.

Вечер. Костёр. Тия и Илайя сидят у станции, пьют чай, говорят. Тия думает и говорит о доме, о детях, о нормальной жизни. Илайя о звёздах, о любви, о том, что романтика — это тоже реально. Их голоса тихие, тёплые, и в них нет ни агентов, ни протоколов, ни миссий. Только две женщины, которые устали и хотят простого.

Вэйн смотрел и не отводил глаз. Не ради забавы. Не ради любопытства. Он понимал, что это личное, интимное. Самое личное, что есть сокровенного у человека: его мысли, его мечты, его страхи, которые он не говорит вслух даже тем, кого любит. Он смотрел и слышал то, что не предназначалось для чужих ушей, и знал, что никогда, ни при каких обстоятельствах, это не выйдет за пределы этой комнаты. Он сохранит это. Как хранят чужое письмо, которое нашли на улице: не читают вслух, не показывают, а кладут в конверт и убирают в ящик. Потому, что чужое — это чужое.

«Отсюда, — подумал он, — именно отсюда между ними зародилась привязанность. Не на самом задании. Не по протоколу, заданию. А у костра, когда они сняли свои маски.»

Перемотал дальше.

Спуск. Подземный комплекс. Протокол-С. Они действуют чётко, по карте, по журналу. Сбор данных, носителей, журналов. Всё строго, ровно, профессионально. Вэйн отметил: хорошо работают. Чисто. Без суеты, без ошибок. Но уже сейчас аномальная активность действует на них в виде мыслей, подозрений, фобии и лкэегкой паранойи. Потом «Тихо-7». Дверь, которой не было на карте. Протокол умалчивал. Они заметили и пошли. Не по приказу. Не

по протоколу. По любопытству. По тому самому человеческому, которое заставляет открыть дверь, на которой написано «не входить», потому что написано «не входить». Значит входить нельзя.

Вэйн не осуждал. Он уже знал заранее, что они зайдут. Знал, потому, что сам двадцать лет назад вошёл. И знал, что за это уже назначено наказание. Они наказали себя сами, переступив порог. Но они вернулись. Живые. И это значило, что гипнотическое сообщение, которое он предусмотрел на крайний случай, сработало не зря. Они не только выполнили задание, они уцелели.

Потом зеркальная комната.

Вэйн остановил запись. Не потому, что не хотел смотреть. Потому что знал, что будет дальше. Знал лучше, чем они. Потому, что видел это своими глазами. Двадцать лет назад. В одиночку.

Он откинулся в кресле и прикрыл глаза. Планшет светился перед ним, паузой, ровной полосой на экране. Но он видел не экран. Он видел другое.

Двадцать лет назад. Подземный комплекс «Аджи-Низ».

К тому моменту, когда он прибыл, персонал сократился с тридцати до тридцати. Остальные выведены: кто-то по состоянию здоровья, кто-то по «собственному желанию», кто-то просто не вернулся из отпуска. Трое оставшихся — самые устойчивые. Те, кто слышал шёпоты дольше всех и не сломался. Или не до конца сломался.

Вэйн работал с ними. Месяц. Два. Три. Читал журналы, проверял данные, тестировал персонал. Психический фон неуклонно рос. Медленно, но рос. Трое держались, но Вэйн видел: они уже не те, кем были. Сдвиг стал явным: в реакциях, в речи, в том, как они смотрели на стены. Не на людей, на стены. Будто ждали, что стены ответят.

Ковин, который работал в машинном отделении. Ярус минус один, относящийся к метеостанции. Двигатели, генераторы, серверы, насосы. Не имел понятия, что ниже есть что-то ещё. Не имел допуска. Не имел причин спрашивать. Его записи короткие, технические, без единого упоминания шёпотов или аномалий. Машинное отделение было самым безопасным местом на станции. Гул, тепло, ровные показания. Он даже не знал, насколько ему повезло.

Вэйн прочитал взял один из журналов и прочитал целиком, от первой до последней страницы: «Контур — линия. Базовая — 4,1. Отклонений — ноль.» Тридцать страниц одной и той же фразы. Аккуратный, почти машинный почерк. И на последней — «Передал дела. — Заран».

На третий месяц Вэйн сам услышал шёпот.

Ночью. В тишине. В жилом модуле, когда вентиляция стихла и звуки обрели объём. Не слова, а что-то, что звучало как слова, но не было ими. Он не мог разобрать, что это говорит, но понимал, что это говорит. Не мозгом даже, телом. Как будто кто-то дышал рядом, и в этом дыхании были смыслы, которые язык не передаёт. Не угроза, не приветствие, а просто присутствие. Чьё-то. Но не человека.

Он не испугался. Его учили работать со страхом: гасить его, как пламя, убирать из тела, вычищать из мыслей. Но он понял: это не стресс, не усталость, не акустика. Это — контакт. Не с камнями, не с пещерой, а с чем-то, что стоит за ними. Что-то, что говорит. То, что слышит.

И тогда же он понял второе: корпорация не остановится. Если он доложит о контакте — проект не закроют. Проект расширят. Построят ещё лаборатории, приведут ещё людей, доведут «Тихо-7» до рабочего прототипа. И потом — военная сфера. Психологическое оружие. Средство массового подавления через перцептивные каналы. Не звук, не радио, не химия, а то, что проходит сквозь камень, сквозь воздух, сквозь кожу и действует прямо на психику. Война без выстрелов. Война, которую не увидишь, не услышишь, не остановишь.

Корпорация могла совершить непоправимое. И собиралась.

Вэйн сидел в жилом модуле, слушал шёпот, которого не было, и принимал решение.

На тот момент он остался в комплексе один. Какое то время работал. Перед тем как уйти, он сделал то, чего не делал никто. Вошёл в «Тихо-7». Один.

Не по приказу. Не по протоколу. По необходимости. Он должен был знать, не из отчётов, не из чужих показаний, а из собственного опыта: с чем имеет дело. Что это такое. Насколько оно опасно. И можно ли с ним жить.

Дверь закрылась за ним бесшумно. Свет вспыхнул: белый, резкий, безжалостный. Зеркала со всех сторон. Шестиугольные большие панели, сфера, и в ней он. Один. В отражениях: сотни его, уходящих в бесконечность.

Первые минуты ничего не происходило. Он стоял, смотрел, дышал. Отражения стояли, смотрели, дышали синхронно. Он поднимал руку, они поднимали руку. Он поворачивал голову, они поворачивали. Всё правильно. Всё так. Он записал бы: «аномалий нет». И ушёл бы.

Но не ушёл. Потому, что был агентом, а агенты не уходят, когда «всё нормально». Агенты ждут, когда «нормально» закончится.

Он стоял десять минут. Пятнадцать. Двадцать. Тишина абсолютная, не та, что снаружи, а та, что внутри, когда ты слышишь собственное сердце, и кровь в ушах, и каждый вдох звучит как гром.

На двадцать третьей минуте отражение моргнуло.

Он не моргал.

Отражение моргнуло. Одно. В дальнем зеркале, в пятом ряду, маленькое, далёкое, как фигурка в конце коридора. Моргнуло и снова застыло, синхронно, будто ничего не было.

Вэйн не двинулся. Не дышал. Ждал.

Через минуту ещё одно. В другом зеркале, ближе. Моргнуло и повернуло голову. На миллиметр. На долю градуса. Но, повернуло. И в этом повороте не было его воли. Это было другое.

Он делал то, чему его учили: наблюдал, не реагировал, фиксировал. Дыхание держал ровным, спокойным. Руки вдоль тела — не шевелил. Глаза его открыты, смотрят, не моргают.

А отражения начали жить, своей жизнью.

Не все. Не сразу. Сначала одно, потом второе, потом третье. Каждое чуть иначе. Одно стояло, когда второе шло. Второе шло, когда четвертое стояло. Третье подняло руку, когда он сам не поднимал. Каждое движение маленькое, едва заметное, на грани «показалось» и «увидел». Но их стало больше. И они стали ближе.

Ближайшее отражение в метре от него, в зеркале напротив перестало быть им. Лицо его, черты его, но выражение нет, не его. Глаза его, но взгляд — нет. В них не было ничего. Не пустота, а отсутствие. Как будто кто-то взял его лицо и вынул из него всё, что делало его лицом. Оставил лишь оболочку. Маску. Которая смотрела на него и видела. Не как отражение видит, потому что должно. А как существо видит, потому, что хочет.

Вэйн стоял и смотрел в эти глаза и они смотрели на него. И в этом взгляде не было злости, не было голода, не было угрозы. Было узнавание. Будто оно знало его. Давно. Лучше, чем он сам.

И тогда оно улыбнулось.

Та самая улыбка. Не его. Широкая, неестественная, от которой лицо становится чужим, как маска, надетая поверх маски. Вэйн видел эту улыбку у персонала, у тех, кто слышал шёпоты слишком долго. У тех, кто «сломался». Он думал, что это — симптом. Психика. Сдвиг. Но здесь, в зеркалах, стоя один, без свидетелей, без приборов, без протоколов он понял: это не симптом. Это — оно. То, что копирует. То, что отражает. То, что принимает твою форму и чуть-чуть меняет. Чуть-чуть, не ты. И в этом «не ты» — всё оно.

Потом оно пошло к нему.

Не из зеркала, сначала по соседним зеркалам. Из отражения в отражение, как кадры в фильме, где персонаж движется, а фон меняется. Оно шло и в каждом следующем зеркале

было чуть ближе. Не к стеклу, к нему самому. К границе между стеклом и воздухом. К той невидимой плёнке, которая разделяет мир на «тут» и «там».

Вэйн не побежал. Не закричал. Не дёрнулся к двери. Он стоял, потому что знал: если он побежит, оно поймёт, что он боится. А страх — это присутствие, концентрированное, плотное. Оно им питается. Не страхом, а присутствием, которое страх усиливает. Бежать — значит дать ему больше.

Он сделал наоборот. Он закрыл глаза, в тот миг, когда отражение пересекло ту грань, между «здесь» и «там». Оно вышло из зеркальной поверхности и медленно направилось к нему. В глазах была тьма, не было в них белков, а именно чёрные глаза, и улыбка, бездушная и жуткая

Это был самый бесчеловечный опыт в его жизни.

Стоять, закрыть глаза, в абсолютной тишине, в зеркальной сфере, и знать, что в метре от тебя что-то, что носит твоё лицо, идёт к тебе, и ты не видишь, где оно, и не знаешь, что будет, когда оно дойдёт. Каждый инстинкт кричал: открой глаза, беги, бей, двигайся. А он стоял. С закрытыми глазами.

И делал единственное, что мог: убирал своё присутствие. Не физически изнутри. Гасил мысли, гасил страх, гасил себя. Стал как камень. Как стена. Как ничто.

Тишина. Своё дыхание ровное, медленное, контролируемое. Своё сердце, он слышал каждый удар, и каждый удар отдавался в висках, и каждый удар — это «ты живой», и оно это слышит. Нужно не слышать. Нужно стать тише сердца. Тише дыхания. Тише самой тишины.

Минута. Две. Три.

Он не знал, что происходило, пока он стоял с закрытыми глазами. Не знал, подошло ли оно. Коснулось ли. Было ли рядом. Он знал только одно: когда он открыл глаза, отражения стояли синхронно. Все. Его сотни копий, в каждом зеркале, в каждом углу, и все стояли, как он. Руки вдоль тела. Глаза открыты. Выражение его. Его настоящее.

Оно ушло. Или затихло. Или не дошло. Он не знал. Но он был жив. Целый. В своём уме.

И это было чудом, или везением, или его собственная, выдавленная из себя последняя капля воли, которая сказала телу: не двигайся, не бойся, не будь и тело послушалось.

Он вышел из комнаты с ватными ногами. Закрыл дверь. Прислонился к стене и только тогда позволил рукам дрогнуть. Дрогнули сильно, до судороги, до боли в запястьях. Он сжал кулаки, разжал, снова сжал. Дыхание рваное, короткое, как после забега. Сердце колотилось, как у зверя, которого загнали.

Он стоял так минуту. Две. Три. Потом выпрямился. Проверил: руки, ноги, зрение, память. Всё на месте. Всё его. Он — это он. Оно не взяло ничего.

Но оно не ушло. Оно там, за дверью. В комнате. В зеркалах. В камне. Ему некуда уходить. Оно здесь. И оно ждёт. Оно будет ждать.

Вэйн открыл глаза. Подвал. Тусклый свет. Планшет на паузе. Руки на столе, ровные, неподвижные. Только костяшки белые, до белизны, выдавали, что он сжимал край стола всё это время. Он разжал пальцы, посмотрел на ладони. Тонкая белая линия шрама на левой, от запястья к костяшкам. Тот самый шрам, который он никогда не комментировал. Шрам от того дня, когда он был в той комнате, среди зеркал. Но каждый раз, когда он вспоминал, левая рука ныла, как будто тело помнило то, что мозг приказал забыть.

Он взял стакан с водой, который стоял на столе, с вечера, отпил. Вода тёплая, безвкусная. Не помогала. Но он пил медленно, маленькими глотками, как учил себя когда-то: после стресса делать маленькие глотки.

Он посидел ещё минуту. Потом снова включил запись.

Дальше Тия и Илайя в зеркальной комнате. Он смотрел и узнавал. Каждую деталь. Дверь, которая захлопнулась без звука. Вспышка белого света. Сотни отражений. И крик.

Крик.

Тот самый крик.

Вэйн остановил запись. Тот самый крик, он его слышал. Двадцать лет назад. Когда он стоял уже снаружи, после того как вышел, комната была закрытой, за дверью, в комнате раздался этот самый крик. Не женский, не мужской, не человеческий. Пронзительный, полный боли и ужаса.

Крик резко стих. Тишина осталась. И Вэйн остался с ней.

Он смотрел запись дальше. Девушки в зеркальной комнате. Отражения двигались. Не синхронно. Тия стоит, её копия поднимает руку. Илайя замерла, её отражение делает шаг вперёд. Улыбка, не Тия, не ее. Та самая улыбка. Вэйн узнал её мгновенно, ощущениями, не разумом. Та самая, которую он видел в зеркале напротив себя, двадцать лет назад. Не широкая только, но неестественная, холодная. Улыбка, предлежащая ему — сущности. Эху. Тому, что копирует.

Дальше началась паника, бег до двери. Код, который не набирается. «Отказано. Отказано. Отказано.» Пятнадцать попыток. Дверь открылась. Они выскочили. И отражения с чем то в врука́х, идущие вдоль стен.

Вэйн остановил запись. Он знал, что было дальше. Знал, потому что сам прошёл через это. Знал, что они испытали: не страх, а крушение личности. Крушение границы между «я» и «не я», между «настоящее» и «отражение», между «тут» и «там». То, что он пережил в одиночку, они пережили вдвоём. И от этого может, легче. А может и нет. Потому, что когда рядом кто-то, кто тоже ломается, — ты видишь своё отражение в его глазах. И это, своего рода, тоже зеркало.

Они вернулись. Живые. Сломленные, но живые. И он Вэйн, Заран, тот, кто видел, тот, кто знает, стёр им эту память. Эту тяжесть. Это бремя. Не из жестокости. Не из прихоти.

Потому, что если они будут помнить, даже подсознательно, оно будет помнить через них.

Оно не думает. Не планирует. Не хочет, не так, как хотят люди. Оно повторяет. Отражает. Копирует. И если в чьей-то памяти остаётся его образ, его улыбка, его взгляд, его присутствие, то оно может через эту память… тянуть. Как якорь, заброшенный с той стороны. Как нить, протянутая сквозь стекло. Не физически, а тоньше. Через воспоминание, через сон. Через тот момент, когда ты просыпаешься ночью и видишь в темноте улыбку, которой не было.

Вэйн стёр им не воспоминание. Он стёр канал. Тонкий, невидимый, протянутый между ними и тем, что ждёт за зеркалами. Стёр и закрыл. Чтобы оно не тянуло. Чтобы оно не нашло. Чтобы они: Тия и Илайя, две женщины, которые сидели у костра и мечтали о детях, о доме, о настоящей любви, не стали его проводниками. Его окнами. Его зеркалами.

Вэйн выключил планшет. Закрыл контейнер. Положил на место аккуратно. Потом поднялся, подошёл к сейфу, открыл. Внутри лежали носители. Старые, двадцатилетние, с данными из «Тихо-7». Все записи, все логи, все измерения, скопированные лично им, в дальнейшем стёртые из системы. «Данные удалены. Архивация завершена.» — его работа. Полная, чистая, без остатка.

И журнал. Тонкий, потрёпанный блокнот в клетку, с картонной обложкой. Тот самый, который Тия нашла на столе в зале с установкой. Последняя запись: «Передал дела. — Заран».

Вэйн взял его, открыл. Посмотрел на почерк — аккуратный, почти машинный. Свой. Двадцатилетней давности. Убрал обратно, закрыл сейф. Код, последовательность нажатий, которая, известна только ему.

Потёр лицо ладонью медленно, от виска к подбородку. Вернул из воспоминаний свое сознание в настоящее.

Он вышел, дверь за ним закрылась бесшумно, как всегда. Стена встала на место. Кладовка снова стала простой кладовкой, в простом доме. В котором Вэйн — обычный человек. Не злодей. Не спаситель. Инженер, который строит мост и закрывает за собой следы, чтобы никто не упал в пропасть раньше времени.

*****

На кухне он налил себе кофе. Чёрный, без сахара. Горячий, сделал несколько маленьких глотков, смотрел в окно. За ним пустыня, тёмная, тихая, и в небе звёзды. Мора серебряная, яркая висела над горизонтом, холодная и безразличная.

Вэйн пил кофе и смотрел на звёзды. И думал не о сущности. Не о зеркалах. Не о кольце.

Думал о двух женщинах, которые сейчас спали в роскошном номере санатория, в трёхстот километров отсюда, и видели сны, без улыбок, без отражений, без шёпотов. Просто сны. Тёплые, обычные, человеческие. Про костёр, про чай, про детей, которых у них нет, но которые будут когда-нибудь.

Пусть спят. Пусть нормальные видят сны. Пусть не помнят этот мрак.

Он вышел в сад. Полночь. Серебряная, как и обещала Тия, глядя на небо с бортика бассейна. Мора яркая, холодная, висела над горизонтом, и её свет серебрил пустыню до самого горизонта, превращая песок в подобие лунного моря, спокойного, красивого той красотой, которая не греет. Лира ушла, и без неё мир стал проще: тени резче, контрастней, цвета холодными. Деревья в саду неподвижные, тёмные, с серебряными краями листьев, будто их окунули в металл.

Вэйн сел в беседке. Деревянная, простая, с лавкой по периметру и столом посередине, таким же простым, как всё в его доме. Ни подушек, ни пледов, ни декора. Только дерево, воздух и ночь.

Он сидел и смотрел на пустыню. Думал. Крик.

Тот же он или это другой? Два разных?

Вэйн закрыл глаза и сравнил. Не совсем звук, а такой, что сложно объяснить словами. Он сравнивал ощущение. Тот, двадцатилетний, резкий, пронзительный, полный боли, и мгновенно появившийся и исчезнувший. Как разряд. Как вспышка. Появился и исчез.

Крик у Тии и Илайи, из записи памяти, был все таки другим. Тоже резкий, тоже полный ужаса, но длиннее. Не совсем мгновенный. Он длился секунду, может, полторы, даже, может, дольше. И в нём был не только ужас, но и узнавание. Этот звук будто узнал их. Еще и покинул комнату, возможно и комплекс.

А потом, позже был третий крик. Тот, который испугал группу «Эхо-1» в квадрате DXH2. Вэйн читал отчёты, сухие, с пометками «аномальное перцептивное воздействие» и «коллективная галлюцинация». Но за сухими словами стояли живые люди, которые бежали, не от врага, не от взрыва, а от звука. Крика, который не был звуком, а был чем-то, что вошло на плато ударило по мозгу так, что пятеро взрослых, обученных, вооружённых людей бросили оборудование и побежали. Конечно, все было иначе, они еще ждали команды, но смысл один: они были в ужасе.

Три крика. Три разных места. Зеркальная комната, глубоко под метеостанцией, ярус минус семь. Квадрат DXH2 — это уже поверхность, в нескольких сотнях километров. И зеркальная комната снова, двадцать лет спустя.

Одна сущность? Или несколько? Или это не сущности вообще, а разные явления, похожие друг на друга потому, что у страха один язык, что бы его ни вызывало?

Если это одна сущность, значит, она из зеркальной комнаты выбралась на поверхность, позже достигла квадрата DXH2, когда почуяла людей. Либо она везде одновременно, где есть живое. И на плато, и в комплекте.

Если их все таки Несколько, этих сущностей — Аджи тогда не просто планета с аномалиями, а гнездо. Каждая аномалия — окно, и за каждым — кто-то свой. Или одно и то же, но с разных сторон. Как грани одного кристалла, которые отражают свет по-разному, но кристалл — один.

Или это не сущности вообще. Может, Аджи сама по себе та среда, в которой перцептивные эффекты возникают естественно, без «кого-то» за ними. Камень, песок, магнитные поля,

тектоника — это всё это может создавать эффекты, которые мозг воспринимает как присутствие, голос, крик. И зеркальная комната вовсе не вместилище сущности, а просто идеальный резонатор, в котором эти эффекты усиливаются до видимого.

Три версии. Ни одной подтверждённой. И Вэйн — это теперь единственный человек, который вообще способен их формулировать, потому, что единственный, кто был там и вернулся в своём уме.

Шесет.

Вэйн подумал о нём, без злости, без раздражения. С холодным, профессиональным уважением, какое испытывает шахматист к сопернику, который сделал неожиданный, но не лучший ход.

Норк Шесет — морпех, тайный агент, профессионал высшего класса. Вэйн знал его. Знал всех в КИРН, не только не по досье, а по работе, по делу, по тому, как человек ведёт себя, когда всё идёт не по плану. Шесет был хорош. Очень хорош. Но Вэйн был лучше. Не потому, что умнее или сильнее, а потому что стоял выше.

В КИРН были круги. Не официальные, но все знали о них. Первый круг — высшая осведомлённость, полный доступ, знание не только задач, но и их причин. Вэйн был первого круга. Единственный. Даже Самира Зайд, Орша Кэн — второго. Шесет третьего, может, четвёртого. Разница не в уме, в информации. Шесет не знал о «Тихо-7». Не знал о кольце. Не знал о сущности. Не знал, что Вэйн — это Заран. Он знал только то, что видел: девушки вернулись с Аджи, резко потребовали сменить напарников и стали неразлучной парой. Для Шесета, который не знал, что было внизу, это выглядело странным и подозрительным.

Но Шесет знал другое. Знал, что девушки засекли аномалию в квадрате DXH2. Знал, что опирация «Эхо-1» провалилась там. Знал, что за опирацию, Тию и Илайю наградили. Девушки отличились. Шесет больше удивиться, когда девушки получат премию — баснословную сумму, на которые можно будет прожить оставшуюся жизнь припеваючи. Кроме этого отдыха, перевода в пару, доверие. Подозрительно. Эти привелегии и лавры лишь за то, что они засекли с помощью разведовательной машины импульсы, и все? Но это все неважно. Вэйн не входит в число директоров корпорации, он ее единственный директор. И корпорация подчиняется только ему, и он в праве делать все, что ему заблагорассудится. Это закреплено уставом и лишь, вся безразлельная власть, только ему. Когда будет следующий руководитель, а он когда нибудь будет, как ни крути. У него пономочия будут намного скуднее. И это опасно для Вэйна лично, он единственный властен над всем, пока жив, как диктатор. Но он не боялся. А крупные суммы в премию двум агентам — это нормально. Для Вэйна — это нормально. Девушки слелали то, что чтоило намного дороже. Убрать из комплекса все упоминания о Заране, еще и стереть в базе. В накопителях, которомы они пользовались, была программа, которая в системе станции подтерла некоторые данные, автоматически, при подключении к аппарате. Своего рода компьютерный вирус. Да, Вэйн подтер и память девушек и мог бы не платить. Мог не платить, если бы на его месте был кто-то другой. Но хто был Вэйн — человек, для которого деньги это просто ресурс, как лопата или молоток, или гвозди. И он счел нужным, заплатить девушкам.

Шнсет пошел в эту разведку сам, чувствуя, что в корпорации, вдруг, что-то случилось, произошло. Это забота о коллеегах. Вэйн уважал это. Не одобрял, но уважал. Шесет действовал как профессионал, который не может отпустить чувство, что упустил что-то важное. Это качество. Опасное, но ценное. Именно поэтому, Вэйн не тронет его.

Пусть Шесет ждёт ещё, ищет. Пусть смотрит. Все уже сделано тихо и незаметно. Пусть гоняется за призраками, которых нет.

Вэйн думал об этом всем и впервые за вечер почувствовал что-то, похожее на грусть. Не по Шесету, а по всей системе. По КИРН, по Аррубину, по всему, что он строил. Система, в которой лучшие люди следят друг за другом, потому, что не знают, кому доверять. Система, в которой честность — роскошь, а секреты — валюта. Он строил это. Он инженер. И инженер

знает: система, которая держится на тайнах, очень хрупка. Однажды треснет. И трещину он посеял сам же. Но иного выхода не было. Об «Аджи-НИЗ», о Заране никто не должен узнать и теперь уже точно не узнает. Вэйн с собой заберет когда-нибудь это в могилу. Но не сегодня.

Вэйн думал о данных, о тех, что лежали в сейфе, за биометрической дверью, в помещении, которого не существовало. Журнали с надписью «Заран». Носители с данными «Тихо-7». Протоколы мониторинга кольца. Всё данные, двадцатилетней давности. Всё, единственное в своём роде. Копий нет. Дубликатов нет. В системе все стёрто, как и в архивах. И в головах агентов Только здесь осталось: в его собственной голове и в его сейфе.

Он хотел уничтожить их сегодня. Когда вернулся домой и первой мыслью было: сжечь. Носители в печь. Журнали в огонь. Протоколы в пепел. Конец. Никаких доказательств. Никаких следов. Никто и никогда не сможет прочитать, не сможет найти, не сможет связать Вэйна Моралеса с оперативным псевдонимом старшим научным сотрудником Зараном, с подземным комплексом, с кольцом, с сущностью. Но что-то остановило. Не страх. Не сентиментальность. Что-то другое. Что-то инженерное.

Документы — это единственное доказательство того, что Вэйн — человек. Что он был там. Что он видел. Что он — Заран, а Заран — хто человек, который двадцать лет назад вошёл в зеркальную комнату, вышел из неё живым, закрыл проект и поднялся до главы КИРН. Не сущность. Не эхо. Не отражение, которое скопировало чьё-то лицо и носит его, как маску. Что он — Человек.

Если документы исчезнут, исчезнет и единственное доказательство того, что кто-то вообще был в «Аджи-Низ» и вернулся человеком. Если исчезнут документы, останется только Вэйн. Один. Без прошлого. Без подтверждения. И если однажды кто-нибудь: Орша, Самира, кто угодно, задаст вопрос: «Откуда вы знаете о кольце?», у него не будет ответа. Потому что ответы в тех документах. В почерке, который его, но двадцатилетней давности. В подписи «Заран», которая его подпись. В данных, которые мог собрать только человек, который был там.

Без документов — он никто. Или хуже, чем ничто. Потому, что без документов нельзя доказать, что ты не оно.

Вэйн усмехнулся, коротко, без веселья. Фокус. Вся его жизнь — фокус. Он прятал документы, чтобы никто не узнал о кольце. А теперь документы — это единственное, что доказывает, что он — это он. Уничтожить, значит стереть не только следы сущности, но и следы себя…

Глава 22 Губернатор Джедар

Генерал Юрий Джедар проснулся полшестого утра, как просыпался всю жизнь, без будильника, без лени, без перехода. Просто открыл глаза и встал. Тело, выдрессированное тридцатью годами службы, не знало другого режима. Оно знало один: встал — работай.

В резиденции было тихо. Той особенной тишиной, которая бывает только в больших домах, где живёт один человек. Шаги по мраморному полу гулко отдавались в высоких потолках, и Джедар шёл мягко, не крадучись, а по привычке человека, который умеет двигаться бесшумно даже там, где это не нужно. Где-то наверху, на чердаке, тихо возился ветер, не дуя, а так, касаясь черепицы, будто проверял: на месте ли хозяин. На месте. Никуда не делся.

Кухня была просторной, почти пустой в этот час. Свет не верхний, не электрический, естественный, ложился на стол длинной полосой, и в этой полосе плавали пылинки, медленные, безмятежные, будто им некуда было спешить. Домашний персонал прибудет к семи: повар, экономка, садовник. А пока Джедар сам поставил чайник, не электрический, а старый, медный, привезённый ещё с последнего места службы. Он любил ритуал: налить воду, дождаться закипания, засыпать заварку, накрыть полотенцем. Чай — не напиток, а пауза. Момент, когда можно стоять у окна и не думать ни о чём.

Чайник нагревался медленно. Сначала тихо, только ровное металлическое дыхание расширяющегося дна. Потом первый звук: мелкий, частый, как дождь по жести, когда пузырьки начинают подниматься со дна. Джедар слушал этот звук, как слушают знакомую музыку, не вслушиваясь, а просто зная, что она есть. Потом звук стал гуще, тяжелее, перешёл в ровный гул, и Джедар снял чайник с огня, за секунду до того, как он бы закипел по-настоящему. Он знал свой чайник. Тридцать лет вместе — это не срок, это привычка.

За окном, далеко за кронами елей, синели горы. Утренние, мягкие, ещё не освещённые солнцем, они казались нарисованными: так ровно, так гармонично ложились их силуэты на светлеющее небо. Небо было ещё серым, но уже не ночным, переходным, с лёгкой розовой полосой у горизонта, которая появилась медленно, будто нехотя, будто ночь не хотела уходить, а день не торопился её сменять. Джедар смотрел на них каждое утро. И каждое утро они были разными. Иногда резкие, чёткие, с гранёными тенями в ущельях. Иногда мягкие, размытые, будто нарисованные акварелью. Сегодня мягкие. Это значило, что воздух влажный. Значит, к обеду будет облачно. Значит, к вечеру, может быть, дождь. Он не смотрел прогноз. Горы говорили точнее.

Он налил чай в простую кружку, не из сервиза, не из фарфора, а из той, что купил на рынке в первый месяц жизни на Амине. Керамической, тёплой, с неровным краем, потому, что лепил её человек, а не станок. Кружка была чуть тяжелее, чем нужно, и чуть неровной, чем красивой, но Джедар любил вещи, сделанные руками. Не из принципиальности, из уважения к тому, кто-то вложил в них время. Тёплая глина легла в ладонь, как живая, и он обхватил её обеими руками, не потому что было холодно, а потому, что тепло кружки было первым человеческим теплом в его дне.

Чай был горячий, терпкий, с травами, которые росли прямо здесь, на участке: мята, чабрец, немного липового цвета. Запах поднимался от кружки тонкой, ровной струйкой и первым делом касался не губ, а памяти: что-то детское, что-то домашнее, что-то, что не имело отношения ни к званиям, ни к провинциям, ни к сводкам. Он пил медленно, стоя у окна, и эти десять минут не был губернатором. Был просто человеком, который пьёт чай и смотрит на горы.

Допил, кружку полоснул сам, не дожидаясь экономки. Вытер руки полотенцем, аккуратно, как вытирают инструмент. И пошёл.

К семи он был в правительственном здании. Администрация Лиры, Амины, всего Аррубина. Здание из тёмного аминского базальта встретило его привычным гулом систем и тихими голосами дежурных. Базальт здесь был везде: стены, пол, лестницы. В дождливую погоду он темнел, становился почти чёрным, а в сухую покрывался лёгким серым налётом, как будто пыль, которая садилась на него, не хотела держаться, но и не могла улететь. Сегодня было сухо. Камень светлый, тёплый, с прожилками кварца, которые поблёскивали в свете ламп, как капли застывшей воды. Джедар прошёл по коридору, кивнув охране, коротко. Он знал всех, всех по имени, кто работал в этом здании. Не потому, что должен, а потому, что считал нужным. Человек, который стоит у двери с оружием, не функция, не цифра, не атрибут. Это человек. Это последняя линия в обороне. И Джедар помнил это каждый день.

Кабинет губернатора был просторным, но не парадным, не напыщенным. Тяжёлый стол из тёмного дерева, кресло, простое и удобное, без золота и бархата. На стене карта провинции, огромная, с метками. Метки менялись: красные — угрозы, синие — патрули, жёлтые — логистика. Сегодня красных было три. Вчера — четыре. Одна — закрыта. Маленькая победа, которую никто не отметит, но Джедар видел. На подоконнике фотография в простой раме: Стелла, еще помоложе, в адмиральском мундире, с той самой лёгкой улыбкой, которая появлялась у неё только рядом с ним. Рама чуть потёртая, сколько не от времени, сколько от прикосновений: Джедар иногда, проходя мимо, касался её краем ладони. Не гладил, касался. Как касаются плеча друга, которому не нужно слов. Рядом вторая фотография: дети, сын и дочь, двое, ещё подростки, на ступенях какого-то храма в Намиссании. Снимок старый, пять лет назад. С тех пор они выросли, стали жить своей жизнью, и Джедар видел их по связи, раз в две недели. Этого было мало. Но он не жаловался. Не из упрямства, из-за понимания: так сложилось. Они там. Он здесь. И каждый занят делом, которое нельзя бросить.

Он сел за стол, открыл планшет, начал читать сводку. Утренняя сводка была его первым разговором с реальностью, не с той, которую показывали на экранах, а с той, которую нужно было видеть между строк. Экран планшета отражался в его глазах: голубоватое мерцание, которое ложилось на тёмно-серые зрачки, как лунный свет на воду. Читал он быстро, но не бегло, каждое слово оседало где-то внутри, укладывалось, занимало место. Не просто воспринимал, впитывал.

Первые два часа ушли на донесения. Из северных районов: задержка поставок, но не критичная. Из Зарры рапорт Веррона: патрули в норме, два новых корвета введены в строй. Из Крионы сообщение, которое Джедар прочитал дважды: запрос на дополнительные топливные ресурсы. Подписал. Не раздумывая — Криона не могла ждать.

Потом были звонки. Три: муниципальным главам. Один: в логистический центр. Один: в медицинскую службу, где главврач жаловалась на нехватку оборудования для северного сектора. Джедар слушал её три минуты, не перебивая. Голос её был ровным, но с той особой усталостью, которая появляется не от недосыпания, а от того, что говоришь в стену: вежливую, спокойную, но стену. Он узнал этот голос. Он слышал его сотни раз: от разных людей, в разных секторах, по разным поводам. Голос человека, который просит не потому, что хочет, а потому что должен, и знает, что, скорее всего, не получит.

— Я понимаю, — сказал он, когда она остановилась. — Сделаем. Сколько вам нужно?

Тишина на том конце. Потом цифра. Он записал. Рядом пометку: «срочно, лично проконтролировать». Положил трубку и посмотрел на неё, на свою пометку ещё секунду. Потом вернулся к планшету.

Когда он положил трубку, в кабинете был уже полдень. Свет за окном изменился: утренний, мягкий, сменился дневным, ровным, чуть белёсым, как бывает, когда солнце за облаками. Горы были всё те же, но теперь ярче, ближе, с резкими тенями в ущельях, которые утром были невидимы. Джедар размял плечи, посмотрел на них и подумал: «Половина дня. Её даже не видно. Она ушла, как вода сквозь пальцы. Но что-то осталось. Что-то сделано. Что-то начато».

В три часа к нему зашёл Эрьян Кадар. Короткий, точный разговор, десять минут. Обсудили «Северный коридор», потом Эрьян упомянул Карину, и Джедар, не поднимая глаз от планшета, сказал:

— Передай ей: если нужна помощь — любой ресурс, любые люди, любой доступ, пусть приходит. Ко мне. Без формальностей.

Эрьян кивнул. Ушёл. Джедар посмотрел ему вслед, на секунду, не больше и подумал: «Хороший мальчишка. Не избалованный, не злой. Растёт. Тор наверняка им гордится».

Он вспомнил Тора Кадара — старого друга, с которым прошёл не одну кампанию. Тор попросил его об одном: «Возьми Эрьяна. Сделай из него человека. Не сломай». Джедар тогда усмехнулся: «Тор, я не ломаю. Я строю». И строил. Терпеливо, без спешки, давая Эрьяну ровно столько ответственности, сколько тот мог понести и чуть больше. Чтобы рос. И Эрьян рос.

К пяти вечера дела были закрыты. Не все, все никогда не закрывались. Джедар снял пиджак, повесил на спинку кресла, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Позволил себе выдохнуть, не усталость, а переход к неформальной части дня. Рабочий день кончался. Начинался вечер.

И вечер этот был занят.

Майя Коста ждала его в ресторане «Коррида», небольшом, тихом, на третьем этаже гостиницы «Паллада», где знали, что значит «кабинет для двоих». Не романтический, не интимный — деловой. Столик у окна, приглушённый свет, охрана за дверью.

Джедар вошёл сегодня первым. Кабинет был небольшой: на четверых, не больше. Отделанный тёплым деревом, с одной стеной из матового стекла, за которым угадывался ночной город: огни, силуэты, мерцание. Освещение не от потолочных ламп, а настенных. Свет рассеянный, тёплый, бросающий на скатерть мягкие тени. На столе простая посуда, без золота, без монограмм. Хлеб в полотняной салфетке, тёплый, с запахом, который заполнял комнату, как тихая музыка. Джедар сел, заказал чай, все тот же, травяной, по привычке. Официант немолодой, в тёмном фартуке, с лицом, на котором не было ни подобострастия, ни фамильярности, кивнул и вышел, бесшумно закрыв дверь.

Потом вошла Майя Коста и Джедар отметил, не впервые, но каждый раз заново: как меняется пространство вокруг неё. Не свет, не воздух, а что-то неуловимое. Будто комната становилась чуть напряжённее, как струна, которую коснулись пальцем: не дёрнули, не ударили, коснулись.

Майя Коста была красивой. Не той красотой, которую можно описать словами: «симметричные черты», «правильные пропорции». Нет. Она была красивой так, как бывают красивы опасные вещи: естественно, без усилия, с той точностью, от которой трудно отвести взгляд. Тёмные волосы, ниже плеч, свободно лежали мягкими волнами, обрамляя лицо, но не скрывая его, будто она специально не убрала их, чтобы не прятать ни взгляда, ни скулы, ни линии шеи. В этом была её манера: ничего лишнего, но и ничего не спрятанного: если ты не готов смотреть прямо, не смотри вообще. Лицо с чёткими скулами, глазами цвета тёмного янтаря, губами, которые улыбались редко, но всегда к месту. Фигура стройная, подтянутая, без грамма лишнего: тело человека, который тренируется не для зеркала, а для работы, где лишний вес может иногда стоить жизни. Она была одета в тёмно-серый костюм: строгий, но идеальной посадки, и в этой строгости была своя, особая элегантность. Не парадная, не вечерняя, рабочая. Красота женщины, которая знает себе цену и не нуждается в подтверждении.

Но сегодня Джедар увидел то, что не видел раньше: тень под глазами. Не усталость, ее след. След тяжёлого дня, тяжёлого разговора, после которого обычные дела кажутся мелкими. Майя держалась ровно, как всегда, но в её движениях, в том, как она села, как положила руки на стол, как посмотрела на него, была усталость. Сжатость. Как будто она несла внутри что-то тяжёлое и боялась положить.

Джедар видел её красоту. Не мог не видеть. Но смотрел на неё не как мужчина на женщину, а как командир на офицера, которому доверяет свою спину. Майя была его тенью, той, что стоит за плечом, когда входишь в зал, где всё может пойти не так. Она была профессионалом высшего класса: знала каждый потайной ход в штабе, каждую тень в секторе, каждого человека, который мог представлять угрозу. Её глаза оценивали людей быстрее, чем сканер на пограничном контроле, и эта оценка была безошибочной. Не интуиция, богатый опыт. Шестнадцать лет в службе безопасности, из которых четыре на Амине, где она выстроила систему защиты с нуля, из обломков и пустоты.

— Проходи, — Джедар чуть привстал, указывая на стул. Не формально, по-человечески. — Закажи что-нибудь. Ты сегодня ела?

— Кофе, — коротко ответила Майя, садясь. Села она так, как садятся люди, которые привыкли контролировать пространство: спина прямая, но не жёсткая, руки на столе, но не напряжены, взгляд на собеседника, но с боковым охватом комнаты. Профессиональное, привычное, незаметное для тех, кто не знает, что смотреть. — В шесть утра.

— Кофе — не еда, — спокойно сказал Джедар.

— Знаю, — она чуть улыбнулась. Улыбка вышла короткой, тёплой, редкой, и от этого ценной. Как вспышка света в тёмной комнате: на секунду и нет ее. Но после неё комната кажется чуть светлее. — Но график не спрашивает.

— График спрашивает, — возразил Джедар. — Просто ты не слушаешь. Закажи. Это не приказ. Это просьба.

Майя посмотрела на него, чуть дольше обычного. На секунду, не больше, в её тёмно-янтарных глазах мелькнуло что-то, что она не стала озвучивать: благодарность, может быть. Или просто признание того, что за этой просьбой стоит не субординация, а забота. Она кивнула, взяла меню и выбрала: лёгкий салат, рыбу, минеральную воду. Просто, без изысков. Она ела так же, как работала: точно, без лишних движений.

Ужин был деловым. Без тостов, без личных тем, без пауз «за жизнь». Джедар говорил о рубежах, о плотности патрулей, о рисках в северных секторах. Майя слушала, дополняла, уточняла. Их голоса звучали ровно, как два инструмента в одном ансамбле: его глубокий, чуть с хрипотцой, заполняющий комнату не громкостью, а весом; её низкий, спокойный, чуть приглушённый, будто она привыкла говорить так, чтобы слышали только те, кому нужно.

Но сегодня в её спокойствии была трещина. Тонкая, почти незаметная, но она была. Джедар видел: Майя чуть чаще, чем обычно, касалась запястья, не часы проверяла, а будто пыталась унять мелкую дрожь в пальцах. И пила воду слишком быстро, залпом, как человек, у которого во рту пересохло от напряжения.

— На юго-восточном рубеже я усилила мониторинг, — говорила она, и голос её был ровным, без эмоций, как протокол. — Три дополнительные станции слежения, две на спутниках Амины, одна на Зарре. Если они снова зайдут, в этот раз мы их увидим раньше. На четыре минуты. В нашем деле это много.

— Четыре минуты, — повторил Джедар. Он отставил бокал, чуть наклонился вперёд, и в этом движении не было напряжения — только готовность слушать. — Это хорошо.

— Этого мало, — спокойно возразила Майя. — Но это то, что мы можем сделать без новых кораблей. Если дадут корабли — сделем больше.

— Дадут, — сказал Джедар, и в его голосе была не уверенность, а воля. — Рано или поздно дадут. А пока держим тем, что есть.

Майя кивнула. Она не спорила с губернатором, не из субординации, а из уважения. Она видела в нём не начальника, а командира, который заслужил своё место не связями, а делом. И для неё это было единственным мерилом.

Она сделала паузу. Не для драматического эффекта, ей нужно было просто перевести дыхание. И в этой паузе комната будто стала теснее.

— Ещё вопрос, — сказала она, отодвигая тарелку. Движение было аккуратным, привычным, так отодвигают, когда закончили не трапезу, а разговор, который шёл рядом с едой. — Командор Вэнс. Вы доверяете ей?

Джедар посмотрел на неё. Майя спрашивала не из любопытства, из профессиональной необходимости. Её работа знать, кому можно доверять, а кому нет.

— Она пришла не с протоколом, а с намерением, — ответил Джедар. — Намиссания прислала её не для отчётов, а для дела. Это чувствовалось.

— Чувствовалось, — повторила Майя, и в её голосе не было иронии, была констатация. — Чувства — это не гарантия. Но я проверю. Тщательно. Без вмешательства в её работу.

— Проверяй, — кивнул Джедар. — Это твоя работа. Только аккуратно. Она не из тех, кто прощает слежку.

— Я знаю, — чуть улыбнулась Майя. — Поэтому и буду аккуратна.

Они посмотрели друг на друга и в этом взгляде была не красота и не власть, а профессиональное доверие двух людей, которые знают: каждый делает своё дело, и каждый делает его хорошо. За матовым стеклом мерцал город — далёкий, приглушённый, как сон, который видишь с открытыми глазами.

Джедар допил чай. Майя воду. Но не встала. Посидела ещё секунду, глядя на свой пустой стакан, будто в нём было написано что-то важное, что она никак не могла прочесть. Потом подняла глаза. И вот тут маска чуть сдвинулась. В её тёмно-янтарных глазах мелькнуло не сомнение — а тяжесть.

— Юрий, — сказала она. Имя прозвучало непривычно. Не «губернатор», не «генерал», а по имени. И от этого фраза стала тяжелее. — Я была на совещании. Моралес, Зайд, Рич, Кэн, Маркус, Ворн, Шесет…. Мы обсуждали данные.

Джедар не шевельнулся. Только чуть сильнее сжал пальцы на ручке чашки. Он знал этот тон. Тон, которым говорят, когда плохие новости уже нельзя спрятать за терминами.

— Я общался с Моралесом. Твое мнение? — спросил он спокойно. Слишком спокойно. Так говорят, чтобы не спугнуть того, кто собирается сказать самое страшное.

Майя выдохнула. И будто сбросила с плеч невидимый груз, чтобы он не мешал говорить.

— Аджи… — она произнесла это слово, как будто оно было острым, и его нужно было держать очень аккуратно, чтобы не порезаться. — Аджи не просто нестабильна. Там не просто «повышенная активность», как в утренних сводках. Вэйн говорит, что гравитационные аномалии на юго-востоке выходят за рамки естественных колебаний. Это не шторм, Юрий. Это… как будто кто-то дёргает за ниточки.

Джедар молчал. Он не просил «проще», не просил «без паники». Он ждал фактов.

Майя рассказала суть совещания и гипотезы, которые были выдвинуты.

Джедар внимательно выслушал каждую гипотезу, не перебивая. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах можно было заметить растущую тревогу.

— Интересная картина складывается, — произнёс он, наконец. — Пять теорий — это пять возможных планов действий. И ни одна из них не даёт полной картины.

Он сделал паузу, обдумывая услышанное.

— Что общего у всех этих версий? — спросил он, глядя на Майю. — Каждая из них предполагает, что мы не понимаем природу этого явления до конца.

— Верно, — кивнула Майя. — Мы не знаем точно, с чем имеем дело.

— А значит, — продолжил Джедар, — наш главный враг — это незнание. И любая из этих теорий может оказаться как правдой, так и частью правды.

Он помолчал, постукивая пальцами по столу.

— Что касается плана действий… — начал он.

— Нужно быть готовыми ко всему, — перебила Майя. — К любому из этих сценариев. И к тому, что может оказаться вне наших теорий.

Джедар кивнул.

— Именно. Мы должны разработать стратегию, которая будет учитывать все варианты. Но при этом не забывать, что наша главная задача — защитить людей.

В его голосе звучала та же решимость, с которой он начинал разговор.

— И здесь, — добавил он, — нам нужна максимальная точность в данных и готовность к быстрым изменениям плана.

Они посмотрели друг на друга и в этом взгляде была не красота и не власть, а профессиональное доверие двух людей, которые знают: каждый делает своё дело, и каждый делает его хорошо.

Они поднялись одновременно, коротко кивнули друг другу, без рукопожатий, без лишних слов. Всё, что нужно было сказать, было сказано.

— Доброй ночи, Юрий, — сказала Майя у двери. Голос её стал чуть мягче.

— Доброй ночи, Майя. И поешь завтра. Нормально.

— Постараюсь, — ответила она, и в её голосе мелькнула та самая редкая улыбка, которую слышать было приятнее, чем видеть.

Дверь закрылась. Кабинет опустел. На столе остались две тарелки: одна пустая, одна с недоеденным салатом, два бокала и хлеб в полотняной салфетке, уже остывший. Официант войдёт через пять минут, уберёт всё, и к завтрашнему дню никто не вспомнит, что здесь кто-то был. Но Джедар запомнит. Не ужин. Не разговор. А то, как Майя сказала «постараюсь», с той интонацией, которая значила: «я слышу тебя, и мне не всё равно».

Машина ждала у служебного входа — длинный, тёмный правительственный седан с тонированными стёклами и ровным, бесшумным двигателем. Водитель, немолодой, молчаливый человек по имени Виктор, открыл дверь, не говоря ни слова. Он работал с Джедаром уже шесть лет и знал: губернатор не любит болтать в дороге. Дорога — это пауза. Пауза — это роскошь.

Джедар сел на заднее сиденье, откинулся, закрыл глаза. Машина тронулась мягко, без рывка, как и положено машине такого класса. За окном поплыла вечерняя Лира: огни проспектов, вывески кафе, силуэты зданий на фоне закатного неба. Город был красив вечером: тёплый, золотой, живой. Окна загорались одно за другим, как страницы книги, которую кто-то перелистывал медленно, не торопясь. Где-то на углу светилась вывеска пекарни, той самой, у которой жила Майя. Джедар знал это, хотя никогда не говорил ей. Он много чего знал и не говорил. Это тоже было частью работы: знать, когда молчать.

Город кончился, начался пригород. Дорога стала тише, деревья выше, воздух чище. Фонари здесь стояли реже, и между ними были тёмные промежутки, в которых машина ныряла, как в воду, и выныривала в новый круг света. Запах за окном изменился: бензин и нагретый асфальт сменились хвоей, мокрой землёй и чем-то тонким, сладковатым: жасмином, который цвёл даже в темноте. Машина свернула на частную дорогу, обсаженную старыми елями, и через пять минут въехала на территорию усадьбы.

Усадьба губернатора стояла на холме, в получасе езды от центра Лиры. Не дворец, но и не простой дом. Большой, каменный, из того же базальта, что и штаб, с широкой террасой, высокими окнами и крышей, поросшей мхом, но не от запущенности, а от времени, которое здесь шло по-своему, медленно и спокойно. Мох был мягким, зелёным, и в сумерках казался чёрным, как тень на снегу.

Внизу, перед домом, раскинулся сад: не парадный, а живой. Ели, кедры, несколько старых лип, кусты жасмина, который цвёл дважды в год и наполнял воздух таким сладким, густым ароматом, что хотелось дышать и не выдыхать. Сегодня жасмин только начинал: первые цветы, белые, мелкие, как звёзды, упавшие на кусты. Запах был ещё слабым, намёком, обещанием. Но он был. Между деревьями бежали дорожки: каменные, не асфальтовые, уложенные так, чтобы ступать было мягко. Камень был тёплым, неровным, с мхом в швах, и в сумерках он казался не камнем, а застывшей землёй. В центре сада стоял фонтан: высокий, из серого камня, с

тремя чашами, по которым вода стекала тихо, почти беззвучно. Не бил струёй вверх, не шумел, не привлекал внимания. Просто жил тихо, ровно, как хороший человек. Джедар любил этот фонтан. Каждый раз, проходя мимо, останавливался на секунду, не посмотреть, а услышать. Вода в фонтане звучала иначе, чем вода в чайнике или вода в реке. Она звучала спокойно. Как будто знала, что никуда не нужно спешить.

За домом, чуть ниже по склону, был бассейн, большой, выложенный тёмной плиткой, с подогревом, чтобы вода была тёплой даже прохладными аминскими вечерами. Рядом небольшой павильон с белыми колоннами, увитый плющом, где Джедар иногда ужинал, когда хотел побыть один. Плющ уже потемнел, свернулся на ночь, и его листья казались чёрными на белых колоннах, как татуировка на коже.

А вдали, за всем этим — горы. Синие, высокие, с заснеженными вершинами, которые светились в вечернем небе, как ряды свечей. Они были везде: из любого окна усадьбы, с любой точки сада. Джедар выбрал это место не из-за дома, не из-за сада. Из-за гор. Они напоминали ему о том, что мир больше, чем проблемы, которые он решал. Что где-то есть вершины, которые не покоряются приказам, и снега, которые не тают от решений. Что мир живой. И он лишь часть его.

Машина остановилась у входа. Виктор вышел, открыл дверь. Ночной воздух хлынул в салон, прохладный, хвойный, с лёгким привкусом жасмина и чего-то ещё, неуловимого, что было только здесь, только в этом месте: запах камня, нагретого за день и теперь отдающего тепло медленно, ровно, как тело, которое уснуло.

— Спасибо, Виктор, — сказал Джедар. — До завтра. Семь, как обычно.

— До завтра, господин Джедар, — коротко ответил Виктор и сел в машину, которая немного погодя растворилась в темноте аллеи, и Джедар остался один.

Он постоял на ступенях, вдохнул воздух, глубоко, не торопясь, когда пьют, и знают, что следующий глоток будет не скоро. Солнце уже село, но небо ещё горело неярким, глубоким, пурпурно-золотым светом, который бывает только на границе дня и ночи, только в горах, только здесь. Свет умирал медленно, и горы на его фоне казались чёрными, чёткими, будто вырезанными из бумаги и наклеенными на небо. Первая звезда — Мора, серебряная, яркая, уже висела над гребнем, холодная и безразличная. Остальных ещё нет. Но скоро появяться.

Джедар прошёл по дорожке, вглубь сада, к старым елям, которые росли у восточной границы участка. Ели были высокими, старыми, с толстыми стволами, потемневшими от дождей и времени. Их нижние ветви почти касались земли, образуя что-то вроде шатра, тёмного, пахучего, живого. Хвоя под ногами мягкая, пружинистая, как ковёр, который кто-то постелил давно и забыл убрать. Между деревьями стояла скамейка, простая, деревянная, сделанная из старого кедра, который спилили три года назад, и из его ствола сделали не мебель, а именно скамейку: с трещинами, сучками, неровностями. Живую. Дерево потемнело, но не гнило. Кедр не гниёт, он стареет. Как человек.

Он присел. Из из портфеля достал маленький термос: не дорогой, не титановый, а простой, стальной, с потёртой эмалью. Чай, который он заварил утром. Ещё тёплый. Крышка термоса слегка скрипнула, когда он откручивал её, металл по металлу, тихий, привычный звук, как старая дверь, которую открывают каждый день. Он налил в крышку, поднёс к губам. Чай был чуть прохладным, терпким, с тем же вкусом мяты и чабреца, но уже другим привкусом, чем утром. Не таким ярким, но более глубоким, как голос, который за день устал, но не осип. Он пил и смотрел на горы.

Тишина здесь была другой. Не штабной, не городской, не рабочей. Эта тишина была живой: в ней слышно было, как шуршат ели, не от ветра, а сами по себе, будто перешёптывались между собой, тихо, по-стариковски. Где-то на макушках двигались белки, которые не зотели спать, проводив светило. Как журчит фонтан, далёкий, едва различимый, как воспоминание о звуке, а не сам звук. Как где-то за холмом лает собака, одна, коротко, и замолкает, и

тишина становится ещё тише, будто была ей обижена. И как ветер, спускаясь с гор, касается листвы тонким, почти нежным движением, не дует, не гонит, а именно касается, как рука, которая хочет погладить, но не решается.

Джедар сидел, пил чай и думал. Не о делах, те подождут до утра. Он думал о семье.

О Стелле. Его Стелле — адмирале в отставке, о члене правительства метрополии, стратеге, женщине, с которой они когда-то делили не только постель, но и карты боевых действий: он наземные операции, она орбитальные манёвры. Их союз был партнёрством двух командиров, где каждый шаг выверялся не приказом, а взаимным пониманием. «Ты видишь лес, — говорила она, — а я вижу небо над ним. Вместе мы видим всё». И они видели. Прошли бок о бок не одну кампанию, не одну точку напряжения, где от одного решения зависели тысячи жизней.

Он вспомнил её голос, не по каналу связи, не из динамиков, а живой, настоящий, с той интонацией, которую не передаёт ни одна связь: чуть насмешливой, чуть тёплой, всегда с тем самым прищуром, который слышен даже без глаз. Она говорила: «Юрий, ты опять не ел» — и это значило: «Я скучаю». Или: «Держись» — и это значило: «Я знаю, как тебе тяжело». Стелла не писала длинных писем. Она говорила коротко. Но каждое слово было точным. Как выстрел. Как приказ. Как прикосновение.

Сейчас Стелла работала в правительстве Намиссании, там, где её опыт был нужнее всего. Её место в командовании флотом заняла Сэд Нюрин, её лучшая ученица: талантливая, собранная, с тем же острым чутьём на слабые места противника. Юрий знал: Стелла не ушла, она передала пост так, как и жила, без пафоса, без громких слов, оставив после себя не пустоту, а сильную руку.

У них были дети, уже теперь достаточно взрослые, самостоятельные, живущие своей жизнью в Намиссании, там же где и она, на Рании. Они росли в том мире, где родители редко бывали дома вместе, но всегда возвращались. И теперь, когда они выросли, связь держалась не на совместных ужинах, а на экранах, раз в две недели, на коротких, но плотных разговорах, где за десять минут успевали сказать главное. Этого было мало. Но это было то, что сейчас было. И Джедар не жаловался, не потому, что не хватало слов, а потому что знал: жалобы не добавят времени. Только отнимут.

Пять лет назад его назначили губернатором Сан-Аррубина.

Предыдущий губернатор — Седжека Анхур погибла 5 лет назад при весьма загадочных обстоятельствах. Тело не было найдено, его не возможно было найти: крушение корабля, на котором она возвращалась на Амину, после очередного совещания на Рании. Ее правление стало переломным моментом в жизни Аррубина. Из жестокой политики угнетения местного населения — в сторону равноправия и человеческих ценностей. С тех пор стала цениться жизнь простого, рядового человека, по крайней мере здесь, в провинции. Плавное, всеобщее улучшение уровня жизни населения. Ее политикой была недовольна Намиссания, хотя Аррубин приносил большую прибыль. Лишь поэтому с ней долго мирились. Терпели. Ее гибель стала хорошей новостью для монополий Намиссании и многих ее чиновников. Хотя Седжека не была военным человеком, но была блестящим политиком, который смог создать вооруженные силы провинции. Поэтому, на ее место Намиссания поставила надежного, исполнительного военного человека, привыкшего отдавать и исполнять приказы. Не задающего лишних вопросов. Но Джедар старался поддерживать курс Седжеки. Она сделала много хороших дел и не достойна была забвения. Как ее личность, так и ее дела, которые продолжали жить дальше. Он не знал ее лично, не был знаком, не видел ее. Но он видел провинцию, ее жителей и он не в праве был руководить иначе.

И с тех пор он трудился здесь, не ради власти, а ради ответственности. Потому, что знал: власть без ответственности — это просто удобная мебель. А он не любил сидеть в комфорте, пока другие держат линию.

Мора поднялась выше. Её свет серебряный, холодный, лёг на вершины гор, и снег на них засветился, как будто кто-то зажёг свечи внутри камня. Звёзд стало больше, которые незаметно появлись по одной, осторожно, будто они проверяли: безопасно ли. Ветер стих. Ели замолчали, фонтан тоже. Даже собака за холмом и та затихла. Мир вокруг Джедара стал абсолютно спокоен, как будто замер, чтобы дать ему эту минуту. Эту самую, последнюю, перед тем как он встанет, пойдёт в дом, выключит свет и ляжет. И завтра, снова в полшестого, без будильника, без лени. Встанет и пойдёт работать.

Но сейчас ещё минута. Ещё глоток чая. Ещё один взгляд на горы.

Горы в сумерках светились, как ряды свечей, и Юрий смотрел на них и думал, что, наверное, в этом и есть равновесие. Делать своё дело здесь, зная, что где-то там, далеко, есть люди, ради которых это дело стоит делать. И ради которых стоит возвращаться домой, даже если дом встречает тишиной.

Глава 23 Вечер Майи

Майи Коста выехала на служебном автомобиле из подземного паркинга «Паллады» около десяти вечера. Водитель не штатный, а её личный, старый знакомый по службе на Рании, который перебрался в Аррубин с ней. Он знал правило: если Майя молчит, значит, ей нужно, чтобы мир помолчал вместе с ней. Поэтому в салоне не было ни музыки, ни болтовни, ни даже шуршания радиопомех. Только тихий гул двигателя и мелькание фонарей за окном.

Город Лира, в этот час уже не был парадной витриной провинции, он сбрасывал глянец и становился настоящим: чуть потрёпанным, уставшим, но честным. Майя смотрела на него сквозь тёмное стекло и чувствовала, как напряжение дня, туго скрученное внутри, начинает понемногу отпускать. Не до конца: она знала, что оно вернётся завтра, как всегда. Но сегодня можно было дать ему чуть-чуть ослабнуть.

Она жила не в охраняемом элитном квартале, где дома похожи на сейфы, а в старом районе, у подножия холмов, где улицы вились, как ручьи, и где в каждом дворе пахло жареными орехами и мокрой листвой. Её многоквартирный дом был невысоким, трёхэтажным, из тёплого кирпича, потемневшего от дождей. На первом этаже крошечная пекарня, которая закрывалась в девять, но хозяйка всегда оставляла для Майи тёплый круассан в бумажном пакете, в потайном месте. Это был их маленький молчаливый ритуал: Майя кивала, хозяйка улыбалась, и обе понимали, что в этом городе кто-то о ком-то помнит.

Сегодня круассана не было. Майя чуть задержалась у двери, потом достала из кармана ключ и поднялась по лестнице, не спеша, прислушиваясь к своим шагам, по бетонным ступеням. В её квартире было тихо. Не та тишина, что давит, а та, что обнимает. Высокие окна выходили на внутренний двор, где рос старый каштан. Летом он шумел так громко, что заглушал даже мысли, а сейчас стоял голый, строгий, будто часовой.

Майя сняла пиджак, повесила его на спинку стула, ровно, без небрежности. Потом прошла на кухню, налила стакан воды, сделала несколько глотков. Включила чайник, не для чая, а просто чтобы в доме появился хоть какой-то звук. Живой звук.

И только тогда, когда привычный порядок был восстановлен, она позволила себе сесть. Просто на пуфик в коридоре, снять туфли, которые за день успели стать орудием пытки, и вытянуть ноги. Закрыть глаза. И выдохнуть.

В голове всё ещё крутились фразы из разговора с Джедаром: «четыре минуты», «юго-восточный рубеж», «командор Вэнс» теперь еще и Аджи. Майя мысленно раскладывала их по папкам, как делала всегда: важное в одну, срочное в другую, то, что можно отложить в третью. Но сегодня папки не хотели закрываться. Сегодня в них всё время проскальзывало что-то лишнее. Не данные. Не факты. А ощущение.

Ощущение, что она не просто докладывала, а… делилась. Что говорила с человеком, который не просто слушает, а слышит. И это было непривычно. На Амине редко встречались те, кто не пытался что-то доказать, не искал в каждом слове подвох, не старался казаться сильнее, чем есть. Джедар не старался. Он просто был. И это делало его надёжным.

Майя улыбнулась, чуть-чуть, одними уголками губ. Потом встала, подошла к окну. Двор был тёмным, только фонарь у подъезда ронял на асфальт неровный круг света. Где-то внизу скрипнула дверь, кто-то тихо засмеялся, и звук этот, такой обычный, такой обыденный, вдруг показался ей невероятно ценным.

Она открыла форточку. В комнату ворвался прохладный воздух, с запахом дождя, хвои и чего-то неуловимо домашнего. Майя глубоко вдохнула, потом тихо запела. Не громко, почти шёпотом, чтобы не спугнуть эту хрупкую тишину.

Это была старая песня, не из репертуара концертных залов, а из тех, что поют, когда никто не слышит. Песня, которую ей пела мама в детстве, когда укладывала спать. Простая

мелодия, простые слова, про дорогу, про звёзды, про то, что утро обязательно придёт. У Майи не было голоса оперной дивы, но в нём была глубина, та самая, что рождается не от тренировок, а от прожитых лет. Голос шёл откуда-то изнутри, из самого спокойного места в ней, и, когда она пела, это место становилось чуть больше.

Она пела, глядя на тёмный каштан, и казалось, что он кивает в такт. Что весь двор слушает. Что даже город, шумный и беспокойный, на эти несколько минут замирает и даёт ей право быть не начальником службы безопасности, не тенью губернатора, не человеком, который всегда начеку. А просто женщиной, которая поёт у окна.

Когда песня закончилась, Майя закрыла форточку, потому, что стало прохладно. Потом заварила себе травяной чай, тот самый, с мятой и чабрецом, что и Джедар. Налила в простую керамическую кружку, села у окна и стала смотреть, как свет фонаря дрожит на мокром асфальте.

Сейчас ей не нужно было никуда спешить. Не нужно было ничего решать. Можно было просто сидеть и пить чай, и слушать, как в тишине квартиры тикают часы, и как где-то далеко, за холмами, ветер шепчет что-то горам.

Завтра снова будет работа. Снова будут рубежи, патрули, угрозы и решения, от которых зависят жизни. Но сегодня… сегодня она позволила себе быть не стальной. Позволила себе побыть живой.

Глава 24 Ранен полицейский

Полдень в Лире стоял плотный, белый от солнца. Небо было чистым, воздух прозрачным, и асфальт уже отдавал накопленное тепло: от него поднимались едва заметные волны, искажая очертания машин на соседних полосах. Машины стояли в пробках, и монотонный, негромкий гул энергоконуров в каждой машине сливался в городской фон; стёкла и хромированные молдинги поблескивали на солнце, будто город был выложен зеркалами.

Антон Котов за рулём «Сто первого» привычно проверял документы водителя роскошного седана. Он чувствовал, как солнце прогревает капот, как пластик в салоне чуть теплеет, и знал этот запах: нагретый пластик, кофе из термокружки, тонкий, привычный запах оружейного масла. Всё было на своих местах: три экрана с антибликовым покрытием, планшет на консоли, крепление для рации, маленькая упаковка печенья в бардачке, не для него, а для тех, кому после стресса нужно «что-нибудь сладкое».

Свет фар «Сто первого», несмотря на полдень, вычерчивал дорогу узкими, плотными лезвиями, не заливая пространство, а будто прощупывая его, метр за метром. Антон всё проверил: все в норме. Вернул документы, кивнул водителю и уже собирался вернуться в патрульную машину, как рация коротко, резко треснула, и голос диспетчера ударил по тишине:

— Внимание всем патрулям сектора «Север». Перестрелка в двух кварталах от проспекта Лазурный. Ранен офицер полиции. Огнестрельное ранение, состояние тяжёлое. Требуется срочная эвакуация.

Пауза короткая, как вдох.

— Нападавших трое. Вооружены. Скрылись на тёмно-серой тонированной машине «Дерона», без опознавательных знаков. Ориентировка передана.

Ещё одна пауза, чуть длиннее.

— Патрулям, находящимся ближе к месту перестрелки, — в погоню. «Сто первый», незамедлительно обеспечить коридор для скорой помощи, на проспекте Лазурный. Пробки на прилегающих улицах и проспекте критичные. Скорая не проедет без сопровождения. Подтверди.

Антон кивнул, хотя его никто не видел, и коротко бросил в микрофон:

— «Сто первый» на связи. Принял. Обеспечу коридор.

Он почувствовал, как его сердцебиение участилось, он пару раз выдохнул медленно, пока пристегивал ремень, одним привычным движением включил спецсигналы и со свистом тронулся с места, разворачиваясь и направляясь к месту.

В эфире уже нарастала рабочая суета: позывные, короткие подтверждения, сухие координаты. Антон слышал, как к погоне присоединяются все новые экипажи, и невольно сжал скулы. Ему хотелось быть там, в гуще, плечом к плечу со своим напарником. Но он знал: спасти коллегу от гибели — это не рутинное занятие, даже не задержание преступников. Это жизнь человека, жизнь коллеги. Он не собирался дать возможность пробке забрать ещё одну минуту.

Тем временем погоня уходила всё дальше, в восточную часть города, туда, где старые кварталы теснились друг к другу, а улицы становились уже и запутаннее. Здесь не было парадной красоты северной, центральной, южной Лиры. Здесь только резкие тени, пыль и узкие проезды, где машина должна была сбрасывать скорость, чтобы не цеплять бордюр.

Олег Нарад, лейтенант дорожной полиции Лиры, сидя за рулём своего «Тяжёлого рубежа» — массивного рамного седана и тяжёлым, но уверенным ходом, слушал ориентировки и мгновенно выстраивал манёвр в своей голове. Он знал эти улицы как свои пять пальцев: каждый карман, каждый тупик, каждый выезд, который кажется незаметным, но на деле ведёт к развязке.

— «Девяносто пятый», ты на позиции? — коротко бросил он в эфир.

— «Скала» на позиции, — отозвался тяжёлый, спокойный голос водителя полицейского внедорожника. — Готов к тарану, если понадобится.

— «Девяностый», держи короткий маршрут, перекроешь выход на улицу Реликтов.

— Принял, — голос был собранным, без лишних слов.

На улицах вспыхивали жёлто-оранжевые шевроны, синие и красные огни делили пространство на сектора контроля. В этом полуденном свете ливреи были особенно заметны: тёмно-синие полосы, матовые текстуры, шевроны, которые ловили каждый луч и вспыхивали, будто предупреждая: «Здесь порядок».

Преступники на тёмно-серой машине петляли, пытаясь уйти, и на какое-то время им почти удалось раствориться в лабиринте переулков. «Тень» (Квант-Р3) — матовый серый седан с узкими фарами — замер в тишине, не привлекая к себе внимания: его цвет сливался с тенями старых домов, а узкие фары не выдавали позицию. Он ждал, готовый к манёвру, если преступники попробуют прорваться через тихие улицы.

Но Олег и его группа не дали им шанса. Два «Тяжёлых рубежа» взяли фланги, перекрывая пути отхода. «Блик» (Верт-К2) — вытянутый седан с жёсткой линией передка, зашёл коротким маршрутом и перекрыл выход на улицу Реликтов — точно, без лишней суеты. Машины неслись среди потоков транспорта, резко срезая углы, закладывая виражи на узких улицах, где прохожие замирали у стен, а воздух пах разогретым асфальтом и дымом от шин.

Четыре патрульных машины нагнали преступников почти одновременно, их ливреи и маячки сливались в единый узор контроля, а сирены выли ровно, без истерики, как рабочий ритм города. И когда преступники попытались уйти, по перпендикулярной улице, уже двигался уверенно тяжелый полицейский внедорожник, набирая скорость. В игру вступила «Скала».

«Горн-Т9» с прозвищем «Скала» уже шёл вперёд, будто не замечая препятствий. Его массивный корпус, усиленный бампер с рёбрами, глубокие царапины и вмятины — всё это было отметками боевого стажа. Водитель «Скалы» не собирался затягивать погоню: чем короче погоня, тем меньше ущерба и пострадавших. Он не давал предупреждений, от которых не было бы смысла — тот, кто стрелял в офицера полиции, уже давно пересёк черту. Хладнокровно, со всего хода, без раздумий, он ударил тёмно-серую машину в бок.

Удар был тяжёлым, глухим, его услышали даже в эфире. Машина преступников отлетела в сторону, откидывая от себя десятки и сотни осколков, колёса заскользили по разогретому асфальту, и её потянуло в занос. Дальше уже было дело техники: экипажи быстро блокировали авто, выбили стёкла, задержали преступников, без лишних слов, по отработанным протоколам.

В кабине «Тяжёлого рубежа» Олега пахло пластиком и чем-то еще. Чёткие щелчки поворотников, звук осыпающихся стекол, скрип петель при резком открытии двери, тяжёлый гул мотора — всё это было привычным фоном, в котором рождался порядок из хаоса.

А в северной части Лиры, в деловой её части, где улицы были шире, но пробки плотнее, Антон методично расчищал коридор для скорой.

Здесь не было пыли и сумерек, лишь чистый воздух, ясное небо, и машины стояли плотными рядами. Именно сегодня трафик был тяжёлым: ремонт проспекта Крона, заторы, пробки, водители, которые не сразу понимали, что нужно уступать.

Антон включил полный комплект маячков на «Сто первом»: два синих с оранжевым, два красных с жёлтым, разделённые матовыми перегородками — заметные, но не слепящие. Он не кричал в громкоговоритель, не давил на клаксон. Он просто методично двигался, используя знание перекрёстков и пробок, просчитывая манёвры на шаг вперёд.

Скорая «Белый луч» шла следом. Её оранжево-красная ливрея и красно-белые маячки пробивали дневной свет, будто спокойный свет, который нельзя пропустить. В салоне ее тихо пищали приборы, приглушённо звучали голоса медиков. Запах антисептиков смешивался с запахом пластика и крови.

Водители неохотно, но уступали, хотя и место для манёвров почти не было. Не из страха получить штраф, а потому, что видели: это не показуха, а работа, где каждая секунда — чья-то жизнь. На левом крыле «Сто первого» была та самая вмятина: след от прижатия к отбойнику в пыльную бурю. Она не мешала, она напоминала, что машина уже была там, где тяжело, и выдержала.

Антон смотрел на дорогу, на зеркала, на поведение водителей. Его спокойствие передавалось всем: даже в хаосе есть порядок.

Приёмное отделение больницы встретило их суетой, в которой не было места лишним словам. Скорая остановилась у приёмного покоя, двери распахнулись, и медики быстро, но без суеты выгрузили раненого полицейского.

Антон стоял рядом, не мешая, но готовый помочь всем, чем мог. Он не смотрел на часы, не считал секунды, он просто был там, где должен быть.

Врач коротко кивнул:

— Вы успели. Ещё пять минут и было бы поздно.

Это не были овации. Оваций не было, как и аплодисментов. Это была сухая, профессиональная благодарность, та, которую ценят больше всего.

Антон кивнул в ответ. Для него это была просто задача, которую он выполнил так, как должен был. Не более. Его долг, служебный долг. Спасен не просто офицер полиции, спасен человек. Человек со своей судьбой, жизнью, у которого были родные и близкие. Человек, который возможно спас не одну жизнь, за свою карьеру, возможно позже еще спасет больше. Антон был рад этому. Ведь жизнь так коротка и висит всегда на волоске. За годы службы он знал и неоднократно видел, как часто этот волосок обрывался. Но не сегодня и не сейчас.

Запах больницы смешался с запахом пластика и крови, кофе из патрульной машины. Антон сделал ещё один глоток остывшего кофе и вернул себе ощущение реальности.

Вечер. Кафе на западной окраине Лиры было небольшим, уютным, с тёплым светом и запахом свежей выпечки. За окном город продолжал жить своей повседневной жизнью, будто ничего не случилось. Антон и Олег сидели друг напротив друга, уставшие, в гражданской одежде, как простые и обычные люди.

Олег смотрел на Антона с дружеской теплотой и улыбался:

— Ты сегодня сделал больше меня. Я ловил преступников — это громко, все видят. А ты спас жизнь нашему коллеге. И никто об этом не узнает, кроме нас и врачей. И его родственников, ну, конечно, начальства. Он знал, о чем думает Антон. — ты жалеешь, что не мчался по улицам за «Дерроной», не выбивал стекла, двери и не вытаскивал полуживых преступников из искореженной машины, которые уже не пытались оказывать сопротивление, они были не в состоянии что либо сделать или сказать. В этом не было ничего героического, Антон. Одевать наручники на, не оказывающих сопротивление, людей — это вовсе не героизм.

Антон пожал плечами:

— Я просто делал свою работу.

Олег чуть наклонил голову, будто взвешивая слова:

— Знаешь, в чём штука? В том, что ты не думал, герой ты или нет. Ты просто знал, что коридор должен быть, и ты его обеспечил. А мы там, в восточной части… Мы неслись по этим переулкам, срезали путь, свистели шинами, адреналин, шум, вой сирен. И в какой-то момент я поймал себя на мысли, что мы гонимся за ними, как будто, это самое важное. А самое важное было у тебя, те самые минуты, которые ты не отдал пробке. Этому повседневному, но порою, смертельно опасному явлению. Многие не задумываются об этом, те, которые стоят в потоке и, ругаясь, лениво смещается вправо или лево.

Антон усмехнулся едва заметно:

— Да ладно. Просто повезло, что я оказался ближе всех к Лазурному.

— Не в везении дело… — ответил спокойно Олег.

Глава 25 Защита от шторма

Шторм пришёл из Зирры — самой большой пустыни Амины. Так было всегда: Зирра дышала, и её дыхание долетало до северных городов. Но сегодня дышала иначе.

Первым почувствовал его не радар, не спутник, не сенсорная сеть КИРН. Первым почувствовал мальчик, лет десяти, стоявший на крыше водонапорной башни в северной окраине города Кадис — маленького городка у подножия гор, в шестисот километров от Тариса, юго-восточнее. Мальчик ловил ветром змей и вдруг понял, что ветер изменился. Не стих. Не усилился. Изменился. Стал гуще, тяжелее, будто воздух наполнился чем-то, чего в нём не было секунду назад. Змей дёрнул, накренился и упал, не вниз, а вбок, будто его толкнула невидимая рука. Мальчик посмотрел на юг, туда, откуда пришёл ветер, и увидел стену.

Она шла по равнине, вертикальная, плотная, от горизонта до горизонта, цвета ржавчины и пыли. Не облако. Не туман. Стена. Она двигалась медленно, ровно, без порывов и перекатов, как нечто, имеющее цель. И от неё даже за километры шёл звук: низкий, утробный, не гул и не вой, а что-то среднее, будто песок под стеной гудел, как котёл перед взрывом.

Мальчик слез с башни за тридцать секунд. Через пять минут он был дома. Через десять — весь Кадис знал.

Лорен Дарв узнал о шторме в в полдень, по единому времени. Сообщение пришло на планшете, короткое, автоматическое, от сенсорной сети КИРН: «Магнитная аномалия класса 4. Источник: Зирра, юго-запад. Скорость перемещения: 42 км/ч. Расчётное время прибытия в зону Кадис-Север: 1 час 18 минут. Рекомендация: развёртывание контура S-3. Класс угрозы: повышенный».

Лорен прочитал сообщение дважды. Потому, что класс 4 был непривычным. Обычные зиррские штормы, которые долетали до северных городов, имели класс 2, иногда 3. Класс 4 означал плотность пыли в три раза выше нормы и магнитную составляющую, способную глушить связь на частотах до 2 ГГц. Это значило: через полтора часа Кадис и ещё четыре населённых пункта в радиусе сорока километров останутся без связи, без навигации и без спутниковых данных.

Зирра — огромная песчаная пустыня, южнее города Тарис, раскинувшаяся на десятки тысяч километров. Её штормы были знакомы всем: каждый житель южных районов с детства знал, что зиррская пыль — это грязь на подоконниках, хрип в радиоприёмнике и небо цвета ржавчины на два-три дня. Никто не боялся Зирры. Её боялись только новички, да и те, только в первый раз. Потом привыкали. Зирра была как сосед: шумный, грязный, но свой. Предсказуемый.

Сегодня было иначе.

Лорен встал из-за стола, снял с крючка рабочую, тёмно-серую куртку, с гербом КИРН на плече: шестиугольный щит, пик горы, две линии, золотая и серебристая. Надел, застегнул. Проверил карманы: планшет, мультитул, запасной аккумулятор, фонарь. Всё на месте. Всё всегда на месте. За двенадцать лет работы в КИРН, он привык к тому, что его карманы — это его жизнь. Если чего-то нет в кармане — значит, его нет. Он был ответственный сотрудник, как и человек.

Лорен Дарв был инженером первого уровня. Тридцать восемь лет, худой, жилистый, с короткой стрижкой и лицом, которое не запоминалось, не потому что было некрасивым, а потому что было функциональным. Лицо человека, который смотрит не на людей, а на приборы. Его руки: длинные, тонкие, с мозолями на подушечках пальцев, были его главным инструментом. Он мог собрать контур S-3 за одиннадцать минут. Рекорд лаборатории — четырнадцать. Он не знал, что это рекорд. Он просто делал свою работу.

Он верил в эту работу. Верил так, как верят люди, которые каждый день видят результат: контур включается, шторм отступает, связь держится, люди спокойно живут. Он не думал о КИРН, как о холодной корпорации, машине, системе. Он думал о ней, как о щите. Орудие, которое защищает. Его орудие. Его щит.

Он не знал, что щит — двусторонний.

Мобильная станция КИРН «Пост-7» стояла на перевале, в одиннадцати километрах от Кадиса, на каменной площадке, окружённой низкими елями. Станция — длинный приземистый модуль из тёмного композита, с тремя выдвижными мачтами-антеннами и солнечными панелями на крыше, была одной из двенадцати, разбросанных по северным перевалам пустыни. Их задача: раннее обнаружение штормов и развёртывание защитных контуров.

Когда Лорен приехал, на станции уже кипела работа. Трое техников — молодых, в таких же серых куртках — таскали из складского отсека контурные блоки: тяжёлые, шестигранные, размером с небольшой чемодан. Каждый блок: двадцать два килограмма. Внутри: генератор электромагнитного поля с резонансной настройкой. Поставить шесть блоков по периметру, соединить, активировать: и над городом возникает невидимый купол, который отталкивает пыль и стабилизирует магнитный фон. Не красота, не магия — физика. Чистая, точная, надёжная.

Лорен поздоровался, коротко, по имени, с каждым. Он знал всех техников. Знал, у кого двое детей, у кого жена болеет, кто по выходным ходит в горы. Он не переспрашивал каждый раз, он помнил. Это была его черта: запоминать людей так же, как запоминал схемы. Не из сентиментальности, из уважения. Каждый человек, который таскает блок весом в двадцать два килограмма по скользкому камню, заслуживает того, чтобы его знали по имени.

— План стандартный, — сказал он, разворачивая на планшете карту зоны. — Шесть точек, периметр, два километра на восток, полтора на запад. Блоки на возвышенностях, не в лощинах. Связь по резервному каналу, основной может лечь. Вопросы?

— Частота? — спросил Дорн, самый молодой, с коротким ёжиком и руками, которые ещё не привыкли к весу блоков.

— Семь и две десятых, — ответил Лорен. — Стандарт для класса четыре. Пыль плотная, магнитный фон нестабилен. Семь и две держит.

— А если не удержит?

— Удержит, — сказал Лорен. Не с нажимом, а с уверенностью. Он проверял эту частоту месяц назад, на полигоне, в условиях, имитирующих класс 4. Контур держал. Он доверял физике.

Техники не знали и Лорен тоже не знал, что в каждом контурном блоке, помимо стандартного генератора, стоял ещё один модуль. Маленький, невидимый при стандартной диагностике, вмонтированный в плату так, что его схема сливалась с окружающими дорожками. Модуль не мешал работе контура. Он делал другое: пока контур отталкивал пыль, модуль слушал. Слушал то, что приходило со штормом. Не пыль, не ветер, не магнитные линии, то, что было внутри них. То, что Самира Зайд называла «структурой резонанса». Модуль передавал данные по скрытому каналу, не используя основную сеть связи, сразу на третий уровень КИРН, в Акару, прямо на сервер, к которому Лорен Дарв не имел доступа и о существовании которого не подозревал.

Лорен не знал, что его контуры — это уши.

Через сорок минут блоки были на местах. Лорен проверил каждый, не глядя на планшет, по звуку. Каждый блок, выходя на рабочий режим, издавал короткий щелчок: сухой, чёткий, как замок, который защёлкнулся. Шесть щелчков — шесть замков. Периметр закрыт.

— Активация, — сказал он в рацию. Голос был ровным. Он делал это десятки раз. — Три, два, один.

Он нажал. Ничего не произошло, по крайней мере, ничего видимого. Ни вспышки, ни гула, ни дрожания воздуха. Просто в определённой точке пространства включился невидимый купол, и пыль, которая летела к нему, начала отклоняться, как река, встретившая плотину. Со стороны это выглядело так, будто над городом повисло стекло, невидимое, но работающее: пыль билась о него и осыпалась вниз, образуя валик у границы контура, как пена у берега.

Лорен посмотрел на показания. Контур держал. Магнитный фон внутри периметра стабилен. Связь работает. Частота: семь и две десятых, ровно. Всё, как должно быть.

— Пост-семь — центру, — сказал он в рацию. — Контур активирован. Периметр Кадис-Север стабилен. Связь в норме. Пыль за пределами. Класс угрозы подтверждён, четвёртый. Источник — Зирра. Прогноз: удержание от двух до четырёх часов, после чего плотность снизится до класса три. Всё штатно.

— Принято, Пост-семь, — ответил голос из центра. — Хорошая работа.

Лорен кивнул, не в рацию, а себе. Работа сделана. Город защищён. Люди в безопасности. Он посмотрел вниз, на Кадис — маленький, тёплый, с огоньками окон, которые сейчас казались особенно яркими на фоне тёмной стены шторма. Там, внизу, люди закрывали ставни, прятали машины в гаражи, собирались у экранов, чтобы посмотреть новости. Они не знали о контуре. Не знали о Лорене Дарве. Не знали, что над ними невидимый купол, который отталкивает пыль. Они просто знали: шторм пришёл, но не ударил. Прошёл мимо. Как всегда.

Лорен снял перчатки, убрал в карман. Достал флягу с водой, сделал глоток. Вода была тёплой, пластиковой на вкус, но он не замечал, он пил, как пил всегда: быстро, без удовольствия, для дела. Посмотрел на юг, туда, где за горизонтом лежала Зирра — тысячи километров песка, камня и тишины, которая иногда взрывалась. Ржавая стена пыли, плотная, уходящая в небо, сейчас стояла за периметром, как армия, которую не пустили в город. Она низко гудела, монотонно, упрямо. Но не проходила.

— Красиво, — тихо сказал один из техников, подойдя к Лорену. Он смотрел на стену с тем восхищением, с каким смотрят на грозу: страшно, но нельзя оторваться.

— Это не красиво, — спокойно ответил Лорен. — Это наша работа. Пошли, проверим блоки на восточном фланге.

За две с половиной тысячи километров от Кадиса, в Акаре, в склоне горы Лиры, на третьем уровне, там, куда Лорен Дарв не имел доступа и о чём не знал, было тихо. Не той тишиной, что бывает в пустых помещениях, а той, что бывает в местах, где люди работают с тем, что нельзя доверить звуку.

Командный центр третьего уровня.

Вэйн Моралес сидел в кресле, не откинувшись, а прямо, как всегда. Руки на подлокотниках, пальцы неподвижны. Он смотрел на центральный экран, где развернулась карта северных районов Зирры: Кадис, ещё четыре города, перевалы, мобильные станции. Красная дуга — это шторм из Зирры, медленно ползла по карте. Зелёным — контур S-3, который Лорен Дарв развернул сорок минут назад. Зелёный держал. Красный не проходил.

Вэйн не смотрел на зелёный. Он смотрел на то, чего на карте не было. На маленький значок, не красный и не зелёный, а серебристый, едва различимый, пульсирующий в центре красной дуги. Значок, который передавал не положение шторма, а его структуру. Точнее то, что Самира называла «структурой внутри структуры».

— Семь и две десятых, — тихо сказал Вэйн. Простая констатация.

— Семь и две десятых, — подтвердила Самира, сидящая справа от него, за своим пультом. Её пальцы двигались по сенсорной панели, быстро, точно, как пальцы хирурга, которые знают, куда резать, не глядя. На её экране не карта, а график: волнистая линия, которая пульсировала в ритме, не совпадавшем ни с чем: ни с ветром, ни с магнитным полем, ни с пульсацией пыли. Ритм, который не должен был существовать.

— Контур держит, — сказала Самира, не отрывая глаз от графика. — Лорен молодец. Частота верная. Но…

— Но, — повторил Вэйн.

— Но частота семь и два — это не просто защитная. Она… отвечает.

Вэйн не шевельнулся. Только его глаза, тёмные, неподвижные, чуть сузились.

— Отвечает — кому?

— Шторму, — ответила Самира. И тут же поправилась: — Нет. Не шторму. Тому, что внутри шторма. Посмотри.

Она вывела на экран два графика, один над другим. Верхний стандартный: магнитный фон зиррского шторма, хаотичный, рваный, как шум на неисправном приёмнике. Нижний скрытый: та же магнитика, но очищенная от шума фильтрами «слоя Самиры». И на нижнем графике ровная, чёткая, невозможная линия. Пульсация с периодом 4,1 секунды.

Вэйн замер. Не как человек, который удивлён. Как человек, который увидел знакомое лицо в незнакомом месте.

— 4,1, — произнёс он. Тихо. Очень тихо.

— 4,1, — кивнула Самира. — Та же пульсация. Тот же ритм.

— Где? — одно слово. Короткое. Острое.

— В DXH2, на Аджи. На «Аджи-2», в канале связи. И теперь здесь. В зиррском шторме. На Амине, Вэйн. Не на Аджи. На Амине.

Тишина. Не та, что бывает между словами, — та, что бывает между мирами. Вэйн знал о 4,1. Он единственный, кто знал о подземном комплексе " Аджи низ», о кольце, но его назначение. Он не делился этим ни с кем. И вот теперь — 4,1 появилась здесь. На Амине. В обычном, зиррском, предсказуемом шторме, который каждый год накрывал северные города песком и магнитными наводками.

— Это невозможно, — сказал он. Не с отрицанием, с констатацией невозможного, которое, тем не менее, произошло.

— Очевидно — возможно, — ровно ответила Самира. — Ритм 4,1 зафиксирован в семи контурах, активированных сегодня в северной зоне. Все на частоте семь и два. Все показывают одинаковую аномалию. Пульсация появляется через тридцать сорок секунд после активации контура и удерживается всё время, пока контур работает. Когда контур выключается, пульсация исчезает. Не сразу, постепенно, как эхо. Как будто кто-то на том конце ждёт, пока мы снова заговорим.

Вэйн медленно повернулся к ней. Его лицо было неподвижным, каменным. Но Самира работала с ним достаточно давно, чтобы видеть: за этой неподвижностью, мыслительная работа, быстрая, точная, как счёты, на которых перекладывают костяшки.

— Самира, — сказал он. — Ритм 4,1 был зафиксирован на Аджи. В квадрате DXH2, на «Аджи-2». Аджи — другая планета. В миллионах километров от Амины. Через космос. Через вакуум. Через пустоту. Как он оказался в зиррском шторме?

— Я не знаю, — ответила Самира. Честно. Без оговорок. — Но я знаю, что это не совпадение. 4,1 — не случайная пульсация. Это слишком ровно для случайности. И слишком точная. Если бы это был природный резонанс Зирры, он бы отличался. Пыль, песок, магнитные линии, у каждого источника свой ритм. А этот тот же. Точь-в-точь. Как будто…

— Как будто источник, один и тот же, — закончил Вэйн.

— Как будто источник один и тот же, — повторила Самира. — Но это невозможно. Аджи одна планета. Амина другая. Между ними космос. Ни одна известная нам волна не передаётся через вакуум с сохранением фазовой структуры. Ни одна.

— Кроме той, которую мы не знаем, — тихо сказал Вэйн.

Самира посмотрела на него, не с вопросом, а с пониманием. Она знала, что Вэйн не верит в чудеса. Он верит в физику. Но она не знала: Вэйн — единственный, кто видел подземный

комплекс на Аджи своими глазами. Единственный, кто знает, что там внизу, что там не просто камень и пыль.

— Есть ещё кое-что, — сказала Самира, и её голос стал тише. Она вывела на экран третий график, на этот раз не магнитный, а акустический. Тот же шторм, те же данные, но обработанные по другому алгоритму, тому, который она разработала сама, для анализа «шёпота». И на этом графике не просто пульсация. На нём структура. Не хаос, не шум, не ритм, а структура. Как будто внутри шторма есть что-то, что не просто пульсирует, а организует пульсацию. Не хаотично. Не случайно. А осмысленно.

— Самира, — сказал Вэйн, и его голос стал тем самым, спокойным, тяжёлым, как камень, который кладут на чашу весов. — Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, — ответила она, и в её голосе, впервые за весь разговор, дрогнула та самая фанатичная уверенность учёного, столкнувшегося с тем, что не укладывается в алгоритм, — что Аджи и Амина могут быть связаны. Не гравитацией, не орбитой, не светом. Чем-то другим. Чем-то, что мы не видим, не слышим и не понимаем, не можем ничем зафиксировать. Но что-то есть. И это работает. Прямо сейчас. Пока мы сидим здесь и смотрим на графики, работает.

Вэйн молчал. Долго. По меркам командного центра, целую вечность. Серебристый значок на экране пульсировал. 4,1. 4,1. 4,1. Тот же ритм, что на Аджи.

— Самира, — сказал он наконец. — Если то, что ты говоришь, верно… если Аджи и Амина связаны через что-то, что мы не понимаем… значит, всё, что мы делали на Аджи, все экспедиции, все исследования, все потери, всё это время мы работали не с одной планетой. Мы работали с системой. И эта система реагировала на нас. Не только на Аджи. На Амине тоже.

— И на Зарру, — добавила Самира. — Если Аджи и Амина связаны, Зарра, как третья планета в системе, может быть частью того же механизма. Мы не знаем. Мы не проверяли. Мы даже не думали проверять.

Вэйн встал. Медленно. Не резко, тяжело, как человек, который поднимает с пола что-то очень тяжелое и очень хрупкое одновременно. Подошёл к экрану. Провёл пальцем по карте, от Зирры, через северные города, через перевалы, через Акару, дальше за пределы карты, за атмосферу, в космос, к Аджи. Тысячи километров. Пустота. Вакуум. И где-то там, другой мир, другой воздух, другая пыль. И тот же ритм. 4,1.

— Контур S-3, — сказал он, не оборачиваясь. — Частота семь и два. Он не только отталкивает пыль. Он резонирует. И резонанс — не локальный. Он… распространяется. Не через радиоволны, не через магнитное поле, через что-то другое. Что-то, что проходит сквозь пустоту, как свет проходит сквозь стекло. Без потерь. Без искажений. С сохранением фазы.

— Тот же ритм на обеих планетах, — тихо повторила Самира. — Один источник. Или — один канал.

— Или один организм, — сказал Вэйн. И в этих трёх словах было больше, чем во всём отчёте, — либо цивилизация…

Тишина. Длинная, плотная. В которой слышно было, как гудят серверы за стеной: монотонно, низко, как сердцебиение здания. Как капает вода из кулера в углу: одна капля в три секунды, ровно, как метроном. И как Самира чуть дышит чаще, чем обычно, потому что она видит: данные перестали укладываться в привычную модель. И модель нужно строить новую. Прямо сейчас. На ходу.

— Дрек, — сказал Вэйн, не оборачиваясь.

Из тени у двери вышел агент Дрек Рор. Он всегда держался в полумраке, ему так было привычнее. Он не прятался, просто тень позволяла видеть всё, оставаясь незамеченным.

К ним вышел среднего роста, жилистый мужчина, крепкий, но не перекачанный: в нём чувствовалась выносливость человека, который привык держаться на ногах по трое суток и не терять концентрацию. Лицо будто высекли из камня и не стали сглаживать углы: лёгкая асим-

метрия от старого перелома носа, короткий шрам у виска, который он не прятал, следы множества операций, прожитые как будни. Кожа обветренная, с тонкой сеткой морщин у глаз, не от смеха, а от привычки щуриться против песчаных вихрей Аджи, Амины и остальных планет созвездия Амарры. Выражение лица, такое, будто он только что пережил что-то безумное, но уже готов к следующему удару.

На нём был стандартный бронекомплект «Сегмент», но заметно доработанный: пластины чуть темнее антрацита, затёртые до матового блеска — специально, чтобы не блестели и не выдавали силуэт. Никаких лишних нашивок, только герб КИРН на правом плече: строгий шестиугольный щит с пиком горы, и тактический номер. На поясе, утилитарный ремень с множеством креплений: всё под рукой, ничего лишнего. Перчатки с тактильными сенсорами, но костяшки пальцев чуть стёрты, он не боялся работать руками, не только отдавать приказы.

Но сильнее всего притягивал взгляд визор, на его шлеме. Глубокого багрового цвета, как у высшего командного состава. В полумраке отсека он казался почти чёрным, непроницаемой маской. Впрочем, шлем он сейчас держал в руках, не оставляя ни на столе, ни на тумбе или шкафу. Держал в правой руке, как часть себя.

Взгляд у него был прямой и тяжёлый, но смотрел не в душу, а на возможные угрозы, глядя на карту и графики.

— Слушаю, — сказал Дрек. Голос низкий, короткий, как удар молота. Ни интонации, ни намёка на вопрос: он уже был готов к любому приказу.

— «Оплот» — состояние готовности. Уровень жёлтый. Не поднимать шум. Просто, пусть будут готовы.

— Уровень жёлтый, — кивнул Дрек. Без вопросов. Он давно перестал задавать вопросы, когда Вэйн давал приказ. Не из подчинения, из-за доверия. Он знал: если Вэйн говорит «пусть будут готовы», значит, есть причина. Причина появится позже. А пока «Оплот» будет готов.

Дрек уже сделал полшага к выходу, когда Вэйн добавил, всё так же глядя на экран:

— И проверь сектор семь. Там тишина. Слишком долгая.

Он замер ровно на мгновение, ровно настолько, чтобы мозг успел перестроить приоритеты. Потом коротко бросил:

— Сделаю.

И вышел. Сама тень, будто за ним, следом. В командном центре снова стало тихо.

Вэйн стоял у экрана. Не двигался. Смотрел на серебристый значок, который пульсировал в центре красной дуги — 4,1, 4,1, 4,1, и думал. Думал не как инженер. Не как стратег. Как человек, который впервые в жизни увидел, что карта, по которой он шёл, не совсем карта. Что за ней существует другая карта. И возможно не одна.

Подземный комплекс на Аджи. Он был там, двадцать лет назад. Тия и Илайя принесли ему свежие данные, там тоже самое, ритм без изменений. Контакта нет.

И вот теперь — 4,1 здесь. На Амине. В зиррском шторме. В

— Самира, — сказал он, не оборачиваясь. — Инженер, который развернул контур в Кадисе. Лорен Дарв. Он чистый?

— Чистый, — ответила Самира. — Первый уровень. Не знает ни о слое, ни о третьем. Двенадцать лет в КИРН, ни одного замечания. Хороший инженер. Верит в работу.

— Пусть верит, — тихо сказал Вэйн. — Пусть и дальше верит. Он делает свою работу хорошо — это хорошо. Мы делаем свою — по-своему. Ему не нужно знать, что его контур, не только щит. Ему нужно знать, что он защитил город. Это — правда. Его правда. И она достаточна.

Самира посмотрела на него — на спину, на прямую, неподвижную спину, на руки, заложенные за спину, на голову, чуть наклонённую, будто он слушал не её, а что-то более далёкое. Она знала Вэйна. Знала, что за этой неподвижностью — расчёт. Не холодный, не безжалостный, но точный. Вэйн не использовал людей. Он размещал их.

— Необходимо провести дополнительные исследования в Зирре, по этой теме, — он посмотрел на Самиру.

— Хорошо, ЦНИЦА проведет экспедицию, но позже, когда я все сама еще проверю, поищу связь, чтобы не тратить за зря время, как наше, так и ученых, попусту, — тихо сказала Самира.

— Фиксируй всё, — сказал он. — Каждый шторм. Каждый контур. Каждую пульсацию. Слой Самиры на постоянный мониторинг. Данные только сюда, на третий уровень. Никаких копий, никаких дублирований, никаких передач на первый или второй. То, что мы узнали, остаётся здесь. Между нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.